АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
МИХАИЛ МЕЛЬТЮХОВ
МИРОСЛАВ МОРОЗОВ

МИФЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В первые дни войны Сталин находился в полной прострации. В 1941 году немцы «гнали Красную Армию до самой Москвы», так как почти никто в СССР «не хотел воевать за тоталитарный режим». Ленинградская блокада была на руку Сталину желавшему «заморить оппозиционный Ленинград голодом». Гитлеровские военачальники по всем статьям превосходили бездарных советских полководцев, только и умевших «заваливать врага трупами». И вообще, «сдались бы немцам – пили бы сейчас «Баварское»!».

Об этом уже который год твердит «демократическая» печать, эту ложь вбивают в голову нашим детям. И если мы сегодня не поставим заслон этим клеветническим мифам, если не отстоим свое прошлое и священную память о Великой Отечественной войне, то потеряем последнее, что нас объединяет в единый народ и дает шанс вырваться из исторического тупика. Потому что те, кто не способен защитить свое прошлое, не заслуживают ни достойного настоящего, ни великого будущего!

- Алексей Исаев, Михаил Мельтюхов, Мирослав Морозов
- Павел Сутулин. Был ли Сталин союзником Гитлера?
-
- Олег Рубецкий. Была ли прострация у Сталина в первые дни войны?
-
-
-
-
-
-
-
- Алексей Исаев. Сказка о потерянной связи
-
- Григорий Пернавский. Почему погибли сталинградские пленные?
-
-
- Александр Дюков. «Die aktion kaminsky»: локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА
-
-
- Владислав Гончаров. КАска из папье-маше

- Мирослав Морозов. Гибель «Вильгельма Густлофа»: правда и домыслы
- Илья Кричевский. Дрезденский миф
- Алексей Исаев. «Но разведка доложила неточно…»
- Павел Сутулин. Стоило ли сдавать немцам Ленинград?
- Примечания
- Борис Юлин. История по коту Базилио
- Часть первая: Технология лжи
- Часть вторая: Волшебные циферки
- Григорий Пернавский. Мифы блокадного Ленинграда
- Михаил Мельтюхов. В августе 1944 г. Миф о преднамеренной остановке красной армии под Варшавой
- Примечания
- Максим Токарев. Десанты Гитлера на Восточном фронте в 1941-м: мифы и реальность
- Примечания
- Евгений Белаш. Война джона. Факты и мифы
- С шашкой на пулеметы
- Матросовы и Гастелло
- Эта рота наступала по болоту…
- Спасение рядовых Райанов

- «Убивать-насиловать!»
- Английские власовцы
- Выводы

Алексей Исаев, Михаил Мельтюхов, Мирослав Морозов
Мифы Великой Отечественной

Павел Сутулин. Был ли Сталин союзником Гитлера?

В исторических и преимущественно околоисторических публикациях и дискуссиях последнего времени довольно распространено мнение, что СССР с 23 августа 1939 г. был союзником Германии, что проявилось прежде всего в совместном с Германией захвате Польши. Нижеследующий текст имеет целью продемонстрировать читателям, что рассмотрение подробностей польской кампании не дает оснований для подобных выводов.

Прежде всего необходимо отметить, что вопреки расхожему заблуждению СССР не связывал себя никакими официальными обязательствами по вступлению в войну с Польшей. Ни в секретном дополнительном протоколе к Договору о ненападении между Германией и СССР, ни тем более в самом договоре, разумеется, ничего подобного прописано не было. Тем не менее уже 3 сентября 1939 г. Риббентроп отправил послу Германии в СССР Ф.В. Шуленбургу указание поинтересоваться у Молотова, «не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию», добавив при этом, что это «было бы и в советских интересах» [1] . Подобные завуалированные просьбы Германии о вводе советских войск в Польшу имели место и позднее [2] . Молотов еще 5 сентября ответил Шуленбургу, что «в подходящее время» СССР «будет совершенно необходимо начать конкретные действия» [3] , однако именно к действиям Советский Союз переходить не спешил. Причин к тому было две. Первую 7 сентября прекрасно сформулировал Сталин: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга» [4] . Примерно такой же линии поведения позже придерживалась и Германия во время «Зимней войны». Больше того, рейх в то время еще и в меру возможностей, стараясь особенно не злить СССР, поддерживал Финляндию. Так, в самом начале войны Берлин отправил финнам партию из 20 зенитных орудий [5] .Тогда же Германия разрешила поставить из Италии в Финляндию транзитом через свою территорию 50 истребителей Fiat G.50 [6] . Однако после того, как СССР, которому стало известно об этих поставках, 9 декабря заявил рейху официальный протест, Германия была вынуждена

прекратить транзит через свою территорию [7] , поэтому таким путем в Финляндию успело попасть всего две машины. И все же даже после этого немцы нашли довольно оригинальный способ оказания помощи Финляндии: в конце 1939 г. переговоры Геринга со шведскими представителями привели к тому, что Германия начала продавать Швеции свое вооружение, а Швеция обязана была такое же количество оружия из своих запасов продавать Финляндии [8] .

Вторая причина, по которой СССР предпочитал не форсировать начало военных действий против Польши, была донесена идо германского руководства, когда во время беседы с Шуленбургом 9 сентября Молотов *«заявил, что советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором» [9]* . Кстати, дальнейшая судьба этого советского предлога для нападения на Польшу хорошо иллюстрирует, насколько готов был СССР идти на уступки Германии.

15 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу телеграмму, в которой так высказался о намерении Советского Союза представить свое вторжение в Польшу как акт защиты родственных народов от германской угрозы: *«Указание мотива такого сорта действие невозможное. Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными зонами германского влияния. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве, и, наконец, вопреки выраженному обеими сторонами желанию иметь дружеские отношения, представит всему миру оба государства как врагов* » [10] . Однако когда Шуленбург передал Молотову это заявление своего шефа, тот ответил, что хотя планируемый советским руководством предлог и содержит в себе «ноту обидную для чувств немцев», однако другого повода для ввода войск в Польшу СССР не видит [11] .

Таким образом, мы видим, что СССР, исходя из изложенных выше соображений, не собирался вторгаться в Польшу до того момента, как она исчерпает возможности к сопротивлению Германии. Во время очередного разговора с Шуленбургом 14 сентября Молотов заявил, что для СССР «было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава» [12] . И вполне вероятно, что в случае

эффективных оборонительных действий польской армии против Германии, и тем более в случае реального, а не формального вступления в войну Англии и Франции, Советский Союз вообще отказался бы от идеи присоединения Западных Украины и Белоруссии. Однако союзники de facto не оказали Польше вообще никакой помощи, а в одиночку она была не в состоянии оказать сколь-либо ощутимое сопротивление Вермахту.

К моменту введения советских войск в Польшу и военная, и гражданская польские власти потеряли какие-либо нити управления страной, а армия представляла собой разрозненные, не имеющие связи ни с командованием, ни друг с другом группки войск разной степени боеспособности. К 17 сентября немцы вышли на линию Осовец– Белосток – Бельск – Каменец-Литовск – Брест-Литовск – Влодава – Люблин – Владимир-Волынский – Замосць – Львов – Самбор, тем самым оккупировав уже около половины территории Польши, заняв Краков, Лодзь, Гданьск, Люблин, Брест, Катовице, Торунь. Варшава с 14 сентября находилась в осаде. Еще первого сентября город покинул президент И. Мосцицкий, а 5 сентября – правительство [13] . 9—11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища,

16 сентября – с Румынией о транзите и, наконец, 17 сентября покинуло страну [14] . Впрочем, решение об эвакуации, по всей видимости, было принято еще раньше, поскольку уже 8 сентября посол США в Польше, сопровождавший польское правительство, отправил в Государственный департамент сообщение, которое, в частности, гласило, что «польское правительство покидает Польшу… и через Румынию… отправляется во Францию» [15] . Главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы продержался в Варшаве дольше всех, но и он покинул город в ночь на 7 сентября, переехав в Брест. Впрочем, и там Рыдз-Смиглы надолго не задержался: 10 сентября ставка была перенесена во Владимир-Волынский, 13-го – в Млынов, а 15-го – в Коломыю близ с румынской границей [16] . Разумеется, нормально руководить в таких условиях войсками главнокомандующий не мог, и это только усугубило хаос, возникший вследствие быстрого продвижения немцев и неразберихи на фронте. На это накладывались еще и возникшие проблемы со связью. Так, ставка в Бресте имела связь только с одной из польских армий – «Люблин» [17] . Характеризуя сложившуюся в тот момент в ставке ситуацию, заместитель начальника Главного штаба подполковник Яклич докладывал начальнику штаба Стахевичу: «У нас целый день постоянные поиски войск и высылка офицеров для восстановления связи… С внутренней организацией в

крепости Брест большой балаган, который я должен сам ликвидировать. Постоянные налеты авиации. В Бресте бегство во все стороны» [18] . Однако страну покидало не только руководство: 16 сентября началась эвакуация на аэродромы Румынии польской авиации [19] . Наиболее боеспособные корабли польского флота: эсминцы «Blyskawica», «Grom» и «Burza» были передислоцированы в английские порты еще 30 августа 1939 г. Изначально предполагалось, что они в качестве рейдеров будут действовать по немецким коммуникациям, нарушая торговое судоходство Германии [20] , однако каких-либо успехов в этом деле польские корабли не достигли, а их отсутствие в портах Польши негативно сказалось на боеспособности польского флота. С другой стороны, именно базирование в Британии спасло эти эсминцы от судьбы всего остального польского флота и позволило продолжать борьбу с немцами в составе КВМС уже после разгрома Польши. В ходе единственного своего крупного контрнаступления на р. Бзуре, начавшегося 9 сентября, польские войска в составе армий «Познань» и «Поможе» уже к 12 сентября потеряли инициативу, а 14 сентября были окружены немецкими войсками [21] . И хотя отдельные части окруженных армий продолжали сопротивление вплоть до 21 сентября, как-либо повлиять на исход войны они уже не могли. В условиях очевидной неспособности Польши оборонять свои западные рубежи 10 сентября Главный штаб выпустил директиву, согласно которой главной задачей армии становилось «стягивание всех войск в направлении на Восточную Польшу и обеспечение соединения с Румынией» [22] . Характерно, что эта директива стала последним общевойсковым приказом главнокомандующего, однако и ее все из-за тех же проблем со связью получили не все части. После выхода этого приказа сам Рыдз-Смиглы, как уже говорилось выше, покинул Брест и двинулся как раз в направлении, обозначенном в директиве, – поближе к Румынии.

Таким образом, ввиду эффективных действий немцев, дезорганизации армии и неспособности руководства организовать оборону государства, к 17 сентября поражение Польши было совершенно неизбежно.

Фотография № 1

Фотография № 2

Показательно, что даже английский и французский генеральные штабы в подготовленном 22 сентября рапорте отмечали, что СССР начал вторжение в Польшу только тогда, когда ее окончательное поражение стало очевидным [23] .

У читателя может возникнуть вопрос: а не было ли у советского руководства возможности дождаться полного крушения Польши? Падения Варшавы, окончательного разгрома даже остатков армии, а возможно, и вовсе полной оккупации всей польской территории Вермахтом с последующим возвращением Западных Украины и Белоруссии Советскому Союзу в

соответствии с советско-немецкими договоренностями? К сожалению, такой возможности у СССР не было. Если бы Германия действительно оккупировала восточные районы Польши, вероятность того, что она вернула бы их Советскому Союзу, была крайне мала. В руководстве рейха вплоть до середины сентября 1939 г. обсуждалась возможность создания на территориях Западных Украины и Белоруссии марионеточных правительств [24] . В дневнике начальника штаба ОКХ Ф. Гальдера в записи от 12 сентября имеется такой пассаж: «Главнокомандующий прибыл с совещания у фюрера. Возможно, русские не будут ни во что вмешиваться. Фюрер хочет создать государство Украина» [25] . Именно перспективой возникновения на востоке Польши новых территориальных образований Германия пыталась запугать руководство СССР с целью ускорить ввод советских войск в Польшу. Так, 15 сентября Риббентроп просил Шуленбурга «немедленно передать господину Молотову», что, «если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создастся ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум. Поскольку мы, со своей стороны, не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных операций, без такой интервенции со стороны Советского Союза [в Восточной Польше] могут возникнуть условия для формирования новых государств» [26] .

Фотография № 3

Фотография № 4

Хотя, как видно из этой инструкции, Германия, конечно же, отрицала свое участие в возможном создании «независимых» государств в Восточной Польше, надо полагать, советское руководство иллюзий на этот счет не питало. Впрочем, даже несмотря на своевременное вмешательство СССР в германо-польскую войну, определенные проблемы из-за того, что немецким войскам к 17 сентября удалось занять часть Западной Украины, все же возникли: 18 сентября заместитель начальника штаба оперативного управления ОКВ В. Варлимонт показал исполняющему обязанности военного атташе СССР в Германии Белякову карту, на которой Львов находился западнее демаркационной линии между СССР и Германией, то есть входил в будущую территорию рейха, что являлось нарушением секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении в отношении раздела сфер влияния в Польше. После предъявления претензий со стороны СССР немцы заявили, что все советско-германские договоренности остаются в силе, а военный атташе Германии Кестринг, пытаясь объяснить такое нанесение границы, сослался на то, что это была личная инициатива Варлимонта [27] , однако представляется маловероятным, чтобы последний чертил карты исходя из каких-то своих собственных соображений, идущих вразрез с инструкциями руководства рейха. Показательно, что необходимость советского вторжения в Польшу признавали и на Западе. Черчилль, занимавший тогда пост первого лорда адмиралтейства, заявил 1 октября в выступлении по радио, что «Россия проводит холодную политику собственных

интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть» [28] . Позиция союзников по вопросу вступления РККА в Польшу вообще интересна. После того как СССР 17 сентября заявил о своем нейтралитете по отношению к Франции и Англии [29] , эти страны также решили не идти на обострение отношений с Москвой. 18 сентября на заседании английского правительства было решено даже не заявлять протеста на действия Советского Союза, поскольку Англия брала на себя обязательства защищать Польшу только лишь от Германии [30] . 23 сентября нарком внутренних дел Л.П. Берия информировал наркома обороны К.Е. Ворошилова о том, что «резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил, что 20 сентября с. г. Министерство Иностранных Дел Англии послало телеграмму всем английским посольствам и пресс-атташе, в которой указывает, что Англия не только не намерена объявлять Советскому Союзу войну сейчас, но должна оставаться в возможно лучших отношениях» [31] . А 17 октября англичане заявили, что Лондон хочет видеть этнографическую Польшу скромных размеров и о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии не может быть и речи [32] . Таким образом, союзники, по сути, легитимизировали действия Советского Союза на территории

Польши. И хотя мотивом такой гибкости Англии и Франции было в первую очередь их нежелание провоцировать сближение СССР и Германии, сам факт того, что союзники выбрали именно такую линию поведения, говорит о том, что они понимали, насколько напряженными по-прежнему остаются отношения между Советским Союзом и рейхом и что августовские договоренности – всего лишь тактический маневр. Помимо политических реверансов Британия попыталась также наладить и торговые отношения с СССР: 11 октября на советско-английских переговорах было принято решение о возобновлении поставок советского леса в Британию, которые были приостановлены из-за того, что Англия после начала войны стала задерживать суда СССР с грузами для Германии. В свою очередь, англичане обязались прекратить подобную практику [33] .

Подводя промежуточные итоги, мы можем отметить, что в начале сентября Советский Союз не только не горел желанием каким бы то ни было образом помогать Германии в борьбе с Войском Польским, но и намеренно оттягивал начало

«освободительного похода» вплоть до того момента, когда полное поражение Польши стало совершенно очевидным, а дальнейшее промедление с вводом советских войск могло закончиться тем, что Западная Украина и Западная Белоруссия в той или иной форме попали бы под влияние Германии.

А теперь перейдем собственно к рассмотрению подробностей взаимодействия Вермахта и РККА. Итак, 17 сентября советские войска силами Украинского (под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко) и Белорусского (под командованием командарма 2-го ранга М.П. Ковалева) фронтов вторглись в восточные районы Польши. Кстати, интересно, что, хотя освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии было лишь предлогом для ввода советских войск в Польшу, с населением этих территорий советские войска действительно преимущественно обращались как освободители. В приказе Военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября подчеркивалось, что «наш революционный долг и обязанность оказать безотлагательную помощь и поддержку нашим братьям белорусам и украинцам, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов… Мы идем не как завоеватели, а как освободители наших братьев белорусов, украинцев и трудящихся Польши» [34] . Директивой Ворошилова и Шапошникова Военсовету БОВО от 14 сентября предписывалось «избегать бомбардировки открытых городов и местечек, не занятых крупными силами противника», а также не допускать «никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах» [35] . В директиве начальника Политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса напоминалось «о строжайшей ответственности за мародерство по законам военного времени. Комиссары, политруки и командир, в частях которых будет допущен хотя бы один позорный факт, будут строго наказаны, вплоть до придания суду Военного Трибунала» [36] . О том, что этот приказ не был пустой угрозой, прекрасно свидетельствует тот факт, что в ходе войны и после ее окончания Военным Трибуналом было вынесено несколько десятков обвинительных приговоров по военным преступлениям, которые, к сожалению, все-таки имели место в ходе польской кампании [37] . Начальник Главного штаба Войска Польского В. Стахевич отмечал: «Советские солдаты не стреляют в наших, всячески демонстрируют свое расположение» [38] . Отчасти именно благодаря такому отношению Красной Армии польские войска очень часто не оказывали ей сопротивления, сдаваясь в плен.

Именно таким результатом закончилось большинство столкновений частей РККА и Войска Польского. Прекрасной иллюстрацией этого факта является соотношение погибших в боях с Красной Армией и попавших в плен к оной солдат и офицеров польских войск: если первых насчитывается всего 3500 человек, то вторых – 452 500 [39] . Польское население также вполне лояльно относилось к Красной Армии: «Как свидетельствуют документы, например, 87-й стрелковой дивизии, «во всех населенных пунктах, где проходили части нашей дивизии, трудящееся население встречало их с великой радостью, как подлинных освободителей от гнета польских панов и капиталистов, как избавителей от нищеты и голода». То же мы видим и в материалах 45-й стрелковой дивизии: «Население везде радо и встречает Красную Армию как освободительницу. Крестьянин села Острожец Сидоренко заявил: «Скорее бы установилась Советская власть, а то 20 лет польские паны сидели на наших шеях, высасывали из нас последнюю кровь, а теперь наконец пришло время, когда нас Красная Армия освободила. Спасибо тов. Сталину за освобождение от кабалы польских помещиков и капиталистов» [40] . Причем нелюбовь белорусского и украинского населения к «польским помещикам и капиталистам» выражалась отнюдь не только в доброжелательном отношении к советским войскам, но и в открытых антипольских восстаниях в сентябре 1939 г. [41] . 21 сентября замнаркома обороны командарм 1 – го ранга Г.И. Кулик докладывал Сталину: «В связи с большим национальным угнетением поляками украинцев у последних чаша терпения переполнена и, в отдельных случаях, имеется драка между украинцами и поляками, вплоть до угрозы вырезать поляков. Необходимо срочное обращение правительства к населению, так как это может превратиться в большой политический фактор» [42] . А Мехлис в своем донесении 20 сентября указывал и такой интересный факт: «Польские офицеры… как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной А рмии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их, как пленных, бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения» [43] . Таким образом, РККА выполняла на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии в некоторым смысле и миротворческие функции. Впрочем, и после присоединения этих районов к СССР их белорусское и украинское население не изменило своего отношения к полякам, хотя это и стало проявляться в несколько

иной форме. Так, например, во время выселения из западных областей Украины и Белоруссии осадников и лесной стражи в феврале 1940 г. местное население оных областей восприняло это решение советского правительства с большим энтузиазмом. В спецсообщении Берии Сталину по этому поводу говорится, что «население западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР на выселение осадников и лесной стражи реагирует положительно. В ряде случаев в задержании бежавших осадников местные жители оказывали помощь оперативным группам НКВД» [44] . О том же, но чуть более подробно говорится и в докладе дрогобычской областной тройки НКВД УССР о тех же событиях: «Выселение осадников и работников сторожевой охраны лесов основной массой крестьян обл. с удовольствием одобрялось и всемерно поддерживалось, о чем красноречивее всего говорит факт участия в операции большого количества сельского актива (3285 чел.)» [45] . Таким образом, по крайней мере частью населения отторжение Западных Украины и Белоруссии от Польши действительно воспринималось как освобождение.

Но вернемся к рассмотрению особенностей советско-германского взаимодействия, которое началось с того, что в два часа ночи 17 сентября Сталин вызвал к себе Шуленбурга, объявил о вводе советских войск в Польшу и попросил, «чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток – Брест-Литовск – Лемберг [Львов]. Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга» [46] . Просьба германского военного атташе генерал-лейтенанта Кестринга об отсрочке боевых действий советской авиации, чтобы германское командование смогло принять меры по предотвращению эвентуальных инцидентов, связанных с бомбардировкой районов, занятых Вермахтом, осталась неудовлетворенной. В результате некоторые немецкие подразделения попали под удары советской авиации [47] . И в дальнейшем наиболее яркими эпизодами советско-немецких взаимоотношений являлись не совместные действия по уничтожению остатков польских войск, как должно было бы быть у союзников, а подобные эксцессы, приводившие к жертвам с обеих сторон. Наиболее заметным таким происшествием стало столкновение советских и германских войск во Львове. В ночь на 19 сентября к городу подошел сводный отряд 2-го кавалерийского корпуса и 24-й танковой бригады. В город был введен разведбатальон 24-й тбр. Однако в 8.30 утра части 2-й немецкой горнострелковой дивизии предприняли штурм города, при этом был атакован и советский батальон, несмотря на то что первоначально он не проявлял никакой агрессии. Командир

бригады даже выслал в сторону немцев бронемашину с куском нижней рубахи на палке, однако немцы огонь не прекратили. Тогда танки и бронемашины бригады открыли ответный огонь. В результате завязавшегося боя советские войска потеряли 2 бронемашины и 1 танк, 3 человека убитыми и 4 ранеными. Потери немцев составили 3 противотанковых орудия, 3 человека убитыми и 9 ранеными. Вскоре стрельба была прекращена и к советским войскам был выслан представитель немецкой дивизии. В результате переговоров инцидент удалось уладить [48] . Однако, несмотря на сравнительно мирное разрешение этого конфликта, встал вопрос, что делать со Львовом. Утром 20 сентября немецкое руководство через Кестринга передало в Москву предложение взять город совместными усилиями, а затем передать его СССР, но, получив отказ, вынуждено было отдать приказ об отводе своих войск. Германское командование восприняло такое решение как «день унижения для немецкого политического руководства» [49] . Во избежание возникновения аналогичных инцидентов 21 сентября на переговорах Ворошилова и Шапошникова с Кестрингом и представителями германского командования полковником Г. Ашенбреннером и подполковником Г. Кребсом был составлен протокол, регламентирующий продвижение советских войск к демаркационной линии и вывод частей Вермахта с занятой ими советской территории.

«§ 1. Части Красной Армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 года, и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 года.

§ 2. Части Германской армии начиная с 22 сентября отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход примерно в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

§ 3. Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имелась дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Красной Армии выходят к вечеру 28 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 30 сентября на восточный берег р. Нарев у Остроленка и к вечеру 2 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 4 октября и у

Демблина к вечеру 3 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 27 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 29 сентября.

§ 4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Германской армией и приеме Красной Армией районов, пунктов, городов и т. п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий командованием выделяются специальные делегаты.

Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т. п. Германское командование принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности, и обращается особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т. п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

§ 5. При обращении германских представителей к Командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей, или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, Командование Красной Армии (начальники колонн), в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения.

§ 6. При движении на запад германских войск авиация Германской армии может летать только до линии арьергардов колонн германских войск и на высоте не выше 500 метров, авиация Красной Армии при движении на запад колонн Красной Армии может летать только до линии авангардов колонн Красной Армии и на высоте не выше 500 метров.

По занятию обеими армиями основной демаркационной линии по рр. Писса, Нарев, Висла, р. Сан от устья до истоков авиация обеих армий не перелетает вышеуказанной линии» [50] .

Как мы видим, были предприняты все меры для того, чтобы РККА и Вермахт в ходе действий в Польше вообще друг с другом не соприкасались, – какое уж тут сотрудничество. Впрочем, именно за сотрудничество порой пытаются выдать 4-й и 5-й пункты этого протокола, хотя ничего особенного в них, в общем-то, нет. Немецкая сторона всего-навсего обязуется вернуть СССР в целости и сохранности те объекты, которые и так ему принадлежат, поскольку находятся на территории, отходящей согласно секретному дополнительному протоколу к Советскому

Союзу. Что же касается советского обязательства оказывать помощь небольшим немецким частям в случае, если их продвижению будут мешать остатки польских войск, то тут прослеживается вовсе не стремление СССР сотрудничать с Вермахтом, а как раз таки нежелание иметь с ним какие-либо контакты. Советское руководство настолько хотело как можно быстрее выпроводить немецкие войска со своей территории, что готово было даже конвоировать их до демаркационной линии.

Впрочем, даже этот протокол, сводивший, казалось бы, к минимуму возможность столкновений между советскими и немецкими частями, не смог предотвратить дальнейшие конфликты между ними. 23 сентября у Видомля конный разъезд разведбата 8-й сд был обстрелян пулеметным огнем 6 немецких танков, в результате чего 2 человека было убито и 2 ранено. Ответным огнем советские войска подбили один танк, экипаж которого погиб [51] . 29 сентября в районе Вохыни 3 немецкие бронемашины открыли огонь по саперному батальону 143-й сд [52] . 30 сентября в 42 км восточнее Люблина с немецкого самолета был обстрелян 1-й батальон 146-го спи 179-й ran 44-й сд. Восемь человек получили ранения [53] .

1 октября прошли очередные переговоры между Ворошиловым и Шапошниковым, с одной стороны, и Кестрингом, Ашенбреннром и Кребсом – с другой, об отводе немецких и советских войск к окончательной границе, которая была определена подписанным 28 сентября советско-германским Договором о дружбе и границе. В отношении мер по предотвращению столкновений между РККА и Вермахтом новое решение договаривающихся сторон в целом повторяло протокол от 21 сентября, однако во избежание происшествий вроде случившегося 30 сентября в протоколе появился такой пункт: «При отводе войск Красной Армии авиация Красной Армии может летать только до линии арьергардов колонн частей Красной Армии и на высоте не выше 500 метров, авиация Германской армии при движении на восток колонн Германской армии может летать только до линии авангардов колонн Германской армии и на высоте не выше 500 метров» [54] .

Итак, как мы видим, многочисленные договоренности и консультации, которые действительно имели место в советско-германских отношениях, начиная с 17 сентября, были направлены вовсе не на координацию совместных действий советских и немецких войск по борьбе с остатками польских формирований, как это подобает делать союзникам, а всего лишь на улаживание различных конфликтов, возникавших в результате столкновения частей РККА и Вермахта, и на предотвращение конфликтов

новых. Представляется вполне очевидным, что для исключения эскалации мелких стычек до размеров реального конфликта так должны были действовать любые государства. И меры, предпринятые Советским Союзом и Германией, говорят вовсе не о союзническом характере их взаимодействия. Как раз наоборот, сам факт того, что эти меры пришлось принимать, и та форма, в которой это было сделано, прекрасно демонстрируют нам, что основной целью сторон было в первую очередь разграничение зон действий своих армий, недопущение каких-либо контактов между ними. Автору удалось найти всего два примера, которые действительно можно охарактеризовать как сотрудничество Советского Союза и Германии. Во-первых, 1 сентября помощник наркома иностранных дел В. Павлов передал Молотову просьбу советника германского посольства в Москве Г. Хильгера о том, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передачи время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихард Вильгельм 1. О», а кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто слово «Минск». Из резолюции В.М. Молотова на документе следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск» [55] . Таким образом, Люфтваффе могло использовать минскую станцию в качестве радиомаяка. Впрочем, это решение советского руководства вполне поддается объяснению. Ведь любая ошибка немецких пилотов, действовавших вблизи советской территории, могла привести к разного рода нежелательным последствиям: от столкновений с советскими истребителями до нанесения бомбовых ударов по советской территории. Поэтому согласие советского руководства предоставить немцам лишний ориентир вызвано опять же стремлением предупредить возможные инциденты. Второй же случай – это взаимное обязательство Германии и СССР не допускать «на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны» [56] . Однако вполне очевидно, что на основании только лишь двух этих фактов делать далеко идущие выводы о советско-немецком «братстве по оружию» довольно проблематично. Особенно в контексте рассмотрения прочих эпизодов советско-германских отношений, которые «братскими» никак не назовешь.

Итак, подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы. В ходе германо-польской войны Советский Союз не намеревался оказывать никакой помощи Германии. Вступление советских войск на территорию Польши преследовало исключительно советские же интересы и было вызвано не стремлением как бы то ни было помочь Германии с разгромом польской армии,

боеспособность которой к тому моменту и так неудержимо стремилась к нулю, а именно нежеланием передавать всю территорию Польши в распоряжение Германии. В ходе «освободительного похода» советские и немецкие войска не проводили каких-либо совместных операций и не практиковали какие-либо другие формы сотрудничества, а между отдельными подразделениями РККА и Вермахта имели место локальные конфликты. Все советско-немецкое сотрудничество, по сути, было направлено именно на разрешение подобных конфликтов и как можно более безболезненное создание ранее не существовавшей советско-германской границы. Таким образом, утверждения о том, что в ходе польской кампании СССР был союзником Германии, являются не более чем инсинуациями, имеющими мало отношения к реалиям советско-немецких отношений того периода.

В контексте обсуждения советско-германского сотрудничества интерес представляет и еще один эпизод, который, как ни странно, у многих публицистов служит главным аргументом при доказательстве того, что части РККА и Вермахта в 1939 г. вступили в Польшу в качестве союзников. Речь идет, конечно же, о «совместном советско-германском параде», проходившем в Бресте 22 сентября. Увы, чаще всего упоминания об этом параде не сопровождаются какими-либо подробностями, как будто речь идет о совершенно очевидном и известном каждому читателю факте. Впрочем, публицистов можно понять: ведь если начать разбираться в подробностях брестского парада, то идиллическая картинка советско-германского братства по оружию несколько портится и все произошедшее в Бресте выглядит не столь однозначно, как многим хотелось бы. Но обо всем по порядку…

14 сентября части немецкого 19-го моторизованного корпуса под командованием генерала танковых войск Г. Гудериана заняли Брест. Гарнизон города во главе с генералом К. Плисовским укрылся в крепости, однако 17 сентября и она была взята. А 22 сентября к городу подошла 29-я танковая бригада комбрига С.М. Кривошеина. Поскольку Брест находился в советской сфере влияния, после переговоров между командованием 19-го мк и 29-й тбр немцы начали вывод своих войск из города. Таким образом, изначально парад являлся, по сути, торжественной процедурой вывода немецких частей из Бреста. Осталось ответить на два вопроса: являлась ли это действо парадом и какая роль в нем отводилась советским войскам?

В Строевом уставе пехоты 1938 г. к параду применяются довольно жесткие требования.

«229. Для командования войсками, выводимыми на парад, назначается командующий парадом, который заблаговременно дает необходимые указания войскам.

…

233. Каждая отдельная часть, участвующая в параде, высылает в распоряжение командующего парадом линейных, под командой командира, из расчета: от роты – 4 линейных, от эскадрона, батареи – по 2 линейных, от мото-механизированных частей – каждый раз по особому указанию командующего парадом. На штыке винтовки линейного, обозначающего фланг части, должен быть флажок размером 20 х 15 см, цвета петлиц своего рода войск.

234. Войска прибывают на место парада согласно приказу по гарнизону и строятся на местах, обозначенных линейными, после чего линейные становятся на свои места, оставляемые в задней шеренге части.

…

236. Войсковые части строятся в линию батальонов; каждый батальон – в линию рот; в батальонах – уставные интервалы и дистанции; между батальонами интервал в 5 м. Командир части – на правом фланге своей части; в затылок ему – начальник штаба; рядом и левее командира – военный комиссар части; левее военного комиссара – оркестр, который равняется своей первой шеренгой по второй шеренге правофланговой роты. Левее оркестра, в двух шагах в одной шеренге, – ассистент № 1, знаменщик и ассистент № 2, которые равняются по первой шеренге правофланговой роты. Командир головного батальона – в двух шагах левее ассистента № 2. Остальной командный состав – на своих местах.

239. Войска на месте парада, до прибытия принимающего парад, приветствуют:

а) войсковые части – командиров своих соединений;

б) все войска парада – командующего парадом и начальника гарнизона.

Для приветствия подается команда: «Смирно, равнение направо (налево, на середину)»; оркестры не играют.

240. Принимающий парад прибывает к правому флангу парада. При приближении его к войскам на 110–150 м командующий парадом подает команду: «Парад, смирно, равнение направо (налево, на середину)». Команду повторяют все командиры, начиная от командиров отдельных частей и выше. По этой команде:

а) войска принимают положение «смирно» и поворачивают голову в сторону равнения;

б) весь командный и начальствующий состав, начиная с командиров взводов и выше, прикладывает руку к головному убору;

в) оркестры играют «Встречный марш»;

г) командующий парадом подходит с докладом к принимающему парад.

Когда принимающий парад верхом, командующий парадом встречает его тоже верхом, держа шашку «надвысь» и опуская ее при докладе.

Во время доклада командующего парадом оркестры игру прекращают. После доклада командующий парадом вручает принимающему парад строевую записку о составе выведенных на парад войск.

Когда принимающий парад начинает движение, оркестр головной части начинает играть «Встречный марш» и прекращает игру на время приветствия части и ответа на приветствие.

241. На приветствие принимающего парад части отвечают: «Здравствуйте», а на поздравление – «Ура».

242. Когда принимающий парад проследует до головного подразделения следующей отдельной части, оркестр игру прекращает, а новый оркестр начинает играть.

243. По окончании объезда принимающим парад войск командующий парадом подает команду: «Парад – ВОЛЬНО».

Весь командный состав, начиная с командира взвода, выходит и становится перед серединой фронта своих подразделений: командиры взводов – в П/2 м, командиры рот – в 3 м, командиры батальонов – в 6 м, командиры частей – в 12 м, командиры соединений – в 18 м. Рядом и левее вышедших вперед командиров становятся военные комиссары.

…

245. Для прохождения войск торжественным маршем командующий парадом подает команды: «Парад, смирно! К торжественному маршу, на столько-то линейных дистанций, поротно (по-батальонно), равнение направо, первая рота (батальон) прямо, остальные напра-ВО, на пле-ЧО, шагом – МАРШ».

Все командиры отдельных частей повторяют команды, за исключением первой – «Парад, смирно».

246. По команде «К торжественному маршу» командиры частей и соединений с военными комиссарами переходят и становятся перед серединою фронта головного батальона; сзади них в 2 м становятся начальники штабов, а сзади начальников штабов в 2 м – знаменщики с ассистентами; линейные выбегают из строя и занимают заранее указанные им места для

обозначения линии движения войск торжественным маршем; оркестры всех отдельных частей выходят из строя своей части и становятся против принимающего парад, не ближе 8 м от левого фланга проходящих торжественным маршем войск».

Разумеется, ничего из этого в Бресте соблюдено не было. По крайней мере, свидетельств этому нет. Зато есть свидетельства обратного. В своих мемуарах Кривошеин пишет, что Гудериан согласился на следующую процедуру вывода войск: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши» [57] . Таким образом, исходя из слов Кривошеина, никакого парада в каноническом понимании этого слова в Бресте не было даже близко. Но не будем формалистами. Предположим, что совместным парадом может считаться любое совместное мероприятие, в ходе которого два командующих принимают параду проходящих мимо них войск обеих армий. Однако даже при таком вольном толковании термина «парад» с идентификацией мероприятия в Бресте именно как парада возникают проблемы. Из вышеприведенной цитаты Кривошеина следует, что никакого совместного прохождения войск по одной и той же улице не было. Комбриг четко говорит о том, что части не должны пересекаться. В воспоминаниях Гудериана тоже имеется упоминание о событиях в Бресте: «Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина» [58] . Как мы видим, генерал также ни словом не обмолвился об участии в параде советских войск. Более того, из этой фразы даже не следует, что Кривошеин как-либо участвовал в параде. Скорее находился рядом с Гудерианом в качестве наблюдателя, что вполне соответствует цели присутствия комбрига при всем этом мероприятии – контроль вывода немецких войск. И действительно, совершенно непонятно, на основании чего Кривошеина так упорно пытаются записать в принимающие парад. Никакой церемониал, сопутствующий этому посту, соблюден не был, а сам факт присутствия комбрига при прохождении немецких войск ни о чем не говорит. В конце концов на парадах в честь Дня Победы тоже во множестве присутствуют иностранные делегации, однако назвать их принимающими парад, как ни странно, никому в голову не приходит. Но вернемся к советским частям. Историк О.В. Вишлев со ссылкой на немецкое издание «Великий германский поход

против Польши» 1939 г. выпуска опять же утверждает, что никакого совместного парада не было. Сначала из города вышли немецкие войска, затем вошли советские [59] . Таким образом, мы не располагаем ни одним письменным источником, который говорил бы нам о совместном прохождении советских и германских войск по улицам Бреста.

Теперь обратимся к источникам документальным. Из всех сделанных 22 сентября в Бресте фотографий [60] , которые автору удалось найти, лишь на четырех запечатлены советские войска, располагающиеся на проезжих частях брестских улиц. Давайте разберем их поподробнее. На фотографиях № 1 и 2 мы видим колонну советских танков. Однако эти фотографии сделаны явно до парада: на том месте, где позже будет стоять трибуна (под флагштоком), ее нет; колонны немецких войск стоят, а то, насколько энергично бойцы Вермахта крутят головами по сторонам, наглядно свидетельствует о том, что они не находятся даже в готовности к торжественному маршу. Сам же по себе факт присутствия в городе каких-то советских частей совершенно понятен: Кривошеин, естественно, прибыл к Гудериану не в гордом одиночестве, а в сопровождении, вероятно, штаба и охраны или, если угодно, почетного эскорта. Видимо, прибытие этого эскорта мы и видим на данных фотографиях. На фото № 3 мы снова видим советскую танковую колонну, но уже совершенно в другом месте. К параду она также отношения не имеет: никаких немецких войск по обочинам не наблюдается, зато праздно гуляющих местных жителей – сколько угодно. А вот с фотографией № 4 все несколько сложнее. На ней мы наконец-то находим хоть какой-то атрибут парада – немецкий оркестр. Тем не менее сделать вывод о том, что на фотографии запечатлен именно парад, мы опять же не можем: трибуну нам не видно, а музыканты, вместо того чтобы обеспечивать участникам парада музыкальное сопровождение, бездействуют. То есть с тем же успехом фотография могла быть сделана во время подготовки к параду, но до его начала. Просмотр кинохроники, которая сегодня благодаря Всемирной паутине доступна любому желающему, также не откроет для нас ничего нового. Кадры опять же с советской танковой колонной (одни и те же) имеются на двух роликах, которые удалось найти автору. Однако и на них запечатлен не парад, а прохождение танков по улицам Бреста, на которых не видно ни одного немецкого солдата или тем более командования, зато имеются приветствующие части РККА горожане. Таким образом, из всего объема кино– и фотоматериалов лишь одна фотография, возможно, сделана во время участия советских войск в параде. А возможно, и

совершенно в другое время, и советские войска там к параду отношения не имеют – каких-либо оснований утверждать это у нас нет. Проще говоря, вся версия о «совместном параде» зиждется на одной-единственной фотографии, да и ту с уверенностью отнести ко времени проведения парада нельзя. То есть внятных доказательств участия советских войск в «совместном» параде у апологетов теории о советско-германском «братстве по оружию» нет. Доказательств обратного у их оппонентов тоже нет, однако древнюю формулу ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat пока никто не отменял.

Резюмируя, можно сказать, что факт проведения в Бресте совместного парада является недоказанным. А наиболее правдоподобная, как нам кажется, картина произошедшего в городе выглядит так: сначала в Брест прибывает Кривошеин со штабом и танковой колонной охранения, затем командующие улаживают все связанные с выводом немецких войск проблемы. После этого, вероятно, в город входят советские войска, однако держатся на расстоянии от своих немецких коллег. Части Вермахта торжественно проходят мимо трибуны с Гудерианом и Кривошеиным. После чего генерал дарит комбригу флаг и удаляется вслед за своим корпусом. Затем советские войска окончательно занимают город. По крайней мере, такая версия согласуется со всеми имеющимися источниками.

Но главная ошибка историков, которые носятся с брестским парадом как с писаной торбой, заключается даже не в том, что они пытаются выдать за очевидный факт событие, реальность которого вызывает очень большие сомнения. Главная их ошибка в том, что даже если этот парад действительно был, сам по себе этот факт ни о чем не говорит. В конце концов российские и американские вооруженные силы в наше время тоже устраивают совместные парады [61] , однако никому не приходит в голову объявить Россию и США союзниками. Совместный парад может служить только лишь иллюстрацией тезиса о союзническом характере отношений между СССР и Германией в сентябре 1939 г., но никак не его доказательством. А тезис этот является неверным безотносительно к тому, был парад или нет.

Олег Рубецкий. Была ли прострация у Сталина в первые дни войны?

То, что у политического руководства СССР в первые дни Великой Отечественной войны случился кризис, не подвергалось никакому сомнению со времен XX съезда КПСС. После этого публиковались свидетельства непосредственных участников, а начиная с 80-х гг. прошлого века и документы, подтверждающие факт кризиса.

Вопрос о кризисе обычно сводится к тому, что И.В. Сталин утратил на некоторое время способность – или желание – к управлению государством в тяжелых условиях военного времени.

В своих воспоминаниях А.И. Микоян дает (как слова В.М. Молотова) определение такому состоянию Сталина:

«Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии» [62] .

Однако вопросы о сроках продолжительности такого состояния, степени глубины т. н. «прострации», да и самом ее существовании в том виде, в котором это описывается в воспоминаниях бывших соратников И.В. Сталина – А.И. Микояна, В.М. Молотова (со слов А.И. Микояна), Н.С. Хрущева, Л.П. Берия (со слов Н.С. Хрущева), требуют в чем-то переосмысления, а в чем-то – осмысления.

Прежде всего давайте определимся со сроками сталинской «прострации». Есть несколько версий о ее продолжительности.

Первая версия гласит, что Сталин впал в «прострацию» в первые же дни войны, скрылся на подмосковной даче и не показывался оттуда до тех пор, пока к нему не приехали члены Политбюро с предложением создать ГКО (причем Сталин испугался того, что его приехали арестовать), но члены Политбюро его арестовывать не стали, а уговорили возглавить этот орган высшей власти в воюющей стране.

Этот миф был рожден Н.С. Хрущевым во время XX съезда КПСС, когда Н.С. Хрущев заявил следующее.

«Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

– То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены

Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте» [63] .

И в своих мемуарах Н.С. Хрущев придерживался этой версии, более того, творчески развил ее.

«Бериярассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Буквально так и выразился. «Я, – говорит– отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на Ближнюю дачу» [64] .

Эта версия была подхвачена некоторыми историками на Западе. Р.А. Медведев пишет:

«Историю о том, что Сталин в первые дни войны впал в глубокую депрессию и отказался от руководства страной «на долгое время», впервые рассказал Н.С. Хрущев в феврале 1956 г. в своем секретном докладе «О культе личности» на XX съезде КПСС. Этот рассказ Хрущев повторил и в своих «Воспоминаниях», которые его сын Сергей записывал в конце 60-х годов на магнитофонную ленту. Сам Хрущев в начале войны находился в Киеве, он ничего не знал о том, что происходило в Кремле, и ссылался в данном случае на рассказ Берия: «Бериярассказал следующее …». Хрущев заявлял, что Сталин не управлял страной в течение недели. После XX съезда КПСС многие из серьезных историков повторяли версию Хрущева, она повторялась почти во всех биографиях Сталина, в том числе и в вышедших на Западе. В хорошо иллюстрированной биографии Сталина, изданной в США и Англии в 1990 г. и послужившей основой для телевизионного сериала, Джонатан Люис и Филип Вайтхед, уже без ссылки на Хрущева и Берия, писали о дне 22 июня 1941 г. «Сталин был в прострации. В течение недели он редко выходил из своей виллы в Кунцево. Его имя исчезло из газет. В течение 10 дней Советский Союз не имел лидера. Только 1 июля Сталин пришел в себя». (Дж. Люис, Филип Вайтхед. «Сталин». Нью-Йорк, 1990. С. 805) [65] .

Но все же большинство историков не были столь легковерны и помимо версии Н.С. Хрущева оперировали и другими материалами, благо, с середины 1980-х гг. их появлялось все больше – стали доступны архивы, некоторые мемуары выходили в редакциях, лишенных конъюнктурной правки.

Чего нельзя сказать о некоторых отечественных историках, например об авторах учебного пособия «Курс советской истории,

1941–1991» А.К. Соколове и В.С. Тяжельникове, вышедшего в 1999 г., в котором школьникам предлагается все та же мифическая версия:

«Известие о начале войны повергло в шок руководство в Кремле. Сталин, получавший отовсюду сведения о готовящемся нападении, рассматривал их как провокационные, преследующие цель втянуть СССР в военный конфликт. Не исключал он и вооруженных провокаций на границе. Ему лучше всех было известно, в какой степени страна была не готова к «большой войне». Отсюда – желание всячески оттянуть ее и нежелание признать, что она все-таки разразилась. Сталинская реакция на нападение германских войск была неадекватной. Он все еще рассчитывал ограничить его рамками военной провокации. Между тем с каждым часом яснее вырисовывались огромные масштабы вторжения. Сталин впал в прострацию и удалился на подмосковную дачу. Объявить о начале войны было поручено зампредсовнаркома В.М. Молотову, который в 12 час. дня 22 июня выступил по радио с сообщением о вероломном нападении на СССР фашистской Германии. Тезис о «вероломном нападении» явно исходил от вождя. Им как бы подчеркивалось, что Советский Союз не давал повода для войны. Да и как было объяснить народу, почему недавний друг и союзник нарушил все существующие соглашения и договоренностиI

Тем не менее стало очевидно, что нужно предпринимать какие-то действия для отражения агрессии. Была объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения (1919–1922 гг. уже находились в армии). Это позволило поставить дополнительно под ружье 5,3 млн человек, которые немедленно отправлялись на фронт, зачастую сразу в самое пекло сражений. Был создан Совет по эвакуации для вывоза населения из охваченных боевыми действиями районов.

23 июня была образована Ставка Главного Командования во главе с народным комиссаром обороны маршалом С.К Тимошенко. Сталин фактически уклонился от того, чтобы возглавить стратегическое руководство войсками.

Окружение вождя повело себя более решительно. Оно выступило с инициативой создания чрезвычайного органа управления страной с неограниченными полномочиями, возглавить который было предложено Сталину. После некоторых колебаний последний вынужден был согласиться. Стало ясно, что уйти от ответственности нельзя и надо идти до конца вместе со страной и народом. 30 июня был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО)» [66] .

Однако в последнее время благодаря стараниям некоторых

исследователей [67] , занимавшихся этим вопросом, а также публикации Журналов записи посещений кабинета И.В. Сталина [68] миф о том, что Сталин в первый-второй день войны «впал в прострацию и удалился на подмосковную дачу», где пребывал до начала июля, был уничтожен.

* * *

Другая версия сталинской «прострации» такая, что «прострация» длилась не неделю, а несколько дней, в самом начале войны, 23–24 июня. Тем, что 22 июня 1941 г. по радио выступил Молотов, а не Сталин, иногда пытаются доказать, что Сталин не выступил потому, что растерялся, не смог и т. д.

Хрущев пишет (уже от себя, а не передает слова Берии) о первом дне войны:

«Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями» [69] .

А вот что пишет Микоян о 22 июня 1941 г.: *«Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался: «Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к народу не Сталина – Первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу – всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, это сделает в другой раз. Так как Сталин упорно отказывался, то решили, пусть выступит Молотов. Выступление Молотова прозвучало в 12 часов дня 22 июня.*

Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу» [70] .

А.И. Микоян пишет о 24 июня:

«Немного поспали утром, потом каждый стал проверять свои дела по своей линии: как идет мобилизация, как промышленность переходит на военный лад, как с горючим и т. д.

Сталин в подавленном состоянии находился на ближней даче в Волынском (в районе Кунцево)» [71] .

А вот что пишет Микоян о 22 июня:

«Далее он [Молотов] рассказал, как вместе со Сталиным

писали обращение к народу, с которым Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с Центрального телеграфа.

– Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек – это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

– Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами» – стали одним из главных лозунгов войны.

– Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова. Там были и поправки, и добавки, само собой.

– Сталин участвовал?

– Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

* * *

– Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял.

– Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, – как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять» [72] .

Почему Сталин не выступил в первый день, в 12 часов дня, предоставив это право Молотову, понятно – было еще не ясно, как развивается конфликт, насколько он широк, полномасштабная ли это война или какой-то ограниченный конфликт. Были предположения, что от немцев могут последовать какие-то заявления, ультиматумы. И самое главное, были основания считать, что советские войска сделают с агрессором то, что им вменялось в обязанность, – нанесут сокрушающий ответный удар, перенесут войну на территорию противника, и не исключено, что через несколько дней немцы запросят перемирия. Ведь именно

уверенность в способности советских Вооруженных Сил справиться с внезапным нападением была одним из факторов (наряду с пониманием неполной готовности войск к большой войне и невозможностью, по разным причинам, начать войну с Германией в качестве агрессора), давших Сталину основания отказаться от разработки превентивного удара по немцам в 1941 г.

Но что ответить на слова А.И. Микояна и Н.С. Хрущева? Ведь слов В.М. Молотова мало. Конечно, можно (да, в общем, и нужно) скрупулезно проанализировать деятельность советского руководства в первые дни войны, собрать перекрестные свидетельства очевидцев, воспоминания, документы, газетные сообщения. Но, к сожалению, в рамках этой статьи это невозможно.

К счастью, есть источник, с помощью которого можно точно установить, был ли Сталин «совершенно парализован в своих действиях», был ли он «в таком подавленном состоянии, что не знал, что сказать народу», и т. п. Это Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина [73] .

Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина свидетельствует:

21 июня – приняты 13 человек, с 18.27 до 23.00.

22 июня – приняты 29 человек с 05.45 до 16.40.

23 июня – приняты 8 человек с 03.20 до 06.25 и ˆчеловек с 18.45 до 01.25 24 июня.

24 июня – приняты 20 человек с 16.20 до 21.30.

25 июня – приняты 11 человек с 01.00 до 5.50 и 18 человек с 19.40 до 01.00 26 июня.

26 июня – приняты 28 человек с 12.10 до 23.20.

27 июня – приняты 30 человек с 16.30 до 02.40

28 июня – принят 21 человек с 19.35 до 00.50

29 июня.

Таблицы полностью можно увидеть в приложении к статье.

Хорошо; если Сталин не пребывал в прострации с самого начала войны до 3 июля, то когда же он в нее впал? И что же такое эта прострация или депрессия, ведь подавленное состояние может быть разной степени тяжести. Иногда человек испытывает депрессию, но в то же время исполняет свои обязанности, а иногда человек выпадает из жизни на какое-то время полностью, не делая вообще ничего. Это весьма разные состояния, например как состояние бодрствования и состояние сна.

Тот же Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина свидетельствует, что до 28 июня включительно Сталин напряженно (как и все, надо полагать, военные и гражданские

руководители) работал. 29 и 30 июня записи в Журнале отсутствуют.

А.И. Микоян пишет в своих воспоминаниях:

«29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой » [74] .

Записи за 29 июня в Журнале, из которых следовало бы, что названные лица были у Сталина в Кремле вечером, отсутствуют. Может быть, А.И. Микоян ошибся и написанное им о встрече касается 28 июня, когда вечером этого дня у Сталина собрались в числе прочих Маленков, Молотов, Микоян и Берия, причем последние трое покинули кабинет в 00.50 ночью 29 июня? Но тогда ошибаются другие свидетели, пишущие о визите Сталина и членов Политбюро в Наркомат обороны именно 29 июня. Остается предположить, что по каким-то причинам записи о посещении Сталина Молотовым, Маленковым, Микояном и Берией в Журнале записи посетителей не производились.

29 июня 1941 г. была издана Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на отпор немецко-фашистским захватчикам. Однако скорее всего она была подготовлена вечером 28 июня.

По словам Г.К. Жукова, *«29 июня И.В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении* » [75] .

0 вечернем визите, о том, что происходило в его ходе и после него, известно. А со вторым визитом (или же первым по хронологии) неясно. О чем шла речь, когда он был, свидетельств не имеется. Может быть, первый визит в Наркомат обороны состоялся именно ночью (ранним утром) 29 июня, о сдаче Минска еще не было известно, и поэтому члены Политбюро, и И.В. Сталин в том числе, разъехались поспать.

Надо отметить еще то, что Наркомат обороны находился на улице Фрунзе. А Ставка Главного Командования, куда, по словам Жукова, Сталин также приезжал дважды в течение

29 июня, находилась, с момента создания, в кремлевском кабинете Сталина. Это с началом бомбежек Москвы она была переведена из Кремля на ул. Кирова (да к тому же на станции

метро «Кировская» был подготовлен подземный центр стратегического управления Вооруженными силами, где были оборудованы кабинеты И.В. Сталина и Б.М. Шапошникова и разместилась оперативная группа Генштаба и управлений Наркомата обороны). Но первая бомбежка Москвы была в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. Получается, что Сталин, помимо того, что дважды приезжал на ул. Фрунзе, в Наркомат, еще дважды приезжал в Кремль, где собирались члены Ставки. Может быть, в этом разгадка того, что Микоян написал: «29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия».

Днем 29-го слухи (в т. ч. сообщения иностранных новостных агентств) о падении Минска стали более основательными, сведений от военных о действительном положении вещей не было (по телефону), связь с войсками Белорусского фронта отсутствовала, Сталин небезосновательно предположил, что столица Белоруссии, может быть, уже захвачена германскими войсками. И второй (по словам Жукова) за 29 июня визит Сталина и членов Политбюро в Наркомат обороны был уже далеко не столь мирным.

Вот что рассказывает об этом визите его непосредственный участник, А.И. Микоян:

«Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь.

Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не могли.

Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д.

Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует.

Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилен руководить.

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним.

Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него еще были мокрые. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову. Его сопровождал энергичный, смелый, расторопный военачальник Гай Туманян. Предложение о сопровождающем внес я. Главное тогда было восстановить связь. Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали успешно развиваться в районе Перемышля. По войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. Сталин был очень удручен» [76]

.

Эта цитата из рукописей воспоминаний А.И. Микояна, хранящихся в РЦХИДНИ, т. е. этот текст можно считать изначальным. А вот рассказ об этом же из книги «Так было», изданной в 1999 г. издательством «Вагриус»:

«В Наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи – никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?»

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые.

Главным тогда было восстановить связь. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик – это Сталин предложил, потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали развиваться сравнительно неплохо. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. А из Белоруссии открывался прямой путь на Москву. Сталин был очень удручен» [77] .

По словам издателя, сына А.И. Микояна, С.А. Микояна, основой послужил текст 3-го тома мемуаров, находившийся на момент смерти автора в Политиздате.

«Третий том, начинавшийся с периода после 1924 г., находился в работе в Политиздате, когда отца не стало, он умер 21 октября 1978 г., не дожив месяца до 83 лет. Через несколько недель меня

вызвали в издательство и сообщили, что книга исключена из планов, а вскоре я узнал, что это было личное указание Суслова, побаивавшегося отца до самой его смерти и теперь осмелевшего. Сравнение диктовок отца с текстом, подвергшимся экзекуции редакторов, показало, что в ряде случаев мысли автора были искажены до неузнаваемости » [78] .

Поскольку мемуары А.И. Микояна крайне важны как источник, необходимо бы обращаться к неискаженной их версии. А то, что широко распространенная версия довольно сильно искажена, можно легко увидеть, сравнив эти две цитаты. Причем в дальнейшем подобные разночтения и несоответствия настолько односторонни, что возникают основания предположить, что эти мемуары готовились автором к печати во время правления Н.С. Хрущева. Возможно, изначальный текст подвергся правке именно в то время, поэтому все дополнения сделаны, чтобы укрепить читателя в том, что «прострация» Сталина была продолжительна, многодневна, а главное, в том, что Сталин и в самом деле отказался от управления страной, от власти и его соратникам пришлось уговаривать его взять бразды правления в руки.

Итак, Сталин убедился в том, как все плохо на фронте, что армейское руководство не оправдало доверия, утратило управление войсками на самом ответственном участке фронта, а между политическим и военным руководством наметился конфликт, недопонимание какое-то. Может быть, это всколыхнуло в Сталине те подозрения, которыми он руководствовался, вскрывая и выкорчевывая военно-фашистские заговоры в армии. Ведь репрессированные военачальники обвинялись и в том, что в случае войны собирались перейти на сторону врага, подрывать обороноспособность, намеренно плохо командовать и всячески вредить. А то, что происходило на фронте, походило на вредительство – немцы продвигались практически теми темпами, как в Польше или во Франции, а руководство Красной Армии, несмотря на то что регулярно уверяло Сталина в способности в случае нападения агрессора удержать его и через короткое время перейти в решающее контрнаступление, оказалось несостоятельным.

С такими (возможно) мыслями Сталин вышел из Наркомата обороны и сказал соратникам знаменитую фразу. По воспоминаниям Микояна, было так:

«Когда мы вышла из Наркомата, он такую фразу сказал: Ленин оставил нам великое наследие, мы – его наследники – все это просрали. Мы были поражены высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно мы потеряли? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта…» [79] .

Об этом же вспоминает и Молотов:

«Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу. Это было на второй или на третий день [80] . По-моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню.

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

– Как держался?

– Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо.

– А вот Чаковский пишет, что он…

– Что там Чаковский пишет, я не помню, мы о другом совсем говорили. Он сказал: «Просрали». Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. «Все просрали», – он просто сказал. А мы просрали. Такое было трудное состояние тогда. – Ну, я старался его немножко ободрить » [81] .

Берия, по словам Хрущева, рассказал ему, что дело было так:

«Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Буквально так и выразился. «Я, – говорит, – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на Ближнюю дачу. Мы, – рассказывал Берия, – остались. Что же делать дальше?» [82] .

Н.С. Хрущев, приводя слова Берии, неточен. Как следует из воспоминаний Микояна, свое заявление Сталин сделал, выйдя из Наркомата, после чего вместе с группой товарищей уехал на дачу. Микояна на даче не было, соответственно если бы Сталин заявил: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали. Я отказываюсь от руководства» – на даче, Микоян не услышал бы ни первой, ни второй его части. А он первую часть услышал, о чем и написал в мемуарах.

Хрущев неточен и в следующем: Берия якобы сказал, что он остался, а Сталин уехал на дачу, но сам Берия, обращаясь к Молотову в 1953 г., определенно пишет, что он вместе с Молотовым был на даче Сталина.

Но самое главное не это, все это можно было бы списать на аберрацию памяти Н.С. Хрущева и фрагментацию ее, главное – слова Сталина, что он отказывается от руководства. Это очень важный момент. Допустимо ли принять интерпретацию Хрущевым якобы слов Берии, что Сталин и впрямь отказался от

руководства?

Во всем остальном, поведанном в этом рассказе, Хрущев несколько неточен. Слова Хрущева – не очевидца – не подтверждаются воспоминаниями Молотова и Микояна, очевидцев. Ни первый, ни второй ни слова не сказали о том, что Сталин отказался от власти. А уж это было бы посильнее, чем слово «просрали». Это бы точно было запомнено и отмечено если не Молотовым, который в какой-то мере обелял Сталина, то уж Микояном точно, особенно если вспомнить об антисталинской направленности редактуры его мемуаров.

Американский исследователь И. Куртуков, занимавшийся данным вопросом, заявил, что слов Хрущева достаточно, чтобы сделать вывод: Сталин в какой-то момент 29–30 июня 1941 г. отрекся от власти, нужно лишь установить, сделал он это под влиянием депрессии, сгоряча, или обдуманно – чтобы испытать своих соратников, заставить их просить его о возвращении во власть, наподобие того как Иван Грозный заставил своих бояр идти к нему на поклон.

«Трудно сказать, было ли это искренним импульсивным поступком или тонким ходом, рассчитанным как раз на то, что Политбюро соберется и попросит его обратно во власть, но факт явно имел место быть» [83] .

Соображения о том, что мемуары Хрущева, в силу явной неприязни к Сталину их автора и общей склонности

Н.С. Хрущева к искажению исторической правды, не могут быть признаны достаточным основанием для того, чтобы сделать такой вывод, г-н Куртуков дезавуирует следующим образом: воспоминания Хрущева (точнее, пересказ тем слов Берии) состоят из тех же фрагментов, что и воспоминания Молотова и записка Берии Молотову, просто «у Хрущева эти фрагменты перепутаны». Куртуков признает, что «Хрущев работает как глухой телефон» и «знает историю только со слов Берия», рассказывая ее «много позже событий», но считает, что правоту слов Хрущева об отказе Сталина от власти подтверждает дальнейшее развитие событий.

Допустим, что события, изложенные Хрущевым, хронологически перепутаны, но в отдельности происходили. Но ни у Молотова, ни у Берии не говорится о том, что Сталин заявил об отказе от власти. Нет у них таких фрагментов.

И. Куртуков приводит цитату из разговора Молотова с Чуевым:

«Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. /…/ Трудно, сказать двадцать второго это было или двадцать третьего это было, такое время, когда сливались один день с другим» (Чуев Ф.

Молотов. Полудержавный властелин. – М.: Олма-Пресс, 2000. С. 399) [84] .

И сопровождает эту цитату комментарием:

«„Двадцать второе или двадцать третье» пусть тут не смущают, они всплыли из хрущевской версии, которую как раз Чуев с Молотовым обсуждал. Конечно, невозможно через 43 года точно вспомнить дату событий, важно подтверждение факта «прострации» [85] .

В данном случае нельзя не согласиться с мнением И. Куртукова насчет датировки цитаты, и в этом случае имеет смысл воспроизвести эту цитату без купюр:

«– *Ну конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно.*

– *Якобы был у него Берия, и Сталин сказал: «Все потеряно, я сдаюсь».*

– *Не так. Трудно сказать, двадцать второго или двадцать третьего это было, такое время, когда сливался один день с другим. «Я сдаюсь» – таких слов я не слышал. И считаю их маловероятными»^.*

Действительно, воспоминание Молотова относится ко времени их с Берией визита на сталинскую дачу в ночь с

29 на 30 июня 1941 года, и Молотов прямо подтверждает, что никаких отказов Сталина от власти он не слышал. А поскольку он, в отличие от Хрущева, на пересказе якобы слов Берии которым И. Куртуков строит доказательства того, что Сталин все-таки от власти отрекался, был очевидцем, его свидетельство будет, во всяком случае, не хуже. А скорее всего, основательнее.

Свою работу И. Куртуков подытоживает так:

«Утром и днем 29 июня 1941 г. Сталин работал: подписал некоторые документы и посетил Наркомат обороны, узнав там удручающие новости.

Вечером 29 июня 1941 г. после посещения Наркомата Сталин, Молотов, Берия и другие отправляются на Ближнюю дачу, в Кунцево, где генсек и сделал историческое заявление, что «мы все просрали» и что он уходит от власти.

30 июня 1941 г. Молотов собрал у себя в кабинете членов Политбюро, они наметили решение о создании Государственного Комитета Обороны и отправились к Сталину на дачу с предложением этот комитет возглавить.

Сталин за это время, вероятно, отошел, предложение товарищей принял и с 1 июля 1941 г. вернулся к обычному ритму трудовой деятельности».

Версия И. Куртукова вполне правдоподобна за исключением нескольких фрагментов:

♦ Сталин сказал «мы все просрали» не на даче, а после посещения Наркомата обороны, перед отъездом на дачу;

♦ Сталин вернулся к «обычному ритму трудовой деятельности» не 1 июля, а 30 июня, т. к. принял активное участие в работе только что созданного ГКО, вел телефонные переговоры, принимал кадровые решения и т. д.;

♦ то, что Сталин сказал, что «уходит от власти», выглядит несколько интуитивистским выводом, потому что источник (мемуары Хрущева), на основании которого делается столь определенный вывод, крайне ненадежен, к тому же опровергается воспоминаниями Молотова. Можно было бы предположить, что такая фраза могла прозвучать в той или иной форме (например, «я устал»), но вряд ли корректно столь категорично утверждать, что Сталин добровольно отказался от руководства и сказал: «Я ухожу».

* * *

Итак, вечером 29 июня, может быть, уже и ночью 30-го Сталин, Молотов и Берия (и, возможно, Маленков) приехали на сталинскую Ближнюю дачу в Кунцево, там состоялась беседа, о содержании которой Берия пишет в 1953 г. в своей записке Молотову:

«Вячеслав Михайлович! […]Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным на его Ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова Г.М., а спустя небольшой промежуток времени пришли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его о немедленной организации Комитета Обороны Страны со всеми правами» [86] .

Эта записка должна восприниматься, наряду с журналами записей посетителей сталинского кабинета, как наиболее ценный источник по данному вопросу, т. к. мемуары люди пишут обычно в безопасности и не особенно боятся нечеткости памяти, и даже если мемуарист что-то приукрасит, то это вызовет лишь неудовольствие тех, кто знает, как оно было на самом деле. А вот Берия писал записку, пытаясь спасти свою жизнь, и врать ему о

фактах не было никакой возможности – он, конечно, льстил адресатам, но обстоятельства способствовали искренности.

Можно предположить, что именно во время этой беседы подавленность Сталина достигла крайней точки. Конечно, разговор шел о том тяжелом положении, в котором оказалась страна. Вряд ли беседа не могла затронуть недавнее посещение Наркомата обороны и вопросы управления армией. Может быть, речь зашла и о том, что не всех врагов еще изъяли из армии, ведь репрессии в Вооруженных силах продолжались. В июне 1941 г. были арестованы Смушкевич, Рычагов, Штерн, а уже после начала войны – Проскуров и Мерецков. Сохранилась и склонность к построению ветвистых «заговоров», так как некоторых из арестованных, например Мерецкова, помимо связки с «делом Штерна» пытались пристегнуть и к Павлову, которого арестовали несколькими днями позднее и который пока еще был комфронта. Раз страна оказалась в тяжелом положении, должны быть ответственные за это, а кто более подходил на роль козлов отпущения, чем военные, которые не справились со своими обязанностями. На фоне этого у Сталина могли возникнуть опасения о том, что военные способны выйти из-под контроля, попытаться сменить политическое руководство, совершить государственный переворот или даже вступить в переговоры с немцами. В любом случае было ясно – чтобы попытаться выйти из этого тяжелого положения, нужно продолжать воевать, а для этого надо возобновить управление войсками и управление военачальниками – полное и безоговорочное.

* * *

30 июня, вероятно часов в 14, в молотовском кабинете встретились Молотов и Берия. Молотов заявил Берии, что надо «спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины». Берия его «целиком поддержал» и предложил «немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М.», после чего «спустя небольшой промежуток времени пришли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве».

Микояна с Вознесенским пригласили к Молотову около 16 часов.

«На следующий день, около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему.

Идем. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов, Берия. Мы

их застали за беседой. Берия сказал, что необходимо создать Государственный Комитет Обороны, которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции Правительства, Верховного Совета и ЦК партии. Мы с Вознесенским с этим согласились. Договорились во главе ГКО поставить Сталина,

об остальном составе ГКО не говорили. Мы считали, что в имени Сталина настолько большая сила в сознании, чувствах и вере народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями. Решили поехать к нему. Он был на Ближней даче» [87] .

Возникают вопросы – не было ли создание ГКО обсуждено со Сталиным во время ночной беседы? Нельзя полностью отрицать, что создание ГКО было согласованным – между Сталиным, Берией и Молотовым либо между Сталиным и Молотовым – шагом. Прямых доказательств, как и опровержений, этому нет, но если вспомнить, что Молотов без ведома Сталина не предпринимал никаких глобальных инициатив и был всегда лишь исполнителем, странно, почему он вдруг решился на столь неординарную акцию – создать орган власти с диктаторскими полномочиями. Не исключено также, что Молотов 30 июня говорил со Сталиным по телефону и хотя бы в общих чертах обговорил создание ГКО. А может быть, в беседе Сталин дал понять, без конкретизации, что такой орган обязательно нужен. А Молотов с Берией срочно разработали план, всем объяснили его суть и приехали к Сталину уже с готовым решением. Такую версию (что создание ГКО было инициативой Сталина) выдвинул И.Ф. Стаднюк.

«Сталин вернулся в Кремль ранним утром 30 июня с принятым решением: всю власть в стране сосредоточить в руках Государственного Комитета Обороны во главе с ним самим, Сталиным. В то же время разъединялась «троица» в Наркомате обороны: Тимошенко в этот же день был отправлен на Западный фронт в качестве его командующего, генерал-лейтенант Ватутин – заместитель начальника Генштаба – назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Жуков оставался на своем посту начальника Генштаба под неусыпным оком Берии.

По моему глубокому убеждению, создание ГКО и служебные перемещения в военном руководстве – это следствие ссоры, отполыхавшей 29 июня вечером в кабинете маршала Тимошенко» [88] .

То, что создание ГКО так или иначе стало следствием ссоры в Наркомате обороны, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Но то, что Сталин утром 30 июня прибыл в Кремль и начал там создавать ГКО, – крайне маловероятно.

В любом случае, даже если Молотов и выступил инициатором создания ГКО, это не может свидетельствовать о том, что Сталин добровольно отказался от власти, а вот о том, что Сталин был удручен недостаточной концентрацией власти в своих руках в такое тяжелое, военное время и об этом сказал Молотову с Берией во время встречи на даче, это вполне может свидетельствовать. И Молотов (который сказал Чуеву, что «поддерживал» Сталина как раз в эти дни) правильно понял задачу. Тем более что ГКО не был чем-то экстраординарным.

17 августа 1923 г. из Совета труда и обороны РСФСР был образован Совет труда и обороны СССР (СТО). Председателями его были последовательно Ленин, Каменев и Рыков, а с 19 декабря 1930 г. – Молотов.

«27 апреля 1937 г. (почти одновременно с организацией узких руководящих комиссий в Политбюро) Политбюро приняло решение о создании Комитета обороны СССР при СНК СССР. Новый комитет фактически заменил Совет труда и обороны СССР (который был упразднен тем же решением от 27 апреля) и совместную комиссию Политбюро и СНК по обороне, работавшую с 1930 г. В Комитет обороны под председательством Молотова вошли семь членов (В.М. Молотов, И.В. Сталин, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, В.Я. Чубарь, М.Л. Рухимович, В.И. Межлаук) и четыре кандидата в члены (Я.Б. Гамарник, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Н.И. Ежов). Таким образом, Комитет обороны по своему составу в значительной мере совпадал с узкими руководящими комиссиями Политбюро. По сравнению с прежней комиссией обороны Комитет обороны имел более значительный аппарат. В декабре 1937 г. по этому поводу было принято специальное решение Комитета обороны, утвержденное затем Политбюро, которое предусматривало, что аппарат Комитета обороны должен готовить к рассмотрению в Комитете вопросов мобилизационного развертывания и вооружения армии, подготовки народного хозяйства к мобилизации, а также проверять исполнение решений Комитета обороны. Для контроля за исполнением решений создавалась специальная главная инспекция Комитета обороны, получившая широкие права, в том числе за счет упраздняемых отдела обороны Госплана и групп военного контроля Комиссии партийного контроля и Комиссии советского контроля» [89] .

С момента существования Советской страны существовал орган, в функции которого, помимо оборонных задач, входил контроль за экономикой, а в случае войны он должен был организовать оборону СССР. Состав КО практически совпадал с партийной верхушкой, т. е. в случае войны оборону страны должна была организовывать партия и военными командовать –

тоже она. И недаром СТО был преобразован в КО в апреле 1937 г., перед началом процесса антисоветской троцкистской военной организации («дело Тухачевского»), которая, по утверждению следствия, планировала военный переворот на 15 мая 1937 г. Армию предстояло «чистить», а без партийного главенства над армией это представлялось делом трудным.

Главой Комитета обороны до 7 мая 1940 г. был Молотов, сменивший Литвинова на посту наркома иностранных дел, Молотова же сменил Ворошилов. Членами Комитета обороны были, в частности, Кулик, Микоян и Сталин. В 1938 г. был создан Главный Военный Совет РККА, членом которого стал И.В. Сталин.

В дальнейшем по мере того, как Сталин продвигался к тому, чтобы совместить пост генсека ЦК ВКП(б) и должность Председателя СНК СССР, т. е. сосредоточить в своих руках и партийную, и советскую ветви власти в стране, продолжилось строительство нового, внеконституционного органа, который бы в случае необходимости мог взять себе всю власть в стране – установить практическую диктатуру

«10 сентября 1939 г. Политбюро утвердило постановление СНК и ЦК ВКП(б), более четко разделившее функции Комитета обороны и Экономсовета, прежде всего в оборонной сфере. /…/

Тенденция усиления роли Совнаркома особенно отчетливо проявилась в предвоенные месяцы. 21 марта 1941 г. было принято два совместных постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о реорганизации Совнаркома СССР, которые значительно расширяли права руководства правительства. […]

Окончательно легитимация передачи прав СНК как коллективного органа высшим руководителям СНК произошла благодаря постановлению СНК и ЦК от 21 марта 1941 г. «Об образовании Бюро Совнаркома». Этот новый орган власти, хотя и не был предусмотрен Конституцией СССР, на основании постановления от 21 марта был «облечен всеми правами Совнаркома СССР». […] Членами Бюро были назначены В.М. Молотов, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, А.А. Андреев.

Фактически Бюро Совнаркома взяло на себя значительную часть обязанностей, которые ранее выполняли Комитет обороны и Экономический совет при СНК В силу этого Экономсовет постановлением от Бюро Совнаркома был вообще ликвидирован, а состав Комитета обороны сокращен до пяти человек. Функции Комитета обороны были ограничены вопросами принятия на вооружение новой военной техники, рассмотрения военных и военно-морских заказов, разработкой мобилизационных планов с внесением их на утверждение в ЦК и СНК […]

7 мая Политбюро утвердило новый состав Бюро Совнаркома СССР: председатель СНК СССР И.В. Сталин, первый заместитель председателя СНК Н.А. Вознесенский, заместители председателя СНК В.М. Молотов, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис, а также секретарь ЦК ВКП(б), председатель КПК при ЦК А.А. Андреев. 15 мая 1941 г. в состав Бюро был введен заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК К.Е. Ворошилов и первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. 30 мая 1941 г. – секретари ЦКВКП(б) А.А. Жданов и Г.М. Маленков. […]

При Сталине произошло дальнейшее расширение прав Бюро Совнаркома. Например, 30 мая 1941 г. был упразднен Комитет обороны при СНК и вместо него организована постоянная Комиссия по военным и военно-морским делам при Бюро Совнаркома СССР в составе: Сталин (председатель), Вознесенский (заместитель председателя), Ворошилов, Жданов и Маленков» [90] .

В общем, к началу войны партийная и советская – и вообще всякая власть принадлежала одним и тем же людям, а главным над ними был И.В. Сталин.

Когда Молотов предложил создать ГКО, он не предложил ничего нового. Он предложил создать временный, чрезвычайный орган, «которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции Правительства, Верховного Совета и ЦК партии». А власть в ГКО должна принадлежать «пятерке Политбюро» – Сталину, Молотову, Ворошилову, Маленкову и Берии [91] . Но этот новый орган, по сути, формально объединял уже существующие партийные и советские органы.

Итак, примерно в 16 часов к Молотову пришли Микоян с Вознесенским, какое-то время заняло обсуждение, потом решили ехать к Сталину на дачу. Вот как приезд на дачу выглядит в «изначальных» воспоминаниях Микояна:

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Он вопросительно смотрит на нас и спрашивает: зачем пришли? Вид у него был спокойный, но какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин.

Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит.

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного комитета обороны. Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я (Берия)

» [92] .

А вот как в «правленых».

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем пришли?» Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны. «Кто во главе?» – спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе – он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. «Хорошо», – говорит потом. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. «Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я», – добавил он» [93] .

Возникает вопрос по сути – а может быть, Сталин и собирался всех созвать? Приехал бы в Кремль, кого надо созвал. Сталин часто приезжал в Кремль к 7 часам вечера, например, 23 июня он приехал к 18.45, 25 июня – к 19.40, а 28 июня – к 19.35.

А группа товарищей прибыла к нему как раз к этому времени, а то и раньше. Тем более – зачем бы Сталину ехать в Кремль и всех там собирать, если он, скорее всего, знал о том, что к нему собираются члены Политбюро в столь широком составе, в то время, когда они собирались выехать из Кремля. Вероятно, они со Сталиным созванивались, перед тем как к нему ехать.

Слова о том, что, дескать, у Микояна «не было сомнений: он [Сталин] решил, что мы приехали его арестовать», однотипны со словами Хрущева:

«Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию?» [94] . И не вызывают ничего, кроме устойчивых сомнений.

Далее, вполне возможен вариант, что товарищи (Берия с Молотовым) придали подавленности Сталина (в беседе на даче в ночь с 29 на 30 июня) намного большее значение, чем ей придавал сам Сталин и чем она была в действительности. Мало ли людей вечером машут рукой и говорят – все надоело, а с утра спокойно продолжают делать свое дело? Конечно, Сталин вряд ли часто проявлял свои чувства перед соратниками, и более-менее

яркое их проявление (а оснований было достаточно) могло всерьез напугать Молотова с Берией, но это не значит, что Сталин чувствовал именно то, что они ему приписали. С этой точки зрения удивление Сталина неожиданным визитом вполне понятно. Может быть, Сталин после отъезда товарищей решил выпить вина, выспаться, а назавтра приступить к делам. А тут на следующий день – такая делегация.

«Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин.

Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит.

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я (Берия).

Сталин заметил: тогда надо включить и Микояна и Вознесенского. Всего 7 человек утвердить.

Берия снова говорит: товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, Госплане? Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в Правительстве и Госплане. Вознесенский выступил против предложения Берии и предложил, чтобы в составе ГКО было семь человек с учетом названных Сталиным. Другие на эту тему не высказывались. Впоследствии выяснилось, что до моего с Вознесенским прихода в кабинет Молотова Берия устроил так, что Молотов, Маленков, Ворошилов и он (Берия) согласовали между собой это предложение и поручили Берии внести его на рассмотрение Сталина. Я был возбужден тем, что мы тянем время, поскольку вопрос касался и моей кандидатуры. Считал спор неуместным. Знал, что как член Политбюро и Правительства буду нести все равно большие обязанности.

Я сказал – пусть в ГКО будет 5 человек. Что же касается меня, то, кроме тех функций, которые я исполняю, дайте мне обязанности военного времени в тех областях, в которых я сильнее других. Я прошу назначить меня особо уполномоченным ГКО со всеми правами ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим. Так и решили. Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов, что также было принято. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, а авиационная промышленность и вообще дела авиации – на Маленкова. За Берией была оставлена охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством » [95] .

После обсуждения этих вопросов был подготовлен указ об образовании ГКО (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1941 г.), затем Сталин, уже будучи главой ГКО, занялся кадровыми вопросами.

Пишет Жуков Г.К. в своих воспоминаниях: *«30 июня мне в Генштаб позвонил И.В. Сталин и приказал вызвать командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова»22.*

Был отстранен от командования Западным фронтом

Д.Г. Павлов. Вместо Павлова командующим Западным фронтом назначен С.К. Тимошенко. Ватутин назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Также в этот день, 30 июня, ГКО принял ряд постановлений о мобилизации женщин и девушек для несения службы в войсках ПВО, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах и т. д.

Сталин в этот день к Кремль уже не поехал, а на следующий день, 1 июля, принял в своем кабинете 23 человека с 16.40 до 01.30 2 июля.

* * *

Какие можно сделать выводы.

1. «Прострация» Сталина, если под этим считать неспособность выполнять свои обязанности, выпадение из жизни, именно то, что подразумевалось в мифе, придуманном Н.С. Хрущевым, отсутствовала вообще. Не было ее.

2. «Прострация» Сталина, если под этим считать подавленное состояние, выраженное плохое настроение, длилась с 29 по 30 июня, и надо отметить, что 29 июня – в воскресенье – рабочий день Сталина отличался от предыдущих лишь отсутствием записей в Журнале приема посетителей, хотя Сталин неоднократно выезжал в этот день в НКО и СГК.

3. Отказ Сталина от власти подтверждается словами Хрущева и опровергается словами Молотова, если говорить об источниках.

Косвенными доказательствами того, что Сталин не отказывался от власти, могут считаться:

♦ отсутствие каких-либо упоминаний об этом, помимо мемуаров Хрущева, которые, по сравнению с мемуарами других участников событий, крайне тенденциозны и ненадежны;

♦ известные по многочисленным свидетельствам личностные особенности И.В. Сталина никоим образом не характеризуют его как человека, способного отказаться от власти, а напротив, крайне властолюбивого.

Приложение

ВЫПИСКИ ИЗ ЖУРНАЛА ПОСЕЩЕНИЙ КАБИНЕТА И.В. СТАЛИНА (22–28 ИЮНЯ 1941 Г.)

Июнь 1941

***22* июня 1941 года**

1. Молотов НКО, зам. Пред. СНК	5.45—12.05
2. Берия НКВД	5.45—9.20
3. Тимошенко НКО	5.45—8.30
4. Мехлис Нач. ГлавПУР КА	5.45—8.30
5. Жуков НГШ КА	5.45—8.30
6. Маленков Секр. ЦК ВКП(б)	7.30—9.20
7. Микоян зам. Пред. СНК	7.55—9.30
8. Каганович НКПС	8.00—9.35
9. Ворошилов зам. Пред. СНК	8.00—10.15
10. Вышинский сотр. МИД	7.30—10.40
11. Кузнецов	8.15—8.30
12. Димитров чл. Коминтерна	8.40—10.40
13. Мануильский	8.40—10.40
14. Кузнецов	9.40—10.20
15. Микоян	9.50—10.30
16. Молотов	12.25—16.45
17. Ворошилов	10.40—12.05
18. Берия	11.30—12.00
19. Маленков	11.30—12.00
20. Ворошилов	12.30—16.45
21. Микоян	12.30—14.30
22. Вышинский	13.05—15.25
23. Шапошников зам. НКО по УР	13.15—16.00
24. Тимошенко	14.00—16.00
25. Жуков	14.00—16.00
26. Ватутин	14.00—16.00
27. Кузнецов	15.20—15.45
28. Кулик зам. НКО	15.30—16.00
29. Берия	16.25—16.45
Последние вышли	16.45

23 июня 1941 года

1. Молотов чл. Ставки ГК	3.20—6.25
2. Ворошилов чл. Ставки ГК	3.20—6.25
3. Берия чл. Ставки ГК	3.25—6.25
4. Тимошенко чл. Ставки ГК	3.30—6.10
5. Ватутин 1-й зам. НГШ	3.30—6.10
6. Кузнецов	3.45—5.25
7. Каганович НКПС	4.30—5.20
8. Жигарев команд. ВВС КА	4.35—6.10
Последние вышли	6.25

23 июня 1941 года

1. Молотов	18.45—01.25
2. Жигарев	18.25—20.45
3. Тимошенко НКО СССР	18.59—20.45
4. Меркулов НКВД	19.10—19.25
5. Ворошилов	20.00—01.25
6. Вознесенский	
Пред. Госпл., зам. Пред. СНК	20.50—01.25
7. Мехлис	20.55—22.40
8. Каганович НКПС	23.15—01.10
9. Ватутин	23.55—00.55
10. Тимошенко	23.55—00.55
11. Кузнецов	23.55—00.50
12. Берия	24.00—01.25
13. Власик нач. личн. Охраны ИВС	00.50—00.55
Последние вышли	01.25 24/VII 41

24 июня 1941 года

1. Малышев	16.20—17.00
2. Вознесенский	16.20—17.05
3. Кузнецов	16.20—17.05
4. Кизаков (Лен.)	16.20—17.05
5. Зальцман	16.20—17.05

6. Попов	16.20—17.05
7. Кузнецов (Кр. м. фл.)	16.45—17.00
8. Берия	16.50—20.25
9. Молотов	17.05—21.30
10. Ворошилов	17.30—21.10
11. Тимошенко	17.30—20.55
12. Ватутин	17.30—20.55
13. Шахурин	20.00—21.15
14. Петров	20.00—21.15
15. Жигарев	20.00—21.15
16. Голиков	20.00—21.20
17. Щербаков секр. 1-й МГК	18.45—20.55
18. Каганович	19.00—20.35
19. Супрун летч.-испыт.	20.15—20.35
20. Жданов чл. п/бюро, секр.	20.55—21.30
Последние вышли	21.30

25 июня 1941 года

1. Молотов	01.00—05.50
2. Щербаков	01.05—04.30
3. Пересыпкин НКС, зам. НКО	01.07—01.40
4. Каганович	01.10—02.30
5. Берия	01.15—05.25
6. Меркулов	01.35—01.40
7. Тимошенко	01.40—05.50
8. Кузнецов НК ВМФ	01.40—05.50
9. Ватутин	01.40—05.50
10. Микоян	02.20—05.30
11. Мехлис	01.20—05.20
Последние вышли	05. 50

25 июня 1941 года

1. Молотов	19.40—01.15
2. Ворошилов	19.40—01.15
3. Малышев НК танкопром	20.05—21.10
4. Берия	20.05—21.10

5. Соколов	20.10—20.55
6. Тимошенко Пред. Ставки ГК	20.20—24.00
7. Ватутин	20.20—21.10
8. Вознесенский	20.25—21.10
9. Кузнецов	20.30—21.40
10. Федоренко команд. АБТВ	21.15—24.00
11. Каганович	21.45—24.00
12. Кузнецов	21.05—24.00
13. Ватутин	22.10—24.00
14. Щербаков	23.00—23.50
15. Мехлис	20.10—24.00
16. Берия	00.25—01.15
17. Вознесенский	00.25—01.00
18. Вышинский сотр. МИД	00.35—01.00
Последние вышли	01.00

26 июня 1941 года

1. Каганович	12.10—16.45
2. Маленков	12.40—16.10
3. Буденный	12.40—16.10
4. Жигарев	12.40—16.10
5. Ворошилов	12.40—16.30
6. Молотов	12.50—16.50
7. Ватутин	13.00—16.10
8. Петров	13.15—16.10
9. Ковалев	14.00—14.10
10. Федоренко	14.10—15.30
11. Кузнецов	14.50—16.10
12. Жуков НГШ	15.00—16.10
13. Берия	15.10—16.20
14. Яковлев нач. ГАУ	15.15—16.00
15. Тимошенко	13.00—16.10
16. Ворошилов	17.45—18.25
17. Берия	17.45—19.20
18. Микоян зам. Пред. СНК	17.50—18.20
19. Вышинский	18.00—18.10

20. Молотов	19.00—23.20
21. Жуков	21.00—22.00
22. Ватутин 1-й зам. НГШ	21.00—22.00
23. Тимошенко	21.00—22.00
24. Ворошилов	21.00—22.10
25. Берия	21.00—22.30
26. Каганович	21.05—22.45
27. Щербаков 1-й секр. МГК	22.00—22.10
28. Кузнецов	22.00—22.20
Последние вышли	23.20

27 июня 1941 года

1. Вознесенский	16.30—16.40
2. Молотов	17.30—18.00
3. Микоян	17.45—18.00
4. Молотов	19.35—19.45
5. Микоян	19.35—19.45
6. Молотов	21.25—24.00
7. Микоян	21.25—02.35
8. Берия	21.25—23.10
9. Маленков	21.30—00.47
10. Тимошенко	21.30—23.00
11. Жуков	21.30—23.00
12. Ватутин	21.30—22.50
13. Кузнецов	21.30—23.30
14. Жигарев	22.05—00.45
15. Петров	22.05—00.45
16. Сококоверов	22.05—00.45
17. Жаров	22.05—00.45
18. Никитин ВВС КА	22.05—00.45
19. Титов	22.05—00.45
20. Вознесенский	22.15—23.40
21. Шахурин НКАП	22.30—23.10
22. Дементьев зам. НКАП	22.30—23.10
23. Щербаков	23.25—24.00

24. Шахурин	00.40—00.50
25. Меркулов зам. НКВД	01.00—01.30
26. Каганович	01.10—01.35
27. Тимошенко	01.30—02.35
28. Голиков	01.30—02.35
29. Берия	01.30—02.35
30. Кузнецов	01.30—02.35
Последние вышли	02.40

28 июня 1941 года

1. Молотов	19.35—00.50
2. Маленков	19.35—23.10
3. Буденный зам. НКО	19.35—19.50
4. Меркулов	19.45—20.05
5. Булганин зам. Пред. СНК	20.15—20.20
6. Жигарев	20.20—22.10
7. Петров Гл. констр. арт.	20.20—22.10
8. Булганин	20.40—20.45
9. Тимошенко	21.30—23.10
10. Жуков	21.30—23.10
11. Голиков	21.30—22.55
12. Кузнецов	21.50—23.10
13. Кабанов	22.00—22.10
14. Стефановский летч.-испыт.	22.00—22.10
15. Супрун летч.-испыт.	22.00—22.10
16. Берия	22.40—00.50
17. Устинов НК воор.	22.55—23.10
18. Яковлев ГАУ НКО	22.55—23.10
19. Щербаков	22.10—23.30
20. Микоян	23.30—00.50
21. Меркулов	24.00—00.15
Последние вышли	00.50

Алексей Исаев. Сказка о потерянной связи

Советская историография послевоенного периода сама загоняла себя в ловушку, порождавшую когнитивный диссонанс. С одной стороны, люди слышали «советское – значит отличное» о чудесных советских Т-34 и КВ. С другой стороны, были общеизвестны неудачи начального периода войны, когда Красная Армия стремительно откатывалась назад, сдавая один город за другим. Неудивительно, что людям было тяжело совместить два этих факта: чудо-оружие, привозящее из боя до сотни лунок от снарядов, и откатывающийся к Москве и Ленинграду фронт. Позднее на этой почве вырастили развесистую клюкву версии «все сломались». То есть чудо-танки были нечестно побеждены собственными командирами в маршах.

Строго говоря, советская историческая наука на страницах произведений уважаемых авторов давала достаточно информации для получения адекватной картины событий 1941 г. Однако правильные фразы про упреждение в развертывании тонули в потоке более простых и понятных тезисов: «советское – значит отличное», «Зорге предупреждал» и «репрессии среди высшего командного состава». Самым прозрачным объяснением было, конечно же, «внезапное нападение». Оно также интерпретировалось на самом примитивном уровне – разбуженные артиллерийской подготовкой утром 22 июня и бегающие в нижнем белье заспанные солдаты и командиры. Растерянных и не понимающих, что происходит, людей можно было брать «тепленькими». Понятно, что объяснение последующих поражений лета – осени 1941 г., таких как неудачи контрударов мехкорпусов, прорыв «линии Сталина» и окружение под Киевом и Вязьмой, беготней в кальсонах уже не объяснялось.

Кроме того, чаще всего приводились данные по общей численности войск Красной Армии без учета ее пространственного расположения. Поскольку с точки зрения этих общих цифр немцы не имели численного превосходства, причины катастрофы начали искать в проблемах, лежащих вне плоскости оперативной и стратегической обстановки. Более того, ставшие известными цифры численности советского танкового и авиационного парка заставляли искать нечто великое и ужасное. Должно было случиться что-то страшное и необычное для того, чтобы в столкновении двух равных (с точки зрения достаточно абстрактных цифр) одна из них начала стремительно

откатываться назад. Словно сломалась некая маленькая, но важная деталь в большом механизме, называемом армия большой страны.

Вообще говоря, мотивом поиска небольшой детали, из-за которой все рухнуло, была слабая надежда на простое изменение истории. Если деталь была небольшая, то ее можно было исправить. Красная Армия выстояла бы под ударами противника и война не прокатилась бы по всей европейской части страны, калеча и убивая людей и целые семьи. Сопутствующим продуктом обнаружения этой маленькой детали было бы назначение «стрелочника», ответственного за ее отсутствие или неисправность. Одним словом, движущей силой изысканий был лучик надежды. Понимание неотвратимости и неизбежности катастрофы было слишком тяжкой ношей.

Поиски детали, из-за которой все случилось, не прекращаются вот уже шесть десятилетий. В новейшее время появились завиральные теории о «забастовке» армии, личный состав которой был недоволен советской властью. Соответственно фактором, который позволял одним махом всех побивахом, стал политический строй. Предполагается, что царь-батюшка на троне вместо богопротивного генсека был бы надежной защитой от всех бед. Ранее люди были изобретательнее. В качестве рецепта счастья предлагалось приведение войск в боевую готовность. Выдвигался тезис, что если бы немногочисленные дивизии армий прикрытия были бы подняты по тревоге на день-два раньше, ситуация бы принципиально изменилась. Версию эту подпитывали мемуары некоторых наших военачальников, выдержанные в духе «ну мы бы им дали, если бы они нас догнали». Но в технократическом обществе позднего СССР большую популярность получила версия об изъяне технического свойства. Роль страшного изъяна Красной Армии была отдана связи. Действительно, даже на бытовом уровне было понятно, что разрозненные и лишенные управления войска были мало на что способны.

Известный советский историк В.А. Анфилов описывал состояние связи в первые дни войны иссиня-черной краской: «Положение частей 3-й армии усугублялось трудностями организации управления войсками, так как проводная связь была нарушена в первый же час войны. Отсутствовала и радиосвязь. Управление войсками осуществлялось только через делегатов связи. С фронтом штаб армии не имел связи в течение двух суток» (*Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1962. С. 107). Это даже не скромное рисование

кисточкой, это энергичное закрашивание площади валиком с черной краской. Прочитав такое, интересующиеся войной люди должны были ужаснуться и все сразу понять про причины катастроф 1941 г. Оставалось только сочувственно поцокать языком и с выражением повторить: «В течение двух суток!»

В 1962 г., когда была издана цитируемая книга Анфилова, мало у кого была возможность рассмотреть ситуацию с разных сторон по документам. Сейчас совсем другие времена. Пресловутые «двое суток» вполне можно попробовать на зуб и пощупать. В журнале боевых действий Западного фронта мы находим следующие строки: *«Около 13–14 часов нач. оперотдела штаба 3 А полковник Пешков доложил: «8.00 части генерал-майора Сахно (56 сд) вели бой в районе Липск – Сопоцкин»* (ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 29, л. 22). Далее дается детализация обстановки в полосе 3-й армии, занимающая почти страницу машинописного текста. О каких двух сутках отсутствия связи нам сообщает Анфилов?

Дальше – больше. В.А. Анфилов пишет: «Со штабом 10-й армии фронт потерял связь с самого начала нападения немцев» *(Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат, 1962. С. 107). Однако начальник штаба 10-й армии генерал-майор Ляпин после выхода из окружения сообщил совсем другое. Вернувшись из белостокского «котла», он писал заместителю начальника штаба Западного фронта Маландину: «Связь со штабом фронта 22.6 была удовлетворительной не только по радио, но и по телеграфу Морзе и даже временами появлялась по ВЧ. Со штабами корпусов окончательно была потеряна связь 28.6 примерно в 22.00–23.00 в то время, когда Штарм готовился к переезду из района Волковысск в район Деречин» (ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 29, л. 22). Т. е. у штаба 10-й армии была достаточно устойчивая связь со штабом фронта и подчиненными войсками. Хаос наступил, уже когда все было кончено (28 июня) и кольцо окружения замкнулось.

Бывший командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов на допросе в НКВД также оценивал состояние связи в первые дни войны куда менее драматично, чем послевоенный историк. Находясь в двух шагах от расстрела, он говорил: *«Проверка ВЧ показала, что эта связь со всеми армиями прервана. Примерно около 5.00 по междугородному телефону обходными линиями мне доложил обстановку Кузнецов. Он сообщил, что войска противника им сдерживаются, но что Сапоцкин весь горит, так как по нему была произведена особо сильная артиллерийская стрельба, и что противник на этом участке перешел в*

наступление, пока атаки отбиваем. Примерно в 7 часов прислал радиограмму Голубев [командующий 10-й армией], что на всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка и все попытки противника углубиться на нашу территорию им отбиты». Таким образом, у штаба фронта не было связи по ВЧ, что само по себе не является проблемой. ВЧ, т. е. закрытая телефонная связь с использованием высоких частот, не была самым распространенным видом связи. Такая связь осуществляется путем подключения группы маломощных длинноволновых передатчиков, настроенных на разные волны с промежутками между ними в 3–4 кГц, к обычным телефонным проводам. Токи высокой частоты, созданные этими передатчиками, распространяются вдоль проводов, оказывая очень слабое воздействие на радиоприемники, не связанные с этими проводами, и обеспечивая в то же время хороший, свободный от многих помех прием на специальных приемниках, присоединенных к этим проводам. Такую роскошь в войну могли себе позволить далеко не всегда. Чаще в войсках использовались радио и телеграф, так называемые буквопечатающие аппараты БОДО. Соответственно вопреки утверждениям Анфилова два независимых источника утверждают, что с 3-й и 10-й армиями у штаба фронта связь была. Донесения принимались и приказы отправлялись.

Главной проблемой Западного фронта была не связь, а «окно» в полосе Северо-Западного фронта, через которое к Минску прорвалась 3-я танковая группа Германа Гота. Против самого слабого советского особого военного округа немцами были сосредоточены далеко превосходящие силы, в том числе две танковые группы. Без труда сокрушив оборонявшие границу части 8-й и 11-й армий, немецкие танковые группы глубоко вклинились в построение советских войск в Прибалтике. 4-я танковая группа двинулась на север, в направлении Ленинграда, а 3-я танковая группа развернулась на восток и юго-восток и из полосы Северо-Западного фронта вторглась в тыл Западного фронта Д.Г. Павлова. Даже если бы связь между штабом Западного фронта и подчиненными ему армиями была идеальной, предотвратить прорыв 3-й танковой группы Павлов уже не мог.

Западный фронт не стал исключением из правила. Неудачи войск Юго-Западного фронта в июне 1941 г. также объяснялись проблемами со связью. Анфилов пишет: «Так, например, 36-й стрелковый, 8-й и 19-й механизированные корпуса не имели радиосвязи во время наступления в районе Дубно» *(Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат. 1962. С.

170). Непонятно, чем радиосвязь между мехкорпусами могла помочь в сражении у Дубно. Даже наличие современного спутникового «Инмарсата» вряд ли могло помочь командирам 8-го и 19-го механизированных корпусов. К моменту получения задачи на наступление в сторону Дубно 8-м механизированным корпусом Д.И. Рябышева 19-й корпус Н.В. Фекленко уже был отброшен к окраинам Ровно. 19-й корпус был атакован III моторизованным корпусом, обходившим Луцк. Под угрозой окружения у окраин Дубно 43-я танковая дивизия корпуса Н.В. Фекленко была вынуждена отступить на восток. Так что по внезапно полученному от советчиков из будущего «Инмарсату» Фекленко мог лишь жизнерадостно сообщить Рябышеву о своем отходе.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление, что моя задача – это разоблачение советского историка Анфилова. Для своего времени его книги были настоящим прорывом в области исследования начального периода войны. Сейчас можно даже сказать больше – книги Анфилова были основаны на изданных в 1950-х сборниках документов. Претензия относительно взаимодействия между 36-м стрелковым, 8-м и 19-м механизированными корпусами – это чистой воды калька с директивы Военного совета Юго-Западного фронта № 00207 от 29 июня 1941 г. В ней указывались недостатки в действиях войск в первые дни войны. В оригинале тезис о связи между корпусами звучит следующим образом: «Связи с соседом никто не организует. 14-я кавалерийская и 141-я стрелковая дивизии находились между собой в 12 км, не знали о месте нахождения друг друга; фланги и стыки не обеспечиваются и не освещаются разведкой, чем пользуется противник для просачивания. Радио используется плохо. Радиосвязи между 36-м стрелковым корпусом и 8-м механизированным корпусом, 19-м механизированным корпусом не было из-за отсутствия волн и позывных». Заметим, что речь идет об организационных вопросах, а не о технической невозможности поддерживать связь по радио как таковой. Также надо сказать, что эта претензия идет даже не первой по номеру. Первым пунктом директивы командование фронта указывало на недочеты в ведении разведки.

В.А. Анфиловым ситуация существенно драматизируется. Соединения Юго-Западного фронта получали все необходимые распоряжения, и проблемы со связью никоим образом не могут объяснять их неуспехи. В некоторых случаях лучше бы они эти приказы не получали. Попробую проиллюстрировать этот тезис конкретным примером.

После долгих мотаний по дорогам Львовского выступа

командованию Юго-Западного фронта удалось 26 июня ввести в бой 8-й механизированный корпус. Однако развивать достигнутые в этот день результаты штаб фронта не стал. Вместо приказов на продолжение наступления механизированные корпуса получили приказ на… отход за линию стрелковых корпусов. Вот как описывает содержание и обстоятельства получения этого приказа командир 8-го механизированного корпуса Д.И. Рябышев в отчете о боевых действиях корпуса, написанном по горячим следам событий, в июле 1941 г.: «В 2.30 27.6.41 г. к командиру 8-го механизированного корпуса прибыл генерал-майор Панюхов и передал ему следующий устный приказ командующего Юго-Западным фронтом: «37-й стрелковый корпус обороняется на фронте м. Почаюв Новы, Подкамень, Золочев. 8-му механизированному корпусу отойти за линию пехоты 37-го стрелкового корпуса и усилить ее боевой порядок своими огневыми средствами. Выход начать немедленно».

Аналогичный приказ получил наносивший контрудар 15-й механизированный корпус: «На основании приказа Юго-Западного фронта № 0019 от 28.6.41 г. [ошибка в документе, правильнее 27-го. – *А.И.]* к утру 29.6.41 г. приказано отойти на рубеж Золочовских высот за оборонительную линию 37-го стрелкового корпуса для приведения себя в порядок».

Что же случилось? В мемуарах И.Х. Баграмяна (точнее, в воспоминаниях Ивана Христофоровича, подвергнутых «литературной обработке» с добавлением диалогов, которые никто спустя несколько лет помнить не может) это подается как отказ от стратегии контрударов мехкорпусами в пользу построения «упорной обороны» стрелковыми корпусами. Однако этот тезис не подтверждается документально. В оперативной сводке за 26 июня дана уничижительная оценка 36-му стрелковому корпусу: «Из-за неорганизованности, плохой сколоченности и недостаточной обеспеченности артиллерийскими снарядами в бою с противником в районе Дубно показали низкую боеспособность». Было бы странно предполагать, что с помощью этих соединений «низкой боеспособности» начальник штаба фронта Максим Алексеевич Пуркаев, человек старой школы, собирался удерживать немецкие танковые дивизии. Причина вывода механизированных корпусов из боя совсем другая. Основной ошибкой командования фронта была неверная оценка направления развития наступления немцев. Соответственно командование фронта решило отвести мехсоединения за линию построения стрелковых корпусов для нанесения контрударов. И, несмотря на все проблемы со связью, которыми нас пугали в послевоенных исследованиях,

соответствующие приказы были доставлены в мехкорпуса. Начался их вывод из боя и отвод назад.

Однако Москва не поддержала решение командования фронта. И.Х. Баграмян вспоминает:

«– *Товарищ полковник! Товарищ полковник! – слышу голос оперативного дежурного. – Москва на проводе!*

Бегу в переговорную. Увидя меня, бодистка отстучала в Москву: «У аппарата полковник Баграмян». Подхватываю ленту, читаю: «У аппарата генерал Маландин. Здравствуйте. Немедленно доложите командующему, что Ставка запретила отход и требует продолжать контрудар. Ни дня не давать покоя агрессору. Все» (Баграмян И. Х. Так начиналась война. – М.: Воениздат, 1971, С. 141).

М.П. Кирпонос попытался объяснить верховному командованию свои решения, но отстоять их не смог. Дальнейшее развитие событий показало, что Ставка была права в своих оценках – острие немецкого танкового клина повернуло на юг намного позднее, только после преодоления «линии Сталина». После получения выволочки из Москвы штаб Юго-Западного фронта начал готовить приказы на возвращение механизированных корпусов в бой.

Приказ на возвращение в бой 15-го механизированного корпуса поступил в штаб соединения к 10.00 утра 27 июня. 37-я танковая дивизия корпуса успела отступить и провела день в маршах с разворотом на 180 градусов. В бою 27 июня ее танки, естественно, не участвовали. Метания дивизий 15-го механизированного корпуса по дорогам объяснялись не тем, что связи не было, а тем, что связь с ним все же работала. Соответственно отдавались приказы на вывод мехкорпусов из боя исходя из анализа обстановки, штаб Кирпоноса пытался спрогнозировать следующий ход противника.

Ситуация в 8-м механизированном корпусе на момент получения приказа о возвращении в бой была схожей. Его 12-я танковая дивизия растянулась колонной от Бродов до Подкамня (населенный пункт в 20 км юго-восточнее Бродов). С другой стороны 7-я мотострелковая и 34-я танковая дивизии стоп-приказа получить не успели и оставались в занятых в бою днем 26 июня районах. Ранним утром 27 июня командование корпуса получило приказ командующего Юго-Западным фронтом № 2121 от 27.6.41 г. о наступлении 8-го механизированного корпуса с 9.00 27.6.41 г. в направлении Броды, м. Верба, Дубно. Уже в 7.00 27 июня Рябышев отдал приказ на наступление в новом направлении. Начало наступления было назначено на 9.00 27.6.41 г. Обычно об этом эпизоде повествуется мемуаристами

как о возвращении 8-го мехкорпуса в бой по частям по истеричному приказу комиссара Вашугина, прибывшего в расположение штаба 8-го мехкорпуса в десятом часу утра 27 июня с расстрельной командой. Поскольку на связь сетовать в условиях получения всех приказов было глупо, для объяснения причин был использован другой популярный персонаж – «рука партии». О том, что все приказы на ввод корпуса в бой по частям к прибытию истеричного ротвейлера марксизма-ленинизма были уже отданы, тактично помалкивали. В условиях закрытости архивов в 1960-е о подобных нестыковках никто не догадывался. Н.Н. Вашугин к тому же застрелился, и валить на покойника можно было со спокойным сердцем.

Однако, даже по воспоминаниям, никаких проблем с передачей приказов механизированным корпусам не прослеживается. Если бы приказ на отвод до мехкорпусов просто не дошел, никакого хаоса, вызванного отводом, просто бы не возникло. Связь между командованием фронта и мехкорпусами работала настолько устойчиво, что мехкорпуса энергично колебались вместе с генеральной линией ведения оборонительной операции штабом М.П. Кирпоноса с точностью до нескольких часов.

В официальных документах, написанных профессионалами, оценки состояния связи даются куда более осторожные и взвешенные. В кратком отчете начальника управления связи Юго-Западного фронта от 27 июля 1941 г. было сказано:

«2. Работа связи в период операции.

а) Проводные средства связи подвергались систематическому разрушению, особенно узлы и линии в полосе 5-й и 6-й армий. К штабам 5-й и 6-й армий – Львов, Луцк ни по одной магистрали не удалось подойти с проводами.

С южной группой (12-я и 26-я армии) связь работала устойчиво.

б) Узлы связи Народного комиссариата связи после первых бомбардировок неспособны были к быстрому восстановлению связи; отсутствие линейных колонн и линейных частей приводило к продолжительному разрыву связи на отдельных направлениях.

в) С отмобилизованием первых четырех полурот, 28.6.41 г. удалось обеспечить армейские направления по одной неполной роте, чем и обеспечилось восстановление разрушенных линий и установление проводной связи.

г) Радиосвязь во фронтовых радиосетях являлась основным средством связи на направлениях 5-й и 6-й армий в период при отсутствии проводной связи.

д) В армейских, корпусных радиосетях радиосвязь в первый

период, при парализации проволочной связи, являлась единственным средством связи и обеспечила управление войсками» (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 36. – М.: Воениздат, 1958. С. 106–107).

Как мы видим, вопреки распространенному мнению, радиосвязь использовалась для управления 5-й и 6-й армиями, действовавшими на направлении главного удара немецких войск. Именно на стыке между этими армиями прорывалась на восток 1-я танковая группа Э. фон Клейста. Более того, радиосвязь была основным средством управления 5-й и 6-й армиями. Штабы армий также широко использовали радиосвязь. В оперативных сводках 5-й армии в июне 1941 г. рефреном звучит: «Связь – делегатами и по радио». В середине июля 1941 г., когда фронт 5-й армии стабилизировался, диапазон используемых средств связи был расширен. В одной из оперсводок 5-й армии указывается: «Связь: со штабом фронта – Бодо; с 15-м стрелковым корпусом – по радио, делегатами и аппарату СТ-35; с 31-м стрелковым, 9-м и 22-м механизированными корпусами – по радио и делегатами; с 19-м механизированным корпусом и армейским резервом – делегатами».

Также нужно обратить внимание (пункт «в» документа) на то, что части связи затронула общая для всей Красной Армии проблема – неотмобилизованность. Мобилизация была объявлена только в первый день войны и, как мы видим из документа, 28 июня появилась возможность поддерживать работоспособность линий связи в режиме военного времени.

Помимо всего прочего мы порой подходим к 1941 г. с позиций сегодняшнего дня. Когда на киноэкране спутники передают информацию в режиме реального времени, трудно себе представить, как воевали во времена голубиной почты и пеших посыльных. Радиосвязь 1940-х гг. не следует идеализировать. Радиофикация войск имела лишь тактическое значение. По вполне объективным причинам основу системы управления составляла проводная связь. В вышеупомянутом отчете начальника управления связи Юго-Западного фронта сказано:

«1. Проводные средства связи при всех условиях разрушения могут быть восстанавливаемы и являются для фронтовых связей могучим средством обеспечения управления.

2. Радиосредства связи при отсутствии проводной связи могут обеспечить управление в ограниченном размере (недостаточная пропускная способность)» (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 36. – М.: Воениздат, 1958. С. 108).

Другими словами, с помощью аппаратов проводной связи можно было «протолкнуть» больший объем информации. Этому

факту мы находим многочисленные подтверждения в документах войны. В оперативной сводке от 24 июня 1941 г. начальник штаба Западного фронта Климовских сетовал: «Радиосвязь не обеспечивает передачу всех документов, так как шифровки проверяются по нескольку раз». Поэтому для эффективного управления нужна была работоспособная проводная связь.

Во многом похожие тезисы мы находим в докладе управления связи Северо-Западного фронта от 26 июля 1941 г.

Работа радиосвязи в нем характеризуется следующими словами:

«Радиосвязь с первого дня войны работает почти без перебоев, но штабы неохотно и неумело в начале войны пользовались этим средством связи.

Перерыв проводной связи квалифицировался всеми как потеря связи.

Радиограммы посылались в 1000 и более групп. С рубежа Зап. Двина происходило постепенное улучшение использования радиосвязи и признания ее как основного вида связи со стороны штабов» (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 34. – М.: Воениздат, 1957. С. 189).

Почему неохотно пользовались, понятно из вышесказанного – по радио было трудно передавать большие объемы информации.

Надо сказать, что советские довоенные уставы довольно осторожно оценивают возможности и сферу применения радиосвязи. Полевой устав 1929 г. определил режим работы радиосредств:

«Радиосвязью разрешается пользоваться только при полной невозможности использовать другие средства и исключительно в процессе боя или при полном окружении противником. Оперативные приказы и донесения о принятых решениях войсковым соединениям от дивизии и выше передавать по радио, кроме случая полного окружения, решительно воспрещается» (История военной связи. Т. 2. – М.: Воениздат, 1984. С. 271).

Как мы видим, на использование радиосвязи накладываются довольно жесткие ограничения. Причем ограничения эти носят не рекомендательный, а запретительный характер («решительно воспрещается»). Конечно, положения устава 1929 г. можно списать на мракобесие и устаревшие взгляды на место радиосвязи в боевых условиях. Однако советские военные специалисты следили за прогрессом, и под их позиции в отношении радиосвязи была подведена соответствующая теоретическая база.

Для чистоты эксперимента приведу высказывание, относящееся к периоду до 1937 г. Принято считать, во многом безосновательно, что после чисток 1937–1938 гг. в Красной

Армии наступили темные века. Соответственно мнение после 1937 г. может считаться проявлением мракобесия. Однако даже до чисток большого энтузиазма относительно перевода войск на управление по радио не наблюдалось. Начальник управления связи РККА Р. Лонгва, рассматривая перспективы развития и применения радио и проводных средств для управления войсками, в 1935 г. писал:

«Последние годы являются годами бурного развития военной радиотехники. Количественный и качественный рост авиации, механизация и моторизация вооруженных сил, управление на поле боя и в операции боевыми средствами со значительными, притом различными скоростями подстегивают и предъявляют все новые и более сложные требования к техническим средствам управления, к технике связи.

Поверхностное наблюдение могло бы привести к ошибочному взгляду, что радио вытесняет проводные средства связи и что в армейских условиях оно полностью и целиком заменит проволоку.

Конечно, решить вопрос управления авиацией, мехчастями и обеспечить взаимодействие родов войск на данном этапе развития техники можно только с помощью радиосредств. Однако в стрелковых соединениях в огромной сети тылов и военных дорог, в системе оповещения ПВО беспрерывную устойчивую связь со всеми точками одновременно могут обеспечить только проводные средства. Проводные средства, кроме того, не демаскируют расположение органов управления и значительно проще обеспечивают секретность передачи» (История военной связи. Т. 2. М.: Воениздат, 1984. С. 271).

Перед нами, заметим, не мнение теоретика, кабинетного ученого, но практика – начальника управления связи. Этот человек на своем собственном опыте знал, что такое организация управления с помощью различных средств связи. Более того, практический опыт войск связи к 1935 г. уже был достаточно обширным. С момента принятия устава 1929 г. Красная Армия уже успела получить первые образцы отечественных радиостанций нового поколения и использовала их на учениях и маневрах.

Красной нитью через различные довоенные документы по использованию радиосвязи проходит мысль: «пользоваться можно и нужно, но осторожно». В проекте Полевого устава 1939 г. (ПУ-39) роль и место радиосвязи в системе управления определялись следующим образом:

«Радиосвязь – ценное средство связи, обеспечивающее управление в самых сложных условиях боя.

Однако ввиду возможности перехвата радиопередач

противником и установления путем пеленгации местонахождения штабов и группировки войск она получает применение в основном только с началом боя и в процессе его развития.

Разрешает или запрещает (полностью или частично) применять радиосредства соответствующий начальник штаба.

В период сосредоточения войск, перегруппировки, подготовки прорыва и в обороне до начала атаки противника применение радиосредств запрещается.

Если радиосвязь не может быть заменена другими средствами связи, например, для связи с авиацией в воздухе, с разведкой, для ПВО и т. д., в соединениях и частях выделяются для этой цели специальные приемно-передающие радиостанции.

Радиопередача всегда производится при помощи кодов, кодированной сигнализации и шифром. Открытые радиопередачи не допускаются, за исключением передачи боевых команд в артиллерии, танковых частях и авиации в воздухе.

Переговоры во время боя по радио должны производиться по заранее составленным штабом переговорным радиосигнальным таблицам, кодированной карте, кодовому командирскому планшету и переговорным таблицам.

Передача по радио оперативных приказов и донесений о принятых решениях от дивизии (бригады) и выше допускается лишь при полной невозможности использовать другие средства связи и только шифром».

Перед нами все тот же набор запретительных мер: «применение радиосредств запрещается», «при полной невозможности использовать другие средства связи и только шифром». Но любопытно даже не это. В уставе прямым текстом прописаны все те вещи, которые расценивались как иррациональные фобии и странные чудачества красных командиров. Например, в описании комиссаром 8-го мехкорпуса Н.К. Попелем Дубненских боев есть такой эпизод:

«Но тогда, ночью, подъезжая к КП, я ничего не знал о действиях дивизии. Связи не было.

– Наш начальник штаба подполковник Курепин оказался на редкость осторожным товарищем, – усмехаясь, объяснял Васильев, – запретил пользоваться штабной радиостанцией. Как бы противник не запеленговал. Теперь обдумываем, нельзя ли беззвучно стрелять из гаубиц и наступать на танках с выключенными моторами, чтобы фашисты не догадались о наших намерениях.

Курепин стоял рядом. В темноте я не видел его лица.

– Иван Васильевич, зачем же так. Ну, оплошал…» (Попель Н.К В тяжкую пору. – М.; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 118).

Надо сказать, что мемуары НД. Попеля вообще содержат немало неточностей, поэтому нельзя точно сказать, имел место этот разговор в действительности или же является продуктом аберрации памяти. Показательно другое, аргументация Курепина в том виде, в которой она пересказана Попелем, довольно точно перекликается с проектом Полевого устава 1939 г. (ПУ-39). Во-первых, принял решение об использовании радиостанции именно начальник штаба, во-вторых, он указал на возможность ее пеленгования противником. Однако почему-то сам ПУ-39 осуждению и осмеянию не подвергался.

После упоминания в популярных мемуарах идея радиобоязни как иррациональной фобии пошла в массы. Пикуль почти слово в слово воспроизвел описанный Попелем эпизод и добавил ярких деталей и обобщений.

«Войска слишком надеялись на линии Наркомата связи – на проволоку между столбами. Совсем не учли, что война будет маневренной, а линии связи протянуты, как правило, вдоль железных дорог или важных магистралей. Чуть войска отойдут от дорог подальше – ни столбов, ни проволоки. К тому же связь была не подземно-кабельная, а воздушно-проводная, и противник смело к ней подключался, прослушивая наши переговоры, а иногда немцы давали по нашим войскам ложные приказы – отступать! Слепое доверие к телефонам порой кончалось трагедиями, гибелью множества людей. При этом существовала «радиобоязнь»: к походным радиостанциям относились как к лишней обузе, за которую надо отвечать, при первом же удобном случае их отсылали в обоз. Это происходило от недоверия к сложной аппаратуре, от боязни штабов быть запеленгованными противником» (Пикуль В.С. Площадь павших борцов. – М.: Голос, 1996.

С. 179).

О том, что слова про пеленгование были прямым текстом прописаны в ПУ-39, как-то мило забыли. Читатель мягко подталкивался к выводу: «Делать немцам больше нечего – разыскивать советские радиостанции». Насмехаясь над «радиобоязнью» и возможностью пеленгования работающих радиостанций, почему-то забывают, что радиоразведка у немцев была и порой добивалась впечатляющих результатов. Разумеется, речь шла не только и не столько о примитивном наведении на советские штабы авиации. Один из самых известных примеров – это Миус-фронт в июле 1943 г. Оборонявшая Донбасс немецкая 6-я армия Карла Холлидта была вынуждена ждать наступления советских войск и использовала все средства разведки для угадывания вероятного направления удара. Угадывание

направления удара часто превращалось в «русскую рулетку», но именно радиоразведка позволила немцам отсрочить коллапс немецкой обороны в южном секторе советско-германского фронта. До 9 июля 1943 г. никаких перемещений войск или концентрации артиллерии немецкой разведкой не отмечалось. Но 10 июля стало поворотным пунктом, заставившим штаб Холлидта лихорадочно готовиться к отражению наступления противника в полосе ответственности 6-й армии. Во второй половине дня 10 июля были отмечены перемещения пехоты и танков в полосе XXIX и XVII армейских корпусов. Двумя днями спустя движение было замечено на стыке IV и XVII армейских корпусов – на направлении советского вспомогательного удара. Остроты в блюдо оперативной обстановки добавил тот факт, что из-за погодных условий с 11 по 14 июля эффективная работа воздушной разведки была невозможной, и вся надежда была на наземную разведку и радиоперехваты. Занималась этим в 6-й армии 623-я отдельная рота радиоразведки. Особое внимание у немецких разведчиков вызывало перемещение резервов. Положение 2-й гвардейской армии как стратегического резерва советского командования в глубине построения войск на южном секторе фронта было известно немцам, и его перемещения отслеживались. По оценке штаба Холлидта, 2-я гв. армия могла быть введена в бой в течение трех-пяти дней. Анализ радиообмена 14 июля позволил немцам сделать вывод, что штаб 2-й гв. армии переместился и располагается теперь за позициями 5-й ударной армии. Когда 15 июля улучшилась погода и заработала воздушная разведка, концентрация советских войск была подтверждена с воздуха. 15 июля Холлидт посетил штабы 294-й пехотной дивизии и XVII армейского корпуса и сообщил, что все данные разведки указывают на скорое начало наступления именно на их участке фронта. Через два дня, жарким утром 17 июля 1943 г., громовые раскаты артиллерийской подготовки подтвердили его слова.

Естественно, немцами были приняты необходимые контрмеры и подтянуты резервы к вероятному направлению удара советских войск. Более того, были приняты решения на уровне командования всей группы армий «Юг». С южного фаса Курской дуги был снят II танковый корпус СС Пауля Хауссера. Корпус был выведен из боя и погружен в эшелоны, отправляющиеся в Донбасс. Своевременное прибытие эсэсовских соединений сыграло ключевую роль в отражении советского наступления на Миусе, которое завершилось в начале августа 1943 г. вытеснением войск Южного фронта на исходные позиции.

Миус-фронт в данном случае является негативным примером,

но не следует думать, что в этот же период не было прямо противоположных случаев. Таковым, как ни странно, является контрудар 5-й гв. танковой армии под Прохоровкой. За счет строжайшего радиомолчания (радиостанции даже опечатывались) немцы до самого последнего момента не знали о том, что Воронежским фронтом будет нанесен контрудар крупными массами танков. Сосредоточение танков было частично вскрыто радиоразведкой, но конкретного перечня прибывших соединений у немцев вечером 11 июля 1943 г. не было. Поэтому оборонительные действия «Лейбштандарта» 12 июля были в значительной степени импровизацией, чему благоприятствовали плотные боевые порядки и условия местности. В любом случае немецкая радиоразведка не вскрыла появление армии П.А. Ротмистрова, и ее появление стало в значительной мере неожиданным. Другой вопрос, что это первоначальное преимущество не было должным образом использовано.

Вышеупомянутый 8-й механизированный корпус находился в том же положении, что и 5-я гв. танковая армия под Прохоровкой. Он также выдвигался для нанесения контрудара. Поэтому режим радиомолчания был одним из главных требований. Немецкая радиоразведка летом 1941 г. работала, и интенсивное пользование радиосвязью привело бы к прояснению обстановки для противника. Немецкой разведке было бы легче выяснять, кто им противостоит в данный момент и подход каких соединений или объединений из глубины ожидается в ближайшей перспективе. Радиосвязь, как и любое другое средство, имела свои достоинства и недостатки.

Отправка в войска офицеров с приказами не являлась чрезвычайной мерой, вызванной обстоятельствами. Рекомендации по организации управления с помощью делегатов шли в ПУ-39 вслед за обставленным запретительными мерами разделом по радиосвязи. Красным командирам рекомендовалось следующее:

«Для обеспечения надежного управления, помимо технических средств, необходимо широко использовать все другие виды связи, в первую очередь подвижные средства (самолет, автомобиль, мотоцикл, танк, конь).

Штабы войсковых соединений и частей должны заботиться о наличии и готовности к действию достаточного количества подвижных средств для передачи приказов».

Делегаты связи не были спутником только неудачных операций. Они достаточно широко использовались для передачи приказов в несомненно успешных для Красной Армии сражениях и операциях. В качестве примера можно привести эпизод, относящийся к периоду советского контрнаступления под

Сталинградом. К югу от города по степи наступали механизированные корпуса ударной группировки Сталинградского фронта. Ночью 22 ноября 4-й мехкорпус получил приказ заместителя командующего Сталинградским фронтом М.М. Попова к исходу дня захватить Советский и выдвинуть передовой отряд на Карповку. Корпус к тому моменту двигался вперед в прямом смысле этого слова вслепую. Никаких данных о противнике на направлении наступления ни от штаба 51-й армии, ни от штаба Сталинградского фронта не поступало. Заявки на воздушную разведку выполнены не были – из-за плохой погоды авиация фактически бездействовала. Корпус мог лишь светить себе «ближним светом» – посылая по всем направлениям разведотряды на мотоциклах и бронеавтомобилях БА-64. Была также установлена связь с соседом справа – 13-м мехкорпусом. Обстановку это прояснило в незначительной степени: были получены расплывчатые сведения об участке фронта справа от полосы наступления. Слева соседей просто не было, одна казавшаяся бескрайней степь. В такой обстановке контрудар мог последовать с любого направления. Густой «туман войны» висел над полем сражения. Оставалось принять все меры предосторожности и уповать на свою счастливую звезду. Вольский выдвинул на фланги сильное боковое охранение и вывел в резерв 60-ю механизированную бригаду.

Вскоре и без того непростая обстановка усугубилась молниями «из стратосферы». При подходе штаба корпуса к Верхне-Царицынскому самолетом был доставлен приказ командующего Сталинградским фронтом А.И. Еременко с задачей захватить Старый и Новый Рогачик, Карповскую, Карповку. Это существенно меняло первоначальную задачу корпуса. Теперь он должен был отвернуть от точки рандеву с Юго-Западным фронтом у Калача и наступать в тыл войскам 6-й армии под Сталинградом. Точнее, корпус разворачивался для сокрушения быстро строящейся обороны 6-й армии фронтом на запад.

Буквально через полчаса после прибытия самолета от А.И. Еременко в штаб корпуса приехал на машине заместитель командующего 51-й армией полковник Юдин. Командиру 4-го мехкорпуса был вручен приказ командарма 51-й (в чьем оперативном подчинении находился корпус), подтверждающий ранее поставленную задачу. Мехкорпус должен был захватить Советский и выйти на рубеж Карповка, Мариновка, т. е. примерно на рубеж железной дороги из Сталинграда на Калач. Оказавшись с двумя приказами на руках, Вольский принял компромиссное решение и повернул на Карповку 59-ю механизированную бригаду Удар на Карповку был безрезультатным – высланные

Паулюсом подвижные части заняли старые советские укрепления. Остальные части 4-го мехкорпуса двигались на Советский, выполняя прежнюю задачу.

В итоге Советский был захвачен к 12.20 22 ноября 36-й механизированной бригадой совместно с 20-м танковым полком 59-й механизированной бригады. В городе располагались авторемонтные мастерские, и трофеями корпуса Вольского стали более 1000 автомашин. Также были захвачены склады с продовольствием, боеприпасами и горючим. С захватом Советского было прервано сообщение 6-й армии с тылом по железной дороге.

Интересно отметить, что приказы 4-й механизированный корпус получал делегатами связи. Более того, приказы разных инстанций противоречили друг другу. Согласно отечественной исторической традиции принято гневно осуждать использование делегатов летом 1941 г. и даже представлять их как одну из причин случившейся катастрофы. Однако это очевидная постановка телеги впереди лошади. Делегаты связи благополучно использовались в успешных операциях Красной Армии. Корпуса без особых проблем направлялись командованием в нужную точку без использования идеологически выдержанной радиосвязи.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Нельзя отрицать существенных недостатков в работе связи в Красной армии 1941 г. Но объявлять связь одной из главный причин поражения неразумно. Развал системы связи часто был следствием, а не причиной возникающих кризисов. Штабы теряли связь с войсками, когда они терпели поражение в обороне и были вынуждены отходить. Поражения имели вполне определенное объяснение на оперативном уровне, и отсутствие каких-либо проблем со связью вряд ли бы существенно изменило обстановку.

Григорий Пернавский. Почему погибли сталинградские пленные?

Время от времени в Интернете и в периодической печати, в статьях, приуроченных к очередной годовщине разгрома немцев под Сталинградом, встречаются упоминания о печальной судьбе германских военнопленных. Часто их судьбу сравнивают с судьбой миллионов красноармейцев, замученных в немецких лагерях. Таким образом нечистоплотные пропагандисты пытаются продемонстрировать тождественность советского и нацистского режимов. Об отношении немцев к советским военнопленным написано достаточно много. Что же касается советской стороны, то СССР, не подписавший в свое время Женевскую конвенцию 1929 г. «О содержании военнопленных» (причины ее неподписания известны, но не являются предметом рассмотрения данной статьи), объявил о том, что будет соблюдать ее, в первые же дни после начала Великой Отечественной войны.

На начальном этапе войны трудностей с содержанием военнопленных не возникало по той простой причине, что их было слишком мало. С 22 июня по 31 декабря 1941 г. Красной Армией было взято в плен 9147 человек, а к 19 ноября 1942 г., когда началось контрнаступление под Сталинградом, в тыловые лагеря для военнопленных поступило еще 10 635 вражеских солдат и офицеров. Столь ничтожное число военнопленных позволяло без труда снабжать их по нормам, приводимым в нижеследующей таблице.

Пленные были необходимы советскому командованию не только как рабочая сила, не только как источник информации, но и в качестве объекта и субъекта пропаганды.

НОРМЫ СУТОЧНОГО ДОВОЛЬСТВИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И СОВЕТСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР В 1939–1946 гг. (в граммах)

Продукты	Нормы питания военнопленных			Нормы питания заключенных		
	1939 г.	1941 г.	1946 г.	1939 г.	1941 г.	1946 г.
Хлеб ржаной	800	400—500	400—700	700	700	550—800
Мука пшеничная	20	20	10	10	10	10
Крупа разная	110	100	100	125	80	78
Мясо	50	—	30	50	25	18
Рыба	75	100	100	100	100	60
Сало или комбижир	—	—	15			
Масло растительное	30	20	15	15	15	12
Томат-пюре	10	10	10	10	10	10
Сахар	20	20	17	25	10	9
Чай суррогатный	3	0,6	2	0,6	2	2
Соль	30	30	30	20	15	20
Лавровый лист	0,2		0,2	0,5	0,1	0,1
Перец	1,3		0,3	0,5	0,1	0,1
Уксус	0,2		2			
Картофель и овощи	500	500	650—1000	500	600	650
Мыло хозяйственное на месяц	200	300	300	н.св.	н.св.	200

Уже в одной из первых своих директив 24 июня 1941 г. начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Мехлис требовал:

«…систематически фотографировать пленных, в особенности парашютистов в их одежде, а также захваченные и подбитые нашими войсками немецкие танки, самолеты и другие боевые трофеи. Снимки срочно и регулярно высылать в Москву. Шлите также наиболее интересные опросы пленных и документы. Все это будет использоваться в целях пропаганды».

В листовках, которые были обращены к немецким и финским солдатам, им гарантировались жизнь и хорошее обращение. Впрочем, сколь-нибудь заметного влияния на врага советская пропаганда не оказала. Одной из причин такого провала стали неоднократные случаи убийства пленных немцев красноармейцами. Таких случаев было сравнительно немного, однако умалчивать о них или пытаться найти им оправдание было бы большой ошибкой, тем более что факты негуманного

отношения советских солдат к германским пленным немедленно широко «пиарились» нацистской пропагандой. Впоследствии именно боязнь смерти от рук «безжалостного врага» стала причиной гибели многих солдат Вермахта, которые предпочитали смерть от голода и тифа советскому плену.

Несмотря на то что с декабря 1941-го по конец апреля 1942 г. Красная Армия находилась почти в непрерывном наступлении, ей не удалось захватить большое число военнопленных. Это объясняется тем, что части Вермахта либо своевременно отступали, либо быстро деблокировали свои окруженные подразделения, не позволяя советским войскам уничтожать «котлы». В результате первым крупным окружением, которое Красной Армии удалось довести до конца, стало окружение германской 6-й армии под Сталинградом. 19 ноября 1942 г. началось советское контрнаступление. Через несколько дней кольцо окружения было закрыто. Красная Армия приступила к постепенной ликвидации «котла», одновременно отбивая попытки прорвать его снаружи.

К Рождеству 1942 г. попытки германского командования пробить советскую оборону и установить связь с окруженными закончились крахом. Шанс вырваться из «котла» также был упущен. Оставалась еще иллюзия, что обитателей «котла» можно будет снабжать по воздуху, однако Сталинградский «котел» отличался от Демянского и Холмского размерами, удаленностью от линии фронта, а главное – численностью окруженной группировки. Но самым важным отличием было то, что советское командование училось на своих ошибках и предприняло меры для борьбы с «воздушным мостом». Еще до конца ноября ВВС и зенитная артиллерия уничтожили несколько десятков транспортных самолетов. К концу Сталинградской эпопеи немцы потеряли 488 «транспортов» и бомбардировщиков, а также около 1000 человек летного состава. При этом даже в самые спокойные дни обороняющиеся так и не получали причитавшиеся им 600 тонн снабжения в сутки.

Стоит отметить, что проблемы со снабжением у группировки Паулюса начались еще задолго до начала советской операции «Уран». В сентябре 1942 г. фактический рацион продовольствия, который получали солдаты 6-й армии, составлял около 1800 калорий в сутки при потребности с учетом нагрузок – 3000–4000. В октябре 1942 г. командование 6-й армии сообщило ОКХ о том, что с августа «условия жизни во всем радиусе действия 6-й армии одинаково плохие». Организация дополнительного снабжения продовольствием за счет реквизиции местных источников была далее невозможна (проще говоря, все, что солдаты доблестного

Вермахта награбили у мирного населения, было съедено). По этой причине командование 6-й армии просило увеличить суточный рацион хлеба с 600 до 750 граммов. На трудности со снабжением накладывалось и постоянно нарастающее физическое и психическое истощение солдат и офицеров. К моменту начала советского контрнаступления эти трудности казались ужасающими, однако настоящий ужас начался после 19 ноября. Непрерывные бои с наступающей Красной Армией, медленное отступление к Сталинграду, страх смерти, которая все более казалась неотвратимой, постоянное переохлаждение и недоедание, постепенно превратившееся в голод, быстро подтачивали мораль и дисциплину.

Недоедание было самой большой проблемой. С 26 ноября норма продовольствия в «котле» была сокращена до 350 г хлеба и 120 г мяса. 1 декабря норму выдачи хлеба пришлось уменьшить до 300 г. 8 декабря норма выдачи хлеба была уменьшена до 200 г. Стоит напомнить, что минимальная норма хлеба, выдававшаяся в блокадном Ленинграде рабочим в ноябре – декабре 1941 г., составляла 250 г. Впрочем, какое-то время немцы получали к своей тощей пайке приварок из конины.

Голодный человек быстро теряет способность думать, впадает в апатию и становится безразличным ко всему. Обороноспособность германских войск быстро падала. 12 и 14 декабря командование 79-й пехотной дивизии сообщило в штаб 6-й армии, что вследствие продолжительных боев и недостаточного снабжения продовольствием дивизия не в силах больше удерживать свои позиции.

К Рождеству, на несколько дней, солдатам передовой линии давали дополнительные 100 г. Известно, что в то же время некоторые солдаты в «котле» получали не больше 100 г хлеба. (Для сравнения: столько же – минимум в осажденном Ленинграде получали дети и иждивенцы Ораниенбаума.) Даже если это и не так, подобная «диета» в течение достаточно длительного времени для тысяч взрослых мужчин, испытывавших экстремальные физические и психические нагрузки, означала только одно – смерть. И она не заставила себя ждать. С 26 ноября по 22 декабря в 6-й армии было зарегистрировано 56 смертельных случаев, «при которых существенную роль сыграл недостаток питания».

К 24 декабря таких случаев было уже 64. 20 декабря из IV армейского корпуса поступило донесение о том, что «из-за потери сил умерли два солдата». Стоит заметить, что голод убивает взрослых мужчин еще до того, как у них наступает полная дистрофия. Они вообще переносят голод хуже, чем женщины. Первыми жертвами недоедания в блокадном Ленинграде,

например, были именно работоспособные и работавшие мужчины, которые получали больший паек, чем служащие или иждивенцы. 7 января регистрируемая смертность от голода составляла уже 120 человек в день.

Паулюс и его подчиненные прекрасно осознавали, в какое катастрофическое положение попали их войска. 26 декабря начальник тыла окруженной группировки майор фон Куновски в телеграфном разговоре с полковником Финком, начальником тыла 6-й армии, находившимся за пределами кольца, написал:

«Я прошу всеми средствами позаботиться о том, чтобы завтра нам были доставлены самолетами 200 тонн… я в жизни никогда не сидел так глубоко в дерьме».

Однако никакие мольбы не могли исправить непрерывно ухудшающуюся ситуацию. В период с 1 по 7 января в LI корпусе в сутки на человека выдавался рацион в 281 г брутто при норме в 800. Но в этом корпусе обстановка была сравнительно неплохой. В среднем по 6-й армии выдача хлеба сократилась до 50—100 г. Солдаты на передовой линии получали по 200. Поразительно, но при такой катастрофической нехватке пищи некоторые склады внутри «котла» буквально ломились от продовольствия и в таком виде попали в руки Красной Армии. Этот трагический курьез связан с тем, что к концу декабря из-за острой нехватки топлива полностью остановился грузовой транспорт, а ездовые лошади передохли или были забиты на мясо. Система снабжения внутри «котла» оказалась полностью дезорганизованной, и часто солдаты погибали от голода, не зная, что спасительная еда находится от них буквально в нескольких километрах. Впрочем, в 6-й армии оставалось все меньше людей, способных пешком преодолеть и такое небольшое расстояние. В 20-х числах января командир одной из рот, которой предстояло совершить полуторакилометровый марш, притом что обстрел с советской стороны отсутствовал, сказал своим солдатам: «Кто будет отставать, того придется оставить лежать в снегу, и он замерзнет». 23 января той же роте для четырехкилометрового марша понадобилось время с 6 утра до наступления темноты.

С 24 января система снабжения в «котле» полностью развалилась. По свидетельствам очевидцев, в некоторых районах окружения питание улучшилось, поскольку никакого учета распределения продовольствия уже не было. Контейнеры, сбрасываемые с самолетов, разворовывались, а организовать доставку остальных просто не было сил. Командование предпринимало против мародеров самые драконовские меры. В последние недели существования «котла» полевой жандармерией были расстреляны десятки солдат и унтер-офицеров, но

большинству обезумевших от голода окруженцев было уже все равно. В те же дни в других районах «котла» солдаты получали 38 г хлеба, а банка шоколада «Кола» (несколько круглых плиток тонизирующего шоколада величиной с ладонь) делилась на 23 человека.

С 28 января питание организованно выдавалось только солдатам на передовой. В последние дни существования котла большинство больных и раненых, которых уже в декабре было около 20 ООО, в соответствии с приказом Паулюса вообще не получали никакой пищи. Даже с учетом того, что значительное количество раненых успели вывезти на самолетах, штаб 6-й армии, который не контролировал ситуацию, считал, что на 26 января их было 30–40 тысяч. Ходячие раненые и больные толпами бродили в поисках съестного по всей территории сжимающегося котла, заражая еще не больных солдат.

По неподтвержденным данным, в 20-х числах января были замечены случаи каннибализма.

Другим бичом окруженной под Сталинградом армии был холод. Нельзя сказать, что поздняя осень и зима 1942–1943 гг. в приволжских степях были какими-то особенно экстремальными. Так, 5 декабря температура воздуха была 0 градусов. В ночь с 10 на 11 декабря она опустилась до минус 9, а 15 декабря снова поднялась до нуля. В январе сильно похолодало. В течение месяца температура ночью колебалась от минус 14 до 23 градусов мороза. 25–26 января, когда началась агония армии Паулюса, столбики термометров опустились до минус 22. Средняя дневная температура в январе колебалась от нуля до пяти градусов мороза. При этом сталинградскую степь постоянно продувал резкий и сырой холодный ветер. Еще одной особенностью приволжских степей, как и любых других, является почти полное отсутствие в них деревьев. Единственным местом, откуда теоретически можно было бы доставить топливо (дрова или уголь), был Сталинград. Однако доставлять его было не на чем. В результате к голоду присоединился еще один «тихий убийца». В обычных условиях, когда человек может согреться и отдохнуть, когда он нормально питается, длительное пребывание на холоде не представляет для него никакой опасности. Ситуация в Сталинграде была иной. Конечно, германское командование учло уроки зимы 1941/42 гг. Для Вермахта были разработаны теплые ватные комплекты, меховые шапки-ушанки и масса приспособлений для обогрева блиндажей. Часть этого богатства попало в 6-ю армию, однако всем солдатам теплой одежды не хватило. Впрочем, по мере вымирания обитателей «котла» достать одежду становилось все проще и проще, поскольку

трупам она уже не нужна. Фактически к моменту капитуляции Паулюса потребности окруженных в теплой одежде были удовлетворены, причем многократно. Однако для того, чтобы согреться, человеку нужен огонь, а получить его оказалось слишком трудно. Холод и сырость делали свое дело. Обморожения и отморожения, обострение хронических заболеваний, проблемы иммунной системы, пневмония, заболевания почек, фурункулез, экзема – вот лишь небольшой список болезней, которые несет человеку постоянное переохлаждение. Особенно тяжко на холоде приходилось раненым солдатам. Даже не очень значительная царапина могла обернуться гангреной. Ужас состоял в том, что солдаты, получившие даже ранения средней степени тяжести, подлежали немедленной эвакуации в тыл. Исходная концепция «Медицины блицкрига» не предполагала, что Вермахт будет попадать в котлы, из которых невозможно вывезти раненых, и исключала из системы эвакуации батальонные и полковые медпункты. На передовой, в войсках, были только средства первой помощи и почти не было квалифицированных хирургов. Таким образом, раненые были обречены на смерть.

Еще в конце сентября рядом с солдатами 6-й армии, а точнее, прямо на них, появились предвестники еще одной беды: вши. Биологические виды головная вошь (Pediculus Humanus Capitis), платяная вошь (Pediculus Humanus Corporis) могут паразитировать только на человеке. Возможно, несколько носителей вшей приехали в Сталинград вместе с армией, возможно, солдаты Вермахта заразились от местных жителей или в жутких условиях города, когда пользовались чужими вещами. Вши размножаются с ужасающей стремительностью. За неделю одна особь может принести 50 ООО личинок. Поразительно, но немцы, уровень медицины которых значительно превосходил советский, так и не смогли победить вшей. Дело в том, что они использовали против паразитов химические порошки, в то время как в Красной Армии, имевшей печальный опыт Гражданской войны, главным средством борьбы против насекомых была обработка одежды паром, стрижка «под ноль» и баня. Конечно, вши «не миловали» никого, но немецких солдат они «жаловали» особенно. Естественно, что в сталинградских степях трудно было обустроить баню и прожарку одежды. Кроме того, апатия, в которую постепенно впадали немецкие солдаты, не способствует соблюдению элементарных правил личной гигиены. Именно поэтому уже с октября 6-я армия обовшивела. В один из дней поздней осени с двенадцати военнопленных в военно-полевом госпитале было снято 1,5 кг (!) вшей, что в среднем давало цифру

в 130 г на одного человека. Таким образом, при среднем весе имаго вши – 0,1 мг с одного раненого снимали до 130 ООО особей! Единичная смертность от сыпного тифа и прочих инфекционных заболеваний наблюдалась в группировке Паулюса еще до окружения. В последние недели существования «котла» больные сбредались в Сталинград, который постепенно превратился в настоящий тифозный очаг.

Еще до начала контрнаступления под Сталинградом советское командование из показаний военнопленных и донесений разведки представляло себе в общем, что происходит в армии Паулюса, но никто не мог ожидать, насколько плохо обстоят там дела. Начиная с 19 ноября приток пленных резко возрос. Оказалось, что многие из них находятся в достаточно истощенном состоянии, завшивлены и страдают от переохлаждения. Через несколько недель нарком внутренних дел Лаврентий Берия, обеспокоенный высокой смертностью среди пленных, приказал своим подчиненным разобраться в ее причинах. Отметим, что Лаврентий Павлович вряд ли руководствовался в своих действиях исключительно принципами гуманизма. Во-первых, высокая смертность военнопленных могла быть использована вражеской пропагандой. Во-вторых, каждый умерший немец или румын не мог, по причине своей смерти, быть впоследствии использован на работах, а рабочие руки, даже руки военнопленных, были в тот момент крайне необходимы. Наконец, в-третьих, конкуренты и недоброжелатели могли усомниться в организаторских способностях Генерального комиссара Госбезопасности.

30 декабря заместитель наркома внутренних дел СССР Иван Серов предоставил своему патрону докладную записку, в которой говорилось:

«В связи с успешными действиями частей Красной Армии на Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах отправка военнопленных проходит с большими затруднениями, в результате чего происходит большая смертность среди военнопленных.

Как устанавливается, основными причинами смертности являются:

1. Румынские и итальянские военнопленные от 6 —7 и до 10 суток до сдачи в плен не получали пищи ввиду того, что все продовольствие, поступавшее на фронт, шло в первую очередь немецким частям.

2. При взятии в плен наши части военнопленных пешком гонят по 200–300 км до железной дороги, при этом их снабжение тыловыми частями Красной Армии не организовано и зачастую по 2–3 суток в пути военнопленных вовсе не кормят.

3. Пункты сосредоточения военнопленных, а также приемные пункты НКВД должны Штабом тыла Красной Армии обеспечиваться продовольствием и обмундированием на путь следования. Практически этого не делается, и в ряде случаев при погрузке эшелонов военнопленным выдают вместо хлеба муку, а посуда отсутствует.

4. Органы военных сообщений Красной Армии подают вагоны для отправки военнопленных, не оборудованные нарами и печами, а в каждый вагон грузится по 50–60 чел.

Кроме того, значительная часть военнопленных не имеет теплой одежды, а трофейного имущества службы тылов фронтов и армий для этих целей не выделяют, несмотря на указание тов. Хрулева по этим вопросам…

И, наконец, вопреки Положению о военнопленных, утвержденному СНК СССР, и распоряжению Главвоенсанупра Красной Армии раненые и больные военнопленные не принимаются во фронтовые госпитали и направляются в приемные пункты ».

Эта докладная записка породила довольно жесткую реакцию на самом верху командования Красной Армией. Уже 2 января 1943 г. был издан приказ наркома обороны № 001. Он был подписан заместителем наркома, начальником интендантской службы РККА генерал-полковником интендантской службы А.В. Хрулевым, но нет сомнений в том, что эта бумага не ускользнула от внимания самого Верховного Главнокомандующего:

«№ 0012 января 1943 г.

Практика организации направления и обеспечения военнопленных на фронте и в пути в тыловые лагеря устанавливает ряд серьезных недочетов:

1. Военнопленные подолгу задерживаются в частях Красной Армии. С момента пленения до поступления в пункты погрузки военнопленные проходят пешком по 200–300 километров и почти не получают никакой пищи, вследствие чего прибывают резко истощенными и больными.

2. Значительная часть военнопленных, не имея собственной теплой одежды, несмотря намой указания, не обеспечивается из трофейного имущества.

3. Военнопленные, идущие с места пленения к пунктам погрузки, часто охраняются мелкими группами бойцов или вовсе не охраняются, вследствие чего расходятся по населенным пунктам.

4. Пункты сосредоточения военнопленных, а также приемные пункты НКВД, которые в соответствии с указаниями Штаба тыла Красной Армии и Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии должны обеспечиваться фронтами продовольствием, вещдовольствием и транспортом, получают их

в крайне ограниченных количествах, совершенно не удовлетворяющих минимальные нужды. Это не позволяет обеспечивать военнопленных по установленным нормам довольствия.

5. ВОСО фронтов несвоевременно и в недостаточном количестве выделяют подвижной состав для отправки военнопленных в тыловые лагеря; кроме того, предоставляют вагоны, совершенно не оборудованные для людских перевозок: без нар, печей, унитазов, дров и хозинвентаря.

6. Вопреки положению о военнопленных, утвержденному СНК СССР, и распоряжению Главвоенсанупра, раненые и больные военнопленные не принимаются во фронтовые госпитали и направляются в приемные пункты и лагеря НКВД с общими этапами.

По этим причинам значительная часть военнопленных истощается и умирает еще до отправки в тыл, а также в пути следования.

В целях решительного устранения недочетов в обеспечении военнопленных и сохранения их как рабочей силы приказываю:

Командующим фронтов:

1. Обеспечивать немедленную отправку военнопленных войсковыми частями в пункты сосредоточения. Для ускорения отправки использовать все виды транспорта, идущие порожняком с фронта.

2. Обязать командиров частей питать военнопленных в пути до передачи их в приемные пункты НКВД по нормам, утвержденным Постановлением СНК СССР № 18747874с. Колоннам военнопленных придавать походные кухни из трофейного имущества и необходимый транспорт для перевозки продуктов.

3. В соответствии с положением о военнопленных, утвержденным Постановлением СНК СССР № 17987800с от 1 июля 1941 г., своевременно оказывать все виды медицинской помощи раненым и больным военнопленным.

Категорически запретить направление в общем порядке раненых, больных, обмороженных и резко истощенных военнопленных и передачу их в приемные пункты НКВД. Эти группы военнопленных госпитализировать с последующей эвакуацией в тыловые спец-госпитали, довольствуя их по нормам, установленным для больных военнопленных.

4. Выделять достаточное количество войсковой охраны для сопровождения военнопленных с места пленения до приемных пунктов НКВД.

5. Во избежание длительных пеших переходов максимально приблизить пункты погрузки военнопленных к местам их

концентрации.

6. Командирам частей при отправлении военнопленных сдавать их конвою по акту с указанием количества конвоируемых, запаса продовольствия, выданного для военнопленных, и приданного колонне-эшелону имущества и транспорта. Акт о приеме военнопленных предъявить при сдаче их в приемные пункты.

Начальникам конвоев передавать по акту все документы, изымаемые у военнопленных, для доставки их в приемные пункты НКВД.

7. Суточный пеший переход военнопленных ограничить 25–30 километров. Через каждые 25–30 километров пешего перехода устраивать привалы-ночевки, организовывать выдачу военнопленным горячей пищи, кипятка и предоставлять возможность обогрева.

8. Оставлять у военнопленных одежду, обувь, белье, постельные принадлежности и посуду. В случае отсутствия у военнопленных теплой одежды, обуви и индивидуальной посуды обязательно выдавать недостающее из трофейного имущества, а также из вещей убитых и умерших солдат и офицеров противника.

9. Командующим фронтов и военных округов:

а) в соответствии с распоряжениями штаба Главного управления тыла Красной Армии за № 24/ 103892 от 30. 11. 42 г. и Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии за № 3911/ш от 10.12.42 г. немедленно проверить обеспеченность приемных пунктов НКВД и лагерей-распределителей продуктами питания, создать необходимые запасы на пунктах и в лагерях-распределителях для бесперебойного питания военнопленных;

б) полностью обеспечить приемные пункты и лагеря-распределители НКВД транспортом и хозинвентарем. В случае массового поступления военнопленных немедленно выделять пунктам и лагерям дополнительно необходимый транспорт и инвентарь.

10. Начальнику ВОСО Красной Армии:

а) обеспечивать подачу необходимого количества вагонов для немедленной отправки военнопленных в лагеря; оборудовать вагоны нарами, печами, унитазами и бесперебойно снабжать топливом в пути следования; использовать для эвакуации военнопленных в тыл эшелоны, освобождающиеся из-под боесостава;

б) обеспечить быстрое продвижение эшелонов в пути наравне с воинскими перевозками;

в) организовать в Управлении ВОСО Красной Армии диспетчерский контроль над продвижением эшелонов с

военнопленными;

г) установить нормы погрузки военнопленных: в двухосные вагоны – 44–50 человек, четырехосные – 80–90 человек. Эшелоны военнопленных формировать не более 1500 человек в каждом;

д) обеспечить бесперебойное горячее питание военнопленным и пополнение путевого запаса продовольствия на всех военно-продовольственных и питательных пунктах по продаттестатам, выдаваемым воинскими частями, приемными пунктами и лагерями НКВД;

е) организовать безотказное снабжение военнопленных питьевой водой, обеспечить каждый двухосный вагон тремя и четырехосный – пятью ведрами.

11. Начальнику Главсанупра Красной Армии:

а) обеспечить госпитализацию раненых, больных, обмороженных и резко истощенных военнопленных в лечебных учреждениях Красной Армии на фронте и в прифронтовой полосе;

б) организовать их немедленную эвакуацию в тыловые спецгоспитали;

в) для медико-санитарного обслуживания военнопленных в пути выделять необходимый медицинский персонал с запасом медикаментов. Для этих целей также использовать медицинский персонал из военнопленных;

г) организовать на эвакопунктах просмотр и проверку проходящих эшелонов с военнопленными и оказание медицинской помощи заболевшим. Не могущих следовать по состоянию здоровья немедленно снимать с эшелонов и госпитализировать в ближайшие госпитали с последующей переотправкой в тыловые спецгоспитали;

д) проводить санитарные обработки военнопленных с дезинфекцией их личных вещей в пути следования эшелонов;

е) организовать комплекс противоэпидемических мероприятий среди военнопленных (до передачи их в лагеря НКВД).

12. Запретить отправление военнопленных в не оборудованных под людские перевозки и неутепленных вагонах, без необходимых запасов топлива, путевого запаса продовольствия и хозинвентаря, а также неодетых или необутых по сезону.

Заместитель Народного комиссара обороны генерал-полковник интендантской службы А. ХРУЛЕВ».

Забегая вперед, имеет смысл уточнить, что в течение всего 1943 г. наладить нормально эвакуацию военнопленных с фронта так и не удалось. Стоит предположить, что такой важный приказ был отдан слишком поздно, и глупо было бы ожидать, что он мог бы быть надлежащим образом выполнен менее чем через месяц, когда на Красную Армию обрушился поток истощенных до

крайнего состояния и больных военнопленных.

В первые дни января 1943 г. командующий войсками Донского фронта генерал-полковник Рокоссовский совместно с представителем Ставки генерал-полковником артиллерии Вороновым вспомнили стародавние времена и за два дня до начала операции по ликвидации «котла», с одобрения Москвы, обратились к командующему германской 6-й армии генерал-полковнику Паулюсу с ультиматумом следующего содержания.

«6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23-го ноября 1942 года. Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением

Красной Армии, вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных войск издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как Командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или любую страну, куда

изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут, по московскому времени, 9 января 1943 года в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд КОННЫЙ – станция КОТЛУБАНЬ.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность».

Паулюс отклонил ультиматум (по воспоминаниям Рокоссовского, советских парламентеров обстреляли с немецкой стороны), и 10 января 1943 г. на подступах к Сталинграду разверзся ад… Вот что вспоминал о последующих событиях командир 767-го гренадерского полка 376-й пехотной дивизии полковник Луитпольд Штейдле:

«10 января в 8 часов 5 минут русские начинают артиллерийский обстрел еще более сильный, чем 19 ноября: 55 минут воют «сталинские органы», гремят тяжелые орудия – без перерыва залп за залпом. Ураганный огонь перепахивает всю землю. Начался последний штурм котла.

Потом орудийный гром смолкает, приближаются выкрашенные в белое танки, за ними – автоматчики в маскировочных халатах. Мы оставляем Мариновку, затем Дмитриевку. Все живое драпает в долину Россошки. Мы окапываемся у Дубинина, а через два дня оказываемся в районе станции Питомник в Головой балке. Котел постепенно сжимается с запада на восток: 15-го до Россошки, 18-го до линии Воропоново – Питомник – хутор Гончара, 22-го до Верхне-Елшаши – Гумрака. Затем мы сдаем Гумрак. Исчезает последняя возможность самолетами вывозить раненых и получать боеприпасы и продовольствие.

(…) 16 января наша дивизия перестает существовать(…).

(…) Разложение усиливается. Иные офицеры, как, например, начальник оперативного отдела штаба нашей дивизии майор Вилуцки, удирают на самолете. После потери Питомника самолеты приземляются в Гумраке, который русские непрерывно обстреливают. Иные офицеры после расформирования их подразделений тайком бегут в Сталинград. Все больше офицеров хотят в одиночку пробиться к откатывающемуся назад немецкому фронту. Такие есть и в моей боевой группе (…)».

Вскоре и сам Штейдле присоединился к этому унылому потоку В Сталинграде в это время все еще шли уличные бои, город был буквально забит солдатами и офицерами, которые не знали, что им теперь делать. Кто-то лелеял надежду самостоятельно выбраться из котла, кто-то хотел понять, что происходит, и получить внятные приказы, а кто-то просто надеялся найти в городе еду и кров. Ни те, ни другие, ни третьи не достигли своих целей. Сталинград во второй половине января превратился в обстреливаемый со всех сторон остров отчаяния.

«По улице перед зарешеченными окнами движется несчетное число солдат. Уже много дней они переходят из одного окопа в другой, роются в брошенных автомашинах. Многие из них прибыли из укрепленных подвалов на окраинах Сталинграда; их выбили оттуда советские штурмовые группы; здесь они ищут, где бы укрыться. То тут, то там появляется офицер. В этой сутолоке он пытается собрать боеспособных солдат. Однако многие из них предпочитают присоединиться к какому-либо подразделению в качестве отставших. Советские войска наступают и безостановочно продвигаются из одного квартала, сада, заводской территории к другой, захватывая позицию за позицией. (…) *Многие предельно устали, чтобы самостоятельно покончить с этим и покинуть этот разваливающийся фронт. Такие продолжают сражаться, так как рядом с ними стоят другие, намеревающиеся защищать свою жизнь до последнего патрона, те, кто все еще видит в советском солдате настоящего врага или же боится возмездия.*

Вокруг нас – руины и дымящиеся развалины огромного города, а за ними течет Волга. Нас обстреливают со всех сторон. Где появляется танк, там одновременно видна и советская пехота, следующая непосредственно за «Т-34». Отчетливо слышны выстрелы и страшная музыка «сталинских органов», которые через короткие промежутки ведут заградительный огонь. Уже давно известно, что против них нет защиты. Апатия так велика, что это уже не причиняет беспокойства. Важнее вытащить из карманов или сухарных мешков убитых и раненых что-либо съедобное. Если кто-либо находит мясные консервы, он медленно

съедает их, а коробку вычищает распухшими пальцами так, как будто именно от этих последних остатков зависит, выживет он или нет. А вот еще одно ужасное зрелище: три или четыре солдата, скорчившись, сидят вокруг дохлой лошади, отрывают куски мяса и едят его сырым.

Таково положение «на фронте», на переднем крае. Генералам оно известно так же хорошо, как и нам. Им «доносят» обо всем этом, и они обдумывают новые оборонительные мероприятия».

Наконец с 30 января по 2 февраля остатки германских войск, оборонявшихся в котле, сложили оружие. К удивлению советских военных (которые оценивали окруженную группировку примерно в 86 тысяч человек), только в плен с 10 января по 22 февраля 1943 г. попали 91 545 немцев (в том числе 24 генерала и около 2500 офицеров), а были еще и десятки тысяч погибших. Состояние пленных было ужасным. Больше 500 человек находились без сознания, у 70 процентов была дистрофия, практически все страдали от авитаминоза и находились в состоянии крайнего физического и психического истощения. Были широко распространены воспаление легких, туберкулез, болезни сердца и почек. Почти 60 процентов пленных имели обморожения 2-й и 3-й степени с осложнениями в виде гангрены и общего заражения крови. Наконец, примерно 10 процентов находились настолько в безнадежном состоянии, что уже не было никакой возможности их спасти. Кроме всего прочего, пленные поступали в войска неравномерно, в течение всего января, а приказ о создании крупного фронтового лагеря был отдан 26-го числа этого месяца. Хотя лагерь, точнее несколько лагерей-распределителей, объединенных в управление № 108, с центром в поселке Бекетовка, начал функционировать уже в первых числах февраля, надлежащим образом обустроить его, конечно же, не удалось.

Но для начала пленных нужно было вывести из Сталинграда и как-то доставить в лагеря, которые находились от города примерно на расстоянии, не превышавшем суточного перехода воинской части, состоящей из здоровых людей. В наши дни Бекетовка уже вошла в городскую черту Волгограда. В летний день пеший путь от центра города до этого района занимает около пяти часов. Зимой потребуется больше времени, но для здорового человека такое «путешествие» не станет слишком трудным. Иное дело – истощенные до предела немцы. Тем не менее их нужно было срочно выводить из Сталинграда. Город был практически полностью разрушен. Отсутствовали помещения, пригодные для размещения огромного количества людей, не функционировала система водоснабжения. Среди пленных

продолжали распространяться сыпной тиф и прочие инфекционные болезни. Оставить их в Сталинграде означало обречь на смерть. Длительные марши к лагерям тоже не сулили ничего хорошего, но хотя бы оставляли шансы на спасение. В любой момент город мог превратиться в эпидемический очаг, а смертельные болезни перекинуться на красноармейцев, которых в Сталинграде тоже собралось огромное количество. Уже 3–4 февраля способных передвигаться немцев, которые все еще ждали, что их расстреляют, построили в колонны и начали выводить из города.

Некоторые современные исследователи сравнивают вывод военнопленных из Сталинграда с «маршами смерти» в Юго-Восточной Азии, в ходе которых от рук японцев погибли тысячи американских и британских военнопленных. Есть ли почва для таких сравнений? Скорее нет, чем да. Во-первых, зверства японцев подтверждаются конкретными и многочисленными свидетельствами. Во-вторых, американцы и британцы попадали в плен здоровыми или сравнительно здоровыми (как, кстати, и красноармейцы в плен к немцам). В случае со Сталинградом конвоям приходилось иметь дело с людьми, значительная часть которых фактически находилась при смерти. Существуют анонимные свидетельства того, что некоторых, вконец обессилевших пленных, которые не могли больше двигаться, пристреливали конвоиры. В то же время военный врач Отто Рюле в своей книге «Исцеление в Елабуге» рассказывает о том, что всех упавших немецких солдат пересаживали на сани и везли до лагеря. А вот как описывает свой путь в лагерь полковник Штейдле:

«Группа офицеров, пополненная несколькими солдатами и унтер-офицерами, была построена в колонну по восемь человек (в восемь рядов). Предстоял марш, который потребовал от нас напряжения всех сил. Мы взяли друг друга под руки. Пытались сдерживать темп марша. Но для тех, кто шел в конце колонны, он был все же слишком быстрым. Призывы и просьбы идти медленнее не прекращались, и это было тем более понятно, что мы взяли с собой многих с больными ногами, а они с трудом могли двигаться по наезженной, блестевшей как зеркало, оледеневшей дороге. Чего только я как солдат не видел на этих маршах! Бесконечные ряды домов, и перед ними – даже у маленьких хаток – с любовью ухоженные огороды и садики, а позади – играющие дети, для которых все, что происходит, либо стало обыденным, либо осталось непостижимым. А потом все время тянулись бесконечные поля, перемежающиеся с лесными полосами и крутыми или пологими холмами. Вдалеке проглядывали контуры промышленных

предприятий. Часами мы маршировали или ехали вдоль железных дорог и каналов. Были испытаны все способы переходов, вплоть до использования горной дороги на головокружительной высоте. А затем снова марши мимо дымящихся развалин, в которые были превращены существовавшие в течение столетий населенные пункты. (…) По обе стороны нашего пути простирались заснеженные поля. По крайней мере, так казалось нам в то январское утро, когда морозный воздух смешивался со спускавшимся туманом, и земля как бы терялась в бесконечности. Только время от времени можно было увидеть тесно сгрудившихся военнопленных, которые, как и мы, совершали этот марш, марш вины и позора! (…) Примерно через два часа мы добрались до большой группы зданий при въезде в Бекетовку».

При этом Штейдле подчеркивает корректное поведение конвоя и тот факт, что солдаты выстрелами в воздух отгоняли гражданских, которые пытались подойти к колонне.

Пленные в Сталинграде продолжали прибывать до 22 февраля 1943 г. В этот день в городе и его окрестностях насчитывалось 91 545 вражеских военнослужащих, часть из которых уже была мертва. В первые же дни с размещением пленных возникли большие проблемы. В частности, бекетовский лагерь не был оборудован достаточными площадями. Обратимся снова к воспоминаниям Штейдле:

«Нас разместили там во всех помещениях от подвала до чердака, большей частью группами по восемь, десять или пятнадцать человек. Кто сначала не захватил себе места, тому пришлось стоять или сидеть на площадках лестницы как придется. Зато в этом здании были окна, была крыша, вода и временно оборудованная кухня. Напротив главного здания находились уборные. В соседнем здании была санитарная часть с советскими врачами и медсестрами. Нам разрешили в любое время дня ходить по большому двору, встречаться и разговаривать друг с другом.

Чтобы избежать сыпного тифа, холеры, чумы и всего прочего, что могло возникнуть при таком скоплении людей, была организована широкая кампания по предохранительным прививкам. Однако для многих это мероприятие оказалось запоздалым. Эпидемии и тяжелые болезни были распространены еще в Сталинграде. Кто заболевал, тот умирал один или среди товарищей, где придется: в переполненном, наспех оборудованном под лазарет подвале, в каком-нибудь углу, в снежном окопе. Никто не спрашивал о том, отчего умер другой. Шинель, шарф, куртка мертвого не пропадали – в этом нуждались живые. Через них-то и заражались очень многие. И здесь, в Бекетовке, проявилось то, что мы считали совершенно невозможным, но что сделало чрезвычайно

ясным и преступный характер действий Гитлера, и нашу собственную вину за то, что мы не выполнили давно созревшего решения: физический, психический и духовный крах небывалого масштаба. Многие сумевшие выбраться из сталинградского пекла не выдержали и погибли от сыпного тифа, дизентерии или полного истощения физических и психических сил. Любой, кто еще несколько минут назад был жив, мог неожиданно рухнуть на пол и уже через четверть часа оказаться среди мертвых. Любой шаг для многих мог стать роковым. Шаг во двор, откуда больше не вернешься, шаг за водой, которую больше не выпьешь, шаг с буханкой хлеба под мышкой, которую больше не съешь… Неожиданно переставало работать сердце.

Советские женщины– врачи и санитарки , – часто жертвуя собой и не зная покоя, боролись против смертности. Они спасли многих и помогали всем. И все же прошла не одна неделя, прежде чем удалось приостановить эпидемии».

Сталинградских пленных отправляли не только на окраины разрушенного города. Вообще на месте предполагалось оставить раненых, больных и еще 20 ООО человек, которые должны были заниматься восстановлением Сталинграда. Прочие подлежали распределению в лагеря, находившиеся в других районах страны. Так, уцелевших офицеров и генералов разместили в подмосковном Красногорске, Елабуге, Суздале и в Ивановской области. Так вышло, что именно те, кто был вывезен из Сталинградской области, составили значительную часть выживших. Большинство же пленных ждала печальная участь. Сначала умирали раненые. На момент пленения в немедленной госпитализации нуждалось не менее 40 ООО человек. Однако лагерь № 108 изначально не был оборудован госпиталями. Они начали свою работу только 15 февраля. К 21 февраля медицинскую помощь получили уже 8696 военнопленных, из которых 2775 были обморожены, а 1969 нуждались в хирургических операциях в связи с ранениями или болезнями. Несмотря на это, люди продолжали умирать.

Повальная смертность среди военнопленных серьезно обеспокоила руководство СССР. В марте была сформирована совместная комиссия Наркомздрава, НКО, НКВД и Исполкома союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, которая должна была обследовать лагеря Управления лагеря № 108 и определить причины столь высокой смертности. В конце месяца комиссия обследовала лагерь в Хреновое. В акте обследования говорилось:

«По данным актов физического состояния прибывших в лагерь военнопленных, они характеризуются следующими данными: а)

здоровых – 29 проц.,

б) больных и истощенных – 71 проц. Физическое состояние определялось по наружному виду, к группе здоровых относились военнопленные, могущие самостоятельно передвигаться».

Другая комиссия, обследовавшая через несколько дней лагерь военнопленных «Вельск», в своем акте записала:

«У военнопленных выявлена крайняя завшивленность, их состояние очень истощенное. 57 проц.

смертности падает на дистрофию, 33 проц. – на сыпной тиф и 10 проц. – на другие заболевания… Сыпной тиф, завшивленность, авитаминоз отмечались у немецких военнопленных еще во время пребывания в окружении в районе Сталинграда».

В общих выводах комиссии говорилось, что многие военнопленные прибыли в лагеря с заболеваниями, имевшими необратимый характер. Как бы то ни было, к 10 мая

1943 г. 35 099 первых обитателей бекетовских лагерей были госпитализированы, 28 098 человек отправлены в другие лагеря, а еще 27 078 человек умерли. Судя по тому, что после войны в Германию вернулось не больше 6000 человек, плененных под Сталинградом, среди которых было много офицеров, чье пребывание в плену проходило в относительно комфортных условиях, можно предположить, что большинство «сталинградцев», захваченных Красной Армией, не пережило 1943 г.

Из ошибок, допущенных зимой 1943 г., когда советской стороне пришлось принимать большую группу военнопленных, были сделаны выводы. Уже в середине мая всем начальникам лагерей была разослана Директива НКВД СССР о необходимости принятия мер по улучшению санитарно– бытовых условий содержания военнопленных.

Москва 15 мая 1943 г.

Сов. секретно

Начальнику УНКВД _ т.

Копия: Начальнику лагеря ____ военнопленных

т. _____

Учитывая, что основная масса военнопленных, захваченных в плен зимой 1942/43 гг., *к моменту пленения оказались крайне истощенными, больными, ранеными и обмороженными, в связи с чем работа по восстановлению физического состояния военнопленных и ликвидация случаев заболеваемости и смертности военнопленных до последнего времени не дала должных результатов, НКВД СССР в дополнение к ранее данным директивам предлагает:*

1. Принять необходимые меры улучшения бытовых условий военнопленных. Привести в образцовое санитарное состояние жилые помещения и территорию лагеря. Обеспечить достаточную пропускную способность бань, дезокамер и прачечных, полностью ликвидировать вшивость среди военнопленных.

2. Улучшить лечение каждого в отдельности военнопленного.

3. Организовать дифференцированное лечебное питание для истощенных и больных.

4. Пропустить весь контингент военнопленных через медицинскую комиссию и освободить от работы с зачислением в оздоровительные команды ослабленных, выдавая им по 750 граммов хлеба в день и увеличенное на 25 % питание впредь до полного восстановления трудоспособности. Для военнопленных, ограниченно трудоспособных, установить снижение на 25–50 % нормы выработки с выдачей им полной нормы питания.

Медицинское обследование военнопленных производить не реже одного раза в месяц.

5. Принять меры к полному и своевременному снабжению лагерей военнопленных всеми видами довольствия, в частности овощами, витаминозными продуктами и продуктами для диетпитания.

6. Обеспечить лагерь положенным нательным бельем и постельными принадлежностями в пределах потребности.

Для обеспечения проведения указанных мероприятий по предотвращению смертности и налаживанию медико-санитарного обслуживания военнопленных начальнику УНКВД т. _____ лично выехать на место и принять меры по оказанию помощи лагерю.

О состоянии лагеря военнопленных и выполнении настоящей директивы начальнику УНКВД т. _____ регулярно докладывать в НКВД СССР через начальника Управления по делам военнопленных генерал-майора Петрова.

Зам. наркома т. Круглову систематически проверять выполнение настоящей директивы.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

В дальнейшем эксцессов, подобных сталинградскому, в советских лагерях для военнопленных не происходило. Всего за период с 1941 по 1949 г. в СССР от различных причин умерло или погибло больше 580 тысяч военнопленных разных национальностей – 15 процентов от общего числа взятых в плен. Для сравнения, потери советских военнопленных составили 57 процентов. Если же говорить о главной причине смерти сталинградских пленных, то она очевидна – это отказ Паулюса от подписания капитуляции 8 января. Нет сомнений, что и в этом

случае многие немецкие солдаты не выжили, однако большинству удалось бы спастись. Собственно, если бы значительная часть плененных немецких генералов и офицеров не увидели, с каким равнодушием относится к их судьбам собственное командование, а потом не ощутили на себе самоотверженность, с которой простые советские люди, их враги, сражались за их здоровье, вряд ли они стали бы участвовать в создании комитета «Свободная Германия».

Александр Дюков. «Die aktion kaminsky»: локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА

Для российских историков-ревизиоиистов история «Локотского автономного округа» и сформированной в нем бригады Бронислава Каминского давно стала своеобразной «Малой землей». Подобно тому как в эпоху «застоя» действия 18-й армии на Новороссийском плацдарме стали превращаться чуть ли не в главное событие Великой Отечественной, в наше время ясно наметилась тенденция рассматривать создание в поселке Локоть на Брянщине местного самоуправления как событие практически всемирно-исторического значения, как некую «альтернативу» борьбе против пришедших на нашу землю оккупантов.

Разумеется, подобная точка зрения в российском обществе является откровенно маргинальной; ее сторонников можно встретить разве что среди полубезумных «истинно православных» сектантов, празднующих день рождения Гитлера неонацистов, сгруппировавшихся вокруг журнала «Посев» неовласовцев да прагматично отрабатывающих зарубежные гранты «либералов». А вот в историографии апологетика «локотской альтернативы» парадоксальным образом оказывается господствующей – просто потому, что писать о ней предпочитают почти исключительно ревизионисты. И пишут они активно: к настоящему времени о «Локотском округе» опубликовано четыре книги и несколько десятков статей [96] . При этом, правда, особого прироста фактической информации не наблюдается: в качестве основного источника в большинстве случаев используется издававшаяся в Локоте коллаборационистская пресса да отдельные сообщения советских партизан. Еще одна примета ревизионистской историографии – практически полный отказ от исследования преступлений формирований РОНА, совершавшихся во время карательных операций против советских партизан. Зато партизаны в работах ревизионистов непременно предстают кровавыми бандитами.

Публикуемая статья не претендует на полное раскрытие всех тем, связанных с историей Локотского округа бригады Каминского. За скобками остается участие бригады РОНА в борьбе с белорусскими партизанами под Лепелем, участие «каминцев» в подавлении Варшавского восстания и многие другие

не менее интересные сюжеты. Написание полной истории «бригады Каминского» – дело будущего, пусть и недалекого. Пока же попробуем найти ответы на вопросы, связанные с т. н. «Локотским округом». Чем на самом деле являлось это административное образование? Действительно ли формирования Каминского, а не советские партизаны были «хозяевами Брянских лесов»? Участвовали ли «каминцы» в нацистском геноциде против населения оккупированных областей?

1. Оперативная обстановка

Для начала уясним обстановку на оккупированной нацистами Брянщине. Оккупирована эта территория была в начале октября 1941 г. Сокрушив войска Брянского фронта, 2-я танковая армия Гудериана ушла дальше – на Тулу и Москву. А перед командующим тылом армии встала нелегкая задача организации на захваченных территориях оккупационного порядка.

Анализ немецких документов, проведенный американскими историками, свидетельствует, что главной проблемой командующего тылом был недостаток войск. «После продвижения боевых частей дальше на восток ответственность за управление и обеспечение безопасности в этом регионе была возложена на командование тыловых частей второго эшелона. Имеющихся в их распоряжении сил едва хватало для занятия крупных центров и защиты главных линий коммуникаций» [97] .

Главными коммуникационными линиями были, естественно, железные дороги. В области их было немало. С запада в область вели две железные дороги: Гомель– Клинцы – Унеча – Брянск с юго-запада и Смоленск– Рославль – Брянск с северо-запада. Из Брянска железные дороги расходились по четырем направлениям. На юг шла железнодорожная ветка Брянск – Навля – Льгов– Харьков. От Льгова на восток уходила железная дорога к Курску. На юго-восток из Брянска шла железная дорога на Орел; на северо-восток – к Калуге, на севере – к Кирову и Вязьме. Еще одна железнодорожная ветка напрямую связывала Орел и Курск.

Значительная протяженность железных дорог сама по себе делала их защиту довольно-таки трудным делом. Ситуация усугублялась тем, что Брянщина была покрыта густыми лесами, в которых находили укрытие «окруженцы» разбитого Брянского фронта, а также организованные местными партийными властями и органами госбезопасности партизанские отряды и диверсионные группы. Согласно отчету начальника 4-го отдела УНКВД по Орловской области, в общей сложности на оккупированной территории было оставлено 72 партизанских отряда общей численностью 3257 человек, 91 партизанская

группа общей численностью 356 человек и 114 диверсионных групп численностью 483 человека [98] . Немаловажным было то, что в отличие от партизан приграничных областей, которых летом 1941 г. забрасывали в тыл врага практически без подготовки, у орловских партизан было время на слаживание. Больше половины из них к тому же прошли подготовку в специальных школах, в первую очередь – в возглавлявшемся полковником Стариновым Оперативно-учебном центре. Результат не замедлил сказаться: в течение октября – середины декабря распалось лишь 8 партизанских отрядов общей численностью 356 человек [99] . Остальные продолжали борьбу.

Командующий 2-й армии мог противопоставить партизанам немногое: часть охранной дивизии тыла группы армий «Центр», батальон охраны и батальон военной полиции. 29 октября в помощь этим силам с фронта был снят полк из состава 56-й дивизии [100] .

Кроме того, на территории Брянщины действовали подразделения айнзатцгруппы «Б» – сначала зондеркоманда 7–6, а затем зондеркоманда 7-а (дислоцировавшаяся в Клинцах) и айнзатцкоманда 8 (действовала в Брянске) [101] . Основной их задачей было уничтожение «нежелательных элементов», в первую очередь – коммунистов и евреев.

Без дела эти подразделения не оставались: практически сразу же после оккупации в районе железнодорожной станции Брянск-2 был проведен расстрел примерно семи тысяч человек, значительное число из которых составляли евреи [102] . В Орле в течение первого месяца оккупации было расстреляно и повешено 1683 человека [103] . Менее масштабные расстрелы проводились и в других населенных пунктах. «Расстреливали целыми группами, [по] 30–50, аресты и расстрелы, за кислородным заводом, трупы расстрелянных валялись несколько дней, – вспоминала впоследствии жительница города Бежица (Орджоникидзеград). – Так продолжалось весь 41-й и начало 42-го года. Достаточно было одного заявления какого-нибудь преданного негодяя, и человек переставал существовать» [104] .

Массовые расстрелы, а также остававшийся безнаказанным произвол со стороны немецких солдат (в полном соответствии со знаменитым указом «О военном судопроизводстве») [105] быстро настроили городское население против оккупантов. Это хорошо прослеживается по немецким документам, исследованным американскими историками. В декабре 1941 г. в одном из донесений отмечалось: «Города являются центрами партизан, которых, как правило, сельское население (крестьяне) отвергает» [106] .

Крестьяне действительно были настроены к оккупантам несколько более лояльно, чем городские жители, – по той простой причине, что им еще не довелось ощутить на своей шкуре нацистский оккупационный порядок. А вот насчет неприятия крестьянами партизан авторы донесения выдавали желаемое за действительное. Тотального отторжения не было; некоторые крестьяне помогали партизанам как «своим», некоторые, опасаясь репрессий или испытывая неприязнь к советской власти, партизанам в помощи отказывали. Общей модели поведения к зиме 1941 г. не существовало.

Отсутствие полной поддержки со стороны сельского населения не мешало советским партизанам активно действовать. По данным 4-го отдела УНКВД Орловской области, к середине декабря орловские партизаны вывели из строя 1 бронепоезд противника, 2 танка, 17 бронемашин, 82 грузовые машины, убили 176 вражеских офицеров, 1012 солдат и 19 предателей. Кроме того, было уничтожено 11 деревянных мостов, 2 железнодорожных, 1 понтонный и произведено 3 подрыва железнодорожных путей [107] . Возможно, эти данные были несколько завышенными (суворовский принцип «пиши поболее, чего басурман жалеть» никто не отменял), однако в том, что партизаны причиняли оккупантам серьезные неприятности, сомневаться не приходится.

Ведь в противном случае снимать с фронта полк 56-й дивизии командованию 2-й армии не пришлось бы.

К концу 1941 г. «партизанская угроза» оккупантам увеличилась. В южную часть Брянских лесов между железной дорогой Брянск – Навля – Льгов и рекой Десной стали выходить партизанские отряды из соседней Курской области и с Украины (соединения Ковпака и Сабурова). На севере области советские войска освободили Киров, тем самым перерезав железнодорожную магистраль Брянск – Вязьма. В линии фронта образовалась брешь, через которую шла помощь партизанам. Концентрация партизан на Брянщине увеличивалась, а вместе с ней увеличивалась и активность боевых действий.

Немецких же охранных частей становилось меньше, поскольку после поражения под Москвой на фронте был важен каждый штык. Полк 56-й дивизии был направлен на фронт 10 декабря; задачи охраны оккупированной территории были возложены на базировавшуюся в Брянске региональную администрацию, имевшую в своем распоряжении батальон охраны, батальон полиции и несколько групп полевой жандармерии [108] . Собственно немецкие подразделения дополнялись местными коллаборационистами: в населенных

пунктах Брянщины имелись назначенные немцами бургомистры, а при них – сформированные в последние месяцы 1941 г. небольшие отряды вооруженной «милиции». Один из первых таких отрядов был сформирован в поселке Локоть.

2. Начало «Локотского самоуправления»

Локоть – небольшой населенный пункт в Брасовском районе Орловской (в наше время – Брянской) области. До войны население этого поселка составляло несколько тысяч человек; еще примерно 35 тысяч проживали в прилегающей к Локотю и райцентру Брасово сельской местности. Крупных промышленных предприятий здесь не было: район был аграрным [109] . Единственным символом модернизации была разделяющая Локоть и райцентр Брасово железная дорога, шедшая от Брянска через Навлю, Локоть и Дмитриев на Льгов. Рядом с Навлей от железной дороги отходило ответвление, идущее через Хутор Михайловский на Конотоп. У Конотопа эта ветка соединялась с железнодорожной магистралью Киев – Льгов – Курск. Таким образом, проходящие через Брасовский район железные дороги были важными коммуникационными линиями, кратчайшим способом связывающими Брянск с Курском и Украиной. А в прилегавших к железным дорогам населенных пунктах оккупационная власть, по понятным причинам, устанавливалась в первую очередь.

В поселок Локоть немецкие войска вошли 4 октября; в тот же день им предложили свои услуги преподаватель физики в местном техникуме Константин Воскобойник и инженер Локотского спиртзавода Бронислав Каминский. Предложенные услуги были приняты: Воскобойник был назначен старостой Локотского волостного управления, а Каминский – его заместителем. При управлении разрешалось иметь вооруженный винтовками отряд «народной милиции» численностью 20 человек. Через две недели, 16 октября, оккупанты разрешили Воскобойнику увеличить отряд «народной милиции» до 200 человек, а в деревнях создать так называемые «группы самообороны» [110] . Причина, по которой было принято это решение, проста: западнее Локотя, в районе Трубчевска немецкие войска замкнули котел, в который попали части 13-й и 3-й армий Брянского фронта. Сильный отряд «народной милиции» в Локоте был необходим для того, чтобы отлавливать выбравшихся из окружения красноармейцев.

Одновременно 16 октября оккупационные власти официально утвердили управу Локотской волости, в состав которой вместе с Воскобойником и Каминским вошли бывший заведующий Брасовским районным отделом народного образования Степан

Мосин и ставший начальником полиции уголовник Роман Иванин [111] .

Получив признание со стороны оккупантов, глава управы Воскобойник преисполнился наполеоновских планов и 25 ноября выпустил манифест, в котором объявил о создании народно-социалистической партии «Викинг». Манифест обещал уничтожение колхозов, бесплатную передачу пахотной земли крестьянам и свободу частной инициативы в возрожденном русском национальном государстве [112] .

К декабрю 1941 г. в районе было организовано 5 ячеек новоиспеченной партии; кроме того, Воскобойник отправил своих заместителей Каминского и Мосина с пропагандистскими поездками в соседние районы. По легенде, глава управы напутствовал уезжающих словами: «Не забудьте, что мы работаем не для одного Брасовского района, а в масштабе всей России. История нас не забудет» [113] . Впрочем, пропаганда «Манифеста» среди населения не была главной целью Мосина. Главной его целью была встреча с руководством немецких тыловых органов, которые должны были утвердить создание партии.

Судя по немецким документам, Мосин ходил на поклон к начальнику тыла 2-й армии дважды. Согласно докладной записке офицера отдела 1-с штаба 2-й армии обер-лейтенанта А. Босси-Федриготти, во время второго визита Мосин от лица Воскобойника просил у командования армии разрешение на деятельность партии. Вместо разрешения немецкие офицеры передали для Воскобойника несколько вопросов, прекрасно показывающих приоритеты оккупационных властей:

1. Как Воскобойник относится к партизанам?

2. Готов ли Воскобойиик вести пропаганду против партизан?

3. Готов ли Воскобойник активно участвовать в борьбе против партизан?

Мосин ответил на все эти вопросы положительно и даже обещал сотрудничать с приданной армии абверкомандой [114] .

По возвращении Мосина Воскобойник предпринял несколько демонстративных антипартизанских акций. Был организован суд над медсестрой локотской больницы Поляковой, которую обвинили в укрытии медикаментов для партизан и расстреляли [115] .

Было также предпринято несколько операций против партизан. В ходе одной из них в деревне Алтухово был убит партизан и арестованы 20 местных жителей; в ходе другой – недалеко от Локотя была рассеяна партизанская группа [116] .

Локотский отряд «народной милиции» спешно

доукомплектовывался, причем методы вербовки «милиционеров» были весьма своеобразными. Об этих методах можно судить по истории начальника отдела Брасовского райисполкома Михаила Васюкова. Перед приходом немцев Васюков в соответствии с директивой райкома ушел в лес к партизанам, однако добраться до отряда не смог и после двухнедельных блужданий вернулся к своей семье в Локоть. Васюкова арестовали, потом отпустили было домой, но 21 декабря арестовали вторично. «Посадили в тюрьму. К трем часам ночи на моих глазах в камере было расстреляно 3 человека. После расстрела этих граждан я был вызван к обер-бургомистру Воскобойнику, который мне сказал: «Видели? Или работайте с нами, или мы вас сейчас же расстреляем». По своей трусости я сказал ему, что я готов работать прорабом. На это Воскобойник ответил мне, что сейчас не время заниматься строительством, а нужно брать оружие и вместе с немцами принимать участие в борьбе против советской власти и, в частности, против советских партизан. Так я был зачислен в полицейский отряд, в составе которого дважды принимал участие в карательных экспедициях против советских партизан» [117] .

Вершиной антипартизанских мероприятий Воскобойника стал разосланный по окрестным деревням приказ партизанам сдаться:

«Предлагаю всем партизанам, оперирующим в Брасовском районе и ближайших окрестностях, а также всем лицам, связанным с ними, в недельный срок, т. е. не позднее 1 января 1942 года, сдать старостам ближайших селений все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации в Управление районного старосты в пос. Локоть. Являться небольшими группами – 2–3 человека, вызывать постового бойца и сообщать ему о целях своего прихода. Все не явившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться без всякой пощады.

Пора давно прекратить безобразие и приступить к организации мирной трудовой жизни. Всякие сказки о возвращении советского режима в оккупированные области являются вздорными необоснованными слухами, которые распространяются злостными советскими элементами с целью дезорганизации граждан и поддержания состояния беспорядка и неуверенности в кругах широкого трудового населения.

Сталинский режим умер безвозвратно, это пора понять всем и становиться на путь спокойной трудовой жизни. Вздорными являются слухи о поголовном истреблении партизан и коммунистов. Опасность может грозить только самым злонамеренным представителям партийного и советского

аппарата, которые не хотят сами и не дают другим стать на мирный трудовой путь.

Настоящий приказ является последним предупреждением.

В селениях, где настоящий приказ получен с запозданием, регистрация партизан может быть отсрочена до 15 января 1942 года» [118] .

Следует заметить, что до середины декабря 1941 г. брянские партизаны особого внимания коллаборационистам не уделяли, предпочитая нападать на немецкие подразделения и гарнизоны. О партизанских приоритетах наглядно свидетельствует уже упоминавшийся отчет начальника 4-го отдела УНКДЦ по Орловской области, согласно которому к 14 декабря партизанами было убито 176 вражеских офицеров, 1012 солдат и всего лишь 19 предателей [119] . Однако в декабре положение изменилось. Немцы пытались переложить тяжесть борьбы с партизанами на местные формирования, а партизаны, нападая на коллаборационистов, пытались оккупантов этой подпорки лишить. К 20 декабря партизанами Орловской области был уничтожен уже 41 предатель [120] , а к 10 мая 1942 г. – 1014 полицейских и предателей [121] .

Пришел черед и локотской управы, чему в немалой степени поспособствовал приказ Воскобойника партизанам. Сдаваться партизаны не стали, а вместо этого решили разгромить размещавшийся в Локоте гарнизон.

В изложении историков-ревизионистов нападение партизан на локотскую управу приобретает поистине эпический характер. Нам рассказывают, что нападение это произошло потому, что советские власти испугались «локотской альтернативы», что партизанами командовал руководитель оперативной группы УНКВД по Орловской области Дмитрий Емлютин, что партизаны понесли огромные потери и что лишь сразившая Воскобойника случайная пуля позволила партизанам уйти из Локотя [122] .

На самом деле нападением на Локоть командовал не Емлютин, а командир украинского партизанского соединения Александр Сабуров (тоже, кстати говоря, чекист). Начиная с декабря месяца Сабуров целенаправленно бил немецкие гарнизоны и полицейские опорные пункты на юге брянских лесов. Сохранилась выписка из журнала боевых действий Сабурова: «2 декабря – разгром полицейского гарнизона в Красной Слободе. 8 декабря – похищение районной администрации в райцентре Суземка. 26 декабря – разгром гарнизона в Суземке. 1 января 1942 г. – уничтожен полицейский участок в Селечно. 7 января – ликвидирован крупный гарнизон в поселке Локоть» [123] .

Нападение на администрацию Локотя ничем не отличалось

от нападения на гарнизон в Суземке; партизаны просто-напросто уничтожали коллаборационистов.

Не соответствует действительности и то, что нападение на Локоть обернулось для партизан поражением. Достаточно хорошо известны воспоминания одного из участвовавших в этой операции партизан:

«Командиры партизанских отрядов «За Родину», имени Сталина и имени Сабурова договорились о проведении совместного нападения на Локоть. Днем налета был избран канун Рождества, который усердно праздновался гитлеровскими бандитами.

И вот в ночь под Рождество, с 7 на 8 января 1942 года, сводный партизанский отряд на 120 санях отправился в путь. В деревне Игрицкое сделали привал. Мороз стоял не рождественский, а крещенский, партизаны озябли. Жители Игрицкого обогрели их, накормили, и отряд двинулся дальше через деревни Лагиревка и Тросная. Мороз крепчал, его усиливал подувший северо-восточный ветер. Мела поземка. Чтобы не обморозиться, многие партизаны бегом бежали за санями.

Противник в Локоте не ждал партизан, поэтому мы въехали в поселок без выстрела. Лошадей, запряженных в сани, поставили на липовой аллее. Партизаны сразу же обложили здание лесного техникума, где размещались основные силы гарнизона, и дом бургомистра Войскобойника. Начали обстрел, в окна зданий полетели гранаты.

Оккупанты и полицейские открыли по партизанам беспорядочный ответный огонь из автоматов и пулеметов. Во время перестрелки мы видели, как из дома, где жил Воскобойник, на веранду кто-то вышел и крикнул: «Не сдавайтесь, бейте их».

Рядом со мной лежал на снегу и вел огонь из ручного пулемета мой односельчанин Миша Астахов. Я обратил его внимание на веранду и сказал, чтобы он повернул пулемет туда. После второй короткой очереди мы услышали на веранде падение тела и возню людей. Как раз в этот момент усилился огонь противника и это отвлекло нас от дома Воскобойника.

Перестрелка продолжалась до рассвета. Вместе с А. Малышевым я попытался поджечь дом бургомистра. Мы подтащили к стене охапку соломы и стали ее зажигать. Но солома была мокрая и не загоралась. Между тем стало светать. Здание лесного техникума захватить не удалось, хотя оно было изрешечено пулями. Враг стал наседать с других сторон. И командование решило на этом закончить боевую операцию. Не потеряв ни одного человека убитыми и захватив несколько раненых, мы ушли» [124] .

Даже если потери партизан мемуаристом преуменьшены,

неудачным нападение на Локоть назвать нельзя. Партизаны напали на гарнизон и ушли до подхода основных сил противника. В итоговом отчете Сабурова говорится о 54 уничтоженных полицейских [125] . Не так уж мало – ведь численность «народной милиции» Воскобойника к тому моменту составляла двести человек. Гибель главы управы Воскобойника, пусть и случайную, также следует записать в актив партизан.

3. Начало правления Каминского

Нападение партизан на Локоть и гибель Воскобойника обернулись для его заместителя Бронислава Каминского серьезными проблемами. Партизаны наглядно продемонстрировали свою силу; недовольные этим очевидным провалом немцы могли отказать Каминскому в назначении на должность главы управы. Для того чтобы получить назначение, необходимо было доказать оккупантам свою полезность.

Уже на следующий день после партизанского налета Каминский объявил о мобилизации в «народную милицию». До того «милиция» состояла из местных добровольцев и не пожелавших отправляться в лагеря для военнопленных «окруженцев». Теперь же под ружье призывались все мужчины призывного возраста, причем в случае отказа им грозили расправой. «Воскобойник был убит партизанами, и вся власть в районе перешла к Каминскому и его заместителю Мосину, которые в тот же день объявили мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, – вспоминал уже цитировавшийся нами Михаил Васюков. – Примерно к 20 января набрали человек 700, большинство из которых были мобилизованы силой, под страхом расправы с ними или семьей» [126] .

Угрозы были подтверждены наглядными примерами: в отместку за гибель Воскобойника было расстреляно много заложников из числа местных жителей [127] . Заместитель

Каминского Мосин лично принимал участие в пытках арестованного бывшего милиционера Седакова. Седаков умер под пытками, а его труп был вывешен в центре Локотя [128] .

После этого Каминский отправился в Орел к начальнику тыла 2-й танковой армии. Как раз в это время в штабе 2-й танковой армии находился коллаборационист Михаил Октан, в будущем – редактор орловской газеты «Речь». «В штабе я встретил Каминского, который был вызван туда в связи со смертью главы Локотского района Воскобойни-ка, – вспоминал Октан. – Мы жили в одной комнате, и в качестве переводчика я присутствовал при нескольких встречах Каминского с командующим тыла… генералом Хаманном. Каминский обещал после получения разрешения на возвращение в район привести его в соответствие

с задачами германской военной администрации: милитаризировать его таким образом, чтобы обеспечить защиту тыла германской армии и увеличить поставки продовольствия для германских войск» [129] .

В условиях все возрастающей партизанской угрозы обещания Каминского выглядели соблазнительно. Каминский был утвержден в должности главы районной управы и, вернувшись в Локоть, продолжил «милитаризацию» района. В январе 1942 г. «народная милиция» насчитывала 800 человек, в феврале – 1200, в марте – 1650 человек [130] . Боеспособность этих отрядов была как минимум сомнительной (даже в конце года немецкие офицеры констатировали, что «боевики инженера Каминского не могут отразить крупных нападений» [131]), однако вовлечение местных жителей в «народную милицию» в определенной мере гарантировало, что они не уйдут в партизаны.

Особого доверия к населению своего района Каминский, кстати говоря, не испытывал. Об этом ясно свидетельствуют отдававшиеся новым главой управы приказы.

Одним из своих указов Каминский запретил передвижение между деревнями района и ввел комендантский час. Согласно другому, жители примыкавших к зданию управы Липовой аллеи и Весенней улицы должны были в течение трех дней покинуть свои дома. На их место Каминский поселил верных себе полицейских, застраховавшись таким образом от нового нападения партизан [132] .

Активизировались расстрелы в превращенном в тюрьму здании конезавода – до такой степени, что понадобился специальный палач. И он нашелся. В январе 1942 г. в Локоть пришла изможденная девушка – вышедшая из окружения под Вязьмой бывшая медсестра Тоня Макарова. После многомесячных блужданий по лесам она, по всей видимости, немного тронулась рассудком. Локотские «милиционеры» напоили девушку, посадили за пулемет и вывели во двор приговоренных.

Несколько десятилетий спустя арестованная органами госбезопасности Макарова расскажет о своем первом расстреле. «Первый раз ее вывели на расстрел партизан совершенно пьяной, она не понимала, что делала, – вспоминал следователь Леонид Савоськин. – Но заплатили хорошо – 30 марок и предложили сотрудничество на постоянной основе. Ведь никому из русских полицаев не хотелось мараться, они предпочли, чтобы казни партизан и членов их семей совершала женщина. Бездомной и одинокой Антонине дали койку в комнате на местном конезаводе, где можно было ночевать и хранить пулемет. Утром она добровольно вышла на работу» [133] .

Тем временем партизаны предпринимали все новые и новые дерзкие атаки. 2 февраля соединение партизанских отрядов под командованием уже упоминавшегося Александра Сабурова напало на город Трубчевск и заняло его после 18-часового боя. Партизаны, за которыми осталось поле боя, насчитали 108 убитых полицейских; еще несколько сотен просто разбежались. Местный бургомистр попал в руки к партизанам. После этого партизаны из города ушли, но 10 февраля вернулись и сожгли местный лесозавод [134] .

Буквально в нескольких десятках километров от Локотя 20 января немецкое подразделение наткнулось на партизанский отряд Емлютина. После долгого боя немцам пришлось отступить. Спустя несколько дней другой партизанский отряд, также подчинявшийся Емлютину, совершил налет на станцию Полужье на железной дороге Брянск – Унеча, разбил местный гарнизон и уничтожил шесть вагонов с боеприпасами. Тут, однако, удача у партизан кончилась: к станции подошел эшелон с немецкими солдатами. В завязавшемся бою погиб командир отряда Филипп Стрелец, а остатки отряда вынуждены были отступить со станции [135] .

Самая большая для оккупантов неприятность случилась на севере области: там объединенные силы партизан освободили город Дятьков и прилегавшие к нему районы, создав тем самым неподконтрольный немцам партизанский край [136] .

Войск для борьбы с партизанами, как обычно, не хватало. «Группа армий надеялась ликвидировать угрозу партизанского движения, как только будет упрочено положение на фронте, – писал в конце февраля командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге. – Однако развитие событий в последнее время показывало, что эти надежды лишены оснований, так как напряженная обстановка на фронте не давала возможности отвести с фронта соединения, относящиеся к службе тыла» [137] .

На этом фоне ситуация в Л окоте и его окрестностях выглядела по меньшей мере приемлемо для оккупантов. После рождественского налета никаких крупных нападений на этой территории не происходило, а насильственная мобилизация в «народную милицию» лишала партизан человеческих ресурсов и способствовала отрыву части населения от партизан.

В этой связи командование тыла армии решило поощрить Каминского со товарищи. 23 февраля от командования 2-й танковой армии Каминскому пришло два приказа. Согласно первому, Каминскому разрешалось назначать старост в подчиненных ему деревнях (раньше назначать старост могли только оккупанты, что, кстати говоря, ставит крест на

рассуждениях ревизионистов о «самостоятельности» Локотского района). Согласно второму приказу, Каминский получал право награждать отличившихся в борьбе с партизанами лиц землей, выдавая от двух до десяти гектаров. В собственность могли также передаваться коровы и лошади [138] .

Буквально через несколько дней после получения этих приказов Каминский был вызван в Орел, где ему было объявлено о передаче под его контроль соседнего Суземского и Навлинского районов. Каминский приехал из Орла, полный радужных предвкушений.

«В феврале 1942 года я зашел по служебным вопросам в кабинет Каминского, – вспоминал впоследствии начальник лесного хозяйства района А. Михеев. – В беседе со мной Каминский рассказал, что он ездил к немецкому генералу Шмидту, который разрешил ему расширить функции районной управы. Сначала преобразовать Брасовский район в Локотский уезд, а затем и считать поселок Локоть городом. При этом Каминский заявил, что немецкие оккупационные власти согласны расширять наши функции вплоть до создания «русского национального государства», если мы будем активно помогать немцам в борьбе с большевиками. Тут же Каминский выразил свое мнение, что при нынешней ситуации, как он сказал, есть шансы мне – Михееву, после окончания войны в пользу немцев, стать министром лесного хозяйства правительства, которое будет создано в России… При этом рассказал мне о целях и задачах антисоветской организации НСТПР и сказал, что все члены этой партии будут получать соответствующие портфели, а кто против, тот будет угнан в Германию» [139] .

Себя же, понятное дело, Каминский видел главой подчиненного Третьему рейху «русского государства». Он даже опубликовал приказ, в котором именовал себя бургомистром еще не существовавшего Локотского уезда [140] . Тем сильнее должно было быть его разочарование.

В первой половине марта брянские партизаны нанесли новый удар. На сей раз он был направлен на жизненно необходимые оккупантам железные дороги. Удар оказался сокрушительным. «Железные дороги Брянск – Дмитриев-Льговский и Брянск–х[утор] Михайловский выведены из строя, – докладывали в Москву Емлютин и Сабуров. – На всем протяжении пути все мосты взорваны. Железнодорожный узел х[утор] Михайловский партизаны разрушили. Немцы пытаются восстановить железнодорожное движение на участке Брянск – Навля, но эти попытки срываются партизанами» [141] .

Немецкие источники эту информацию подтверждают: «В

марте 1942 года партизаны остановили движение на железной дороге Брянск – Льгов и препятствовали использованию немцами железнодорожной линии Брянск– Рославль. На основных шоссейных дорогах (Брянск– Рославль, Брянск – Карачев, Брянск – Жиздра) угроза была столь велика, что движение по ним можно было осуществлять лишь крупными колоннами» [142] .

Произошедшее имело прямое отношение к Каминскому: партизаны парализовали именно ту железнодорожную ветку, которая шла через Локоть и подчиненные ему территории.

Для Каминского пришло время показать боеспособность своих формирований.

4. Террор как способ борьбы с партизанами

Боеспособность локотской «народной милиции» была не настолько велика, чтобы вести самостоятельные анти-партизанские операции. Поэтому подразделения Каминского действовали во взаимодействии с брошенными на борьбу с партизанами венгерскими частями. Первая же их совместная операция обернулась массовыми убийствами мирных жителей. Об этом впоследствии рассказывал уже упоминавшийся нами начальник отдела лесного хозяйства Михеев: «Весной 1942 года полицейские отряды, возглавляемые Мосиным, с участием мадьярских частей, в селе Павловичи расстреляли 60 человек и 40 человек сожгли живыми» [143] .

11 апреля была сожжена деревня Угревище Комаричского района, расстреляно около 100 человек. В Севском районе каратели уничтожили деревни Святово (180 домов) и Борисово (150 домов), а село Бересток было уничтожено полностью (сожжено 170 домов, убит 171 человек) [144] .

Проявленная жестокость по отношению к невинным людям привела к росту недовольства в рядах «народной милиции». «Милиционеры» начали перебегать к партизанам.

Из приказа № 118 по Локотскому уезду от 25 апреля 1942 года:

«…наряду с мужественно сражающимися за свое будущее бойцами и командирами, в некоторых случаях проявлялись также элементы паники и трусости, неуверенности и дезертирства, вроде бывшего начальника Шемякинского отряда Левицкого, а временами трусость и дезертирство переходили в открытое предательство, как это имело место 20 апреля с. г. со стороны 4 бойцов-военнопленных Хутор-Холмецкого отряда. Аналогичное предательство было допущено и в Святовском отряде со стороны бойца Зенченкова Сергея Гавриловича, который 22 апреля с. г. не выполнил приказания командира и покинул пост на железнодорожном мосту. Этим самым он сделал большую услугу

врагу, за что и был в тот же день по приказу бургомистра расстрелян» [145] .

Вершиной этого процесса стало восстание «милиционеров» деревень Шемякино и Тарасовка, жесточайшим образом подавленное Каминским при помощи венгерских частей. Об этом эпизоде подробно рассказано в послевоенных показаниях начальника Михайловской полиции М. Говядова: «Дело было так: в мае 1942 года рота полицейских, дислоцировавшихся в деревнях Шемякино и Тарасовка, восстала – убила своих командиров, перерезала связь и перешла к партизанам. В отместку за это Каминский организовал карательную экспедицию, в числе которой были мадьяры. Эту экспедицию возглавлял зам. бургомистра Мосин, начальник военно-следственного отдела Парацюк и представитель газеты «Голос народа» – Васюков…» [146] .

Каратели захватили деревни после упорных боев с бывшими полицейскими и пришедшими им на помощь партизанами. После этого началась расправа над местными жителями. «По прибытии на место каратели расстреляли около 150 человек, членов семей полицейских, которые ушли к партизанам, и часть полицейских, которые были захвачены в Шемякино и Тарасовке, – рассказывал М. Говядов. – В числе расстрелянных были женщины, дети и старики. В июле месяце 1943 года, по приказу Каминского, была создана комиссия, под председательством Мосина, с целью произвести раскопки могилы расстрелянных ими же советских граждан, для того, чтобы приписать эти действия партизанам и озлобить солдат РОНА против партизан. Мне известно, что эта комиссия выезжала, производила раскопки, составила соответствующий акт, который был опубликован вместе с большой статьей в газете «Голос народа», в которой указывалось, что расстрел этих лиц якобы произведен партизанами» [147] .

В действиях каминцев не было ничего особенно специфичного. Точно такими же преступлениями против мирных жителей отметились действовавшие в соседнем Севском районе венгерские каратели. Свидетельства об этом в большом количестве сохранились в российских архивах.

«Фашистские сообщники мадьяры вступили в нашу деревню Светлово 9/V-42, – рассказывал крестьянин Антон Иванович Крутухин. – Все жители нашей деревни спрятались от такой своры, и они в знак того, что жители стали прятаться от них, а те, которые не сумели спрятаться, их порасстреляли, изнасильничали несколько наших женщин. Я сам старик 1875 г. рождения был также вынужден спрятаться в погреб…. По всей деревне в ней шла стрельба, горели постройки, а мадьярские

солдаты грабили наши вещи, угоняя коров, телят» [148] .

В близлежащей деревне Орлия Слободка в это время всех жителей собрали на площади. «Приехали мадьяры и стали собирать нас в одну (нрзб) и выгнали в с. Коростовку, где мы переночевали в церкви – женщины, а мужчины отдельно в школе, – вспоминала Василиса Федоткина. – Днем 17/V-42 г. нас пригнали снова в свое село Орлию где мы переночевали и на завтраго т. е. 18/V-42 г. снова нас собрали в кучу около церкви где нас пересортировали – женщин погнали на с. Орлию Слободку, а мужчин оставили при себе» [149] .

20 мая около 700 венгерских солдат направились из Орлии в ближайшие села. В колхозе «4-й Большевистский сев» они арестовали всех мужчин. «Когда увидели мужчин нашей деревни, то они сказали, что это партизаны, – рассказывала Варвара Федоровна Мазекова. – И этого же числа, т. е. 20/V-42 схватили моего мужа Мазекова Сидора Борисовича рождения 1862 и сына моего Мазекова Алексея Сидоровича, год рождения 1927 и делали пытки и после этих мучений они связали руки и сбросили в яму, затем зажгли солому и сожгли в картофельной яме. В этот же день они не только моего мужа и сына, они 67 мужчин также сожгли» [150] .

После этого мадьяры двинулись в деревню Светлово. Жители деревни помнили погром, устроенный карателями каких-то десять дней назад. «Когда я и моя семья заметили движущийся обоз, то мы все жители нашей деревни убежали в лес Хинельский», – вспоминал Захар Степанович Калугин. Впрочем, без убийств не обошлось и здесь: оставшиеся в деревне старики были расстреляны венграми [151] .

Каратели целую неделю усмиряли окрестные деревни. Жители бежали в лес, но их находили и там. «Это было в мае м-це 28 дня 42 года, – рассказывала жительница Орлии Слободки Евдокия Ведешина. – Я и почти все жители ушли в лес. Туда следовали и эти головорезы. Они в нашем месте, где мы (нрзб) со своими людьми, расстреляли и замучили 350 человек в том числе и мои дети были замучены, дочь Нина 11 лет, Тоня 8 лет, маленький сын Витя 1 год и сын Коля пяти лет. Я осталась чуть жива под трупами своих детей» [152] .

Брошенные жителями деревни выжигались. «Когда мы возвратились из лесу в деревню, деревню нельзя было узнать, – вспоминала жительница многострадального Светлова Наталья Алдушина. – Несколько стариков, женщин и детей были зверски убиты фашистами. Дома были сожжены, скот крупный и мелкий был угнан. Ямы, в которых были закопаны наши вещи, были откопаны. В деревне не осталось ничего, кроме черного кирпича.

Женщины, которые остались в деревне, рассказывали о зверствах фашистов» [153] .

Таким образом, только в трех деревнях за 20 дней венграми было убито не менее 420 мирных жителей. Не исключено, что погибших было больше – мы не располагаем полными данными на этот счет. Зато мы знаем, что эти случаи были не единичными.

Формирования Каминского, как мы уже имели возможность убедиться, действовали в том же духе, что и венгры, зачастую – в тесном взаимодействии с ними. Вот еще одно свидетельство: «В июне 1942 года, – вспоминал уже упоминавшийся М. Говядов, – после налета партизан на с. Михайловка, когда было убито 18 полицейских и 2 немца. Бердников Михаил, во главе отряда численностью в 100 с лишним человек, прибыли в Михайловский район и учинили зверскую расправу с мирным населением. В самом селе Михайловке, по приказу Бердникова, было повешено 2 человека, ограблено и сожжено 12 домов партизан. После расправы в Михайловке отряд выехал в дер. Веретенниково Михайловского района, где расстрелял до 50 человек из числа членов семей партизан, была сожжена почти вся деревня и угнан скот. В тот же день отряд поджег 15 домов в деревне Разветье и ограбил семьи партизан» [154] .

Были и чисто военные успехи. В мае каминцы вместе с немецкими и венгерскими частями после двухчасового боя выбили партизан из деревень Алтухово, Шешуево и Красный Пахарь. Партизаны понесли серьезные потери, противником были захвачены три противотанковые пушки, два 76-мм орудия, четыре станковых пулемета «Максим», 6 ротных минометов, два 86-мм миномета и много боеприпасов. Немцы, в свою очередь, потеряли 2 танка и один бронеавтомобиль [155] .

Немецкими наблюдателями действия Каминского были оценены позитивно. «Каминский открыто гарантирует, что без согласия германских официальных лиц он не станет превращать свое боевое подразделение в политический инструмент, – констатировал офицер Абвера Босси-Фредриготти. – Он понимает, что в настоящее время его задачи носят чисто военный характер. Похоже, что при умелой политической обработке Каминский будет полезен для германских планов реорганизации Востока. Этот человек может стать пропагандистом германского «нового порядка» на Востоке» [156] .

Этот «новый порядок» уже в полной мере ощутили на себе жители уничтоженных венграми и каминцами деревень.

5. Новый виток террора

Действия формирований Каминского были направлены на раскол населения оккупированных территорий, на разжигание

войны между теми, кто был мобилизован в «народную милицию», и теми, кто поддерживал партизан. Это было очень полезно для оккупантов, и это в определенной степени удалось.

«Он [Каминский] создал остров внутри обширного партизанского края в районе Брянска – Дмитровска– Севска – Трубчевска, который препятствует расширению партизанского движения, связывает деятельность мощных партизанских сил и предоставляет возможность для ведения германской пропаганды среди населения, – писал в Берлин командующий 2-й танковой армии генерал Шмидт. – Кроме того, район поставляет продовольствие для германских войск. Благодаря успешному развертыванию русских войск под руководством Каминского стало возможно не привлекать новых немецких подразделений и сохранять германскую кровь в борьбе с партизанами» [157] .

Было принято решение расширить контролируемую Каминским территорию; 19 июля 1942 г. Шмидт подписал приказ о преобразовании Локотского уезда в «самоуправляющийся административный округ в составе Локотского, Дмитровского, Дмитриевского, Севского, Камарического, Навлинского и Суземского районов» [158] .

Посмотрев на карту, нетрудно убедиться, что под контроль Каминского отдавались территории вокруг железнодорожных веток Брянск – Навля – Льгов и Брянск – Навля – Хутор Михайловский. Именно в этих областях действовал так называемый «Южный Брянский партизанский край». Таким образом, Каминскому передавались территории, де-факто контролируемые партизанами (в мае– июне партизанские диверсии в очередной раз остановили движение по железнодорожной ветке Брянск – Льгов), но в связи с проходящими через них железнодорожными магистралями очень важные для оккупантов.

Расчет был, в общем-то, беспроигрышный: сможет Каминский установить контроль над переданными ему территориями – прекрасно. Не сможет – хуже не будет. Правда, особо полагаться на формирования Каминского немцы не стали. В преддверии создания Локотского округа оккупанты силами немецких и венгерских частей провели на юге Брянщины одну из первых масштабных анти-партизанских операций, получившую название «Зеленый дятел» («Grünspecht»). Каминцы в этой операции участвовали в качестве подсобной силы.

Об итогах операции «Зеленый дятел» имеются крайне отрывочные сведения, однако, по всей видимости, она оказалась достаточно удачной для оккупантов и их пособников. Без этого создание Локотского округа едва ли стало бы возможным.

Само собой разумеется, что контроль над Локотским округом немецкое командование из рук выпускать не стало. Военным комендантом округа был назначен немецкий полковник Рюбзам, задачей которого была координация боевых действий формирований Каминского с немецкими и германскими частями. Непосредственно к Каминскому в качестве офицера связи и военного советника назначили майора фон Вельтхейма [159] . Кроме того, в Локоте разместились охранный батальон, пункт связи, фельдкомендатура, военно-полевая жандармерия и отделение «Абвергруппа-107» во главе с майором Гринбаумом [160] .

Как уже говорилось, большую часть Локотского округа контролировали партизаны. «Только 10 % леса принадлежало нам, – вспоминал начальник лесного отдела управы Михеев. – Остальные 90 % контролировались партизанами» [161] . Изменить сложившееся положение Каминский попытался жестоким террором против поддерживающих партизан жителей. В начале августа он выпустил специальное обращение:

«Граждане и гражданки сел и деревень, занятых партизанами! Партизаны и партизанки, находящиеся еще в лесах и отдельных населенных пунктах бывшего Навлинского и Суземского районов!

…В недалеком будущем Германские и Венгерские части совместно с Локотской Бригадой Милиции предпримут решительные меры по уничтожению лесных банд. С целью лишения бандитов экономической базы будут сжигаться все населенные пункты, в которых находятся партизаны. Население будет эвакуировано, а семьи партизан будут уничтожены, если их родственники (отцы, братья и сестры) не перейдут к нам до 10 августа с. г. Все жители, а также партизаны, не желающие терять зря своей головы, не теряя ни одной минуты должны перейти к нам со всем имеющимся у них оружием.

Это обращение и предупреждение – последнее. Используйте возможность спасти свою жизнь» [162] .

Слова не расходились с делом. «При операции, проходившей с 11 октября по 6 ноября 1942 года, 13-й батальон РОНА вместе с немцами и казаками учинили массовую расправу с мирным населением деревень Макарово, Холстинка, Веретенино, Большой Дуб, Уголек и других, названия которых не помню, – рассказывал впоследствии М. Говядов. – Мне известно, что половина дер. Макарово была сожжена, а из населения расстреляно около 90 человек. Такое же количество было расстреляно в Веретенино, и деревня окончательно сожжена. В селе Холстинка часть населения, в том числе женщины и дети были заперты в сарай и заживо сожжены. В селах Большой Дуб и Уголек также были

расстреляны мирные жители и главным образом семьи партизан, а поселки уничтожены» [163] .

В контролируемых Каминским деревнях был установлен настоящий режим террора; казни сделались очень частым явлением. «В конце 1942 года по доносу было арестовано 8 человек жителей Борщово Брасовского района, – вспоминал член военно-полевого суда при «самоуправлении» Д. Смирнов. – Из этой группы я помню председателя Борщовского сельсовета Полякова с дочерью, 22 лет молодую женщину Чистякову, жителя села Борщово Болякова 23 лет и остальных, фамилии забыл. Знаю, что там было три женщины и пять мужчин. В результате суда председатель с/с был повешен, его дочь и Чистякова были расстреляны, а остальные осуждены на сроки. Кроме того, была повешена молодая девушка 20–22 лет, фамилии ее я не знаю. Повешена она была только лишь за то, что огорчалась неудачами партизан и не скрывала это. Расстрелов проводилось очень много, но фамилии расстрелянных я сейчас не помню. Выявлялись все эти жертвы при помощи целого штата тайных агентов, работавших при самоуправлении» [164] .

Массовые расстрелы в Локотской тюрьме к этому времени уже стали обыденностью. «Все приговоренные к смерти были для меня одинаковые, – рассказывала впоследствии исполнявшая обязанности палача Антонина Макарова. – Менялось только их количество. Обычно мне приказывали расстрелять группу из 27 человек – столько партизан вмещала в себя камера. Я расстреливала примерно в 500 метрах от тюрьмы у какой-то ямы. Арестованных ставили цепочкой лицом к яме. На место расстрела кто-то из мужчин выкатывал мой пулемет. По команде начальства я становилась на колени и стреляла по людям до тех пор, пока замертво не падали все… Я не знала тех, кого расстреливаю. Они меня не знали. Поэтому стыдно мне перед ними не было. Бывало, выстрелишь, подойдешь ближе, а кое-кто еще дергается. Тогда снова стреляла в голову, чтобы человек не мучился. Иногда у нескольких заключенных на груди был подвешен кусок фанеры с надписью «партизан». Некоторые перед смертью что-то пели. После казней я чистила пулемет в караульном помещении или во дворе. Патронов было в достатке… Мне казалось, что война спишет все. Я просто выполняла свою работу, за которую мне платили. Приходилось расстреливать не только партизан, но и членов их семей, женщин, подростков. Об этом я старалась не вспоминать. Хотя обстоятельства одной казни помню – перед расстрелом парень, приговоренный к смерти, крикнул мне: «Больше не увидимся, прощай, сестра!..» [165] .

Не приходится удивляться, что большинство жителей

Локотского округа Каминского люто ненавидели. Этот факт зафиксирован в немецких документах. В датированном октябрем 1942 г. отчете в этой связи говорится следующее.

«Знакомые со сложившейся ситуацией люди (майор фон Вельтхейм, майор Миллер, обер-лейтенант Бухгольц) независимо друг от друга сходятся не только в том, что население все еще уважает предшественника Каминского, убитого партизанами, но и в том, что они [местные жители] ненавидят Каминского. Они «дрожат» перед ним и, согласно этой информации, только страх удерживает их в повиновении» [166] .

Даже читая изданные Каминским приказы, нетрудно заметить, что симпатии населения находились вовсе не на стороне локотской управы. 15 сентября 1942 г. Каминский издает приказ № 51:

«Участились случаи, когда жители подлесных районов без ведома местных властей ходят в лес.

Имеются случаи, когда под видом сбора ягод, заготовки дров они встречаются в лесу с партизанами.

На основании изложенного приказываю: Прекратить всякое хождение в лес отдельных личностей независимо от причин. В случае необходимости выхода в лес, как-то: пилка и заготовка лесоматериала и дров, поиски пропавших животных, – разрешаю выход в лес только в организованном порядке, с обязательным сопровождением полицейских.

Всякое самовольное хождение в лес будет рассматриваться как связь с партизанами и караться по закону военного времени.

Ответственность за выполнение приказа возлагаю на волостных старшин, старост и уполномоченных полиции.

Приказ опубликовать и довести до сведения жителей Локотского округа» [167] .

Приказ местным жителям отправляться в лес за дровами исключительно в сопровождении полицейских сам по себе говорит о многом. Однако еще о большем говорит приказ № 114 от 31 октября:

«Всем старостам, волостным старшинам и районным бургомистрам приказываю по приближении бандитов немедленно сообщать об этом в ближайший телефонный пункт, для чего при каждом селе нужно иметь лошадь со всадником.

Предупреждаю, что невыполнение настоящего приказа буду рассматривать как прямое предательство и измену Родине и виновных привлекать к военно-полевому суду» [168] .

Как видим, даже облеченные властью старосты и бургомистры не спешили сообщать о партизанах в центр; к этому их приходилось принуждать угрозой военно-полевого суда.

6. Бригада РОНА

Для немецкого командования ненависть местного населения к Каминскому не имела абсолютно никакого значения. Для них было важно, лишь сколько солдат Каминский сможет бросить против партизан и добьются ли эти подразделения приемлемых успехов. Одновременно с созданием Локотского округа Каминский получил разрешение переформировать свои части в «бригаду милиции».

Осенью 1942 г. Каминский объявил мобилизацию в переданных ему в подчинение районах (на «старых территориях» мобилизация, как мы помним, велась с января месяца). Командиров для новых подразделений не хватало, и в конце 1942 г. Каминский с согласия немецкого командования набрал в лагерях для военнопленных несколько десятков офицеров [169] .

Бригада Каминского получила пафосное название «Русская освободительная народная армия». По состоянию на январь 1943 г. в бригаде имелось 14 батальонов общей численностью в 9828 человек (см. табл.). Эти силы были дислоцированы по территории Локотского округа поротно. В крупных населенных пунктах стояли батальоны. Оружие РОНА получала от немцев – равно как и военную униформу. Снабжение продовольствием обеспечивалось за счет населения округа [170] . При каждом батальоне имелся немецкий офицер связи [171] .

СОСТАВ БРИГАДЫ РОНА НА 16 ЯНВАРЯ 1943 г. [172]

Наименование подразделений	Старший комсостав	Средний комсостав	Младший комсостав	Рядовые	Всего
Штаб бригады	5	19	16	12	52
Автогараж	1	2	5	44	50
Бронетанковый дивизион	1	1	2	48	52
Зенитная батарея		2	4	26	34
Комендантский взвод		1	3	23	27
Истребительная рота		7	10	112	129
Специальная часть	2	1		28	31
Столовая				20	20
Пропускной пункт					
1-й батальон	2	55	62	637	756
2-й — «—		8	70	716	794
3-й — «—	4	19	44	833	900
4-й — «—	1	5	51	374	431
5-й — «—	2	36	84	878	1000
6-й — «—		21	49	578	648
7-й — «—		26	50	645	721
8-й — «—	7	15	60	636	718
9-й — «—	1	18	43	444	506
10-й — «—		28	61	597	686
11-й — «—	2	30	52	710	794
12-й — «—	3	16	33	698	767
13-й — «—	1	12	14	343	370
14-й — «—		19	30	293	342
Итого	32	343	761	8692	9828

Весной 1943 г. батальоны РОНА были сведены в пять стрелковых полков трехбатальонного состава:

1-й стрелковый полк майора Галкина – 1,2, 11-й батальоны;

2-й стрелковый полк майора Тарасова – 4, 6, 7-й батальоны;

3-й стрелковый полк майора Турлакова – 3,5, 15-й батальоны;

4-й стрелковый полк майора Прошина – 10, 12, 14-й батальоны;

5-й стрелковый полк капитана Филаткина – 8, 9, 13-й

батальоны.

Каждый батальон имел в своем составе 4 стрелковые роты, минометный и артиллерийский взводы. На вооружении по штату требовалось иметь 1–2 орудия, 2–3 батальонных и 12 ротных минометов, 8 станковых и 12 ручных пулеметов. Однако на практике как в личном составе, так и в вооружении отдельных батальонов единообразия не существовало. Как видно из приведенной выше Строевой записки, их численность колебалась в пределах 300– 1000 бойцов, а наличие вооружения зависело главным образом от характера выполняемых задач. В то время как одни батальоны располагали даже бронетехникой, другие были вооружены преимущественно винтовками и почти не имели ручных и станковых пулеметов. На вооружении бронедивизиона имелось 8 танков (КВ, 2 Т-34, ЗБТ-7, 2БТ-5), 3 бронемашины (БА-10, 2 БА-20), 2 танкетки, а также автомашины и мотоциклы. Бронетехнику могли иметь и другие части РОНА, как, например, истребительная рота, получившая два танка БТ-7 [173] .

На весну – лето 1943 г. пять пехотных полков дислоцировались: 1-й полк – пос. Пчела (34 км южнее Навли), 2-й полк – пос. Бобрик (15 км южнее Локтя), 3-й полк – Навля, 4-й полк – Севск, 5-й полк – Тарасовка-Холмечь (западнее Локотя) [174] .

Немцы оценивали боеспособность бригады РОНА весьма скептически. «Грабежи, несмотря на суровые запреты, – констатировал один из немецких офицеров-наблюдателей. – Поскольку в них принимали участие офицеры, было совершенно невозможно удерживать людей под контролем. Ночью караульные беспричинно покинули свои посты» [175] .

Когда осенью 1942 г. партизаны усилили давление на подразделения РОНА, генерал Бернхард был вынужден констатировать: «боевики инженера Каминского не могут отразить крупных нападений на себя» [176] .

Приезжавшие из центра наблюдатели также восхищения бригадой не выражали. «У Деккера была возможность осмотреть все батальоны, – писал министр восточных территорий Альфред Розенберг. – Четыре батальона носят старую немецкую форму. Остальные батальоны внешне выглядят как дикая банда…» [177] .

Крупных самостоятельных операций против партизан подразделения РОНА не вели, их всегда поддерживали венгерские или немецкие части. Так было во время операции «Зеленый дятел» летом 1942-го, операций «Треугольник» и «Четырехугольник» осенью 1942-го, операций «Белый медведь I» и «Белый медведь II» зимой 1943-го и операции «Цыганский барон» весной 1943-го. Однако в качестве вспомогательных

подразделений знающие местность и население каминцы были эффективны и – главное, – по немецким оценкам, экономили целую дивизию [178] .

Главным же для оккупантов была неизменная лояльность бригады РОНА. Лучшей характеристикой этой лояльности стал тот факт, что, когда немцы начали проводить на территории Локотского округа «вербовку восточных рабочих», части Каминского приняли в угоне крестьян весьма деятельное участие [179] . А ведь «вербовка добровольцев» осуществлялась столь мерзко, что даже прибалтийские коллаборационисты подобные мероприятия всячески саботировали, спасая своих соотечественников [180] .

Подобное положение достигалось непрестанной «чисткой рядов» РОНА. Впрочем, просоветские настроения среди «народоармейцев» и полицейских были достаточно сильны. Об этом свидетельствует следующий факт, зафиксированный в отчете Брасовского райкома ВКП(б) от 1 марта 1943 г.: «…когда над поселком Локоть появился наш самолет и начал сбрасывать листовки, полицейские бросились собирать листовки. Немцы открыли по полицейским ружейно-пулеметный огонь. Полицейские в свою очередь открыли огонь по немцам» [181] .

Даже среди руководящих работников округа существовали подпольные антифашистские организации. В одну из них входил начальник Локотского мобилизационного отдела Васильев, директор Комаричской средней школы Фирсов, зав. складом боепитания РОНА Акулов, командир первого батальона Волков и другие. В общей сложности эта организация насчитывала около 150 человек, в основном – бойцов РОНА. Был составлен план восстания в Локоте, 15 марта 1943 г. создана группа для убийства руководящих работников управы, намечен план захвата танков, взрыва горючего, боеприпасов, порчи связи, а 16 марта было составлено донесение в штаб партизанской бригады «За родину» о движении германских войск и военных грузов. Конечной целью организации было уничтожение окружной администрации и переход на сторону партизан. Однако подпольщикам не повезло. Захваченный в плен партизан бригады «Смерть немецким оккупантам» под пытками сообщил Каминскому о существовании группы Васильева, которая немедленно была арестована в полном составе [182] .

Создать подпольную организацию попытался начальник штаба гвардейского батальона РОНА старший лейтенант Бабич. Однако во время вербовки в отряд новых членов он был предан. Часть завербованных им солдат РОНА была арестована, часть сумела уйти к партизанам [183] .

Когда же в 1943 г. фронт приблизился непосредственно к Локотскому округу, «народоармейцы», несмотря на пропаганду о том, что всех коллаборационистов красные уничтожат, начали «с оружием группами и подразделениями переходить на сторону Красной Армии» [184] . Разумеется, так поступали те, кто не был замешан в карательных операциях против населения.

Бригаде Каминского так и не удалось справиться с партизанами, контролировавшими большую часть территории Локотского округа. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что во время операции «Цыганский барон» в мае 1943 г. немцам пришлось бросить против партизан части из состава 4-й и 18-й танковых, 107-й легкопехотной венгерской, 10-й моторизованной, 7, 292 и 707-й пехотных и 442-й особого назначения дивизий. 2 полка РОНА были лишь незначительной частью этой группировки, насчитывавшей около 50 тысяч человек [185] .

Однако полностью разбить брянских партизан не удалось и тогда, хотя потери они понесли серьезные.

7. *Выводы*

Создание «Локотского самоуправляющегося округа» стало возможно по нескольким причинам, главными из которых стала активная боевая деятельность брянских партизан и нехватка у оккупантов сил для их подавления.

Для того чтобы сэкономить «немецкую кровь», командование 2-й танковой армии пошло на предоставление продемонстрировавшему свою лояльность оккупантам Брониславу Каминскому «милитаризировать» подчиненный ему район и вести борьбу с партизанами – естественно, под немецким контролем. Немцы называли эту операцию «Die Aktion Kaminsky» [186] , и следует признать, что она оказалась довольно успешной.

Создаваемые из мобилизованных крестьян подразделения Каминского не отличались особой боеспособностью, однако они препятствовали расширению партизанского движения (могущие оказать поддержку партизанам люди оказывались мобилизованными в антипартизанские формирования) и позволяли отвлекать на борьбу с партизанами меньше немецких подразделений. Жестокость отдельных подразделений Каминского, под корень уничтожавших семьи партизан, провоцировала ответные удары партизан против семей полицейских и способствовала разжиганию междоусобного конфликта, выгодного оккупантам.

В Локотской волости, а затем в Локотском районе был установлен жестокий режим, приметами которого стали постоянные расстрелы в локотской тюрьме (после освобождения там были найдены ямы примерно с двумя тысячами трупов [187]

). Даже немецкие документы свидетельствуют, что население Каминского боялось и ненавидело.

Каминскому так и не удалось установить контроль над всей территорией подчиненного ему округа. Большую часть его контролировали партизаны, справиться с которыми бригада Каминского не могла даже при активной поддержке немецких и венгерских частей. Когда о Каминском пишут как о «хозяине брянских лесов», это даже не поэтическое преувеличение, это элементарная ложь.

В наше время ни у кого не вызывает удивления, что в борьбе с повстанческим движением в Ираке или Афганистане участвуют частные компании, значительная часть сотрудников которых к тому же вербуется из местного населения. Делать из этого факта далеко идущие выводы о настроениях местного населения пытаются разве что пропагандисты. Однако из того, что немецким оккупантам удалось через посредника создать бригаду из мобилизованных жителей Брянщины и использовать ее против партизан, ревизионисты почему-то делают далеко идущие выводы о ненависти населения к советской власти. Однако на самом же деле создание бригады РОНА к настроениям населения никакого отношения не имеет.

В конечном итоге проведенная оккупантами «Die Aktion Kaminsky» обернулась для населения Брянщины огромной трагедией. Только на территории Брасовского района нацистами и их пособниками-каминцами было уничтожено 5395 человек [188] . Количество же уничтоженных людей на всей территории Локотского округа к настоящему времени остается неизвестным.

Владислав Гончаров. КАска из папье-маше

…По праву и без права почета лишены —
не обретают славы солдаты Сатаны!

А. Немировский

Эрих фон Манштейн является, наверное, самым знаменитым из военачальников нацистской Германии. Сэр Бэзил Генри Лиддел Гарт писал о нем так: *«Общее мнение среди генералов, которых мне довелось допрашивать в 1945 году, сводилось к тому, что фельдмаршал фон Манштейн проявил себя как самый талантливый командир во всей армии, и именно его они в первую очередь желали бы видеть в роли главнокомандующего».* По словам Гудериана, даже Гитлер однажды признал, что *«Манштейн – это лучшие мозги, которые произвел на свет корпус Генштаба».* По мнению же Дэвида Ирвинга, *«уважение, испытываемое Гитлером к Манштейну, граничило со страхом» [189]* .

Манштейн приобрел славу лучшего оперативного ума германского Вермахта, и даже Роммель не может с ним сравниться – не тот масштаб, да и театр военных действий, на котором Роммель покрыл себя славой, для Германии был глубоко вторичным. Манштейн же, начав поход на Восток с должности командира моторизованного армейского корпуса, уже через пару месяцев получил под командование армию, а еще через год с небольшим стал командующим группой армий. Мало кто из немецких генералов мог бы похвастаться такой карьерой.

Однако для широкой популярности одного уважения среди коллег недостаточно. Поэтому важнейшую роль в создании образа самого блестящего немецкого полководца сыграли его мемуары – вышедший в 1955 г. объемистый том «Утраченные победы» и появившиеся три года спустя записки «Из жизни солдата», посвященные более раннему периоду.

Надо признать, что большинство воспоминаний «битых немецких генералов» написаны плохо. Они перечисляют даты, названия населенных пунктов и номера полков, но из них не возникает цельной картины происходящего. Такие книги могут

быть ценны как первоисточники, но скучны большинству читателей.

«Утраченные победы» выгодно отличаются от основной массы немецких мемуаров. Они написаны ярким, образным языком и содержат не только перечисление фактов, но и анализ событий, объясняющий смысл и цель происходящего. Главное же – в них изложен ход мысли полководца, его личная реакция, которая в большинстве военноисторических сочинений обычно оказывается «за кадром».

Но и это не все. В отношении к историческому персонажу главную роль играет его личность – точнее, тот портрет, который был нарисован историками и биографами. Манштейн сам стал своим биографом. Он посвящает много места своим отношениям с другими людьми – от адъютантов и штабных офицеров до высших деятелей рейха и самого фюрера – и делает все, чтобы представить эти отношения в наиболее выгодном для себя свете. Одновременно он старается избегать прямых выпадов и резких обвинений, всячески подчеркивая свое рыцарское поведение. Недаром кульминацией мемуаров становится описание одной из последних бесед с Гитлером, во время которой Манштейн заявил фюреру: «Я – джентльмен…»

Итак, образ был создан, растиражирован и превращен в один из краеугольных камней истории Второй мировой войны – не только на Западе, но и у нас. Ирвинг, Митчем, Лиддел Гарт – ладно. Но вот что пишет журналист, прозаик, критик, драматург, бард, поэт, автор многих известных песен еще советских времен (например, к великолепному киномюзиклу «Не бойся, я с тобой!») Алексей Дидуров:

«В каждой операции на театрах Второй мировой, в каждой битве, в которой Манштейн принимал участие или руководил ею, он проявлял свою гениальность, находя фантастически успешное решение боевой задачи, максимально реализовав потенциал своих войсковых сил и также по максимуму снизив возможности противника… И наконец, командуя в войне против СССР различными войсковыми объединениями, Манштейн развернул перед миром свой талант во всем блеске. Начать с того, что именно Манштейн показал сразу, начиная с 22 июня 1941 года, советскому руководству и командованию, что такое современный стиль, методы и уровень ведения боевых действий в середине XX века».

Однако посмотрим, с какой целью создавался этот образ и соответствует ли он действительности.

Удивительно, но никто из писавших о Манштейне не отметил главной, более всего бросающейся в глаза черты характера генерал-фельдмаршала – его ярко выраженного честолюбия,

активного и упорного стремления к саморекламе в любой ситуации и любой ценой.

Безусловно, плох тот солдат, который не носит в своем ранце маршальский жезл, а уж офицеру-то этот жезл положено носить обязательно. Но Эриху фон Манштейну было мало, чтобы его просто ценили и выдвигали на важные военные посты – ему требовалось, чтобы о нем знали и им восхищались все, от рядового до фюрера. И такого восхищения он умело добивался еще со времен службы в рейхсвере. Вот как описывает Манштейна Бруно Винцер, служивший под его началом еще в 1920-х гг.:

«Нашего командира батальона звали Эрих фон Манштейн. Он участвовал в Первой мировой войне и был в чине обер-лейтенанта. Мы его уважали.

Когда он обходил строй или после смотра говорил с кем-нибудь из нас, глаза его светились почти отцовской добротой; а может, он умел придавать им такое выражение? Но иногда от него веяло каким-то странным холодком, который я не в состоянии объяснить. Манштейн был безупречно сложен и прекрасно сидел в седле. Нам импонировало, что в каждом походе он носил точно такую же каску, как и мы, солдаты. Это было непривычно, и мы были довольны, что он подвергает себя таким же испытаниям, какие выпадают на долю воинской части, ему подчиненной. Мы бы не упрекнули его, если бы он в качестве старого фронтовика носил и легкую фуражку.

Но что за этим скрывалось! Я вскоре случайно об этом узнал. Денщик Манштейна был по профессии портной. Поэтому у господина обер-лейтенанта одежда всегда была в порядке, а нам денщик за двадцать пфеннигов гладил брюки.

Придя по такому делу к этому денщику, я заметил каску обожаемого нами командира батальона. Шутки ради или из озорства я вздумал надеть эту каску, но чуть не выронил ее в испуге из рук. Она была сделана из папье-маше, легка, как перышко, но выкрашена под цвет настоящей каски.

Я был глубоко разочарован. Когда у нас на солнцепеке прямо-таки плавились мозги под касками, головной убор господина фон Манштейна служил ему защитой от зноя, подобно тропическому шлему.

Теперь я, впрочем, отдаю себе отчет, что впоследствии еще не раз наблюдал такое обращение с людьми, когда ласковая отеческая усмешка сочеталась с неописуемой холодностью. Эта черта была присуща иным генералам, когда они посылали на задание, из которого, безусловно, никто не возвратится или вернутся только немногие.

А в тот день я положил каску обратно на стул и тихо ушел,

унося свои выглаженные брюки. В душе у меня возникла какая-то трещина, но, к сожалению, небольшая» [190] .

По иронии судьбы самый знаменитый полководец арийского рейха происходил из онемеченных поляков и носил фамилию с явными еврейскими корнями – фон Левински. Впрочем, прадедом самого фюрера тоже был чех Ян Непомук Гидлер… Юный Фриц Эрих оказался десятым сыном в семье генерала артиллерии Эдуарда фон Левински и был усыновлен семьей своей тетки, получив таким образом фамилию ее мужа – генерал-лейтенанта фон Манштейна.

Естественно, потомственному прусскому офицеру была суждена военная карьера. Первую мировую войну 29-летний Манштейн закончил в звании капитана. Ему повезло – он остался в составе стотысячного рейхсвера и даже продолжал расти в звании и должностях: 1921–1924 гг. – командир роты, 1931 – 1933-й – командир батальона. Все остальное время Манштейн находится на разных штабных должностях, а вскоре с приходом к власти нацистов получает чин подполковника.

Трудно отрицать, что своей карьерой настойчивый и упорный в саморекламе офицер был целиком и полностью обязан Гитлеру. Именно нацисты, придя к власти, сначала исподволь, а потом открыто отбросили версальские ограничения и начали лавинообразное увеличение армии. Следует добавить, что режим, установившийся в Германии после января 1933 г., был не совсем таким, каким его принято ныне считать. Фактически это была коалиция трех достаточно разнородных политических сил – «революционного» нацизма, генералитета и крупного бизнеса. Каждая из этих сил обладала чем-то, чего не было у других. Нацисты – массовой поддержкой, деловые круги – финансами, военные – силовым аппаратом рейхсвера и традиционным влиянием в элите общества (отставные генералы занимали посты «силовых» министров, входили в руководство большинства политических партий, часто становились канцлерами, а фельдмаршал Гинденбург с 1925 г. являлся рейхспрезидентом) [191] .

Ни одна из этих сил не имела возможности удержать власть в одиночку при противодействии остальных, коалиция же, как казалось многим, могла обеспечить достижение общих целей: установления внутренней стабильности, развития внешней экономической экспансии (прерванной поражением Германии в Первой мировой войне), – а также прямого военного реванша.

Безусловно, приоритетность указанных целей, а также взгляды на методы их достижения у описанных группировок сильно различались. Это вызвало борьбу внутри коалиции, не

закончившуюся даже с началом Второй мировой войны. В любом случае представления об однородности и «тотальности» нацистского государства сильно преувеличены, – но одновременно столь же преувеличено мнение

о том, что цели нацистов были только их целями и не разделялись другими политическими силами Третьего рейха.

Возвращаясь к германской армии, можно отметить, что союз с нацистами в первую очередь обеспечило высшее руководство рейхсвера: командующий сухопутными войсками генерал-полковник Курт фон Хаммерштейн-Экводрт, начальник Войскового управления (Труппенамт) Курт фон Шлейхер, командующий 1-м военным округом (Восточная Пруссия) генерал-лейтенант Вернер фон Бломберг.

Особую роль сыграл фон Шлейхер, который имел тесные контакты со штурмовыми отрядами нацистской партии (СА) и их главой Эрнстом Ремом. Когда весной 1932 г. прусской полицией были получены доказательства подготовки нацистскими военизированными формированиями вооруженного мятежа, генерал Тренер, занимавший одновременно пост военного министра и министра внутренних дел, издал приказ о запрещении СА и СС. Шлейхер также подписал этот приказ, – но одновременно при поддержке Гинденбурга начал кампанию против него, а также впрямую против Тренера. От имени офицерского корпуса он организовал «вотум недоверия» своему давнему покровителю и непосредственному начальнику. Против Тренера и его приказа выступили Хаммерштейн-Экводрт, командир 2-й дивизии Федор фон Бок, командир 3-й дивизии фон Штюльпнагель.

Эта беспрецедентная кампания в итоге привела к отставке Тренера и всего правительства. Указ о запрете СА и СС был отменен, 1 июня вместо Брюнинга канцлером стал Франц фон Папен. Военным министром в организованном Папеном «кабинете баронов» стал сам Шлейхер, а на его прежнюю должность был назначен генерал Адам.

Новое правительство не пользовалось популярностью, а сам Папен за согласие возглавить его даже был исключен из своей партии Центра. Тем не менее 20 июля правительство Папена совершило акт на грани военного переворота – в нарушение конституции оно объявило о роспуске социал-демократического правительства Пруссии. При этом Берлин был объявлен на военном положении, а функции исполнительной власти здесь были переданы командующему 3-м военным округом генералу Герду фон Рунштедту. Очевидно, что целью этой акции была «зачистка» прусской полиции – той самой, что полгода назад

обнаружила подготовку нацистов к вооруженному мятежу. В итоге антинацистски настроенный шеф прусской полиции Зеверинг был отправлен в отставку, а социал-демократы, не желая ссориться с генералами, в очередной раз трусливо проглотили пощечину.

Можно предполагать, что прусский переворот стал репетицией общегерманского переворота, к которому вели дело военные при явном содействии рейхспрезидента Тинденбурга. Гитлеру и нацистам в этом сценарии отводилась роль младшего союзника – так же как позднее это было в Испании с фалангой. Но не получив массовой поддержки, военные пока не решались вывести войска на улицы, поэтому Шлейхер начал переговоры с Гитлером об условиях вхождения нацистов в правительство. Гитлер сразу потребовал себе пост канцлера. Шлейхер не захотел идти на столь большую уступку и поэтому начал параллельные переговоры с лидером левого крыла НСДАП Грегором Штрассером. Судя по всему, именно контакты с Ремом и Штрассером через два года определили его судьбу…

В последних числах ноября правительство Папена ушло в отставку, после чего Шлейхер сам занял пост рейхсканцлера. Однако позиции его уже пошатнулись – неуступчивостью генерала оказались недовольны как нацисты, так и многие военные. Политический кризис в стране разрастался. В конце января фон Бломберг посетил Гинденбурга и от имени рейхсвера потребовал создания коалиции с широким участием нацистов. 28 января под давлением Гинденбурга Шлейхер подал в отставку, а на следующий день он вместе с Хаммерштейн-Эквордтом и начальником центрального управления министерства рейхсвера генералом фон Бредовым предложил Гинденбургу назначить Гитлера рейхсканцлером [192] .

Однако было поздно – попытка военных поставить нацистов в положение младших союзников уже провалилась. 30 января 1933 г. Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. Военным министром в новом правительстве стал фон Бломберг, но уже 1 февраля генерал фон Бредов был смещен со своего поста и заменен генералом Вальтером фон Рейхенау, известным своими симпатиями к нацистам. В октябре 1933 г. генерал Адам был отправлен на должность командующего 7-м военным округом, а вместо него начальником Войскового управления стал генерал Людвиг

Бек – известный тем, что еще в 1930 г., будучи командиром полка в Ульме, взял под защиту трех младших офицеров, отданных под суд за агитацию против участия армии в подавлении возможного нацистского мятежа.

1 февраля 1934 г. Хаммерштейн-Экворд был также отправлен в отставку, а должность главнокомандующего сухопутными силами занял генерал Фрич.

Шлейхер более не занял никаких военных постов и 30 июня 1934 г. был убит во время «Ночи длинных ножей» вместе с Эрнстом Ремом, с которым поддерживал активные контакты уже с 1931 г.

Таким образом, нацисты пришли к власти в Германии при прямом участии армии, однако итоговый расклад оказался не таким, на какой рассчитывали военные лидеры. По словам Манштейна:

«В первый период после прихода к власти Гитлер, безусловно, еще проявлял к военным руководителям чувство уважения и ценил их авторитет… Армия при генерал-полковнике бароне фон Фриче (как и при фон Браухиче) настаивала на своих традиционных понятиях простоты и рыцарства в обращении, а также на солдатском понимании чести. Хотя Гитлер и не мог упрекнуть армию в нелояльности по отношению к государству, было все же ясно, что она не собирается выбросить за борт свои традиции в обмен на «национал-социалистские идеи». Также ясно было и то, что именно эти традиции создают армии популярность среди народа» [193] .

Что касается «рыцарских традиций» и «солдатского понимания чести», то особенно ярко они проявились у генерала Шлейхера, не постеснявшегося организовать интригу против своего начальника и покровителя Тренера и получившего в этом поддержку других военных. В дальнейшем, особенно в ходе кампании на Востоке, эти традиции проявятся еще более ярко…

Но для нас важнее дальнейшее замечание Манштейна: *«Если Гитлер вначале отвергал подозрения по отношению к военным руководителям, исходившие от партийных кругов, то травля армии, в которой такие личности, как Геринг, Гиммлер и Геббельс, по-видимому, играли главную роль, в конце концов принесла свои плоды. Военный министр фон Бломберг – хотя, очевидно, и невольно – в свою очередь способствовал пробуждению недоверия у Гитлера, слишком усердно подчеркивая свою задачу «приблизить армию к национал-социализму».*

Итак, генералитет был недоволен тем, что фон Бломберг слишком активно сдает позиции армии, не пытаясь бороться за доминирование в коалиции. Это усугублялось тем, что нацисты начали формирование собственного рода войск – военно-воздушных сил, которые ранее Германии были запрещены. Шефом Люфтваффе стал Герман Геринг, то есть эта структура изначально представляла собой нечто вроде «альтернативных»

вооруженных сил, причем сил элитных. Кроме собственно авиации, в состав Люфтваффе входили многочисленные наземные структуры – в том числе боевые, включавшие в себя зенитные полки и дивизии, обеспечивающие противовоздушную (а впоследствии и противотанковую) оборону армейских соединений. К началу войны Люфтваффе составляли около четверти всей численности армии, на их содержание уходило более трети военного бюджета.

Военные постепенно оттеснялись на вторые и даже третьи роли в коалиции. Одной из причин такой ситуации стали внешнеполитические успехи Гитлера. И во время кризисов вокруг Австрии и Чехословакии военное руководство каждый раз сомневалось в успешности задуманного и опасалось реакции стран Запада. Но каждый раз Гитлер добивался своих целей, а Запад шел на уступки – и с каждым этим шагом политическое влияние Вермахта падало, а Гитлера и НСДАП – росло.

Естественно, генералы были недовольны, но ни на одном из этапов этого процесса никто из них не попытался разорвать эту коалицию, хотя бы в форме добровольной отставки. Не потому что военные не решались выступить против целей Гитлера, – а потому, что иных целей у них не было. Но нацисты демонстрировали больший успех в достижении этих же целей, отчего их популярность в германском народе все более крепла. Выступить против них значило бы пойти против воли Германии. Поэтому все недовольство и все разговоры о мятеже оставались «кухонными» вплоть до 1944 г., да и тогда военные проявили удивительную для германских офицеров нерешительность…

Но вернемся к нашему герою. В своих мемуарах Манштейн не скрывает, что прямое покровительство ему оказывали виднейшие фигуры германских вооруженных сил – уже знакомые нам генерал-полковник Курт фон Хаммерштейн-Экворт, сменивший его Вернер фон Фрич, а также начальник «Труппенамт» Людвиг Бек, с октября 1933 г. занимавший пост шефа Войскового управления. Ни один из них не был противником нацистов, и если первый еще смотрел на наци как на младших партнеров, то двое других были назначены на свои посты уже при Гитлере как сторонники союза с НСДАП – хотя вопрос о доминировании в нем пока еще оставался открытым.

Уже в начале 1934 г. Манштейн становится начальником штаба 3-го военного округа (Берлин), а в следующем году – начальником оперативного отдела Генерального штаба сухопутных войск, только что преобразованного из бывшего Войскового управления. В октябре 1936 г. он получает звание генерал-майора, одновременно начальник Генерального штаба

Бек назначает его 1-м обер-квартирмейстером, то есть фактически своим заместителем!

Однако в начале февраля 1938 г., через несколько дней после скандальной отставки фон Фрича (смененного генерал-полковником Вальтером Браухичем), генерал-майор Манштейн неожиданно снимается с должности и назначается командиром 18-й пехотной дивизии в Лигнице. Вместо него 1-м обер-квартирмейстером становится Франц Гальдер; в августе 1938-го, после отставки Бека, Гальдер займет его место, прослужит в этой должности четыре года – до собственной отставки – и впоследствии прославится своим «Военным дневником»…

В своих мемуарах «Из жизни солдата» Манштейн утверждает, что решение о его снятии было принято в обход Бека и крайне возмутило последнего. Он не скрывает ни раздражения столь досадным крушением надежд, ни самих этих надежд:

«Мое становление, которое привело меня к должности 1-го обер-квартирмейстера и заместителя начальника Генерального штаба, позже позволило бы мне занять должность начальника Генерального штаба. Уже генерал барон фон Хаммерштейн видел меня в этом качестве, и генерал Бек намекал это в обращенной ко мне прощальной речи. Но пока что все оставалось позади».

Манштейн утверждает, что таким образом нацистское руководство расправлялось с оппозиционно настроенными к нацизму офицерами. Но сменивший его генерал Гальдер был старше и по возрасту, и по званию, и по воинскому стажу; два года он командовал дивизией, а с осени 1937 г. занимал должность 2-го обер-квартирмейстера. В выдвижении Гальдера на пост заместителя начальника Генерального штаба, а затем и самого НГШ не было ничего удивительного – гораздо удивительнее было проталкивание Беком вперед самого Манштейна вопреки традиционной субординации.

Не забудем, что в германской армии существовало правило, по которому штабные офицеры должны были время от времени проходить службу на командных должностях. Манштейн же за последние двадцать лет службы командовал в общей сложности от силы лет пять, причем не более чем батальоном – с таким командным стажем претендовать на роль начальника Генерального штаба было очень большой самонадеянностью. Вдвоем Бек и Фрич еще могли тащить своего любимчика наверх, нарушая не только нормы и традиции вооруженных сил, но и элементарные правила приличия, – но в одиночку, да к тому же попав в опалу из-за оппозиции планам аншлюса Австрии, Бек уже был не в состоянии это продолжать.

Вдобавок у Манштейна явно не сложилось хороших

отношений с Браухичем. Весьма характерна оценка, которую он дает новому командующему:

«Нельзя отрицать и наличия у него силы воли, хотя, по моим впечатлениям, ее проявления носили скорее отрицательный характер, ибо она выливалась в некое упрямство, а не носила конструктивный характер. Он охотнее выслушивал чужие решения, вместо того чтобы принимать их самому и добиваться их осуществления».

Проще говоря, Браухич внимательно выслушивал Манштейна – и предпочитал принимать решения самостоятельно…

Впрочем, карьера Манштейна не прервалась и вне Генштаба. В сентябре 1938 г. (то есть уже после отставки Бека) он занимает пост начальника 12-й армии фон Лееба, изготовившейся для наступления на Чехословакию. Чехословацкий кризис так и не полыхнул войной, завершившись мюнхенским пшиком, но в апреле 1939 г., уже после окончательной аннексии остатков Чехии, Манштейн получает звание генерал-лейтенанта.

В августе 1939 г., в преддверии готовящейся операции против Польши, Манштейн получает назначение на должность начальника штаба группы армий «Юг», возглавляемой возвращенным из недолгой отставки Гердом фон Рунштедтом. Собственно, их кандидатуры на эти должности были сразу предусмотрены планом «Вайс», разработанным еще весной, так что ни о какой «опале» Манштейна говорить не приходится: честолюбивый генерал оставался на хорошем счету у военного руководства, а в сугубо армейские дела нацисты старались не вмешиваться.

Встречаются утверждения, что Эрих фон Манштейн принимал активное участие в разработке плана польской кампании. Безусловно, оперативное планирование группы армий «Юг» не могло обойтись без него, но для этой работы имелось всего две недели – с 12 августа, когда Манштейн получил новое назначение, до 26-го, на которое первоначально было назначено начало наступления.

В оперативном отношении польская кампания представляла мало интереса, и при описании ее Манштейн уделяет больше внимания предвоенному развертыванию армий, нежели самому ходу боевых действий. За две недели боев с 1 по 15 сентября группа армий «Юг» прошла от 200 до 350 км, достигнув Варшавы, Люблина и Львова. «Правый фланг[14-й]армии – горный корпус и 17-й армейский корпус – продвинулся до района Лемберга и крепости Перемышль, которые были взяты нашими войсками», – пишет об этом Манштейн. Уже в этом эпизоде видно, насколько вольно генерал-фельдмаршал обращается с фактами.

В действительности все обстояло несколько иначе.

12 сентября 4-я легкая дивизия ворвалась в город и заняла район вокзала, но после двух дней боев была поляками выбита на окраину. К 15 сентября Львов был обложен с трех сторон 4-й легкой 1-й горнострелковой и 45-й пехотной дивизиями, однако все атаки немцев были вновь отбиты поляками. Вечером 18 сентября к городу подошли советские войска, на следующее утро немцы вновь атаковали Львов, при этом имело место боевое столкновение частей 24-й танковой бригады 6-й советской армии и 137-го полка 1-й горнострелковой дивизии Вермахта. В ночь на 21 сентября, после переговоров, немцы начали отвод своих войск от Львова, днем 22 сентября польский гарнизон капитулировал перед частями РККА [194] .

В ходе польской кампании произошел и первый скандал, связанный с именем Маншейна. Вот как он сам описывает этот эпизод:

«В один прекрасный день у нас появилась в сопровождении свиты кинооператоров известная киноактриса и режиссер, заявившая, что она «движется по стопам фюрера». Она сообщила, что по личному поручению Гитлера приехала на фронт снимать фильм. Такая деятельность, да еще под руководством женщины, была нам, солдатам, откровенно говоря, крайне неприятной. Однако речь шла о задании Гитлера.

Впрочем, она выглядела очень милой и мужественной женщиной, примерно как элегантная партизанка, заказавшая себе костюм на рю де Риволи в Париже. Ее прекрасные, подобные огненной гриве волосы, ложившиеся волнами, обрамляли интересное лицо с близко расположенными глазами. На ней было нечто вроде туники, бриджи и высокие мягкие сапоги. На кожаном ремне, перепоясывавшем ее стан выше бедер, висел пистолет. Оружие для ближнего боя дополнялось ножом, заткнутым на баварский манер за голенище…

Начальнику разведки пришла в голову блестящая идея направить эту экспедицию к генералу фон Рейхенау, который хорошо знал эту даму и казался нам подходящим покровителем. Она направилась с сопровождающими ее лицами в штаб 10-й армии в Крнске. Вскоре, однако, она оттуда возвратилась. При занятии Крнске еще и раньше несколько раз происходила перестрелка, в которой приняли участие и гражданские лица. Вследствие нервозности офицера-зенитчика на рыночной площади, где собралось много народа и возникла ничем не оправданная паника, была открыта бессмысленная стрельба, повлекшая за собой много жертв. Киногруппа была свидетельницей этой достойной сожаления сцены, и наша гостья, потрясенная случившимся,

решила вернуться. Что касается офицера, виновного в этой сцене, то генерал фон Рейхенау немедленно предал его суду военного трибунала, приговорившего его по обвинению в непреднамеренном убийстве к лишению офицерского чина и тюремному заключению на несколько лет.

Этот пример свидетельствует о том, что со стороны командных инстанций сухопутных сил в подобных случаях немедленно принимались строгие меры. Эти меры, к сожалению, позже – в начале русской кампании – привели к тому, что Гитлер лишил суды военного трибунала права разбирать дела, связанные с гражданским населением».

Сразу заметим, что Манштейн говорит неправду, вдобавок исподволь пытаясь переложить ответственность на Люфтваффе. Никто и никогда не лишал военные трибуналы права разбирать дела, связанные с гражданским населением. Позднее «Приказ об особой подсудности в зоне «Барбаросса» устанавливал прямо противоположное – он давал трибуналам право не разбирать эти дела.

Элегантной киноактрисой и режиссером была не кто иная, как Лени Рифеншталь (1902–2003), создатель знаменитого фильма «Триумф воли». В Конске восторженная поклонница фюрера и ее съемочная группа случайно стали свидетелями не случайного инцидента, а обычного расстрела заложников в ответ на убийство поляками нескольких немецких солдат. Такие расстрелы с самого начала войны проводились во многих польских городах. Естественно, никто наказан не был, поскольку экзекуция производилась с ведома и одобрения армейского командования [195] . Надо сказать, что инцидент в Конске сильно повлиял на восторженную Рифеншталь, но, как мы видим, совершенно не отразился на мировоззрении генерала Эриха фон Манштейна.

Польская кампания завершилась блестящим успехом – и оставила Германию более чем в двусмысленном положении. На западе Англия и Франция объявили немцам войну, на востоке Советский Союз формально поддерживал дружественный нейтралитет, обеспеченный пактом о ненападении и секретным протоколом к нему Дальнейшие цели войны ясны не были; более того, именно здесь сложившаяся в Германии коалиция впервые серьезно разошлась во мнениях.

Крупный бизнес в принципе был против войны с Англией, хотя не возражал против ослабления Франции. Единственное, что оправдывало в его глазах конфликт с англичанами, – это перспектива возвращения Германии ее прежних колоний, в первую очередь африканских. Однако главным своим врагом эта

часть коалиции продолжала считать Советский Союз, а главным направлением будущей экспансии – восток и юго-восток, то есть Балканы и, возможно, Восточное Средиземноморье.

Внутри НСДАП мнения разделились. С одной стороны, большевики были главным идеологическим противником нацистов; вдобавок Гитлер и большинство его соратников со времен «Майн кампф» и дружбы с ультраправыми белоэмигрантами типа Шойбнер-Рихтера воспринимали Россию как «колосс на глиняных ногах», который может стать легкой добычей. С другой стороны – довольно большое количество примкнувших к нацистской партии политиков времен Веймарской республики, в основном окопавшихся в Министерстве иностранных дел, выступали за продолжение линии на дружбу с Россией и считали главными врагами англичан и французов. Гитлер же, как мастер экспромтов, предпочитал не становиться окончательно ни на одну из точек зрения.

Для армии в принципе не имело особой разницы, с кем воевать – с русскими или французами, хотя кампания против Англии воспринималась как беспочвенная фантастика. Уже во второй половине сентября помощник Гальдера, обер-квартирмейстер Генерального штаба ОКХ Карл Генрих фон Штюльпнагель, разработал предварительный план ведения военных действий на Западе. План предусматривал начало активных операций только в 1942 г., когда будут собраны необходимые ресурсы для прорыва «линии

Мажино». Возможность ее обхода через Бельгию и Голландию в плане не рассматривалась – по словам Манштейна, «так как германское правительство незадолго до этого обещало этим странам уважать их нейтралитет». Основываясь на разработке Штюльпнагеля, на встречах 30 ноября и 5 октября Гальдер и Браухич заявили Гитлеру о невозможности начать наступление на Западе в ближайшее время.

История с планом Штюльпнагеля выглядит странно. Дело в том, что на совещании Гальдера с Браухичем 29 сентября, согласно дневнику Гальдера, нарушение нейтралитета Бельгии рассматривалось как само собой разумеющееся. А вот кто выступал против него, так это Вильгельм Риттер фон Лееб, командующий группой армий «Ц» на западной границе, 11 октября отправивший Браухичу соответствующий меморандум. Более того, 31 октября Лееб направил Браухичу следующее письмо, где объяснял свою позицию:

«Чем более мы уделяем внимание Западу, тем свободнее становится в своих решениях Россия … Успехи на Востоке, сопровождаемые желанием совместить их с взаимоотношениями с

Западом, означали бы впасть в роковую ошибку, не увязанную с действительностью » [196] .

Таким образом, речь шла лишь о том, где следует продолжать войну – на Западе или на Востоке. Впрочем, нежелание Англии и Франции «брать подачу» Гитлера, несколько раз публично заявившего о желании заключить мир, сделало подобную дилемму умозрительной. Уже к концу октября Генеральному штабу ОКХ стало ясно, что кампании на Западе не избежать, причем проводить ее придется в самом ближайшем времени. В итоге родился план «Гельб», предусматривавший нанесение удара через Бельгию и Голландию к побережью Ла-Манша с последующим поворотом на юг и наступлением на Францию с севера.

Тем временем штаб группы армий «Юг» был преобразован в штаб группы армий «А» и 24 октября 1939 г. прибыл на Западный фронт. Вскоре командование группы обратилось в ОКХ с предложением об изменении плана операции на Западе. Вместо наступления по всему фронту предлагалось сосредоточить основные ударные силы (три армии вместо двух) в полосе группы армий «А» и нанести удар на узком фронте через Арденны с быстрым выходом через Соммы к Ла-Маншу, отрезав таким образом силы союзников в Бельгии и Голландии.

В конце концов был принят именно этот план наступления. Удар через Арденны привел к окружению группировки союзных войску Дюнкерка, а капитуляция бельгийской армии открыла фронт и заставила английское командование начать спешную эвакуацию, бросив французского союзника на произвол судьбы.

В 1948 г. в своей книге «По ту сторону холма» Б. Лиддел Гарт, ссылаясь на свидетельства Рундштедта и Блюментритта, объявил, что новый план операции был разработан лично Манштейном. В 1955 г. Манштейн подтвердил это, заявив в своих мемуарах, что план был разработан в штабе группы армий «А», а первый его вариант подан в ОКХ уже 3 ноября.

Однако вот беда – еще в середине октября командиры двух армий группы «Б» фон Рейхенау (6-я) и фон Клюге (4-я) независимо друг от друга заявили командующему группой фон Боку, что фронтальное наступление не принесет удачи и требуется сосредоточить все силы на каком-либо узком направлении. 25 октября на совещании у Гитлера Гальдер и Браухич подняли вопрос о возможности проведения операции только южнее Мааса с обходом противника с юга при сковывании его в районе Льежа вспомогательным ударом. В ответ Гитлер предложил осуществить массированный удар южнее Льежа в направлении на Реймс или Амьен и обозначил этот удар на

штабной карте красной чертой, проведенной между Намюром и Фуме к побережью Ла-Манша. На следующий день он повторил Йодлю, что главный удар следует нанести южнее Льежа на участке 12-й армии группы «Б», окружив «бельгийскую крепость». По свидетельству адъютанта Гальдера полковника Нольте, в первых числах ноября (до 7-го) его шеф принес из рейхсканцелярии карту с нанесенными на ней красными чертами: первая шла южнее линии Льеж– Кале, вторая – через Люксембург и Арденны кустью Соммы [197] . В результате уже 12 ноября группа армий «А» была извещена о том, что ей передается 19-й моторизованный армейский корпус Гудериана в составе 2-й и 10-й танковых дивизий, лейбштандарта «Адольф Гитлер», моторизованного полка «Великая Германия» и одной мотопехотной дивизии «с задачей наносить удар через открытую местность по обе стороны от Арлона, Тинтиньи и Флоренвиля в направлении на Седан и восточнее его». При этом: «Из текста телеграммы вытекало, что передача 19-го армейскому корпуса в состав группы армий «А» была произведена по приказу Гитлера».

Как мы видим, Гитлеру идея удара через Арденны пришла в голову раньше, чем Манштейну. Однако Генеральный штаб долгое время сомневался в безопасности такого хода – опасаясь, что когда немецкая группировка втянется в Арденны, французы могут нанести по ней фланговый удар с юга (а может быть, вдобавок и с севера), а также атаковать танковые и моторизованные колонны на узких горных дорогах авиацией. Поэтому однозначного решения не было принято еще некоторое время. Это дало Манштейну возможность утверждать:

«Что же касается, однако, передачи в состав группы армий 19-го танкового корпуса, то, по замыслу Гитлера, она преследовала, безусловно, только тактическую цель, достижение которой должно было облегчить форсирование Мааса и для группы армий «Б».

И в присланном ОКХ дополнении к директиве нигде не упоминается об изменении общего замысла. Я имею в виду план одержания решительной победы путем охвата противника силами группы армий «А» в направлении на устье Соммы или действий, направленных хотя бы на его подготовку».

Однако вопреки этому утверждению уже 20 ноября в директиве ОКВ № 8 о ведении войны указывалось: *«Нужно принять все меры, чтобы направление главного удара операции быстро перенести из группы армий «Б» в группу армий «А», если там… можно будет достигнуть быстрейшего и большего успеха, чем в группе «Б» [198]* .

Через неделю, на совещании в рейхсканцелярии 27 ноября,

где присутствовали Буш, Гудериан и Рундштедт (!), было принято решение «сделать южный фланг операции более сильным» [199] .

Таким образом, решение о перенесении центра тяжести операции в группу армий «А» и о сосредоточении здесь основных механизированных сил принималось постепенно из-за наличия осложняющих факторов. Тем не менее совершенно очевидно, что толчок к этому решению дал вовсе не Манштейн, а первые наброски новых контуров плана «Гельб» появились еще до его прибытия на Запад.

Эпический образ «лучшего стратега Германии» блекнет все больше и больше.

Тем временем весь ноябрь и декабрь Манштейн пребывал в «борьбе за план группы армий «А», засыпая Рундштеда и ОКХ своими предложениями о переносе действий в ее полосу. Нет ничего удивительного, что у Рундштедта этот план в конце концов начал ассоциироваться с Манштейном. Зато в Генеральном штабе, где лучше знали обстоятельства планирования, неуместная активность амбициозного начальника штаба группы армий «А» и его настойчивая самореклама в конце концов вызвали неприкрытое раздражение. Вдобавок Гальдер отлично знал, что Манштейн метит на его пост. В итоге он прямо предложил Браухичу отстранить Манштейна от руководства южным флангом, «иначе тот начнет собственное сражение, которое нарушит единство замысла» [200] , – поставив на его место человека, который в точности бы исполнял приказы ОКХ.

27 января 1940 г. Манштейн был освобожден от должности начальника штаба группы армий «А» и назначен командиром еще только формирующегося 38-го армейского корпуса. Официальная причина для этого была вполне благопристойной – статус командира корпуса был выше статуса начальника штаба армии. Как объяснил Браухич Рундштедту, Манштейна более нельзя обходить при назначении новых командиров корпусов, так как генерал Рейнгардт, имеющий меньшую выслугу лет, получает корпус.

Однако Манштейн все-таки добился своего – информация о его активности дошла до Гитлера. Судя по всему, фюрер решил посмотреть: кого это там усиленно затирают Гальдер и Браухич? Под благовидным предлогом (встреча с вновь назначенными командирами корпусов) Манштейн был вызван в Берлин. После официального завтрака в ходе часовой «личной консультации» он изложил фюреру свой план и нашел полное понимание. «Очень удивительно, что с самого начала наши точки зрения в этой области совершенно совпали», – записал генерал в своем дневнике.

Г.-А. Якобсен со слов Блюментритта пишет о проявленной Гитлером неприкрытой неприязни к Манштейну – однако дневниковые записи самого Манштейна, а также сам факт и ход беседы заставляют в этом усомниться. Похоже, все обстояло строго наоборот: Гитлеру до Манштейна не было никакого дела, пока он не услышал об активном генерал-лейтенанте, вызвавшем раздражение Генерального штаба. Не доверяя представителям высшего военного руководства и подозревая их (совершенно справедливо) в наличии политических амбиций, фюрер обратил внимание на перспективного офицера – не исключено, что имея в мыслях поставить его именно на тот пост, которого Манштейн так добивался.

Гитлер и Манштейн расстались, вполне удовлетворенные друг другом. «Человек не моего типа, но на многое способен», – констатировал фюрер [201] . В дальнейшем их мнение друг о друге изменится – но, судя по всему, гораздо позднее, нежели пытался представить Манштейн в своих мемуарах.

Во французской кампании Манштейн ничем особым себя не проявил, да и его корпус начал наступление лишь 27 мая, до этого находясь в оперативном резерве. С июля 1940 г. корпус находился на берегу Ла-Манша, осуществляя подготовку к операции «Морской Лев», которая окончательно была отменена лишь в апреле 1941 г. К этому времени Манштейн уже получил другое назначение – командиром 56-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы в группе армий «Север», разворачивающейся против Советского Союза.

На 22 июня 1941 г. в состав 56-го моторизованного армейского корпуса входили три дивизии – 8-я танковая, 3-я моторизованная и 290-я пехотная. Общая численность корпуса со всеми тылами составляла около 60 тысяч человек. Против корпуса Манштейна и правого фланга 41-го моторизованного корпуса в районе Юрбаркас, Эржвилкас оборонялась 48-я стрелковая дивизия 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Северо-Западного фронта – менее 10 тысяч человек.

В первые же часы боев 48-й стрелковой дивизии пришлось противостоять четырем немецким дивизиям – 8-й танковой и 290-й пехотной из состава 56-го корпуса, 6-й танковой и 269-й пехотной из состава 41-го мотокорпуса. Многократное превосходство в силах быстро решило исход боя – фронт 48-й стрелковой дивизии был прорван в первые же часы. Согласно боевому донесению штаба фронта от 22.00 22 июня, во второй половине дня дивизия отходила от Эржвилкас на северо-восток. Сводка от 10.00 следующего дня уточняла:

«48-я стрелковая дивизия – о двух батальонах 328-го

стрелкового полка сведений нет. Отдельные люди и обозы задерживаются Крлнун, Россиены. В 19 часов подошедшие батальоны 268-го стрелкового полка, батальон 328-го стрелкового полка, 10-й артиллерийский полк, 14-й гаубичный артиллерийский полк занимают оборону на рубеже Миняны, Россиены.

2-й стрелковый батальон 268-го стрелкового полка под давлением двух батальонов пехоты и батальона танков отходит в подготовленный батальонный районЛибешкяй. 301-й стрелковый полк предположительно отходит в район Рейстрай южнее ст. Эржвилки. Командиром 48-й стрелковой дивизии организована разведка вдоль дороги Россиены – Скирстымони.

Штаб 48-й стрелковой дивизии – в лесу юго-восточнее Видукле» [202] .

А вот как описывает этот прорыв сам Манштейн:

«В первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы…

После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айроголы. 290-я дивизия следовала за ним быстрыми темпами,

3-я моторизованная дивизия в полдень прошла через Мемель и была введена в бой за переправу южнее Айроголы…

Корпусу, как мы и надеялись, удалось найти во время прорыва слабое место в обороне противника. Правда, он все время наталкивался на вражеские части, которые бросались против него в бой. Но его дивизиям удавалось сравнительно быстро ломать вражеское сопротивление, хотя иногда и в упорных боях».

По большому счету Манштейну просто повезло – удар 56-го моторизованного корпуса пришелся на левый фланг 48-й стрелковой дивизии, которая выдвигалась к границе походным порядком и не была развернута для обороны. Попав под удар с воздуха и атаку танковых частей, основные силы дивизии оказались отброшены севернее, в полосу 41 – го моторизованного корпуса.

В результате за первый день боев 41-й мотокорпус Рейнгарда, действуя против 48-й и 125-й стрелковых дивизий, продвинулся всего на 15–25 километров, в то время как корпус Манштейна прошел 80 км. На следующий день корпус Рейнгарда тоже вышел на Дубиссу, захватив железнодорожный мост и плацдарм у Лидавеняя. Но тут во фланг ему нанесла удар подошедшая к полю боя 2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса. Разгорелось знаменитое танковое сражение у Рассейняя, в ходе которого за два дня дивизиям 41-го моторизованного корпуса

удалось продвинуться не более чем на 20 км.

К исходу 25 июня передовые части корпуса Рейнгарда находились лишь в сотне километров от границы, пехотные соединения группы армий «Север» за эти четыре дня прошли от 40 до 70 км. Зато корпус Манштейна, не встречая противодействия советских войск, вырвался далеко вперед – в этот день 8-я танковая дивизия заняла Утену в 200 км от границы!

Таким образом, никакого особенного умения или искусства от командира 56-го моторизованного корпуса в первые дни войны не потребовалось – сыграло роль общее численное превосходство Вермахта и инициатива нападавшего, позволившая немцам обеспечить подавляющий перевес на направлениях главных ударов. Захват же моста через

Дубиссу в районе Айроголы позволил беспрепятственно продолжать наступление в образовавшийся прорыв.

Следующим рубежом, который требовалось преодолеть как можно быстрее, была Западная Двина. Сюда спешно отводились советские войска, создавая новый оборонительный рубеж, поэтому Манштейн приказал командиру наступавшей вдоль шоссе 8-й танковой дивизии совершить бросок и захватить мосты в Двинске (ныне Даугавпилс).

Захват мостов Манштейн описывает следующим образом.

«26 июня утром 8-я танковая дивизия подошла к Двинску. В 8 часов утра, будучи в ее штабе, я получил донесение о том, что оба больших моста через Двину в наших руках. Бой шел за город, расположенный на том берегу. Большой мост, абсолютно не поврежденный, попал в наши руки. Посты, которые должны были поджечь огнепроводный шнур, были схвачены у подходов к мосту. Железнодорожный мост был только легко поврежден небольшим взрывом, но остался пригоден для движения».

Здесь генерал-фельдмаршал скромничает, не упоминая важные подробности. Командир 8-й дивизии генерал Эрих Бранденбергер сформировал для атаки боевую группу под командованием майора Вольфа, куда вошли пехотная, танковая и саперная роты. Двигаясь на автомобилях по двинскому шоссе, группа Вольфа должна была за ночь преодолеть 70 км и утром 26 июня достичь Двинска. Особенностью операции было то, что непосредственно захват мостов должен был осуществить отряд из приданной корпусу Манштейна 8-й роты 800-го полка особого назначения «Бранденбург».

На рассвете (в 7.00 по Берлину) переодетые в советскую форму солдаты «Бранденбурга» на четырех советских грузовиках подъехали к шоссейному мосту через Западную Двину. Первый

грузовик охранявшие мост пограничники пропустили беспрепятственно, однако затем что-то вызвало у них подозрение, поэтому второй они попытались остановить. Началась перестрелка, в ходе которой погибли командир группы обер-лейтенант Кнаак и пятеро его бойцов, еще 20 человек были ранены. Охрана не имела приказа для подобной ситуации, поэтому не успела взорвать мост.

Через час к захваченному мосту вышла боевая группа майора Вольфа. Немцы проскочили мост и ворвались в Двинск, завязав бой с частями 201-й воздушно-десантной бригады, дислоцированной здесь еще до войны. Одновременно 3-я рота 59-го саперного батальона с тыла захватила второй мост – железнодорожный. Этот мост охранявшие его пограничники попытались взорвать, однако сработала только часть зарядов, и сооружение уцелело. К 12.50 по берлинскому времени Двинск был полностью занят противником.

Итак, успех операции был достигнут путем применения диверсантов, переодетых в форму противника. Манштейн об этом не знать не мог – как не мог не знать и о том, что его корпусу придана рота «Бранденбурга». Следует заметить, что позднее за подобные вещи – использование военной формы противника при проведении диверсионных операций – немецкое командование расстреливало американских парашютистов. Но в данном случае Манштейна произошедшее ничуть не взволновало: в своих мемуарах, касаясь этого периода боевых действий, генерал-фельдмаршал предпочитает обвинять в нарушении «законов и обычаев войны» советскую сторону.

Так же глухо Манштейн описывает и события следующей недели, которую 56-й армейский корпус провел на плацдарме у Двинска, более не продвинувшись вперед. Генерал-фельдмаршал объясняет это так:

«Нам подлили воды в вино, отдав приказ удерживать переправы в районе плацдарма у Двинска, который мы должны были расширить. Мы вынуждены были ждать подхода 41-го танкового корпуса, который должен был переправиться у Якобштадта, а также частей левого фланга 16-й армии».

На самом деле части 41-го моторизованного корпуса уже 27 июля достигли Двины в районе Екабпилса, а 28-го им удалось захватить плацдарм на северном берегу Так что танкистам Манштейна вовсе не надо было ждать соседей. С 26 июня они отражали отчаянные контратаки советских войск, пытавшихся выбить немцев из Двинска и отбросить их на левый берег реки.

Первая атака была организована уже вечером 26 июня силами сводной группы генерал-лейтенанта Акимова – двух

бригад 5-го воздушно-десантного корпуса и сводного полка, собранных из отступающих частей. Атака успеха не дала, поскольку в Двинск уже были переброшены основные силы 8-й танковой дивизии; вдобавок бойцы Акимова имели очень слабую артиллерийскую поддержку – всего 6 орудий. На следующий день ситуация ухудшилась, потому что 3-й мотопехотной дивизии удалось форсировать Двину к востоку от города.

Но одновременно к Двинску подошла срочно переброшенная сюда «боевая группа» 21-го механизированного корпуса генерал-майора ДД. Лелюшенко. Формально в группу входили три дивизии – 42-я и 46-я танковые и 185-я моторизованная. Однако сам Лелюшенко в боевом донесении от 29 июня характеризовал свои войска так: «Части корпуса фактически представляют из себя моторизованные группы, сформированные за счет старослужащих и частью молодых бойцов».

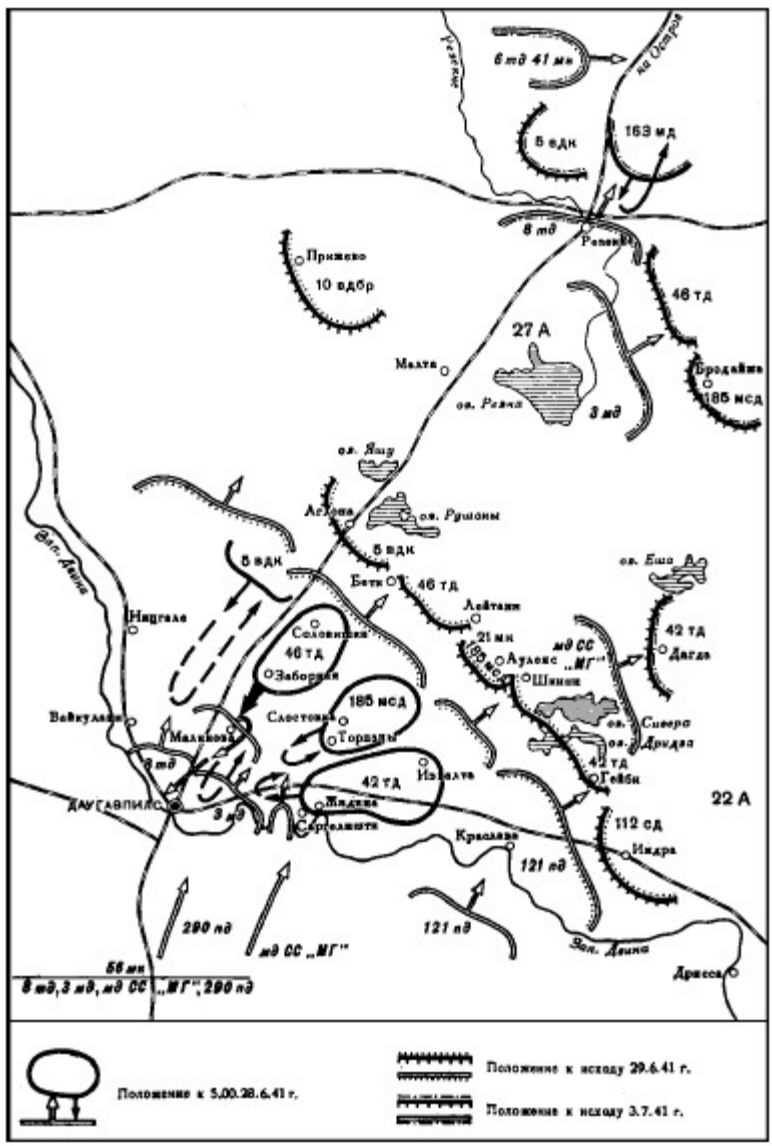
Всего в трех дивизиях имелось около 10 тысяч человек, 129 орудий 45– и 76-мм, 105 танков БТ-7 и 2 танка Т-34, а также какое-то количество плавающих танков Т-37 и Т-38 [203] . В составе двух воздушно-десантных бригад и сводного полка имелось 5–7 тысяч человек практически без артиллерии (полевая артиллерия десантным частям не положена). 29 июня обе группы (Лелюшенко и Акимова), а также 110-й артиллерийский полк РГК и отходящие через Двину части 16-го стрелкового корпуса были объединены под управлением штаба 27-й армии, которую возглавил генерал Н.Э. Берзарин – будущий комендант Берлина.

Итак, вокруг Двинска находилось не более 17 тысяч человек – против двух (а чуть позже и трех) дивизий 56-го армейского корпуса, каждая из которых по штату имела 16 тысяч человек. Впрочем, это лишь общая численность; в боевом составе групп Акимова и Лелюшенко, согласно оперативным сводкам штаба фронта, на 29 июля насчитывалось около 5000 человек, к исходу 30 июня – 4296 человек.

Если воспользоваться известным приемом немецких мемуаристов и историков и не различать боевой и общий состав (тем более что в оперативных документах фронта это и не уточняется), можно заявить, что немецкие войска имели десяти-двенадцатикратное превосходство над советскими. Вдобавок восточнее Двинска против частей 42-й танковой дивизии было отмечено присутствие 121-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса.

С таким превосходством да со своей репутацией гениального полководца Манштейн должен был разгромить противостоящие ему силы 27-й армии за несколько часов. Наделе же тяжелые бои за Двинск продолжались вплоть до 2 июля. Советские войска

постоянно переходили в контратаки – по мемуарам Лелюшенко, только в атаке 28 июня против плацдарма 3-й моторизованной дивизии было взято в плен 285 человек (в том числе 10 офицеров), на поле боя осталось около 400 трупов, 16 подбитых орудий и 26 минометов [204] . Более того, командир 42-й танковой дивизии отправил через Двину для разведки отряд из пяти плавающих танков Т-38 с небольшим десантом мотопехоты. По донесению командира отряда, в ходе рейда на дорогах было уничтожено до сотни автомашин, а по словам Манштейна, «отдел тыла штаба корпуса подвергся нападению с тыла недалеко от КП корпуса».

29 июня только силами 21 – го механизированного корпуса, по нашимданным, было подбито и уничтожено 42 вражеских танка, 34 орудия, 32 миномета, около 250 автомашин и до тысячи солдат противника. Естественно, информацию о потерях противника можно считать преувеличенной – этим грешили обе стороны. Например, по данным штаба 56-го армейского корпуса, только за 28 июля было подбито и уничтожено 78 советских танков – в то время как, по нашим данным, потери в технике за оба дня составили 4 танка, 9 бронемашин, 24 автомобиля и 11 орудий [205] .

Явная неудача Манштейна под Двинском в первую очередь объясняется качеством противостоявших ему советских войск. Воздушно-десантные бригады практически не имели артиллерии, но были хорошо обучены и обладали высоким боевым духом. Механизированные войска также являлись элитой РККА; вдобавок «ужатие» 21-го мехкорпуса до 10 тысяч человек дало возможность сосредоточить в боевой группе наиболее подготовленных бойцов. В целом 56-му моторизованному корпусу противостояли лучшие силы Красной Армии. Если бы все войска РККА в 1941 г. имели подобный уровень подготовки, итог Приграничного сражения был бы совсем иным…

Линия фронта по Двине была прорвана немцами только после того, как командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, вопреки приказу Ставки, 30 июня отдал войскам приказ отойти на линию старых укрепрайонов, где должны были разворачиваться прибывающие из тыла войска 2-го стратегического эшелона – 1-й механизированный и 41-й стрелковые корпуса. Одновременно сюда же, в район Пскова и Острова, предполагалось перебросить еще не введенные в бой 22-й Латвийский и 24-й Эстонский территориальные корпуса.

Судя по всему, командующий фронтом просто переоценил силы противника и его успехи; отчасти это было вызвано плохой связью, из-за которой информация о действиях войск поступала с очень большим запозданием. Но самое главное – генерал Кузнецов не предполагал, что прибытие в район Пскова трех свежих дивизий 41-го стрелкового корпуса, намеченное на 1–2 июля, задержится на несколько дней…

Через несколько часов после отправки в войска приказ об отступлении был отменен, а сам Кузнецов снят со своего поста. Однако из-за плохой и неравномерно работавшей связи часть дивизий успели начать отход до появления второго приказа, а часть – не получили и первого. В итоге днем 2 июля частям 41-го моторизованного корпуса удалось вырваться с плацдарма у Екабпилса и на следующий день выйти на Псковское шоссе,

опередив отступающие от Двины советские войска.

56-й моторизованный корпус начал наступление в 11 часов 2 июля. Но прорвать оборону советских войск Манштейну не удалось – части 27-й армии медленно отходили от рубежа к рубежу, удерживая локтевой контакт между собой. А ведь корпусу Манштейна была передана из резерва группы армий свежая моторизованная дивизия СС «Мертвая голова», а также придана 121-я пехотная дивизия. Впрочем, обе эти дивизии сразу же умудрились «отличиться». Разведывательный батальон дивизии СС, прорвавшись по шоссе на Себеж, попал в засаду в районе города Дагда и был практически полностью разгромлен силами 42-й танковой дивизии. Согласно нашим донесениям, на поле боя осталось в общей сложности 10 танков, 15 бронетранспортеров, 18 орудий и 200 автомашин; из состава мотоциклетного авангарда было захвачено 126 исправных мотоциклов и 34 пленных эсэсовца, в том числе два офицера.

Манштейн, обходя молчанием этот конкретный эпизод, сетует, что эсэсовцы при всей своей храбрости и великолепном оснащении не имели достаточного опыта и несли слишком высокие потери.

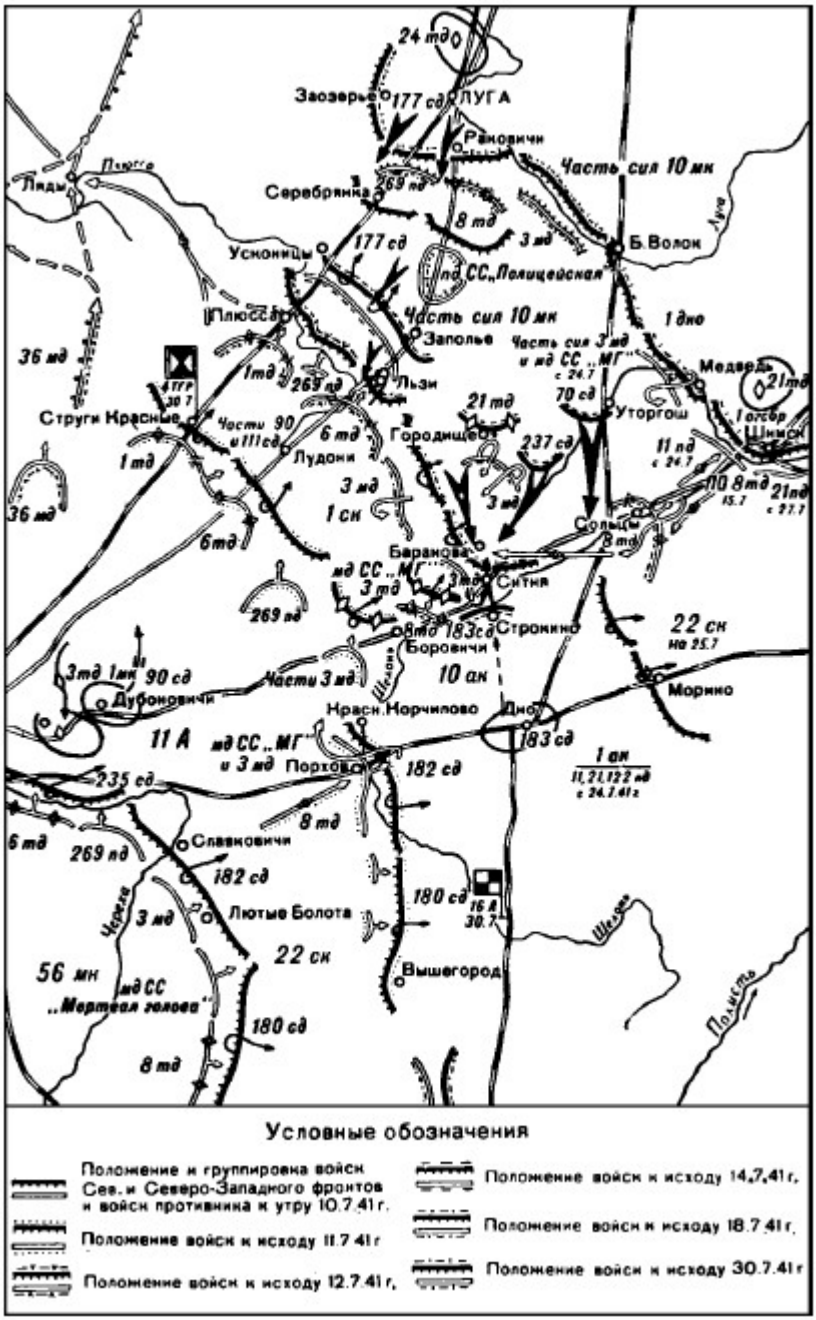
«Дивизия [«Мертвая голова»]также всегда атаковала с большой смелостью и показала упорство в обороне. Позже не раз эта дивизия была в составе моих войск, и я полагаю, что она была лучшей из всех дивизий СС, которые мне приходилось иметь… Но все эти качества не могли возместить отсутствующей военной подготовки командного состава. Дивизия имела колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились. Эти потери, а также и недостаточный опыт приводили в свою очередь к тому, что она упускала благоприятные возможности и неизбежно должна была вести новые бои… После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два».

Немецкие работы также весьма глухо упоминают об указанном эпизоде. История дивизии «Мертвая голова» вскользь упоминает, что в бою у Дагды 1-й моторизованный полк СС потерял около сотни человек, а Вернер Гаупт – что в ходе этих боев дивизия потеряла две трети своего состава и была сведена в один полк. А ведь для 1941 г. даже потери в треть боевого состава для немцев были крайне высокими, почти невероятными. Впрочем, к концу года в войсках Манштейна они стали самыми обычными и даже воспринимались как небольшие…

4 июля случилась неприятность со 121-й пехотной дивизией. В этот день «Мертвая голова», наступавшая по шоссе от Краславы на Себеж, наконец-то захватила Дагду. Следом за ней уступом

продвигалась 121-я пехотная дивизия. В ходе одной из контратак бойцы 42-го мотострелкового полка прорвались к штабу пехотной дивизии и разгромили его, в завязавшемся бою был убит командир дивизии генерал-майор Отто Ланцелле.

Впрочем, главные неприятности еще ждали 56-й моторизованный корпус впереди. К сожалению, подробности дальнейших боев Манштейн вновь описывает скупо, уделяя больше внимания плохим дорогам, бытовым подробностям, жаре, дождям, холодному коньяку и краденной у местного населения птице. «Правда, куры и утки были редкостью, поскольку, хотя мы и были всегда впереди, на них находилось много других любителей». Характерно, что далее Манштейн совершенно серьезно утверждает, что «в немецкой армии – в противовес остальным – грабеж не допускался» – очевидно, напрочь забыв, о чем писал раньше.

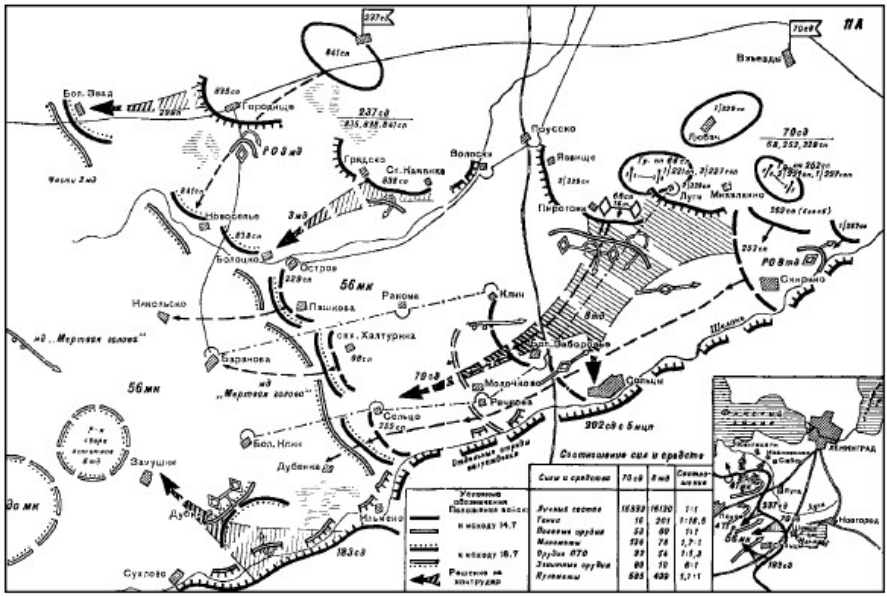
14 июля двигавшаяся по шоссе на Новгород 8-я танковая дивизия заняла город Сольцы, а ее передовой отряд вышел на реку Мшага возле Шимска. Однако на следующий день:

«Противник большими силами с севера ударил во фланг вышедшей на реку Мшага 8-й танковой дивизии и одновременно с юга перешел через реку Шелонь. Сольцы – в руках противника.

Таким образом, главные силы 8-й танковой дивизии, находившиеся между Сольцами и Мшагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса. Кроме того, противник отрезал и нас и с юга большими силами перерезал наши коммуникации. Одновременно продвигавшаяся дальше к северу 3-я мотодивизия была у Мал. Утогорж атакована с севера и северо-востока превосходящими силами противника».

Итак, советские войска нанесли не просто контрудар – они атаковали корпус Манштейна с трех направлений. 237-я стрелковая дивизия совместно с «боевой группой» 21-й танковой дивизии (42-й танковый и 21-й гаубичный полки) отбросила назад 3-ю моторизованную дивизию; 70-я стрелковая дивизия при поддержке 5-го танкового полка 3-й танковой дивизии атаковала левый фланг 8-й танковой дивизии, смяла его и нарушила локтевую связь с 3-й моторизованной дивизией.

Одновременно 183-я латвийская стрелковая дивизия нанесла удар с юга через Шелонь навстречу 237-й дивизии, выйдя на коммуникации 56-го армейского корпуса и оказавшись в непосредственной близости от его командного пункта. Здесь была разгромлена тыловая автоколонна 8-й танковой дивизии, в числе прочих трофеев оказалась штабная машина 2-го батальона 52-го полка химических минометов. В машине, среди прочих документов, была обнаружена инструкция по использованию химических снарядов и мин, а также дополнения к ней, разосланные войскам еще 11 июня 1941 г. и содержащие указания по технике и тактике применения отравляющих веществ. Немцы не собирались без особой необходимости применять на Восточном фронте отравляющие вещества, но захваченные документы стали настоящим подарком советской пропаганде и уже 23 июля были опубликованы в газете «Правда». «Главное командование требовало от нас объяснений, как оказалось возможным, что совершенно секретный документ попал в руки противника», – пишет Манштейн.

Одновременно южнее Шелони 180-я и 182-я дивизии 22-го Эстонского корпуса перешли в наступление на Порхов, чтобы отвлечь прикрывавшие южный фланг Манштейна силы 10-го немецкого армейского корпуса. Следует также заметить, что Манштейн в своем описании ошибся – 8-я танковая дивизия была окружена не восточнее, а западнее Сольцев. 16 июля донесение командования Северо-Западного фронта в Генеральный штаб за № 012 сообщало: «Противник силами до одной тд и одной мд окружен и уничтожен в районе Пески, Пирогово, Волоцко, Бараново, Заборовье…» Впрочем, послевоенные отечественные труды оценивали успех гораздо скромнее. Описание операции, сделанное генералом армии А.И. Радзиевским в работе «Армейские операции» на основе оперативных документов, говорит об отходе немцев к Сольцам по шоссе через Скирино под лобовым натиском 252-го стрелкового полка 70-й дивизии, которому противостояло всего около батальона противника. Свидетельства участников боев, собранные Ю. Криновым [206] , говорят о тяжелых боях за город с утра 15-годо утра 17 июля, о танковых контратаках противника, но тоже ни словом не упоминают про окружение. В целом же отечественные историки описывают его в основном со слов Манштейна. Не проболтался бы командир 56-го моторизованного корпуса – никто бы и не узнал об «утерянной победе». Ведь даже номера советских дивизий в некоторых отечественных изданиях приводятся ошибочно – по карте из Манштейна, носящей совершенно фантастический характер.

«Противник всеми силами старался сохранить кольцо

окружения. Для этой цели он ввел в бой, кроме стрелковых дивизий, две танковые дивизии, большие силы артиллерии и авиации. Несмотря на это, 8-й танковой дивизии удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. Все же некоторое время ее снабжение обеспечивалось по воздуху. 3-й моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак. Тем временем удалось также освободить от противника наши коммуникации, после того как командование группы вновь передало в подчинение корпуса дивизию СС «Мертвая голова».

На карте в «Утерянных победах» против двух дивизий 56-го моторизованного корпуса сосредотачиваются три советских корпуса: 22-й и 52-й стрелковые, 1-й механизированный. Правда, из отдельных дивизий на ней обозначены только 3-я и 21-я танковые, 220-я моторизованная, 180-я стрелковая. На самом деле две танковые дивизии имели в сумме только два танковых и артиллерийский полки, в 202-й (а не 220-й) моторизованной дивизии был большой некомплект личного состава, практически совсем отсутствовали транспорт и артиллерия, поэтому в ходе операции она играла пассивную роль, занимая оборону по южному берегу Шелони напротив Сольцев. Полнокровными были только две свежие дивизии – 70-я (15 300 человек) и 237-я (около 12 000 человек), но около половины в них составляли только что призванные резервисты, не имевшие никакого боевого опыта и минимальную подготовку. В 183-й стрелковой дивизии оставалось около 7000 человек, два полка 202-й мотодивизии имели порядка 5000 человек, танковые полки почти не имели пехоты.

Общая численность советских войск, активно или пассивно принявших участие в операции, составляла порядка 42–45 тысяч человек. Против них действовали основные силы 8-й танковой и 3-й моторизованных дивизий Вермахта, а также некоторые корпусные части (например, моторизованный саперный полк). В целом силы противника в этом районе насчитывали не менее 30 тысяч человек.

Соотношение бронетехники определить сложнее. На 22 июня 8-я танковая дивизия Вермахта имела 212 танков, в том числе 8 Pz. III и 30 Pz. IV. Согласно записи Гальдера от 13 июля (по докладу Буле), потери в танках на этот момент составили около 50 % наличных сил – правда, здесь учтены в том числе эвакуированные в тыл поврежденные машины. В любом случае мы можем оценить силы 212-й танковой дивизии в 100–120 исправных машин, из них 20–25 средних.

21-я танковая дивизия, к тому времени выдержавшая бой на

Псковском шоссе, имела в своем составе не более 110 танков Т-26, часть из которых была неисправна либо осталась в тылу. В остатках 5-го полка 3-й танковой дивизии на 15 июля насчитывалось 4 танка Т-28, 2 КВ и 16 БТ. Два подбитых танка БТ-7 и один немецкий Pz. 38(t) среди каменных городских домов хорошо видны на фотографии, сделанной в освобожденном городе и опубликованной советскими газетами уже летом 1941 г.

Как мы видим, противоборствующие стороны имели примерно равное количество танков. Советские войска обладали примерно полуторным превосходством в численности, но значительно уступали противнику в маневренности и подготовке личного состава. Однако такое соотношение сил имело место лишь в самом начале наступления – уже 15 июля в бой спешно вводится прошедшая переформирование дивизия СС «Мертвая голова» [207] и силы сторон полностью уравниваются. Тем не менее советское наступление было остановлено только 18 июля, когда 70-я и 237-я стрелковые дивизии вышли к реке Ситня в 15 км западнее Сольцы. Немецкие войска получили настолько сильный удар, что 8-ю танковую дивизию пришлось на четыре дня вывести из боя для пополнения и переформирования.

Немецкое наступление возобновилось лишь после того, как выдвинувшийся в район Порхова 1-й армейский корпус (11-я и 21-я пехотные дивизии), временно переданный в подчинение 4-й танковой группе, начал наступление южнее реки Шелонь. 19 июля 3-м полком 21-й пехотной дивизии была взята узловая станция Дно. Правее нее 11-я пехотная дивизия отбросила потрепанные части 22-го Эстонского стрелкового корпуса (180-ю и 182-ю дивизии), вышла на Шелонь выше Сольцев и 21 июля, переправившись через реку, вновь заняла город.

Однако тяжелые бои продолжались в этом районе вплоть до второй декады августа. Так, 25 июля 21-й мотострелковый полк уже знакомой нам 21-й танковой дивизии вновь вышел к берегу Шелони южнее Сольцев, взяв под обстрел город и идущие здесь дороги. «1-му армейскому корпусу, обороняясь, пришлось переправиться на другой берег и местами отступить» – так описывает этот бой Вернер Хаупт в истории группы армий «Север». Одновременно левый фланг 180-й стрелковой дивизии также достиг Шелони у села Рельбицы в 10 км западнее Сольцев и даже сумел переправиться на северный берег. Лишь 26 июля немцы смогли ликвидировать новый кризис, направив сюда подошедшую через Дно 126-ю пехотную дивизию 11-го корпуса.

Кроме того, провалилась попытка немцев переправиться через Мшагу в районе Шимска – в ночь с 1 на 2 августа у слияния рек Мшага и Шелонь был разгромлен плацдарм 24-го полка 21-й

пехотной дивизии. При этом оказалось захвачено 13 исправных автотягачей, 3 мотоцикла и 35 орудий – тридцать одна 37-мм «дверная колотушка», две 50-мм противотанковые пушки и две 150-мм гаубицы, а кроме них – 110 винтовок, 6 минометов и большое количество боеприпасов.

В своих мемуарах Манштейн обычно обходит вопрос о потерях своих войск, однако здесь он упомянул хоть какие-то цифры.

«26 июля к нам прибыл обер-квартирмейстер (начальник оперативного управления) ОКХ, генерал Паулюс. Я разъяснил ему ход боев за прошедшее время и указал на большие потери танкового корпуса на местности, не приспособленной для действий танковых войск, а также на недостатки, связанные с распылением сил танковой группы. Потери трех дивизий корпуса достигли уже 600 человек. Как люди, так и техника выносили тяжелейшую нагрузку; однако 8-й танковой дивизии удалось за несколько дней отдыха довести число готовых к бою танков с 80 до 150 единиц круглым счетом».

Итак, с начала войны 56-м армейским корпусом было безвозвратно потеряно как минимум 60 танков. Для немцев, у которых танки были весьма дорогими и ценными машинами (на постройку Pz.HI или Pz.IV уходило в 6–7 раз больше человеко-часов, чем на изготовление Т-34), это были очень высокие потери. Добавим, что, по советским данным, в боях за Сольцы было захвачено до 400 автомашин.

Однако проверка по немецким документам [208] показывает, что Манштейн слукавил, сообщив только о безвозвратных потерях, – причем не за всю кампанию, а за десять дней, прошедшие от начала сражения за Сольцы. На самом деле только 8-я танковая дивизия только за неделю боев (с 14 по 20 июля, до вывода с передовой) потеряла 689 человек, из них 146 безвозвратно (в том числе 8 офицеров). Для немцев в 1941 г. это были огромные потери – из строя выбыло до 12–15 % боевого состава дивизии. 3-я моторизованная дивизия за ту же неделю потеряла еще больше: 707 человек, в том числе безвозвратно – 181 человека (из них 9 офицеров). Общие потери дивизии СС «Мертвая голова» за шесть дней (15–20 июля) составили 445 человек, в том числе безвозвратные – 121 человек (из них 6 офицеров).

Итого, общие потери трех дивизий только за одну неделю боев с 14 по 21 июля составили 1839 человек, из них безвозвратные – 448 человек (23 офицера). Потери корпусных частей (в том числе 48-го отдельного саперного батальона) за тот же период, по неполным данным, составили 139 человек, из них

24 убитыми.

Какой же можно сделать вывод из описанных событий? За первый месяц войны на Восточном фронте генерал-лейтенант Эрих фон Манштейн не проявил выдающихся талантов полководца; более того, он показал себя едва ли не худшим из немецких генералов. Несомненный успех – захват Двинска – был в первую очередь обеспечен многократным превосходством в живой силе и действиями 41-го моторизованного корпуса, оттянувшего на себя большую часть советской группировки, – а также операцией диверсантов из «Бранденбурга», переодетых в советскую военную форму. Однако «вскрыть» плацдарм в Двинске Манштейн так и не смог: его войска на неделю были задержаны здесь заметно уступавшей в силах группировкой 27-й советской армии и понесли значительные потери. Первым прорвал советский фронт за Двиной опять же 41-й моторизованный корпус; он же, опередив 56-й, вышел на Псковское шоссе, занял Остров и Псков, вышел к реке Луга и захватил плацдармы на ее правом берегу.

Тем временем 56-й моторизованный корпус Манштейна тащился следом, прикрывая северный фланг 41 – го корпуса. Первая же попытка вырваться вперед повлекла за собой окружение 8-й танковой дивизии у Сольцев. Объяснение причин такой ситуации дает сам Манштейн: «Командование корпуса продолжало считать, что безопасность корпуса по-прежнему следует обеспечивать быстротой его маневра». Но подобная тактика действенна только против слабого и деморализованного противника, чувствительного к обходам и боящегося разорвать линию своего фронта. Наличие у противника уверенного руководства и хорошей координации между войсками делает подобный маневр крайне опасным.

Однако Сольцы не стали уроком. Как мы увидим дальше, Манштейн еще не раз пытался достигнуть эффектной победы, сосредоточив все свои силы на одном направлении и максимально оголив второстепенные. В результате у него становилось одной «утраченной победой» больше – и каждый раз он предпочитал объяснять свою неудачу многократным превосходством противника.

Манштейну так и не удалось принять участие в наступлении на Ленинград. В августе его корпус был отвлечен от главного направления и переброшен южнее озера Ильмень для отражения наступления 34-й армии все на те же Сольцы. А 12 сентября он был совершенно неожиданно назначен командующим 11-й армией группы «Юг» вместо генерал-полковника Ойгена Риттера фон Шоберта, погибшего при посадке самолета на минное поле.

Новое назначение было не просто повышением, а явным трамплином для дальнейшей карьеры. 11-я армия составляла правый фланг группы армий «Юг» и всего советско-германского фронта, ей предстояло действовать на самостоятельном театре – против полуострова Крым, для чего ей придавалась 3-я румынская армия. Таким образом, Манштейн получал под свое командование не одну армию, а две.

Справедливости ради следует добавить, что «конкурент» Манштейна по 4-й танковой группе, генерал-лейтенант Рейнгардт, добившийся при наступлении на Ленинград куда больших успехов, через три недели тоже получил повышение. Он сменил генерала Гота на посту командующего 3-й танковой группой, с 31 декабря преобразованной в 3-ю танковую армию. Однако, в отличие от Манштейна, на этом дальнейшая карьера Рейнгардта затормозилась. Танковых армий в Вермахте становилось все больше и больше, однако новое повышение Рейнгардт получил лишь в августе 1944 г., заняв пост командующего разгромленной группой армий «Центр».

Хотя в дальнейшем Э. Манштейну приходилось занимать и более высокие должности, именно командование 11-й армией в Крыму стало вершиной его военной карьеры. С одной стороны, изолированный театр военных действий на полуострове как нельзя лучше подходил для демонстрации полководческих талантов, с другой – роль командующего войсками в Крыму имела в значительной мере политический характер. Крым обеспечивал влияние Германии на Турцию, Болгарию и Румынию, а опосредованно – и на ситуацию в Восточном Средиземноморье.

С другой стороны, Крым неожиданно оказался весьма ненадежной позицией, уязвимой как с юга (от Чонгара и Перекопа), так и со стороны Керченского пролива. Более того, отсутствие здесь естественных рубежей обороны (за исключением Ак-Монайской узости) делало Крым идеальным театром для подвижных моторизованных войск, не позволяя отступающему организовать планомерный отвод своих войск в случае прорыва противника. В свою очередь, Севастополь оказывался ловушкой для блокированной в нем армии, поскольку эвакуация отсюда неизбежно вела к огромным потерям. Можно сказать, что Манштейну повезло – он был наступающей стороной и пожал лавры победителя. Однако в 1944 г. немецкой 17-й армии довелось испить в Крыму ту же чашу, что досталась на долю советских войск в 1941–1942 гг.

История действий 11-й армии в Крыму обросла множеством мифов. К созданию некоторых из них приложил руку сам Манштейн, к другим – отечественная историография, как

советская, так и современная.

По иронии судьбы здесь Эриху фон Манштейну опять довелось встретиться с Ф.И. Кузнецовым – только теперь бывший командующий Северо-Западным фронтом был понижен в должности до командарма и руководил 51-й армией, управление которой было сформировано 14 августа. Основой армии стал дислоцированный в Крыму 9-й стрелковый корпус (практически не имевший корпусных частей) – 156-я, 106-я стрелковые и кавалерийская дивизии. В августе здесь же начали формироваться четыре Крымские дивизии народного ополчения, задним числом обозначенные как 321-я (Евпатория), 184-я (Ялта), 172-я (Симферополь) и 320-я (Феодосия). Кроме того, к 1 сентября в состав армии вошли 276-я и 271-я стрелковые, 40-я и 42-я кавалерийские дивизии, отведенные сюда из Северной Таврии.

Распространенная легенда, активно поддержанная советскими историками, гласит: немцы сумели ворваться в Крым из-за того, что большинство войск 51-й армии были направлены для обороны побережья от вражеских десантов. Однако на деле ситуация была иной. Все приказы, предписывающие усилить оборону побережья, относятся к августу – тогда как немцы вышли к Перекопскому перешейку и озеру Сиваш только 15 сентября. На этот момент здесь находились три наиболее боеспособные дивизии 9-го стрелкового корпуса генерала П.П. Батова – 156, 106 и 276-я, имевшие 24 батальона и 222 орудия. Более слабая 271-я стрелковая и все три кавдивизии составляли резерв. На обороне побережья находились только три дивизии народного ополчения, не имевшие ни артиллерии, ни автотранспорта, ни даже автоматического оружия. Кроме того, в Симферополе заканчивала формирование 172-я (3-я Крымская) дивизия. Изначально она планировалась как мотострелковая, поэтому в состав дивизии был включен 5-й танковый полк, собранный из машин, находившихся в Крыму на ремонте. Позднее полк действовал отдельно, а дивизия числилась обычной стрелковой.

Таким образом, к середине сентября войска Крыма насчитывали 5 боеспособных стрелковых и 3 слабых кавалерийских дивизии. Эти силы, как мы видим, были размещены вполне рационально: большинство – на севере, подвижные части – в резерве в районе Симферополя и Джанкоя. Поэтому не соответствует действительности фантастическое утверждение генерала Батова о том, что «около 30 тысяч штыков оставалось на оборону Крыма от вторжения со стороны материка (из них 7 тысяч на Перекопе); около 40 тысяч – на оборону побережья идо 25 тысяч внутри Крыма» [209] . В трех дивизиях народного ополчения вряд ли имелось 40 тысяч штыков или даже

просто столько бойцов. Главной же проблемой 51-й армии было отсутствие артиллерии корпусного звена и крайний недостаток ее в дивизиях, а также нехватка стрелкового вооружения в формирующихся частях.

По утверждению Манштейна, для наступления на Крым первоначально был выделен только 54-й армейский корпус генерала Ганзена – 46-я и 73-я пехотные дивизии, остальные силы 11-й армии были развернуты против 9-й армии Южного фронта на мелитопольском направлении. На самом деле против Крыма было направлено 4 дивизии – позиции по берегу Сиваша заняла 22-я пехотная дивизия 30-го армейского корпуса, а в качестве резерва в тылу ударной группировки сосредоточилась переброшенная из-под Одессы 50-я пехотная дивизия.

«Само собой было понятно, что 54-му армейскому корпусу для наступления на перешейки должны были быть приданы все имеющиеся в нашем распоряжении силы артиллерии РГК, инженерных войск и зенитной артиллерии».

Ниже Манштейн признает, что 54-й корпус имел «сильнейшую поддержку артиллерии». Кроме того, в составе ударной группировки действовал 190-й дивизион штурмовых орудий – 18 САУ StuG.HI. Поэтому командующий 11-й армией пытается «уравновесить силы» ссылкой на превосходство советской авиации.

«Господство… в воздухе принадлежало советской авиации. Советские бомбардировщики и истребители непрерывно атаковали всякую обнаруженную цель.

Не только пехота на переднем крае и батареи должны были окапываться, нужно было отрывать окопы и для каждой повозки и лошади в тыловой зоне, чтобы укрыть их от авиации противника. Дело доходило до того, что зенитные батареи не решались уже открывать огня, чтобы не быть сразу же подавленными воздушным налетом».

Однако на самом деле войска, атакующие Перекопский перешеек, поддерживались силами 4-го авиакорпуса в составе части 77-й истребительной эскадры (60–65 самолетов Ме-109), 77-й штурмовой эскадры (75 машин Ju-87) и 51-й бомбардировочной эскадры (125 двухмоторных Не-111), а также двух десятков разведчиков. В то же время авиация 51-й армии состояла из двух истребительных авиаполков (82-го и 247-го) и 21-го бомбардировочного авиаполка – около 40 истребителей МиГ-3 и ЛаГГ-3 и 20 бомбардировщиков ДБ-3. С ней взаимодействовала так называемая Фрайдорфская группа ВВС флота – 48 истребителей И-15бис, И-153, И-16 и Як-1, а также 2 СБ, 4 Ил-2 и 3 разведчика Р-5 и Р-10. Таким образом,

непосредственно на севере Крыма немецкая авиация превосходила наши силы в два раза.

Правда, всего в Крыму насчитывалось около 400 советских самолетов – но из них почти треть составляли старые морские разведчики МБР-2, боевая ценность которых была чисто номинальной. Основная же часть флотской авиации, за вычетом Фрайдорфской группы, вплоть до начала октября занималась бомбардировками румынских портов и нефтепромыслов. В свою очередь, самолеты 4-го авиакорпуса постоянно отвлекались на действия против Одессы и войск Южного фронта на реке Молочная. Вдобавок советские самолеты в основном были устаревших типов, большинство бомбардировщиков могли действовать только ночью – с сомнительной точностью бомбометания.

В целом немецкая авиация действовала активно, но не слишком безуспешно – асы «Люфтваффе» охотились за советскими самолетами и набирали боевые счета, в то время как советская авиация атаковала вражеские позиции, аэродромы и моторизованные колонны, одновременноуспешно прикрывая собственные аэродромы. За третью декаду сентября советская авиация на севере Крыма сделала 2127 самолето-вылетов, немецкая – примерно столько же. Результат же можно оценить по приведенной выше цитате Манштейна.

В конце концов ситуацией озаботилось немецкое Верховное командование. «Очистить небо над Крымом» было приказано командированному сюда в начале октября генерал-инспектору авиации Вернеру Мельдерсу, бывшему командиру 51-й истребительной эскадры и одному из лучших асов «Люфтваффе». По словам Манштейна, «только когда армии был подчинен Мельдерс с его истребительной эскадрой, ему удавалось очистить небо, по крайней мере, в дневное время». Но это неправда – Мельдерс прибыл в 11-ю армию без своей эскадры, только с одним штабным отрядом. Истинной причиной повышения эффективности немецкой авиации было не ее усиление, а улучшение управления и взаимодействия с наземными войсками – то, чего не смог организовать Манштейн.

На суше 54-му армейскому корпусу противостояли три советские дивизии, из которых на Перекопских позициях находилась лишь одна – имевшая, если верить Батову, 7000 штыков. В любом случае, формально имея две дивизии против одной, фактически противник, с учетом приданных частей и артиллерии, имел к началу наступления четырехкратное превосходство.

Наступление 11-й армии на Крым началось 24 сентября.

Силами двух пехотных дивизий немцы прорвали советскую оборону, преодолели Турецкий вал и заняли Армянск. К этому времени Ф.И. Кузнецов перебросил на перешеек свои резервы – 172-ю и 271-ю стрелковые и 42-ю кавалерийскую дивизии, однако Манштейн также ввел в бой 50-ю пехотную дивизию (треть которой, по его утверждению, находилась под Одессой). Кроме того, в районе Армянска были взяты пленные из состава 22-й пехотной дивизии – судя по всему, какая-то ее часть также участвовала в наступлении. Снимать с Сиваша 276-ю стрелковую дивизию Кузнецов не рискнул, однако в отражении немецкого наступления принял участие левый фланг 106-й дивизии.

С учетом в полтора раза большей численности немецких соединений соотношение сил практически сравнялось, однако противник имел более мощную артиллерийскую группировку. Поэтому контрудар 51-й армии не увенчался успехом, хотя советским войскам удалось на некоторое время отбить Армянск, а частью даже вновь пересечь Турецкий вал. 28 сентября советское командование отвело войска на Ишуньские позиции, проходившие по линии озер в южной части перешейка.

Манштейн пишет об этих боях так:

«Корпус прорвал оборону противника на всю ее глубину, взял сильно укрепленный населенный пункт Армянск и вышел на оперативный простор. Разбитый противник отошел к Ишуньскому перешейку с большими потерями. Нами было захвачено 10 000 пленных, 112 танков и 135 орудий».

Заметим, что «прорвал на всю глубину» означает прорыв всех оборонительных позиций, а вовсе не отступление противника на следующий рубеж, в 20 километрах от первого. Однако гораздо более интересно заявление о числе захваченных танков. В составе 51-й армии было единственное танковое подразделение – 5-й танковый полк формировавшейся здесь 172-й моторизованной дивизии. Всего в армии имелось 56 плавающих танкеток Т-38 и

10 машин Т-34, причем из последних в сентябрьских боях был потерян только один танк. Очевидно, «танками» немцы объявили некоторое количество обнаруженных ими тягачей «Комсомолец» – легких гусеничных машин с броней и пулеметом в передней части и деревянными скамьями для расчета 45-мм противотанковой пушки. В любом случае интересный метод подсчета трофеев заставляет с недоверием относиться и к остальным приведенным Манштейном цифрам.

Манштейн пишет о «тяжелых боях» и «дорогой цене», которой далась победа, но не акцентирует внимания на потерях своих войск. Между тем, по свидетельству немецкого сапера:

«25 сентября 1941 года, после того, как нам удалось

продвинуться вперед на 600–700 метров, в пехоте были выбиты почти все офицеры и ротами командовали унтер-офицеры. Вечером того же дня вперед был выдвинут самокатный батальон. Это произошло в тот момент, когда огонь открыла тяжелая артиллерия русских… самокатный батальон был уничтожен. За 26 сентября мы снова продвинулись на 700—1000 метров» [210] .

Заметим, что такое же продолжалось и в дальнейшем – Манштейн бросал в решающую атаку все наличные силы, безжалостно оголял тылы и второстепенные направления и добивался успеха ценой огромных (не только по немецким меркам) потерь – о которых, конечно же, не упомянул в своих мемуарах…

Следующая атака советских позиций началась только спустя три недели – 18 октября. К этому моменту немецкая группировка была усилена и теперь состояла из двух армейских корпусов – 54-го (46, 73 и 50-я пехотные дивизии) и 30-го (22, 72 и 170-я пехотные дивизии). Кроме того, 11-й армии подчинялась 3-я румынская армия генерал-лейтенанта Петре Думитреску, имевшая в своем составе горный корпус (1, 2 и 4-я горные бригады) и кавалерийский корпус (5, 6 и 8-я кавалерийские бригады). В горной бригаде насчитывалось около 10 тысяч человек, а в кавалерийской 4–5 тысяч. К августу 1941 г. численность армии составляла около 55 тысяч человек – с учетом понесенных за предыдущие два месяца потерь (6919 убитых и 12 942 раненых), но без учета поступивших пополнений, о которых сведений нет. По словам Манштейна:

«3-я румынская армия, которая вновь поступала под командование маршала Антонеску, должна была теперь только нести охрану Черноморского и Азовского побережья. Однако, обратившись непосредственно к маршалу, я добился от него согласия на то, что штаб румынского горного корпуса с одной горной и одной кавалерийской бригадой последуют за нами в Крым для охраны его восточного побережья».

Фактически в начале октября горный корпус основными своими силами занимал позиции на Сиваше, а части кавалерийского корпуса сосредоточились во втором эшелоне 11-й армии.

Манштейн оценивает соотношение сил следующим образом:

«Численное превосходство было на стороне оборонявшихся русских, а не на стороне наступавших немцев. Шести дивизиям 11-й армии уже очень скоро противостояли 8 советских стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, так как 16 октября русские эвакуировали безуспешно осаждавшуюся 4-й румынской армией крепость Одессу и перебросили защищавшую ее армию по морю в Крым».

Как всегда, Манштейн стремится любой ценой преувеличить силы противника. Действительно, Одесса была эвакуирована уже 16 октября, а отправка войск Приморской армии в Крым началась гораздо раньше. Всего из Одессы было эвакуировано (вместе с армейскими тылами) 67 ООО человек, 576 орудий, 34 танка и бронемашины. Однако до начала немецкого наступления на перешеек успела прибыть только 157-я стрелковая дивизия в составе двух стрелковых, артиллерийского и гаубичного полков. Она была перевезена в Севастополь с 1 по 10 октября и уже 8 октября передана в оперативное подчинение 9-го стрелкового корпуса П.П. Батова. 9 октября ее части заняли оборону в районе Воинки до реки Чатарлык.

17 октября командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров получил приказ немедленно отправить вслед за ней на фронт 95-ю, 25-ю стрелковые дивизии и 2-ю кавалерийскую дивизию. Однако переброска войск задержалась из-за нехватки паровозов, вагонов и автотранспорта (из Одессы в составе армии было эвакуировано лишь 1158 автомобилей, 268 тракторов и 3625 лошадей – столько, сколько полагалось на одну немецкую пехотную дивизию). Увы, именно сейчас исход сражения решали даже не дни, а буквально часы.

На 18 октября шести немецким дивизиям на перешейке противостояли 106, 156, 157, 172 и 271-я стрелковые, а также 42-я и 48-я кавалерийские дивизии. 276-я дивизия находилась на Сиваше, две стрелковых и одна кавалерийская дивизия еще только выдвигались к фронту. Манштейн вновь наглядно демонстрирует свой метод подсчета сил: у противника он учитывает все войска, а у себя – только ударную группировку, игнорируя резервы и второстепенные направления. В данном случае он «забыл» две румынские бригады, предназначенные для действия в прорыве, а также горный корпус на Сиваше.

Реально в полосе наступления немцы имели шесть дивизий против пяти. В предыдущих боях обе стороны понесли серьезные потери; если у советских войск они были больше (какутверждал Манштейн), то немецкое превосходство можно оценить как двукратное. Но в любом случае ситуация для Манштейна оказалась очень тяжелой. Поскольку в самые ближайшие дни войска Батова на перешейке должны были получить серьезное подкрепление из соединений Приморской армии, атаковать следовало как можно скорее, невзирая ни на какие потери!

«Наступление должно было вестись только фронтально, как бы по трем узким каналам, на которые перешеек был разделен расположенными здесь озерами.

Ширина этих полос допускала сначала введение в бой только

трех дивизий (73, 46 и 22-й пехотных дивизий) 54-го армейского корпуса, в то время как 30-й армейский корпус мог вступить в бой только тогда, когда будет занято некоторое пространство южнее перешейков».

В действительности при наступлении большими силами на узком фронте Манштейн использовал несколько иной прием: три из шести дивизий атаковали советские позиции, другие три двигались во втором эшелоне, поддерживая наступающих своей артиллерией. Через день или два состав атакующих менялся – первые три дивизии выводились во второй эшелон, а в бой бросались три свежие. Позднее, в 1945 г., такую же тактику постоянной замены атакующих дивизий отдохнувшими дивизиями второго эшелона советские войска будут использовать в Берлинской операции…

В первый же день немцы захватили Красноперекопск и подошли к Ишуню, но дальше продвинуться не смогли. Одновременно были нанесены мощные бомбовые удары по передовым советским позициям и железнодорожному узлу Джанкой в тылу. 19 октября 170-я пехотная дивизия, усиленная штурмовыми орудиями StuG. III и «подпираемая» сзади 46-й дивизией, прорвалась к устью реки Чатырлаку Каркинитского залива, обходя Ишунь с запада. Над 106, 157 и 271-й стрелковыми дивизиями нависла угроза окружения. Однако контратакой 172-й моторизованной и 48-й кавалерийской дивизий при поддержке 5-го танкового полка противник был отброшен назад.

После этого наступление немцев замедлилось. Имея превосходство в артиллерии и сильную авиационную поддержку, они были вынуждены буквально прогрызать оборону советских войск, продвигаясь на один-два километра в день. К 22 октября Манштейну удалось занять Ишунь, выйдя всем правым флангом армии к реке Чатырлак, но попытки переправиться через ее заболоченное русло вновь были отбиты советскими контратаками.

Тем временем 22 октября директивой Ставки командующим войсками в Крыму вместо В.И. Кузнецова был назначен вице-адмирал Г.И. Левченко – то есть руководство операциями передавалось флоту. С одной стороны, это было разумной мерой, с другой – управление войсками на какое-то время оказалось нарушенным вследствие смены штабов. Возможно, в сложившейся обстановке действительно стоило передать командование П.И. Батову, командиру 9-го стрелкового корпуса и заместителю Кузнецова.

Тем временем 22 октября на перешеек вышла 2-я кавалерийская дивизия Приморской армии, 23 октября вступила

в бой 95-я стрелковая дивизия, на следующий день – 25-я дивизия. К 25 октября на Ишуньские позиции наконец-то подошли их тыловые части. Казалось, вот-вот ситуацию удастся переломить. Однако контратака свежих дивизий, начатая 24 октября, успеха не имела по причине слабой артиллерийской поддержки. Одной из причин неудач генерал Батов и последующие историки считают отказ командования 51-й армии снять с позиций на Сиваше 276-ю стрелковую дивизию – забывая, что против нее находились количественно превосходящие силы румынского горного корпуса и совсем оголять этот участок было нельзя. Кстати, именно через Чонгар советские войска вновь ворвались в Крым осенью 1943 г…

Наступил критический момент сражения. Немецкие войска были остановлены перед Воинкой, они понесли серьезные потери и уже выдохлись – но фактически преодолели перешеек на всю его глубину. Оборона 9-го стрелкового корпуса опасно выгнулась дугой на юг, грозя лопнуть в любой момент. Однако как пишет Манштейн:

«25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе. Это был час, который, пожалуй, всегда бывает в подобных сражениях, час, когда решается судьба всей операции».

Но именно в этот момент Манштейн получил подкрепление – в состав 11-й армии был передан свежий 42-й армейский корпус (132-я и 24-я пехотные дивизии). А ведь немецкий армейский корпус был не просто суммой двух дивизий – в его состав входили сильная артиллерийская группировка и многочисленные корпусные части. Словом, на чашу весов с немецкой стороны была брошена тяжелая гиря.

Чтобы оттенить свой успех на перешейках, Манштейн пишет, что 42-й корпус прибыл в состав его армии уже в ходе «боев за полуостров» – не указывая, однако, конкретной даты. На самом деле наступление корпуса началось 26 октября. Главный удар наносился через реку Чатырлак, где не удалось прорваться ни 19-го, ни в последующие дни. На этот раз появление свежих немецких дивизий сыграло решающую роль – 27 октября фронт по Чатырлаку был прорван.

28 октября Военный совет войск Крыма приказал частям 51-й и Приморской армий отходить на юг, на промежуточные рубежи в глубине полуострова по линии Советский, Новоцарицыно, Саки. Однако выполнить этот приказ уже не удалось: началось отступление, и связь частей с командованием была уже нарушена. В то же время германские войска, вырвавшись на равнинные

просторы Крыма, оказались в своей стихии маневренной войны.

Официально подвижных частей в 11-й армии не было, однако еще 29 июля 1941 г. в составе 3-й румынской армии было создано «моторизованное соединение Раду Корне» – два мотокавалерийских полка, два моторизованных артдивизиона и ряд более мелких подвижных частей. Дополнив его собранными из разных дивизий подвижными разведывательными, саперными и артиллерийскими подразделениями и поставив под немецкое командование, Манштейн создал моторизованную бригаду Циглера – соединение, по численности соответствующее примерно 2/3 немецкой моторизованной дивизии. Находившиеся в ее составе штурмовые орудия 190-го дивизиона, а также легкие румынские танки R-1 и R-2 впоследствии послужили основой легенды о «сотне немецких танков», наступавших на Севастополь.

Именно бригада Циглера, двигавшаяся в авангарде 54-го армейского корпуса, должна была быстрым броском достигнуть Севастополя и ворваться в крепость до подхода сюда отступающих советских дивизий. Обогнав отступающие войска, противник уже 30 октября занял Симферополь, важнейший узел железных и шоссейных дорог, 31-го – Альму, а 1 ноября – Эффендикой и Качу, выйдя с севера к внешнему рубежу обороны Севастополя.

Советские войска отступали по двум расходящимся направлениям. 51-я армия в составе 106, 156, 157, 276-й дивизий, преследуемая 42-м армейским корпусом, отходила на Керченский полуостров. Горловину полуострова в районе Феодосии должна была прикрывать формировавшаяся здесь 320-я (4-я Крымская) стрелковая дивизия. С начала сентября она успела отрыть противотанковый ров между Азовским и Черным морями, построить некоторое количество дотов и дзотов, однако была совершенно не готова к выполнению боевых задач. Точно так же оказалась небоеспособной и 321-я (1-я Крымская) дивизия в Евпатории, следы которой теряются вообще.

42-й армейский корпус, в котором теперь числились 73, 46 и 170-я пехотные дивизии, не имея моторизованных соединений, продвигался медленнее 54-го и вышел к Феодосии только 3 ноября. Удержать Ак-Монайский перешеек деморализованные части 51-й армии не смогли. 6 ноября ее позиции восточнее Феодосии были прорваны, а уже 9-го немецкие войска вышли к Керчи и Камыш-Буруну. После недельной обороны 16 ноября Керчь была оставлена.

В ночь на 31 октября в поселке Сарабуз Военный совет Приморской армии принял решение пробиваться на Севастополь – несмотря на то что противник уже перерезал дорогу через

Симферополь и Бахчисарай. Было решено отводить остатки 157, 95, 25, 172-й стрелковых, 40, 42, 48-й кавалерийских дивизий в Севастополь через горы на Алушту и далее через Ялту по Приморскому шоссе. Прикрывать отход и блокировать перевалы должна была формировавшаяся в Ялте 184-я (2-я Крымская) стрелковая дивизия.

Наличие этой дивизии на южном берегу Крыма оказалось большой удачей. Она формировалась на основе пограничных войск Крыма и поэтому считалась дивизией НКВД. К концу октября 184-я дивизия все еще не имела ни артиллерии, ни автотранспорта, зато кадровые бойцы и командиры дивизии хорошо знали местность и смогли до конца выполнить свою задачу – задержать войска 30-го армейского корпуса и обеспечить отход Приморской армии в Севастополь.

Части Приморской армии общей численностью 19 тысяч человек выходили к Севастополю по Приморскому шоссе с 3 по 9 ноября. Остатки 184-й стрелковой дивизии прорывались в город с 19 по 24 ноября – всего из состава дивизии вышло 959 человек.

Безусловно, захват Крыма стал крупной победой немецких войск, хотя потребовал двух месяцев ожесточенных боев и серьезных потерь. Манштейн гордо сообщает читателю:

«Шесть дивизий 11-й армии уничтожили большую часть двух армий противника, насчитывавших 12 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии. Противник, имевший к началу нашего наступления примерно 200 ООО человек в боевых частях, потерял во время этого отступления свыше 100 ООО человек пленными и как минимум 25 ООО погибшими, а также 700 орудий и 160 танков».

Второе предложение в этой цитате стало одним из немногих мест, опущенных в советском переводе 1957 г. Но стоило ли это делать? В немецкой армии 200 тысяч боевого состава («кампфштарке») общевойсковой армии соответствуют примерно 500 тысячам общей численности войск. На самом же деле к 18 октября 1941 г. советские войска в Крыму (Приморская и 51-я отдельная армии, а также часть сил Черноморского флота) насчитывали всего 235 600 человек – включая сюда тыловые структуры флота, а также четыре формирующиеся дивизии, две из которых все еще были абсолютно небоеспособны.

Общие потери советских войск в Крыму в октябре-ноябре 1941 г. оценить крайне сложно. Справочник «Россия и СССР в войнах XX века» называет 63 860 человек (из них 48 438 убитыми и пропавшими без вести) – однако сюда не вошли потери Отдельной Приморской армии, учтенные после 30 октября и вошедшие в итоговые потери при обороне Севастополя.

до Мелитополя 50 км
11 А
30, 42, 54 ак, Горный корпус
румын
73, 46 и 22 пд
15.9
170 пд
н18.10
Перекоп
156 сд
Армянск
18.10
ст. Сальково
276 сд
Геническ
Керченский
залив
110 сд
Ишунь
156 сд
Чонгарский
мост
Воронцовка
40 и
42 кд
271 сд
Джанкой
Пр. А
24.10
51 А
Айбары
172 сд и
48 кд
Котур
Евпатория
Тыловая
позиция
Окречь
Кизбаки
Табулды
42 ак
2.11.41
51 А
2.11.41
Сакп
30 ак
22,72 пд
Николаевна
31.10
СИМФЕРОПОЛЬ
Феодосия
Казантипский
залив
54 ак
4.11
5.11
Бахчисарай
Судак
Кача
2.11
Пр. А
Алушта
СЕВАСТОПОЛЬ
4.11
Войска Севастопольского гарнизона
(8 брмп, 2-и Зап.ма
местн.сп.,-б-н
НКВД и три отд.
б-на)
Ялта
Балаклава 8.11
Алупка
Крымские горы
Ч Е Р Н О Е М О Р Е

Известно, что из Одессы в Севастополь было вывезено 67 тысяч бойцов, а к середине ноября войска Приморской армии в Севастополе насчитывали только 30 тысяч человек (в том числе около 5 тысяч в тыловых подразделениях) [211] . Таким образом, ориентировочная оценка потерь двух армий с середины октября по середину ноября – 100 тысяч человек, из них порядка 20 тысяч ранеными, а 80 тысяч – убитыми и пленными.

Манштейн описывает участие в боях за Крым всех трех своих корпусов – а в них, как мы помним, было не шесть, а восемь дивизий. Численность своих войск генерал-фельдмаршал не раскрывает нигде, немецкие историки также почему-то не любят сообщать эту информацию, поэтому нам придется прибегнуть к расчетному методу. Немецкий армейский корпус обычно насчитывал 50–60 тысяч человек, в таком случае вместе с армейскими структурами 11-я армия должна была иметь 170–200 тысяч человек. Штатная численность восьми пехотных дивизий Вермахта – около 130 тысяч; даже с учетом в дивизиях должно было остаться не менее 100 тысяч, а с корпусными и армейскими подразделениями (тылы, артиллерия, связь, разведывательные и саперные части) – те же 170–180 тысяч человек. К этой цифре необходимо прибавить 50 тысяч человек в приданной Манштейну 3-й румынской армии и силы 4-го воздушного корпуса, чьи наземные части обеспечивали действия авиации, а зенитные подразделения Манштейн поставил в боевой строй артиллерии.

Итак, 11-я армия хотя и ненамного, но превосходила численностью советские войска в Крыму, которые вдобавок значительно уступали ей по уровню подготовки, оснащенности транспортом и артиллерией. Потери немецких войск также были очень большими – так, Юрген Майстер, автор труда «Война в восточноевропейских водах» [212] , сообщает, что в боевом составе отдельных рот 46-й пехотной дивизии оставалось по 8 человек!

Безусловно, для германской армии захват Крыма стал серьезной победой – но на фоне других побед 1941 г. в нем не было ничего выдающегося.

Вдобавок победа оказалась неполной – Севастополь захватить так и не удалось. Организовав оборону города, советское командование перебросило сюда новые части и остановило наступление 54-го и 30-го армейских корпусов. Удержанные позиции не позволяли немцам прямой наводкой обстреливать город и бухту, то есть обороняющиеся могли свободно использовать городскую гавань и аэродром на дальней оконечности полуострова Херсонес.

Перед 11-й армией стояла задача, едва ли не более сложная,

чем прорыв в Крым через Перекопские и Ишуньские позиции, – захватить крепость, защищенную сильной стационарной артиллерией и обороняемую пусть и значительно уступающими по численности, но имеющими богатый боевой опыт войсками. Сделать это можно было только одним способом – лобовым штурмом с неизбежными громадными потерями.

Манштейн понимал, что чем раньше он начнет штурм, тем меньше сил успеет перебросить в Севастополь советское командование и тем больше будет у него шансов взять город быстро и с минимальными потерями. Поэтому командующий 11-й армией, верный своему принципу ставить все на одну карту, решает использовать для штурма все свои войска. Помимо пяти дивизий двух корпусов, под Севастополь были брошены 1-я румынская горная бригада – в составе 30-го армейского корпуса и моторизованное соединение «Раду Корне» – в составе 54-го армейского корпуса. В горах Яйлы южнее Симферополя находилась 4-я румынская горная бригада, имевшая задачу борьбы с партизанами.

Чуть позже из-под Керчи к Севастополю была переброшена 170-я пехотная дивизия; еще одна дивизия (73-я) приказом командующего группой армий «Юг» передавалась в 1-ю танковую армию под Ростовом. В итоге у командующего 42-м армейским корпусом генерал-лейтенанта графа фон Шпонека на Керченском полуострове остались только 46-я пехотная дивизия и 8-я румынская кавалерийская бригада. Однако к декабрю эта бригада тоже была выведена с полуострова и направлена на охрану южного побережья Крыма. Фактически Керченский полуостров оказался оголен до предела.

Расплата за неосторожность последовала очень скоро. Когда 26 декабря советские войска высадились на северном побережье Керченского полуострова и в Керченском проливе, у генерал-лейтенанта фон Шпонека для отражения десантов имелась только одна дивизия и ряд корпусных частей. Правда, за первые два дня операции на полуострове удалось высадить лишь около 5300 человек – 3100 в трех местах севернее Керчи и 2200 южнее ее, в районе поселка Камыш-Бурун. Однако одновременная высадка в нескольких местах и многочисленные ложные сообщения с береговых наблюдательных постов дезориентировали командование 42-го армейского корпуса. Так, упомянутый выше Юрген Майстер насчитал 25 (!) высадок в десяти разных местах. Манштейн писал:

«26 декабря противник, переправив две дивизии через Керченский пролив, высадил десанты по обе стороны от города Керчи. Затем последовала высадка более мелких десантов на

северном побережье полуострова».

Сразу же по получении известия о высадке на Керченский полуостров были направлены все мобильные резервы 11-й армии. В первую очередь это были румыны: 8-я кавалерийская бригада и 3-й мотокавалерийский полк, а парой дней позже – 4-я горная бригада и моторизованное соединение «Корне». Кроме того, в район Феодосии был спешно перенаправлен 213-й пехотный полк 73-й пехотной дивизии, задержавшийся в районе Геническа.

Общая численность направленных на Керченский полуостров войск составила не менее 20 тысяч человек. Этих сил вполне бы хватило для ликвидации советских десантов – с 26 по 29 декабря в районе Керчи удалось высадить лишь 16 тысяч человек, из них порядка двух тысяч погибли при высадке или в последующих ожесточенных боях. Однако утром 29 декабря, когда 8-я кавбригада и соединение «Корне» уже подходили к Керчи, а 4-я горная бригада находилась в 20–22 км от Феодосии, поступило известие о высадке крупных советских сил в этом порту.

Создалось глупейшее положение: части 4-й горной бригады еще не достигли Феодосии, а части 8-й кавалерийской бригады и соединения «Корне» уже проскочили город и вынуждены были разворачиваться на марше. Никто из них не мог появиться у Феодосии ранее вечера 29 декабря и оказать противодействие высадке. Между тем захват Феодосии угрожал выходом советских войск к Азовскому морю и окружением 42-го армейского корпуса со всеми приданными частями.

В сложившейся ситуации граф фон Шпонек принял единственно верное решение. Около 10 утра 29 декабря он по радио сообщил штабу армии, что отдал приказ на отход войск 42-го армейского корпуса с Керченского полуострова, – и тут же свернул радиостанцию, чтобы не получить более никаких приказов.

В некоторых немецких книгах можно встретить утверждения, что на Керченском полуострове были высажены две советские армии. На самом деле в районе Керчи с 26 по 31 декабря было высажено около 19 тысяч человек из состава 51-й армии Закавказского фронта. В Феодосии с

29 по 31 декабря силами Черноморского флота в трех эшелонах десанта было высажено 23 000 человек из состава 44-й армии того же фронта. С учетом понесенных потерь к 1 января здесь сосредоточилось не более 40 тысяч человек. К этому времени противник с учетом переброшенных резервов имел здесь примерно столько же. Вплоть до вечера 30 декабря 11-я армия имела под Феодосией общий перевес в силах – правда, здесь находились не немцы, а румыны, имевшие куда меньшую

боеспособность. А главное – по причине изначально неудачного расположения войск противнику пришлось в основном маршировать, а не наступать либо обороняться.

8-я кавалерийская бригада и соединение «Корне», утомленные четырехдневным непрерывным маршем, вышли в район Феодосии только утром 31 декабря. К этому же времени сюда подошли 213-й пехотный полк и рота штурмовых орудий. В итоге румынам удалось задержать продвижение советских войск на юг и юго-запад, дав возможность частям 46-й пехотной дивизии проскочить «бутылочное горлышко» между занятой советскими войсками станцией Владиславовка и Азовским морем. К утру 2 января все немецко-румынские войска развернулись восточнее советского плацдарма, преградив 44-й армии путь в глубь полуострова. Керченско-Феодосийская операция была закончена.

Верный себе, Манштейн вновь упрекает русских:

«Из захваченных нами оперативных карт было видно, что высадившаяся у Феодосии 44-я армия имела только одну цель – выйти к 4 января в район западнее и северо-западнее города Старый Крым имевшимися к этому времени в ее распоряжении шестью дивизиями, чтобы затем занять оборону на достигнутом рубеже. По-видимому, даже имея тройное превосходство в силах, противник не решался на смелую глубокую операцию, которая могла бы привести к разгрому 11-й армии».

На самом деле из состава 44-й армии было высажено лишь три дивизии – 157-я и 236-я стрелковые и 9-я горнострелковая. Как мы убедились выше, у них не было не только тройного превосходства над противником, но и какого-либо превосходства вообще. Возникает подозрение, что «захваченные оперативное карты» с шестью дивизиями стали плодом богатой фантазии мемуариста – как и многие другие описанные им подробности.

Вне зависимости от того, куда был направлен главный удар 44-й армии по плану, шансов продвинуться на запад и северо-запад она не имела из-за недостатка сил. Более того, уже 1 января румыны контратакой 3-го кавалерийского полка и соединения «Корне» выбили 633-й полк 157-й стрелковой дивизии из селения Карагоз северо-западнее Коктебеля. 2 января линия фронта окончательно стабилизировалась.

Манштейн не простил Шпонеку его поступка, поставившего командующего 11-й армией в глупое положение. С другой стороны, срочно требовалось найти виновных в случившейся катастрофе. Поэтому Эрих фон Манштейн, по иронии судьбы именно 1 января 1942 г. получивший чин генерал-полковника, тоже принял единственно верное – с точки зрения

беспринципного карьериста – решение. Он отдал Шпонека, спасшего свою дивизию от неминуемой гибели, под суд за невыполнение приказа. Уже 23 января 1942 г. граф фон Шпонек был приговорен к смертной казни. Впоследствии ему заменят казнь шестью годами заключения, но через два года все-таки расстреляют. Нельзя сказать, чтобы Шпонек не заслужил такого финала, но не за это.

Ну а Манштейн позднее будет осуждать генерала Паулюса за то, что тот, также будучи его подчиненным, не нарушит приказа.

«Я – джентльмен».

С этого момента и на ближайшие четыре месяца Керченский полуостров стал главной головной болью командующего 11-й армией. Нельзя сказать, что война на два фронта делала положение армии слишком критическим – Манштейн мог быстро маневрировать силами между своими театрами, а вот у советского командования такой возможности не было. С другой стороны, плацдарм на Керченском полуострове выглядел весьма устойчивым и был достаточно глубок, чтобы беспрепятственно сосредоточить на нем любые силы.

Правда, в середине января военное счастье вновь улыбнулось Манштейну. Из-за ледостава Керченский порт оказался закрыт, и снабжение советских войск пришлось вести через Феодосию, находившуюся непосредственно вблизи линии фронта. Воспользовавшись тем, что порт совершенно не имел воздушного прикрытия (авиация Закавказского фронта оставалась на Таманском полуострове), бомбардировщики оставшейся в Крыму 77-й истребительной эскадры буквально засыпали его бомбами. С 1 по 16 января в Феодосии погибло 6 транспортов и еще один – в Керчи. Наращивание сил на фронте серьезно затормозилось, а их снабжение нарушилось. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, Манштейн дополнительно перебросил к Феодосии 132-ю и 170-ю стрелковые дивизии и, вновь добившись перевеса в силах, 15 января нанес удар. 18 января советские войска были выбиты из Феодосии и отошли на узкий Ак-Монайский перешеек, заняв оборону вдоль противотанкового рва, вырытого здесь еще в сентябре.

Затем последовало шесть недель затишья, в ходе которых шло постоянное усиление вновь образованного Крымского фронта. К сожалению, пополнения для фронта поступали в основном из республик Северного Кавказа и отличались крайне низкими боевыми качествами. Не отличался высокими качествами и командующий фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, а его постоянные конфликты с членом Военного совета фронта Л.З. Мехлисом лишь усугубляли ситуацию. Мехлис даже

требовал заменить Козлова Рокоссовским, на что И.В. Сталин позднее заметил: «Гинденбургов у нас нет».

Уже с конца января Манштейн засыпал нового командующего группой армий «Юг» Федора фон Бока требованиями подкреплений, сообщая ему о постоянных русских атаках под Керчью. На самом же деле советское наступление началось только 27 февраля. К этому моменту войска Крымского фронта состояли уже из трех армий – 44, 47 и 51-й. В армиях имелось 14 стрелковых и одна кавалерийская дивизии и три стрелковые бригады; на Тамани в качестве резерва находилось еще две дивизии. Всего в войсках фронта имелось 199 танков.

Несмотря на заметное численное превосходство, результаты удара оказались скромными – советским войскам удалось лишь продвинуться на 10–12 км на северном участке фронта, между селами Корпечь и Джантора, где занимали оборону румынские части. Впрочем, для наступления на узком фронте с огромной плотностью войск обеих сторон это выглядело не так уж плохо – тем более что даже контратака силами двух полков не помогла немцам восстановить положение. Была разгромлена 1-я румынская дивизия, уничтожены два немецких артиллерийских и один противотанковый дивизионы [213] .

Советские войска захватили несколько десятков орудий – на фотографиях видны в том числе 88-мм зенитки «Люфтваффе». В ходе атаки было потеряно 93 танка – впрочем, большинство из них подбитыми. Поскольку поле боя осталось за нами, подбитые машины удалось довольно быстро ввести в строй, и на 13 марта в составе фронта насчитывалось 172 танка.

Однако противник продолжал удерживать главную цель наступления – укрепленный пункт Кой-Ассан, расположенный прямо в центре Ак-Монайской позиции. Этот пункт стал главной целью следующего наступления, начавшегося 13 марта. Увы, на этот раз войскам Крымского фронта не удалось добиться практически никакого продвижения. Фон Бок записал в своем дневнике: «В Крыму противник, перейдя в наступление на восточном фронте силами 100 танков, сумел добиться незначительных успехов лишь на внешнем северном фланге» [214] . Зато потери в танках оказались огромными – 157 машин. Правда, из них безвозвратными числилось не более 30–40 машин, остальные вновь были отправлены в ремонт.

Тем временем Манштейн наконец-то получил подкрепления – свежие 28-ю легкопехотную и 22-ю танковую дивизию, сформированную осенью 1941 г. Оборона немецких войск явно начинала трещать – иначе чем объяснить тот факт, что командующий 11-й армией сразу же решил бросить танковую

дивизию в бой. Более того, о запланированном на 20 марта наступлении командованием группы «Юг» был проинформирован сам фюрер!

Всего дивизия имела 142 танка, в том числе 20 средних Pz.IV 20 мая около 70 танков при поддержке полка мотопехоты трижды атаковали советские позиции из района западнее Кой-Ассана на юг, в общем направлении на Корпечь. На короткое время немцам удалось ворваться в Корпечь, но вскоре они были выбиты отсюда. К вечеру атаки прекратились, на этот раз пришел черед противнику подсчитывать свой урон.

«После скромных успехов начального этапа операция вследствие явного превосходства сил противника не удается!» – записывает фон Бок в своем дневнике 20 марта. На следующий день он добавляет:

«Сразу после поступления первого сообщения о текущей обстановке из 11-й армии [Манштейн]звоню фюреру и докладываю ему: крымское наступление потерпело неудачу, первое, вследствие резко и совершенно неожиданно ухудшившихся метеоусловий, да еще в момент выхода наших сил на исходные рубежи, что не позволило нам использовать силы Люфтваффе… Перебив меня, фюрер заявляет, что если было приказано остановить уже начавшееся наступление [чего в действительности не было], то его следовало приостановить заблаговременно.

… Вторую причину нашей неудачи следует искать в том, что нам пришлось столкнуться со значительными силами врага, сосредоточенными на исходных рубежах. И этот факт подтверждается также и тем, что неприятель сразу после отражения нашего удара сам перешел в наступление крупными силами и при поддержке тяжелых танков.

Последнюю причину неудачи армия видит в недостаточной боевой подготовке личного состава частей вновь прибывшей танковой дивизии… Вынужден напомнить об одном: Манштейн [11-я армия] считает, что силы Люфтваффе, действующие в Крыму и на Черном море, необходимо увеличить…» [215] .

Здесь обращает на себя внимание стремление фон Бока любой ценой «прикрыть» Манштейна, объяснив неудачу чем угодно, только не плохой организацией. Кроме того, характерен сам интерес Гитлера по сути к тактическим действиям 11-й армии в Крыму, прослеживаемый из дальнейших записей в дневнике фон Бока. Возникает вопрос: был ли это интерес к театру военных действий – или лично к Манштейну?

Интересен также вопрос о количестве танков, потерянных в наступлении 20 марта. Согласно фон Боку, в сумме было потеряно 72 танка, из них 12 безвозвратно; еще 38 танков

сломались на марше к линии фронта [216] . Согласно журналу боевых действий 22-й танковой дивизии, из числа потерянных танков на нейтральной территории или во вражеском тылу остались 33 машины, но лишь 9 из них были признаны потерянными безвозвратно, а остальные якобы имели повреждения от средних до легких либо просто застряли в грязи.

Советский взгляд на итог боя оказался несколько иным – на наших позициях либо позади них было обнаружено 17 танков, из них при ближайшем рассмотрении восемь (в том числе как минимум один Pz.IV) оказались исправными и были введены в строй советских войск.

Самое интересное, что сведения советской стороны подтверждаются другими документами 22-й танковой дивизии – в итоге безвозвратно потерянными оказались 32 танка, из них 9 Pz.II, 17 Pz.38(t) и 6 Pz.IV [217] . Можно констатировать, что очковтирательство в Вермахте было тотальным – от командования танкового полка до командования группой армий.

Следующее наступление советских войск на Керченском полуострове началось 9 апреля и на этот раз проводилось на всем протяжении фронта. Успеха оно не принесло, как и возобновление атак 13 апреля. Однако эти многочисленные (и весьма кровопролитные) атаки не были столь бессмысленными, как может показаться на первый взгляд – и как кажется многим историкам. Не следует забывать, что большинство войск, переброшенных в Крым в январе– феврале, были отвратительного качества. Личный состав, призванный в республиках Кавказа, отличался слабой мотивированностью, трусостью, неорганизованностью, а вдобавок еще и плохим знанием русского языка. Воспоминания бойцов и младших офицеров, участвовавших в боях на Керченском полуострове, подтверждают эту удручающую картину.

Как-то управлять таким контингентом можно было только в наступлении, когда все бойцы находятся на глазах у командира. В обороне уследить за каждым было невозможно – и солдаты-кавказцы предпочитали отсиживаться в окопах и щелях, при любой возможности сбежать в тыл, а то и сдаться в плен противнику. Командование фронта вполне осознавало ситуацию, поэтому Мехлис и требовал присылать ему в первую очередь русских солдат. Похоже, что к апрелю он уже разочаровался в возможности «закатить немцам большую музыку», становясь все более мрачным и нервным. Единственным способом хоть как-то поддерживать боеспособность войск он видел лишь наступление, поэтому отчаянно готовился к последнему броску.

Увы, немцы успели раньше. Еще 9 апреля Манштейн

предложил план наступления в Крыму, в середине апреля этот план был доложен Гитлеру, а 24 апреля фон Бок записал в своем дневнике: «Фюрер… отдал приказ о проведении наступления у Волчанска лишь после наступления на Керчь». И это при том, что и командование группы армий «Юг», и Генеральный штаб требовали провести операцию против барвенковского плацдарма как можно скорее – пока не упал уровень воды в Северском Донце и советское командование не получило возможность навести новые переправы. Деятельность Манштейна оказалась под пристальным вниманием Гитлера, при этом успех новой операции становился важной карьерной ступенькой.

Майская катастрофа на Керченском полуострове многократно описана различными исследователями и мемуаристами, поэтому мы не будем задерживать внимание на ее подробностях. Это действительно была самая блестящая из побед Манштейна – первый и единственный раз одержанная в боях против действительно превосходящих по численности сил противника. В трех армиях Крымского фронта на Керченском полуострове имелось 16 стрелковых и одна кавалерийская дивизии, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, а также три отдельных танковых батальона – всего 245 танков, в том числе 41 КВ и 7 «тридцатьчетверок». Всего в составе Крымского фронта находилось 249 800 человек, считая расположенные в Керчи и Камыш-Буруне части Черноморского флота и Азовской флотилии.

Вопреки распространенному мнению войска фронта были достаточно эшелонированы: в первой линии находилось только 7 дивизий, еще 4 дивизии – в районе второй линии обороны, а остальные – далеко позади нее. 157-я стрелковая и 72-я кавалерийские дивизии вообще располагались в районе тыловой полосы обороны, проходившей по Турецкому валу

Войска 11-й армии сосредоточили на перешейке три армейских корпуса: 30-й и 42-й немецкие и 7-й румынский – 8 пехотных [218] и одну танковую дивизию, моторизованную и кавалерийскую бригады, таки оставшийся отдельным 213-й пехотный полк, а также более мелкие части – включая два дивизиона штурмовых орудий. Наступление поддерживалось 8-м воздушным корпусом в полном составе. Численность немецких войск неизвестна – и Манштейн, и последующие немецкие историки предпочли ее не сообщать. По числу соединений (10 расчетных дивизий плюс корпусные и приданные части) можно предположить, что даже с учетом потерь в предыдущих боях общая численность немецких войск составляла от 150 до 200 тысяч человек.

Ключевым ходом, обеспечившим Манштейну успех в

операции «Охота на дроф», стал нанесенный 8 мая удар 22-й танковой дивизии вдоль побережья Феодосийского залива с выходом во фланг и тыл советской группировке, сосредоточившейся в Киетском выступе. В результате уже 12 мая правофланговая 47-я армия Крымского фронта оказалась отрезана и прижата к берегу Азовского моря южнее Арабатской стрелки, 51-я армия – рассечена и отброшена на восток, а 44-я армия – оттеснена за Турецкий вал. Здесь советским войскам на какое-то время удалось восстановить сплошную линию фронта по тыловому оборонительному рубежу, однако 13 мая она оказалась прорвана по нелепой случайности: немецкая моторизованная колонна пристроилась в темноте к отходящей группе советских войск и на ее плечах прорвалась через Турецкий вал.

Далее сплошную оборону не удалось организовать уже до самой Керчи, куда немцы вышли 14 мая. Большинство войск охватила паника, противник сдерживался лишь контратаками наиболее боеспособных частей фронта – танковых бригад и батальонов. При этом окруженные на Ак-Монайском перешейке войска 51-й армии продолжали организованное сопротивление как минимум до 17 мая. Часть из них сумела прорваться к Керчи – увы, уже после того, как город был оставлен 15 мая. Восточнее Керчи на полуострове Еникале сопротивление продолжалось до 20 мая, когда отсюда через пролив были эвакуированы последние остатки Крымского фронта.

«По имеющимся данным, мы захватили около 170 000 пленных, 1133 орудия и 258 танков», – пишет Манштейн. Некоторые немецкие источники прибавляют сюда 232 самолета – хотя в войсках Крымского фронта имелось всего 245 танков, а за время боев на полуострове по разным причинам было потеряно 315 самолетов.

Особенно же большие сомнения вызывает цифра пленных. Действительно, по данным справочника «Россия и СССР в войнах XX века», общие потери советских войск составили 176 566 человек, из них 162 282 убитыми и пропавшими без вести. Но эти цифры рассчитывались балансовым методом – путем вычитания количества эвакуированных из общего количества войск. При этом в разных документах называется разное количество перевезенных через пролив – во-первых, счет велся за разные периоды, а во-вторых, часть бойцов эвакуировалась на подручных средствах и мелких суденышках, учет которым никто не вел. Согласно отчету штаба Черноморского флота, с 14 по 20 мая было вывезено 119 395 человек (из них 42 324 раненых). Однако эвакуация многих тыловых подразделений началась уже с 9—10 мая, а неорганизованные группы бежавших с позиций бойцов

начали переправляться через пролив 11–12 мая. Д.Т. Козлов в донесении Сталину от 21 мая заявил, что до утра 20 мая через пролив было эвакуировано, по неполным данным, 138 926 человек, в том числе около 30 000 раненых. Поэтому отчет о боевых действиях частей КВМБ, составленный в июле 1942 г., оценивает число переправленных через пролив в 150 тысяч – опять-таки «без учета переправившихся самостоятельно» [219] .

Безусловно, в число 42 тысяч эвакуированных раненых вошли и те, что не состояли в списках частей фронта на 8 мая, но их было максимум 28 тысяч. Таким образом, через пролив эвакуировалось свыше 120 тысяч солдат боевых и тыловых частей, а общие безвозвратные потери фронта составили порядка 128 тысяч человек – в реальности даже несколько меньше. Из них несколько тысяч бойцов вплоть до осени продолжали сопротивление в Дджимушкайских каменоломнях. Таким образом, Манштейн завысил число пленных в полтора раза.

Вслед за Керчью последовал штурм Севастополя, который тоже хорошо и подробно описан в отечественной литературе. Взятие Севастополя стало вершиной военной карьеры Манштейна – и одновременно знаменовало начало ее конца. Новоиспеченному генерал-фельдмаршалу, произведенному в этот чин 1 июля 1942 г. – еще до падения 35-й батареи и обороны на полуострове Херсонес, – более не суждено было одержать блестящих побед. Все его дальнейшие успехи в лучшем случае лишь помогут избежать худшего, а в худшем – окажутся дутыми фантазиями. Ленинград, Сталинград, Харьков, Курская дуга станут ступенями к поражению, а Днепр, Корсунь, Каменец-Подольский – поражениями, в которых лишь удалось уйти от полного разгрома.

Именно поэтому лукавые оценки соотношения сил сторон, скромные умолчания и мелкие передергивания постепенно сменятся сплошь дутыми цифрами, занижающими возможности своих войск и безбожно завышающими численность противника.

Конечно, никакие воспоминания (за исключением самых сказочных) не пишутся по памяти; мемуарист всегда опирается на имеющиеся у него дневники, записи, документы. В данном случае можно предположить, что в качестве канвы для описания событий Эрих фон Манштейн использовал свои доклады в Генеральный штаб сухопутных сил и лично Гитлеру. Кроме всего прочего, в условиях «латания дыр» эти доклады имели целью привлечь внимание руководства и добиться скорейшего получения подкреплений, поэтому они ни в малейшей степени не отражают реальных представлений о противнике. Увы, войсковая оперативная разведка у немцев всю войну работала весьма

неплохо и имела достаточно подробную информацию о силах и возможностях противостоящей стороны.

Свидетельства подтасовок иногда могли выскакивать в самых неожиданных местах. Например, на совещании в Виннице 27 августа Манштейн, по его собственным словам, сообщил Гитлеру, что общие потери группы армий «Юг» со времени начала наступления под Курском (то есть с 4 июля) составили 133 ООО человек. Можно предполагать, что раненых из них было не более 100 ООО. Однако ниже в своих мемуарах он упоминает, что к середине сентября на левом берегу Днепра скопилось 200 ООО раненых, требующих эвакуации. И это при том, что часть раненых у этому моменту была эвакуирована в более глубокий тыл, а часть, напротив, уже вернулась в свои подразделения.

Собственно, именно так, по случайным оговоркам и из сопоставления цифр восстанавливается то, что немецкое командование пыталось скрыть фальсификацией отчетов.

«В марте 1943 года группа армий «Юг» (бывшая группа армий «Дон») имела на 700-километровом фронте от Азовского моря до района севернее Харькова 32 дивизии. Противник же имел на этом фронте, включая и резервы, 341 соединение (стрелковые дивизии, танковые и механизированные бригады и кавалерийские дивизии)… Даже после того, как группа армий была усилена 1-й танковой армией (из группы «А») и переданными ей Главным командованием войсками и в ее состав вошли 3-я, а затем и 4-я немецкие армии, соотношение сил немецких войск и войск противника равнялось 1: 7 (это соотношение установлено с учетом того, что некоторые русские соединения по численности уступали немецким дивизиям)».

Мы видим, что при сопоставлении сил сторон генерал-фельдмаршал применял весьма нехитрый прием: для немецкой стороны учитывал только дивизии первой линии, без охранных, румынских и венгерских, а для советской – все отмеченные разведкой соединения, включая кавалерийские дивизии, танковые бригады и даже танковые полки! Между тем советские кавалерийские дивизии этого времени имели не более 3 тысяч человек, танковые бригады по штату – 1038 человек, отдельные танковые полки – 338 человек. В действительности на 22 февраля численность советских войск в полосе Воронежского и Юго-Западного фронтов (без учета трех армий Южного фронта на Миусе, но с учетом полосы севернее Харькова вплоть до Обояни) составила 746 057 человек в 71,5 расчетной дивизии, противника – 662 200 человек в 32,5 расчетной дивизии. В марте соотношение сил еще более изменилось в пользу немцев. Просчитаться при определении количества расчетных вражеских соединений в пять раз нельзя – это можно сделать только при

сознательной фальсификации.

Судя по всему, немецкое армейское руководство в своих отчетах вполне сознательно обманывало Гитлера и Верховное командование, многократно завышая оценочную численность войск противника, чтобы добиться скорейшего получения пополнения и резервов.

Заметим, что Гитлер был отнюдь не профан и не идиот, он имел возможность сопоставить докладываемые ему генералами цифры, а при необходимости – уточнить их по своим каналам. Неудивительно, что фюреру в конце концов надоели вечные препирательства с амбициозным фельдмаршалом, даже не скрывающим своих претензий на пост начальника Генерального штаба, а пуще того – постоянное и раз за разом вылезающее наружу вранье Манштейна.

В конце концов после очередной «утраченной победы» – окружения 1-й танковой армии генерала Хубе западнее Каменец-Подольска – 30 марта 1944 г. Манштейн был вызван в Бергхоф, получил из рук фюрера «Рыцарский крест» и был отправлен в отставку. На посту командующего группой армий «Юг» его сменил «гений обороны» Вальтер Модель – менее скандальный и амбициозный, но куда более эффективный в условиях тотального отступления. Моделю удалось вывести 1-ю танковую армию из окружения и стабилизировать фронт в Румынии вплоть до августа 1944 г.

И все-таки главное свое поражение Манштейн потерпел именно в Крыму. Оно было не военным – моральным. И именно поэтому генерал-фельдмаршал предпринял все, чтобы его замолчать.

30 декабря 1941 г. советские войска заняли Керчь. Немецкие войска пробыли здесь всего полтора месяца, но успели оставить кровавый след. Уже во дворе городской тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных тел, значительной частью – женских. Но самое страшное было найдено в нескольких километрах от города, в противотанковом рве у деревни Багерово.

«В январе 1942 года при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами» [220] .

Страшный вид Багеровского рва вскоре после освобождения города запечатлел фотокорреспондент Дмитрий Бальтерманц.

Здесь подразделение зондеркоманды 10В занималось проведением в жизнь «окончательного решения» о полном уничтожении евреев. По свидетельствам очевидцев, было собрано по городу и отвезено на расстрел около 7 тысяч человек, по немецким документам – всего 2,5 тысячи. Впрочем, расстреливали не только евреев: уже после высадки советских войск на полуострове в поселках Старый Карантин и Камыш-Бурун было схвачено и расстреляно не менее 273 мужчин призывного возраста, а при оставлении Керчи расстреляны все заключенные, оставшиеся в городской тюрьме, – около 300 человек [221] .

Согласно донесению, направленному в конце декабря в Берлин командованием действовавшей в полосе 11-й армии айнзатцгруппы «Д», Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар, Керчь, Феодосия и другие районы Западного Крыма уже были «освобождены от евреев». С 16 ноября по 15 декабря 1941 г. айнзатцгруппой «Д» в Крыму было расстреляно 18 936 человек, из них 17 646 евреев, 2504 крымчака, 824 цыгана и 212 коммунистов и партизан. А всего на этот момент с июля 1941 г. в зоне ответственности 11-й армии айнзатцгруппой был казнен в общей сложности 75 881 человек.

Защитник Манштейна на Гамбургском процессе доктор сэр Р.Т. Паджет, видный деятель британской Лейбористской партии, впоследствии писал по этому поводу:

«Обвинение Манштейна в том, что он принимал активное участие в этих убийствах, развалилось после свидетельских показаний СД…

Следующим вопросом было: что действительно знала армия? Я не думаю, чтобы обвинение всерьез придерживалось своего предположения о том, что армия с самого начала знала о приказе СД об уничтожении. Все доказательства говорят, что это скрывалось от армии» [222] .

Нет, доктор Паджет, лейборист и адвокат, не пытался доказать суду, что армия вообще ничего не знала про массовые казни. Однако: «со слухами дело обстоит так: чем выше твой чин, тем меньше слухов до тебя доходит». Поэтому защитник заявлял:

«Мы сумели подтвердить, что Манштейн никогда не читал ни одного письменного сообщения, в котором бы говорилось о том, чем, собственно, занимается СД… Оставшиеся в Симферополе отделы штаба знали не все – но они, без сомнения, знали достаточно… [Но] соответствующие офицеры пришли к решению, что сообщения Манштейну не помогут евреям, зато лишат их самих их главнокомандующего и создадут угрозу для положения армии. Поэтому они оставили свои знания при себе…» [223] .

Вот так просто – наивный командующий ничего не знал, а штабные офицеры, зная его чуткое сердце, решили его не расстраивать. Очевидно, лорд Паджет тоже был джентльменом…

Заметим, что уже в Нюрнберге было выявлено существование договоренности между СД и армией относительно разграничения «сфер влияния». В середине мая 1941 г. на переговорах генерал-квартирмейстера генерального штаба ОКХ Вагнера с небезызвестным бригаденфюрером СС Мюллером было установлено, что в зоне боевых действий айнзатцгруппы и айнзатцкоманды СД будут находиться в полном тактически-оперативном и административном подчинении командующих воинскими соединениями. Крым являлся такой зоной – то есть айнзатцгруппа «Д» вместе со своим руководителем, начальником III управления РСХА группенфюрером СС Отто Олендорфом, находилась в прямом подчинении Манштейна. Сам же Олендорф официально занимал должность уполномоченного начальника полиции безопасности и СД при командовании 11-й армией. Трудно представить, чтобы командующий армией не знал, что при его штабе имеется такая штатная единица.

Однако сохранились и бумаги, несущие на себе подпись Манштейна. Например, приказ командующего 11-й армией № 2379/41 от 20 ноября 1941 г., разъясняющий отношение к партизанам и евреям. А в нем – следующие строки:

«…Солдат должен понимать необходимость жестоко покарать евреев, этих духовных носителей большевистского террора, и еще в зародыше подавлять все восстания, возбудителями которых, в большинстве случаев, оказываются евреи…» [224] .

Впрочем, заметим, что в одном месте своих мемуаров Манштейн выражается почти так же:

«За несколько дней до начала наступления мы получили приказ ОКВ, который позже стал известен под названием «приказа о комиссарах». Суть его заключалась в том, что в нем предписывался немедленный расстрел всех попавших в плен политических комиссаров Красной Армии – носителей большевистской идеологии.

С точки зрения международного права политические комиссары вряд ли могли пользоваться привилегиями, распространяющимися на военнослужащих. Они, конечно, не были солдатами… Комиссары были как раз теми людьми, которые в первую очередь ввели те методы ведения войны и обращения с военнопленными, которые находились в явном противоречии с положениями Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны».

После этого заявления, особенно в сопоставлении с предыдущим, трудно поверить, что Манштейн во всеуслышание

отказался выполнять «Приказ о комиссарах», а все его начальники и подчиненные его дружно поддержали. Тем более что дальше он и сам признает:

«Небольшое число комиссаров, которые, несмотря на это, были расстреляны, не были взяты в плен в бою, а схвачены в тылу как руководители или организаторы партизан. С ними обращались поэтому согласно военному праву».

Знакомая лексика, не правда ли? «Еще в зародыше подавлять все восстания, возбудителями которых в большинство случаев оказываются евреи…» Также обращает на себя внимание деталь – «не были взяты в плен в бою». То есть речь идет не об участниках боевых действиях, а о сопротивляющихся нацистскому режиму.

Ну а про Олендорфа Манштейн прекрасно знал. Знал – и брезговал. Брезговал – но отдавал приказы. Как показал Олендорф на Нюрнбергском процессе:

«В Николаеве был получен приказ 11-й армии, касавшийся того, что ликвидация должна проводиться только на расстоянии не менее 200 километров от штаб-квартиры главнокомандующего» [225] .

Брезговал – но поторапливал с работой.

«В Симферополе со стороны армии было дано распоряжение соответствующим оперативным командам, касающееся ускорения ликвидации, причем обосновывалось это тем, что в этой области свирепствовал голод и не хватало жилищ».

Правда, армейские подразделения в экзекуциях, как правило, не участвовали – для грязной работы хватало коллаборационистов либо энтузиастов из тыловых частей. Но «как в Николаеве, так и в Симферополе от времени до времени присутствовал представитель от командования армии, присутствовал как зритель».

А далее в протоколе допроса Олендорфа Нюрнбергским трибуналом идет самое интересное.

«Полковник Эймен: *Что потом происходило с золотом и серебром, которое снималось с жертв?*

Олендорф: *Как я уже говорил, это передавалось в Берлин, в министерство финансов.*

Полковник Эймен: *Откуда вы это знаете?*

Олендорф: *Я помню, что в Симферополе это делалось таким образом.*

Полковник Эймен: *Что происходило с часами, которые снимались с жертв* ?

Олендорф: *Часы по требованию армии поступали в распоряжение фронта».*

«Я – джентльмен!»

Общением с айнзатцкомандами джентльмены брезговали, а вот снятыми с расстрелянных евреев часами – нет. Сотрудникам СД руки не подавали – однако услугами их при необходимости пользовались и даже просили «ускорить ликвидацию», дабы освободить для себя жилье. Эта деталь смотрится весьма символично: таким вот образом нацистская империя с ее стремлением к расширению «жизненного пространства» как в капле воды отразилась в своей армии и в своих полководцах. А что до их показного чистоплюйства – так ведь и великий фюрер германской нации тоже был вегетарианцем…

Впрочем, в Крыму отличились не только айнзатцкоманды. В ноябре и декабре 1941 г. в Евпатории, по немецким данным, было убито 650 евреев, 150 крымчаков, а также около 120 «просто» заложников из числа местного населения. А после неудачной высадки советского десанта 7 января 1942 г. за помощь десантникам в городе было расстреляно, по немецким отчетным данным, 1306 человек [226] . Это уже были не евреи, и расстреливали их не айнзатцкоманды, а армейские части – из тех, что оказались под рукой у командования армией и были брошены на отражение десанта.

Падение Севастополя стало звездным часом Эриха фон Манштейна, урожденного фон Левински, – и вот чем ознаменовался этот час.

И.В. Антонюк, краснофлотец из 8-й бригады морской пехоты:

«…нас построили и погнали по четыре в ряд. Все рваные, грязные. Немцы стреляют, бьют прикладами, стреляют то вверх, то в кого-либо, то по колонне.

Когда вывели на Ялтинскую дорогу, то, не доходя до Сапун-горы, навстречу шла колонна танков. Они не свернули, а нас фрицы тоже не повернули вправо. Тех, кто пытался выбежать из колонны, немцы расстреливали из автоматов.

Так с головы и до хвоста колонны одну шеренгу танки и задавили гусеницами. Нас не останавливали. Танки тоже все время шли. Многие бросились бежать, но были расстреляны» [227] .

Л.А. Тарасенко, жительница города Севастополя (в 1942 г. ей было 14 лет):

«Озверевшие долгим сопротивлением немцы выхватывали из колонны моряков и стреляли их в упор. Наши бойцы то в одном, то в другом месте дрались с немцами-конвоирами. Когда мы вышли на шоссе, я была потрясена, увидев, как огромные машины наезжали на пленных, и когда проехали, то люди были расплющены, как лягушки на асфальте».

А.П. Мараренко (Лукашевская), военфельдшер 3-го батальона 287-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии:

«Гнала вместе с нашими ранеными по дороге на Инкерман босиком. Били и расстреливали обессиленных. Тяжелораненых мы волокли на себе. В Инкермане за колючей проволокой речка Черная. Кто кинулся попить, умыться, там и остался. Всех забросали гранатами».

А.П. Утин, краснофлотец:

«Немцы в черной форме с засученными рукавами, верзилы с пьяными мордами из колонны выхватывали пленных и в 5–6 шагах стреляли в затылок им. Пока дошли до Бахчисарая, и половины не осталось от колонны».

Н.А. Янченко, краснофлотец-радист из учебного отряда Черноморского флота:

«4 июля попал в плен… По дороге нас конвоировали предатели из татар. Они били дубинками медперсонал. После тюрьмы в Севастополе нас конвоировали через Бельбекскую долину, которая была заминирована. Там очень много погибло наших красноармейцев и краснофлотцев. В Бахчисарайском лагере набили нас, яблоку некуда упасть. Через три дня погнали в Симферополь. Сопровождали нас не только немцы, но и предатели из крымских татар. Видел один раз, как татарин отрубил голову краснофлотцу».

Лейтенант И.П. Михайлик, командир истребительного батальона из 20-й авиабазы ВВС ЧФ:

«…нам объявили, что раненым, которые могут идти, разрешается идти в общей колонне, но если кто отстанет, то будет расстрелян. Так оно и было на всем пути до Бельбека…

На Бельбеке немец-переводчик объявил, чтобы комиссары и политруки вышли в указанное место. Затем вызвали командиров. А в это время предатели из крымских татар ходили между пленными и выискивали названных людей. Если кого находили, то сразу уводили и еще человек 15–20, рядом лежавших».

Как там уверял нас отставной генерал-фельдмаршал? «Мое мнение разделялось почти во всех соединениях сухо путных сил. Ив 11-й армии приказ о комиссарах не выполнялся».

А у поворота от Казачьей бухты на 35-ю батарею ныне поставлен памятник. С надписью на двух языках – русским и немцам, погибшим здесь в 1942-м и в 1944-м.

Тем, кто был здесь расстрелян, и тем, кто расстреливал…

На Гамбургском процессе, начавшемся 24 августа 1949 г., бывший генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн был обвинен в военных преступлениях по 17 пунктам. Поскольку большинство военной карьеры Манштейна прошло на Востоке, у обвинения не оказалось достаточно материала о деятельности Вермахта на территории. Почему не были привлечены консультанты из

Советского Союза – в общем, понятно, но странно, что при этом не использовались даже материалы Нюрнбергского процесса. Возможно, суду заранее было дано указание не подводить Манштейна под виселицу – тем более что главным адвокатом был доктор Паджет, один из видных деятелей правящей партии лейбористов, впоследствии получивший от королевы титул лорда.

Защите удалось отвести общие обвинения – выполнение «приказа о комиссарах» и приказа об особой подсудности в зоне «Барбаросса», участии в истреблении евреев «айнзатцгруппами» и в соучастии при угоне людей в Германию. Но в итоге Манштейна все-таки удалось обвинить в «умышленном и неосторожном» попустительстве уничтожению евреев в зоне его ответственности.

Из воспоминаний Р.С. Ивановой-Холодняк: *«На выходе на берег в Херсонесской бухте вокруг стояли немецкие автоматчики, некоторые немцы были с фотоаппаратами и фотографировали нас. Всех обыскали и забрали ценные вещи. Приказали, где сесть мужчинам и женщинам. Выходили долго. Подошел немецкий офицер с переводчиком и приказал: «Комиссарам, командирам, юдам встать!» Сначала никто не поднимался, потом, после третьего раза, поднялся один, потом другой, а потом поднялись вдруг все. Немец разругался и ушел».*

Конкретные обвинения защите также опровергнуть не удалось. Генерал-фельдмаршал был осужден: За жестокое обращение с военнопленными в его армии, *«вследствие чего многие пленные умерли или были застрелены либо переданы службам безопасности иССи ими убиты».*

За санкционирование использования военнопленных на запрещенных и опасных работах. Защита квалифицировала это как «использование военнопленных для саперных работ» – фактически это было разминирование с помощью военнопленных. Адвокаты попытались доказать, что «на территории, занятой фельдмаршалом, на них назначались только добровольцы либо люди, знавшие саперное дело, а также те, кто был знаком с использованием миноискателей» [228] , – но доказательства выглядели столь смехотворно, что даже благожелательный к фельдмаршалу суд в них не поверил. Как подобное выглядело на практике, описал в своих воспоминаниях старшина 2-й статьи Н.Н. Алексеенко из 279-го отдельного батальона связи 109-й стрелковой дивизии, который в числе двухсот военнопленных был взят на разминирование в районе Мекензиевых гор.

«После такого разминирования, когда шеренга по сто человек с расстоянием между человеком в 1 или I,5 метра с палками-щупами в руках шла по минному полю, а сзади вторая такая шеренга, то в

живых оставалось человек 16. Получивших ранения при взрыве мин пристреливали».

От обвинения в расстрелах заложников также отвертеться не удалось, поскольку обвинение предъявило соответствующий приказ, расклеенный по Симферополю, и свидетельства его выполнения. Защита попыталась доказать, что приказ был подписан комендантом Симферополя и командующий армией за него ответственности не несет. Но заложники расстреливались в соответствии с распоряжением об особой подсудности в зоне «Барбаросса» – а чуть раньше адвокаты уже доказали, что этот приказ Манштейном в 11-й армии был отменен. Получилось неловко, и доктор Паджет вынужден был отступиться, чтобы не заострять внимания на своем конфузе. Тем более что попутно всплыли и подробности массовых расстрелов жителей в Евпатории после разгрома десанта в январе 1942 г.

Было признано обвинение в том, что командующий 11-й армией допустил исполнение приказа главного командования ОКХ от 25 июля 1941 г., по которому красноармейцы, не сдавшиеся добровольно в плен, а выходящие из окружения в штатской одежде, расстреливались как партизаны. Западногерманский историк Кристиан Штрайт признавал, что «отношение к пленным, спровоцированное этими приказами командования сухопутных сил, получило такое развитие, которое уже не удалось изменить никакими последующими приказами общевойсковых командиров» [229] .

Кроме того, Манштейн был обвинен в мобилизации мирных граждан на принудительные работы, – хотя защита заявила, что это были «единичные случаи», и в выполнении приказа о «выжженной земле» – хотя защита пыталась доказать, что это делали все.

В итоге 19 декабря 1949 г. суд приговорил Манштейна к 18 годам заключения – без зачета времени, уже проведенного в плену. А уже 11 января 1950 г. Бэзил Генри Лиддел Гарт поместил на страницах «Таймс» свое письмо с возмущением итогами процесса, завершавшееся словами: «Я достаточно хорошо изучил военную историю, чтобы знать, что немногие из людей, которые провели свои армии сквозь жестокие сражения, смогли выдержать такую проверку своих действий и слов, как Манштейн».

«Но ведь он – джентльмен!»

При таком отношении «общественности» было ясно, что долго генерал-фельдмаршал не просидит. 7 мая 1953 г. он был освобожден из тюрьмы «по состоянию здоровья», не проведя в ней и четырех лет. Умер Эрих фон Левински-Манштейн в

Иршенхаузене 12 июня 1973 г.
Что бы ни было написано на его могиле, вряд ли он будет покоиться с миром.

Мирослав Морозов. Гибель «Вильгельма Густлофа»: правда и домыслы

Достаточно спросить любого мало-мальски сведущего россиянина, какие славные деяния нашего флота в минувшей войне ему известны, чтобы услышать стандартный ответ: на Севере Лунин на «К-21» повредил могучий линкор «Тирпиц», а на Балтике Маринеско на «С-13» потопил лайнер «Вильгельм Густлоф» с большим числом немецких подводников. Указанные случаи стали настолько хрестоматийными, что даже широкая аудитория вряд ли нуждается в уточнениях, кто эти люди и что это за корабли. Содержание и известность данных подвигов давно вышли за рамки специальной литературы, они описаны в художественных книгах о войне, в бессчетном количестве журнальных статей и газетных публикаций. Деяния Лунина и Маринеско стали настоящими легендами как с точки зрения внедрения в военно-исторический эпос нашей Родины, так и с точки зрения их соотношения с реальными событиями…

Как и подобает воспетому подвигу, история с «С-13» и «Вильгельмом Густлофом» имеет обширную историографию. Ее скрупулезное изучение показало, что все работы условно делятся на две неравные группы. Их общей частью является сам факт потопления судна, который, как правило, сопровождается готовым набором штампов, таких как «крупнейший и комфортабельнейший лайнер Германии», «атака века», «уничтожение 8000 гитлеровцев, в число которых входило 80 укомплектованных экипажей подводных лодок, а остальные эсэсовцы и фашистские бонзы», объявление командира лодки Александра Маринеско «личным врагом фюрера», расстрел командира конвоя и, наконец, объявление в Германии трехдневного траура по поводу гибели «Густлофа».

Дальше направления работ разветвляются. В большей их части пишется, что Александр Маринеско – настоящий народный герой, чей подвиг «потряс гитлеровский рейх до основания» и чуть ли не спас Англию от поражения в тотальной подводной войне, которую собирались вести погибшие подводники. «Почему Маринеско не Герой Советского Союза?» – вопрошают авторы (в публикациях до мая 1990 г.), или «Родина воздала герою по заслугам, но очень поздно» (в публикациях после 1990 г.). В меньшей части работ пишется, что Маринеско вовсе и не герой

никакой, а так, недисциплинированный офицер, на долю которого выпал случайный успех. Любопытно другое: в своих публикациях авторы обоих направлений не гнушаются грубого передергивания фактов, купирования истории и других недостойных приемов – если Маринеско герой, так герой во всем, а все, кто писал на него критические аттестации, – по меньшей мере, штабные крысы и лизоблюды; если командир «С-13» – аморальный тип и пьяница, то таким он был во всем. За этой, в общем-то, позорной дискуссией совершенно в сторону уходят два других куда более важных вопроса, которым и будет посвящена настоящая статья.

– Был ли в действиях командира и экипажа «С-13» элемент героизма, подвиг в первом значении данного слова (героический, самоотверженный поступок человека, группы людей, народа в целом; второе значение: важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях, – так трактует это понятие «Военная энциклопедия»)?

– Из первого вопроса вытекает второй: имело ли место само «важное по своему значению действие», насколько был велик военный и политический эффект от гибели лайнера для Третьего рейха, который к концу января 1945 г. и так находился у последней черты?

Об атаке «С-13» написано настолько много, что даже дать простую оценку всем многочисленным пунктам ее легендарного похода, биографии ее командира у нас просто нет возможности. За наиболее достоверной информацией лучше всего отправиться к первоисточникам – архивным данным, не подвергшимся обработке дилетантов от журналистики. В нашем конкретном случае они являются общедоступными, поскольку подборка документов о боевом пути Маринеско опубликована в апрельском «Морском сборнике» за 1990 г. Двумя выпавшими из нее по неведомой причине фактами являются лишь пара партийных взысканий, полученных Маринеско за аморальное поведение на берегу в конце лета 1943 г., и статья, по которой он был осужден к трем годам лишения свободы в 1949 г. – «за разбазаривание социалистической собственности». Все остальное – чистая правда или, по крайней мере, ее версия времен войны (к этому вопросу мы вернемся позже).

Рассмотрение первого из двух поставленных в статье вопросов, видимо, следует начать с краткого анализа боевого (подчеркиваем, именно боевого, а не дисциплинарного) пути командира «С-13». Ведь любые действия подводной лодки – это прежде всего командир, его замысел и его воля. Даже работа экипажа в ходе выполнения боевой задачи – это та же воля

командира, только уже опосредованно. Во всех случаях мастерство моряков зависит от того, как командир поставил на своем корабле процессы воинского обучения и воспитания, какую атмосферу, микроклимат он создал на своей субмарине.

Командиром подводной лодки «М-96» Краснознаменного Балтийского флота 26-летний Александр Иванович Маринеско стал летом 1939 г. Несмотря на то что экипаж корабля энергично работал над освоением новой техники, реально в боевой состав флота «М-96» вошла лишь в январе 1940 г., не успев, таким образом, принять участия в событиях советско-финляндской войны – суровые условия зимы 1939/40 гг. заставили командование КБФ в начале этого месяца принять решение о прекращении действий подводных лодок. И все же командир «малютки» добился признания, что называется, «не мытьем, так катаньем».

Напряженная боевая подготовка дала свои плоды. По итогам 1940 г. «М-96» стала лучшей лодкой флота, смогла выйти в 1-ю линию (т. е. была признана отработавшей все боевые задачи по «Курсу боевой подготовки подводных лодок», что было весьма непросто из-за порочной системы организации учебного процесса того времени), а Маринеско получил от командования ценный подарок – золотые часы.

22 июня лодка встретила в составе 8-го дивизиона 2-й бригады ПЛ на Ханко, откуда в первый же день войны ей пришлось перейти в Палдиски. Переизбыток лодок в составе КБФ привел к тому, что «малютка» оказалась востребованной в 1941 г. для боевой службы всего лишь раз – в период с 27 по 31 июля – для несения прибрежного дозора в зоне ответственности БОБРа (Береговой обороны Балтийских, т. е. Моонзундских, островов). Встреч с противником лодка не имела. Не вызывает сомнения, что в скором времени для лодки Маринеско нашлась бы более интересная задача, если бы на нее не пал выбор для отправки на Каспий в качестве учебной. В начале августа 1941 г. «М-96» перешла в Ленинград и начала подготовку к перевозке. С этим периодом связаны первые «трудности» в боевой карьере будущего командира «С-13». В октябре 1941 г. он был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) за организацию азартных карточных игр в дивизионе и пьянство. Интересно отметить, что комиссар дивизиона батальонный комиссар А.Г. Дымский получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей с отсрочкой наказания до конца войны и отправкой на фронт за то, что допустил на своем дивизионе подобное.

Следующей неудачей, на этот раз по не зависящим от Маринеско причинам, стало повреждение «М-96» 14 февраля

1942 г. в результате попадания артиллерийского снаряда осадной батареи. Через полутораметровую пробоину в прочном корпусе затопило 4-й и 5-й отсеки, вышли из строя многие приборы. Ремонт корабля занял шесть месяцев. Получается, что когда 12 августа 1942 г. субмарина вышла в очередной поход, ее экипаж и командир не только не имели на протяжении года нормальной боевой подготовки, предусматривавшей погружения и учебные торпедные атаки, но даже ни разу не видели на море настоящего врага! Почти наверняка можно утверждать, что личный состав «М-96» за истекшие полтора года значительно обновился. Иное в блокадном Ленинграде, судьба которого решалась на сухопутном фронте, просто трудно представить.

Эти обстоятельства необходимо учесть при оценке первой торпедной атаки, имевшей место спустя двое суток после выхода, в районе финского маяка Порккалан-Кал бода. Обнаружив конвой в составе транспорта и двух шхун (реально – тяжелые артиллерийские батареи «Хелене» и «Вест», был ли в отряде третий корабль, из немецких документов неясно), охранявшихся тремя сторожевыми катерами, Маринеско в 11.17 атаковал его. По транспорту с дистанции 12 кабельтовых была выпущена одна торпеда. Уже спустя минуту на лодке услышали треск, который приняли за признак попадания. Через две минуты субмарина, в результате непонятно зачем произведенного продувания средней цистерны, выскочила на 4,8 метра так, что над водой показался перископ, а возможно, и ограждение рубки. Через него командир успел якобы увидеть транспорт, который имел дифферент на нос и тонул. Поскольку на самом деле плавбатарея «Хелена», рядом с которой прошла торпеда, отделалась лишь «легким испугом» (в 1946 г. «потопленную» плавбатарею советский ВМФ получил по репарациям), случай фиктивного потопления 7000-тонного транспорта может вызвать лишь досаду и разочарование у поклонников Александра Ивановича. С нашей же точки зрения, куда более удивительным выглядел бы противоположный результат – лодка с неподготовленным экипажем и несовершенной техникой одиночной торпедой со сравнительно большой дистанции утопила корабль врага. Другое «пятно на китель», легшее уже при возвращении из похода, целиком на совести Маринеско. Не предупредив штаб по радио о досрочном возвращении с позиции, он невольно поставил под удар жизнь всего экипажа. «М-96», не давшую сразу опознавательных сигналов, атаковали свои же катера МО. К счастью, трагедии удалось избежать.

Второй кратковременный поход, произошедший спустя 2,5 месяца после первого, имел специальную задачу – высадку

разведгруппы на побережье Нарвского залива. Хотя в нем встреч с противником не было, два небольших «глотка» военного воздуха окрылили Маринеско, придали ему новый интерес к службе и восстановили в глазах начальства. За «потопление» транспорта он получил свою самую высокую прижизненную награду – орден Ленина, звание капитана 3-го ранга, его вновь принимают в кандидаты в партию, пишут хорошую аттестацию и даже посылают на учебу в Военно-морскую академию. Пиком служебной лестницы становится апрельское 1943 г. назначение командиром на среднюю подводную лодку «С-13».

Здесь хочется сделать небольшое отступление, нанести маленький штрих, характеризующий атмосферу того времени. До этого «С-13» командовал капитан-лейтенант Петр Петрович Маланченко. Поскольку новейшая «эска» вышла из «организационного периода» (термин, обозначавший минимальную готовность экипажа подводной лодки к выполнению боевых задач) лишь к осени 1941 г., ее боевая судьба также насчитывала всего один боевой поход, в сентябре – начале октября 1942 г. Несмотря на то что в крейсерство в качестве обеспечивающего ходил командир дивизиона капитан 2-го ранга Е.Г. Юнаков, за поход лодка получила удовлетворительную оценку с большим числом замечаний. Поводом для нее послужило то обстоятельство, что действия в районе со слабой ПЛО (в Ботническом заливе) велись неактивно и малоуспешно. В общей сложности Маланченко за месяц атаковал три одиночных торговых судна и один конвой, по которым произвел восемь торпедных и две артиллерийские атаки. Из десяти выпущенных торпед в цель попало лишь две. Тем не менее все три одиночных транспорта («Гера», «ЮссиХ» и «Анна В», в сумме 3994 брт) были реально уничтожены. Далеко не все командиры, принимавшие участие в кампании 1942 г., могли похвастаться реальным уничтожением трех вражеских судов. Маланченко наградили орденом Ленина, но после того, как в апреле 43-го на «С-13» произошло чрезвычайное происшествие (из-за небрежного обращения взорвался 100-мм снаряд в кранце первого выстрела, погиб краснофлотец), с лодки его предпочли убрать. Заметьте, в данном случае реальный боевой успех не стал поводом для объявления командира лодки героем, а его действия – подвигом. А что тут удивительного, подумаете вы, ведь не каждый успех является подвигом! Все правильно, но в свое время по отношению к Маринеско подобное положение будет воспринято иначе…

Назначение на «С-13» нового командира фактически избавило субмарину от печальной участи четырех других лодок (в том числе двух типа «С») погибнуть при форсировании Нарген-

Порккала-Удской противолодочной позиции в течение кампании 1943 г. Субмарина готовилась к выходу, но позже, в случае успеха товарищей, которые так и не вернулись из походов. Снова выпавший из активной деятельности, переживающий смерть боевых друзей Маринеско попал в очередную «пьяную» историю со всеми вытекающими последствиями. С различной интенсивностью подобные происшествия продолжались и в дальнейшем, что дало командованию повод написать в одной из аттестаций (ноябрь 1944 г.): «С боевой характеристикой (данной командиром дивизиона) согласен. Необходимо указать на продолжающиеся случаи аморальных явлений, несмотря на указания в прошлой (конца 1943 г. – *М.М.)* аттестации».

Анализ дальнейшей боевой карьеры Маринеско показывает, что именно в это время у Александра Ивановича произошел какой-то внутренний надлом. К сожалению, его дальнейшие действия свидетельствуют о том, что интерес к настоящей службе, к боевой инициативе у него начинает постепенно исчезать. И первое тому доказательство – октябрьский поход 1944 г.

Казалось бы, долгожданный момент – подводники Балтики снова вырвались на оперативный простор, ан нет.

1 октября лодка покинула Кронштадт, прошла по внутренним фарватерам финских шхер и уже утром 8-го заняла отведенную позицию севернее полуострова Хель, на подходах к Данцигской бухте. Обнаружение цели в районе, где сходились две главные морские коммуникации немцев на Балтике в то время (Готенхафен – Либава и Готенхафен– порты западной Балтики), не заставило себя долго ждать. На исходе первых суток, ранним утром 9 октября был обнаружен одиночный транспорт («Зигфрид», 563 брт). Сблизившись с ним, Маринеско произвел трехторпедный залп. В данном случае дистанция составляла всего 4,5 кабельтовых, и все-таки произошел промах. Промах повторился спустя две минуты, когда последняя торпеда, имевшаяся в носовых аппаратах, также минула цель. По этому поводу в послепоходном заключении командир дивизиона капитан 1 – го ранга А.Е. Орел (которого многие ярые апологеты Маринеско рисуют в качестве завистника и злого гения народного героя) написал: «Заявление командира, что ТР в момент

3-торпедного залпа застопорил ход, а в момент одиночного выстрела дал ход, и этим объясняются промахи, неверно, т. к. торпеда должна была попасть в ТР через 32 сек., а ТР, застопорив ход и сразу же погасив инерцию (чего быть не может), не дошел бы до точки встречи с торпедой только

90 метров, что при стрельбе веером с растворением 2 градуса

20 минут в обе стороны при такой дистанции все равно привело бы к попаданию. Такой же расчет можно сделать и для повторного выпуска по стоящему ТР одной торпеды».

В данном случае удручает не сам факт промаха, а то, что Маринеско слукавил, не захотел признать свою ошибку. Еще раз он слукавил несколькими минутами позже, когда, выпустив по транспорту 39 100-мм и 15 45-мм снарядов и насчитав в общей сложности 11 попаданий, он объявил судно потопленным. На самом деле транспорт только потерял ход и накренился, что не помешало немцам после ухода «С-13» дать ход и приткнуться к отмели у косы Хель. К весне 45-го судно было введено в строй, участвовало в эвакуации немцев из Данцигской бухты и плавало в составе западногерманского торгового флота до 1954 г., когда его сдали на слом. Еще более досадным и непонятным фактом является попытка Маринеско «повысить» атакованного каботажника до ранга 5000-тонного транспорта. Случайная ошибка в данном случае опять же исключается, поскольку Маринеско не только имел возможность рассматривать судно в течение часа с любых дистанций, но и как бывший моряк торгового флота обязан был знать массогабаритные и архитектурные различия между разными классами судов. Так или иначе, даже это скромное суденышко не удается занести на счет «подводника № 1», что, впрочем, не явилось препятствием для награждения Маринеско орденом Красного Знамени. До 21 октября, когда лодка была переведена в новый район, Маринеско, в соответствии с данными своего же вахтенного журнала, имел еще три возможности атаковать, но их не использовал. На новой позиции – западнее Виндавы – командир удерживал лодку в 15–20 милях от берега, в то время, как немецкая водная артерия пролегала непосредственно вдоль побережья. В том, что контактов с врагом не было, вряд ли виновата разведка КБФ. Находившиеся в то же время у Виндавы лодки «Щ-307» и «Щ -310», хотя и не добились реальных боевых успехов, по крайней мере, неоднократно выходили в атаки на корабли противника. 11 ноября «С-13» ошвартовалась у причалов Ханко и в начале следующего месяца прошла докование в Хельсинки.

Вот тут-то мы и подходим к истории знаменитого январско-февральского похода лодки. Как читатель мог убедиться из вышеизложенного, к тому времени ни сама «С-13», ни Маринеско ни по реальным, ни по декларируемым победам явно не входили на флоте в число лидеров. Как же получилось, что всего месяц спустя субмарина, ее командир и экипаж добились не одного, а сразу двух крупных успехов, что никак не может считаться случайностью?

Боюсь быть заклейменным злейшим врагом «подводника № 1», нуда шила в мешке не утаишь! Выскажу свое личное суждение – не было бы счастья, да несчастье помогло. Всему «виной» те экстраординарные обстоятельства, при которых лодка вышла в поход. Случилось так, что в предновогоднюю ночь Маринеско с товарищем покинул борт «С-13» и вернулся назад лишь спустя двое суток. Ситуация усугублялась тем, что за время отсутствия командира экипаж успел «отличиться» выяснением отношений с местным населением. Суровому времени – суровые меры. Командующий КБФ адмирал В.Ф. Трибуц решил передать безвестного Маринеско суду военного трибунала. Однако рациональное зерно взяло верх. Смена командира на крупной лодке грозила новым выводом субмарины в организационный период до конца войны, и это в то время, когда число действующих подлодок на флоте сократилось до пятнадцати! Рассудив подобным образом, Трибуц предоставил возможность командиру и экипажу «С-13» искупить вину в предстоящем походе, что до боли напоминает «искупление вины кровью» в штрафном батальоне. Таким образом, к числу прочих рекордов, относящихся к походу героической субмарины, надо добавить еще и тот, что она стала единственной «штрафной подлодкой» советского ВМФ за все годы войны.

Лодка покинула базу 11 января и находилась на позиции № 4 (маяк Риксхефт – Кольберг) с вечера 13-го числа. «Правильность понимания» боевой задачи явствует уже из первых действий на позиции. Несмотря на то что к исходу суток факт присутствия «С-13» в районе был зафиксирован противником и она подверглась преследованию группы ПЛО, Маринеско активно искал объекты для атаки. 16 января лодка пыталась выйти на обнаруженный авиаразведкой конвой. Отказаться от перехвата заставил лишь 8-балльный шторм. После успокоения моря 21 января группа ПЛО вновь восстанавливает контакт с субмариной. Несмотря на энергичные действия охотников, немцам не удается вытеснить «С-13» с позиции. Маринеско не желает прибегнуть к «коронному номеру» многих командиров лодок Балтфлота, попадавших в подобные передряги, – уходу на двое-трое суток к берегам Швеции для ремонта или «для определения собственного места». Он продолжает искать возможность совершить подвиг.

Куда девалась октябрьская безынициативность? 21-го и 24-го лодка обнаруживает и преследует конвои, и лишь противодействие кораблей охранения мешает ей выйти в атаку. В ночь на 29 января «С-13» почти удается настигнуть добычу, которая оказалась сторожевым кораблем или судном-ловушкой. Обстрелянная автоматическими пушками подлодка ложится на

грунт, но не уходит из района, где непогода вновь разыгрывается не на шутку. Прошло чуть меньше двух суток, и вот вечернее всплытие 30-го приводит к обнаружению крупного лайнера. Им оказался «Вильгельм Густлоф»…

Теперь обратимся к детальному анализу «атаки века».

Наблюдатели субмарины обнаружили будущую жертву на курсовом угле 30 градусов левого борта в 21.10 и спустя пять минут идентифицировали ее как лайнер, перед которым идет дозорный С КР. Что же на самом деле представлял собой обнаруженный конвой?

«Вильгельм Густлоф» покинул рейд косы Хель в 14.30 (в статье использовано московское время) 30 января. По плану, лайнер, вышедший еще раньше из Готенхафена, должен был встретиться в вышеуказанном месте с пароходом «Ганза» и далее следовать в составе конвоя в Киль. Сильное волнение (6–7 баллов) и ветер бросили это судно на остов линейного корабля «Шлезвиг-Гольштейн», и оно повредило руль. После некоторых раздумий командир «сил охранения Готенхафена» корветен-капитан Вольфганг Леонхардт приказал «Густлофу» следовать на запад одному в охранении миноносца «Леве» [230] и торпедолова «ТЕ 1». Вскоре после выхода из Данцигской бухты в открытое море торпедолов просигналил о возникновении течи и убыл назад в базу. Лайнер и миноносец остались вдвоем.

Командир судна капитан Фридрих Петерсен прекрасно понимал, что продолжение движения на запад содержит в себе известный риск. Выход мог быть найден только в оригинальном решении, и оно не заставило себя долго ждать. Принимая во внимание штормовую погоду и сравнительно большую скорость лайнера, Петерсен решил прорваться глубоководным фарватером № 58, что проходил севернее банки Штольпе. Из представленного после катастрофы отчета следует, что капитан рассуждал примерно так: «Шторм и снегопад затруднят противнику обнаружение судна. Если двигаться с максимальной скоростью, с рассветом оно будет уже на подходах к Кильской бухте. Вражескую авиацию, таким образом, в расчет можно не принимать. Глубоководный фарватер застрахует от подрыва на минах. Подводным лодкам противника будет тяжело обнаружить «Густлоф» и еще сложнее – занять позицию для атаки в условиях шторма». И действительно, будь на месте «С-13» любая из более многочисленных «щук» КБФ с их «парадной» надводной скоростью в 11,5 узла, атака бы не состоялась. Однако на этот раз все совпадения выстроились не в пользу немцев, да и не мог Петерсен учесть, что ему предстоит встреча не с простой советской подлодкой, а с «С-13», «запрограммированной на

подвиг». В 21.00 германские корабли легли на курс 280 градусов и развили 12-узловой ход. Противолодочный зигзаг (который так «помог» авианосцу «Синано» встретиться с торпедами субмарины «Арчерфиш») после выхода из бухты не осуществлялся. Спустя 10 минут после этого их и обнаружила «С-13».

В момент обнаружения лодка двигалась в направлении 105 градусов, что являлось почти строгим контркурсом относительно курса «Густлофа». Скорости хода противников по иронии судьбы были одинаковы и составляли 12 узлов, хотя вахтенный приписал «немцу» на три узла больше, что, впрочем, опровергается германскими документами. При скорости сближения, равной 24 узлам, Маринеско потребовалось 14 минут, чтобы определить приблизительные элементы движения цели и начать с ней сближение. Нетрудно посчитать, что за это время дистанция между кораблями сократилась почти на 6 миль (в 21.20 «С-13» уменьшила ход до 9 узлов), что при сравнительно высокой скорости лайнера (об этом можно было бы догадаться в момент классификации цели) легко могло привести к потере контакта и уж точно привело бы, заметь противник советскую подлодку. Условия атаки усложнялись, хотя в этом вряд ли можно винить немцев, продолжавших «переть» на запад по прямой с постоянной скоростью. Враг словно проверял готовность советских подводников к осуществлению атаки в простейших условиях. Переходящая из одного отечественного издания в другое версия об особом «мастерстве» Маринеско, зашедшего в атаку со стороны берега, откуда враг не ожидал нападения из-за малой глубины, не выдерживает никакой критики. Во-первых, цель изначально была мористее «С-13», и на протяжении всей атаки лодка оставалась ближе к берегу, во-вторых, фарватер № 58 проходил от берега на расстоянии 12 миль, что совершенно не исключало возможность появления подводных лодок с любых направлений. Глубина дна в месте торпедирования «Густлофа» достигала 61 метра, в то время как в годы войны неоднократно имели место атаки советских подлодок с глубин до 15 метров (или даже 8 метров в Одесском заливе, где действовали лодки типа «М»).

Да, в эту ночь все обстоятельства повернулись против пассажиров злосчастного лайнера. Капитан Петерсен, зная, что в море находится еще несколько германских конвоев, приказал включить ходовые огни (именно «благодаря» им «Густлоф» был обнаружен ночью на большой дистанции), а вслед за этим дал команду миноносцу «Леве» переместиться на кормовые курсовые углы судна. Вскоре, не выдерживая 12-узлового хода при сильном волнении и боковом северо-западном ветре, «Леве» начал отставать. Очевидно, командир миноносца капитан-лейтенант

Пауль Прюфе не придал этому слишком большого значения. Данных о наличии в этом районе агрессивно настроенной русской подлодки у него не было – предупреждение о нахождении в районе банки Штольпе «С-13», переданное штабом сил охранения ВМБ Готенхафен, не было принято на кораблях конвоя из-за атмосферных помех. По немецким данным, в момент торпедирования «Густлофа» «Леве» находился от него всего на расстоянии 300–400 м, во что, однако, трудно поверить, поскольку с «С-13» его не наблюдали.

В вахтенном журнале «С-13» «исчезновение» СКР датируется 21.25. Для героической «атаки века» исчезла последняя помеха!

Минутой раньше Маринеско начинает решительное сближение с противником. Хотя корабль охранения пропал из вида, в 21.27 командир «эски» отдает приказ о переходе в позиционное положение. Одновременно он начинает понимать, что цель ускользает. Об этом свидетельствует ряд поворотов влево, фактически уже вслед проходящему мимо судну. В 21.35 ход вновь увеличивается до 12 узлов. Позиционное положение препятствует достижению еще большей скорости, которая в этот момент весьма необходима. В 21.41 в концевых группах продувают балласт, и спустя три минуты лодка развивает уже 14 узлов.

К 21.55, в тот момент, когда дистанция составляет уже не более 35 кабельтовых, Маринеско окончательно убеждается в том, что с выходом в атаку он опоздал. Курсовой угол лайнера на подводную лодку – 120 градусов левого борта. Не приняв дополнительного решения, цель не атакуешь. Но что же мешает лодке обогнать теплоход и занять выгодную позицию вновь? СКР уже полчаса не просматривается, субмарину с судна не обнаружили, жертва идет постоянной скоростью и курсом. Для войны с таким сильным и умелым противником, каким были немцы, данные условия можно считать беспрецедентно легкими, а здесь еще и «горячий командирский наказ» без победы не возвращаться. В принципе даже нет проблемы выбора. В 21.55 «С-13» ложится на курс 280 градусов и начинает длительный, часовой обгон ничего не подозревающего «Густлофа». В течение последнего получаса лодка развивает 18-узловой ход (по всей вероятности, из-за сильного волнения реальная скорость была несколько меньшей, чем об этом можно было судить по числу оборотов гребных валов), чего она, возможно, не делала даже на сдаточных испытаниях в 1941 г. Вне всякого сомнения, поддержание подобной скорости делает честь электромеханической боевой части субмарины, однако не отнимает у атаки привкуса «полигонности».

Наконец, в 23.04 «атака века» достигает своей кульминации – лодка ложится на боевой курс 15 градусов, который выводит ее строго перпендикулярно левому борту лайнера. Через четыре минуты Маринеско дает команду «пли». Дистанция до цели – 4,5 кабельтовых, расчетный угол встречи – 85 градусов. Это не «Зигфрид», здесь командир ошибиться права не имеет. Полный залп четырьмя носовыми аппаратами на практике стал трехторпедным – не сработал до конца автомат-коробка торпедной стрельбы. Впрочем, для «Густлофа» это уже не имеет значения. Спустя 37 секунд первая торпеда поражает левый борт цели в районе капитанского мостика. Вслед за этим почти сразу следуют еще два взрыва. Атака в полигонных условиях не могла закончиться иначе как со 100-процентным результатом. Фактически Маринеско стрелял залпом не для того, чтобы добиться хотя бы одного попадания, а чтобы потопить столь крупное судно наверняка. И это, как мы знаем, ему удалось.

Послезалповое маневрирование субмарины также свидетельствует о том, что командир «С-13» стремился довести уничтожение лайнера до конца. Он не стал тут же отдавать приказ о погружении или об отходе полным ходом в надводном положении в темную южную часть горизонта. Он остался наблюдать результаты атаки, подвергая и себя и экипаж определенному риску. В вахтенном журнале появляются следующие строки: «23.09…Лайнер накренился и начал тонуть… 23.10 Левый борт лайнера ушел под воду…».

В эту же минуту наконец-то «объявилось» охранение. Наблюдатели подлодки зафиксировали свет прожектора на горизонте по пеленгу 25 градусов. Хотя непосредственно в этот момент лодке ничего не угрожало, в 23.10 Маринеско поспешил начать маневр уклонения и приказал срочно погрузиться. Прошло еще 16 минут, прежде чем акустик зафиксировал работу вражеского гидролокатора по пеленгу 240 градусов. Судя по данным противной стороны, в этом направлении мог быть только «Леве», которому, опять же если верить немцам, за пару дней до эскортирования злополучного «Густлофа» срезало антенну ГАС при ударе о льдину. Очевидно, поэтому миноносец даже не пытался сбрасывать глубинных бомб. Больше всего в тот момент капитан-лейтенанта Прюфе интересовала возможность швартовки к кормовой части теплохода для приема людей. Нараставший с каждой минутой крен сделал это невозможным, но уже через 30 минут после взрыва торпед «Леве» снимал со шлюпок первых пострадавших.

В 20-минутном интервале с 23.26 до 23.45 присутствие противника на лодке никак не ощущалось. «С-13» продолжала

медленно двигаться под водой курсом 80 градусов, удалившись не более чем на 2 мили от гибнущего судна. Вероятно, шум тысяч тонн воды, врывающейся во внутренние отсеки, звучал для ее экипажа сладкой музыкой. «Сделал дело – гуляй смело», и Маринеско «гулял», не пытаясь узнать, что же творится наверху. Между тем, если бы он мог знать настоящее положение дел, он был бы, по меньшей мере, взволнован – с северо-востока с максимальной скоростью по прямой к месту катастрофы спешили тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» [231] и миноносец «Т 36» (именно его прожектор и видели сигнальщики «С-13» на горизонте). В 23.45 шум винтов «Т 36» фиксируется на лодке, после чего она ложится на курс 0 градусов.

Тем временем немцы с головой ушли в спасательные работы. С «Т 36» замечают темную громаду «Густлофа», и корабль устремляется прямо к ней. Тяжелый крейсер идет следом. В 00.00 достигнуто место катастрофы, но почти сразу же миноносец устанавливает гидроакустический контакт с подводной лодкой. Хотя дистанция до обнаруженного объекта составляет 18–22 кабельтовых и он не выказывает агрессивных намерений, командир «Хиппера» капитан цур зее Хенигст, уже было отдавший приказ приступить к спасению утопающих, принимает решение срочно возобновить движение на запад, оставив для оказания помощи только свой эскорт.

Покидая место спасательных работ, матросы «Хиппера» могли наблюдать, как в 00.10 сильно погрузившийся в воду лайнер лег на левый борт и затонул. Оба миноносца продолжали подбирать людей, одновременно наблюдая за «поведением» «С-13». Хотя вахтенный журнал лодки свидетельствует, что все это время она продолжала медленно удаляться от места катастрофы в общем направлении на северо-восток, в 00.47 акустик «Т 36» зафиксировал наличие второго крупного подводного объекта в северо-западном направлении, который якобы пытался сблизиться с миноносцем. Корабль был вынужден прервать прием людей и контратаковать «субмарину». При этом немцы утверждают, что они наблюдали след торпеды, от которой «Т 36» с трудом сумел уклониться. В ответ было сброшено двенадцать глубинных бомб. К тому моменту «Эльбинг» принял на борт уже 564 человека (в дополнение к 250, взятым в Готенхафене) и, согласно рапорту командира, не мог использовать зенитное вооружение. Около 01.00 «Т 36» развил полный ход и взял курс на Заснитц. «Леве» вновь остался один.

Прошел еще час, прежде чем на сцене трагического представления появились новые участники. Ими были корабли, входившие в т. н. конвой «Орион»: теплоход «Готенланд» (5312

брт; на его борту находилось около 3300 беженцев из Пиллау), тральщики «М 341» и «М 387». Они сразу же приступили к спасательным работам. Незадолго до 03.00 к ним присоединился еще один конвой – пароход «Геттинген» (6267 брт; 2436 раненых и 1190 беженцев из Пиллау), тральщик «М 375» и торпедолов «ТР 19». Эти шесть кораблей (перегруженный «Леве», имея на борту 472 человека, убыл около 03.30) продолжали поиск потерпевших до 06.00 утра 31 января. Все это время Маринеско осуществлял акустическое наблюдение за судами с дистанции 11–15 миль, не делая при этом никаких попыток сблизиться. В 04.00 в вахтенном журнале лодки появляется запись: «Оторвались от преследования двух СКР, одного ТГЦ. Во время преследования было сброшено 12 глубинных бомб. ПЛ повреждений не имеет». В 04.15 лодка всплыла и спокойно направилась в северную часть позиции, продолжая производить прерванную атакой зарядку аккумуляторных батарей.

Итак, подытожив все, можно высказать достаточно уверенное суждение, что ничего выдающегося в самой «атаке века» не было. И не случайно детального рассмотрения действий «С-13» вы не найдете ни в сборниках тактических примеров ВМФ, ни в книгах по истории военно-морского искусства. Так, может, подвиг подводников, в соответствии со вторым определением энциклопедии, заключается в потоплении весьма ценного судна с важным грузом или пассажирами? Ответ на этот вопрос мы также начнем издалека.

5 мая 1937 г. на верфи «Блом унд Фосс» в Гамбурге был заложен пассажирский лайнер «Вильгельм Густлоф» (25 484 брт). Он должен был стать новым и самым крупным судном круизного флота «Силы, полученной через радость» («Kraft durch Freude»-Flotte) – организации, созданной для обустройства отдыха активистов «Рабочего фронта» Германии. Впоследствии, в рамках пассажирского флота указанной организации его превзошел лишь «Роберт Лей» (27 288 брт). Размеры теплохода впечатляли: длина 208,5 м, ширина – 23,5 м, высота надводного борта – 17,3 м, полная высота «от киля до клотика» – 58 м, осадка – 7 м. В движение с максимальной скоростью 15,5 узла его приводили четыре восьмицилиндровых двухтактных дизеля общей мощностью 9500 л. с. Судно было рассчитано на перевозку 1463 пассажиров при штатной численности экипажа в 417 человек.

В марте 1938 г. лайнер вышел в первое круизное плавание. Вопреки упорно тиражировавшимся в советское время штампам теплоход предназначался отнюдь не для отдыха элиты рейха, а для отдыха активистов фронта – простых рабочих. Еще одной его отличительной чертой, которой особо гордились нацисты, было

то, что все пассажирские места имели один-единственный класс! За 17 довоенных месяцев «Густлоф» успел совершить 44 рейса (большинство – на Средиземном море вокруг Италии, куда пассажиры прибывали железнодорожным транспортом) и перевезти 65 тысяч человек. 26 августа 1939 г. теплоход был отозван на родину из очередного вояжа и уже 1 сентября зачислился в списки вспомогательных судов кригсмарине. Началась военная карьера лайнера – его переоборудовали в госпитальное судно. В этом качестве «Густлоф» пробыл до 20 ноября 1940 г., совершив четыре рейса в Балтийском море и по маршруту Германия – Норвегия. Лечение на нем прошли около 7000 человек, 1961 раненый был доставлен в фатерлянд.

Следующий, наиболее длительный этап в жизни судна наступил в конце 1940 г. Использовать дорогостоящий лайнер в районах боевых действий было неразумно, и руководство флота решило до лучших времен превратить его в плавучую казарму. Новыми постояльцами многочисленных кают стали офицеры и матросы 2-го батальона 2-й учебной дивизии подводного плавания (2.U-boote Eehrdivision). Именно в этом качестве «Вильгельм Густлоф» наблюдал взлет и падение Третьего рейха. На своей стоянке в Готенхафене он дважды (9.10.1943 и 18.12.1944 г.) чуть было не стал жертвой воздушных ударов союзной авиации.

Чтобы лучше понять суть дальнейшего изложения, обратимся к рассмотрению оргштатной структуры учебной дивизии. Она состояла из штаба, двух батальонов (abteilung) шестиротного состава и учебной флотилии подводных лодок. Основной задачей такой дивизии (к концу войны в подводных силах кригсмарине их насчитывалось четыре) была начальная подготовка младших специалистов, которые попадали туда сразу после курса «молодого бойца» во флотском экипаже. Лодки учебной флотилии при этом фактически выполняли роль плавучих тренажерных классов, на которых каждый специалист мог индивидуально овладевать своей воинской специальностью в обстановке, максимально приближенной к боевой. Классы имелись и на «Густлофе»; в частности, занятия по водолазной подготовке осуществлялись в его плавательном бассейне. В дальнейшем выпускники школ направлялись на формирование экипажей новых субмарин, после чего уже непосредственно на своем боевом корабле, в составе всей команды, еще не менее 4–6 месяцев тренировались в т. н. «флотилиях обучения» (U-bootaus-bildungsflottille). Так, например, небезызвестная «U 250» находилась в составе флотилии обучения с середины декабря 1943 г. до конца июня 1944 г. Таким образом, за гордым

названием «дивизии подводников» скрывалась обычная «учебка», личный состав которой имел за спиной в лучшем случае теоретическую и индивидуальную практическую подготовку.

12 января 1945 г. советские войска нанесли ряд сокрушительных ударов по немецкой обороне на центральном участке фронта, прорвав ее от Восточной Пруссии до Карпат. Наступление Красной Армии развивалось стремительно: 17-го числа была взята Варшава, в начале февраля советские войска захватили плацдармы на Одере. 30 января наши танки вышли к Балтийскому морю в районе Эльбинга, отрезав, таким образом, соединения 3-й танковой и 4-й полевой германских армий на восточных берегах Данцигской бухты. Война теперь полыхала на немецкой земле – там, где она родилась. Значительная часть местного населения, а фактически все, у кого была возможность, покинули родные места и направились на запад, к портам. Оттуда они по льду или на катерах, буксирах и ледоколах пытались пересечь бухту, чтобы оказаться в Готенхафене или на рейде косы Хель, откуда была организована эвакуация в Киль, Свинемюнде, Засниц и Копенгаген. Людские потоки были огромны и требовали привлечения к перевозкам значительного числа судов.

В своих мемуарах, написанных спустя десять лет после окончания войны, командующий германским флотом и последний канцлер «тысячелетнего» рейха Карл Дениц назвал занятие советскими войсками берегов Данцигской бухты в качестве фактора, окончательно предрешившего исход войны в Европе. Несмотря на всю спорность подобной оценки, нельзя не отметить, что она зиждилась на понимании важности сохранения Восточной Балтики в качестве полигона для подготовки новых экипажей подводников. С потерей данной акватории проблема победы или поражения подводных сил кригсмарине, а для Деница и всей Германии, становилась решенной.

Естественно, что, несмотря на утрату этого важного региона, никто в рейхе не собирался прекращать проигранную войну, а напротив, планировал продолжать ее, базируясь на новые районы. Касательно учебных соединений подводных сил, в фазу реализации вступил план операции «Ганнибал», предусматривавшей переброску личного состава и имущества учебных центров в порты и стоянки Кильской бухты. 21 января приказ о подготовке к выходу в море был получен и капитаном плавучей казармы «Густлоф» Фридрихом Петерсеном.

Спустя четыре дня, после осуществления всего комплекса проверок механизмов и получения необходимого снабжения, судно было готово к выходу в море. К тому времени состав его пассажиров был ограничен 918 офицерами и матросами 2-го

батальона (командир – корветтен-капитан Вильгельм Цан) 2-й дивизии и 373 женщинами-военнослужащими вспомогательной службы ВМФ. Последние принадлежали как ко 2-й дивизии, так и к частям морской зенитной артиллерии, а также штабам и другим тыловым учреждениям ВМФ. Экипаж судна насчитывал 173 человека.

Безусловно, с учетом наступавшей массовой эвакуации из восточно-прусских земель, этим транспортные возможности огромного лайнера не исчерпывались. 25-го числа последовал приказ начать прием беженцев в количестве до 4000 человек. 28 января пришло указание продолжить погрузку, задействовав и совершенно не предусмотренные для проживания помещения, как, например, плавательный бассейн (там разместились «морские помощницы») и нижнюю прогулочную палубу [232] . В конечном итоге к утру 30 января – дню, на который был назначен выход в море, – на судне с командой и военными насчитывалось в общей сложности около 6050 человек. В последний момент лайнер принял людей дополнительно, в результате чего сумма возросла приблизительно до 6600 (плюс-минус 100 человек), включая 162 раненых военнослужащих Вермахта [233] .

Принимал ли «Густлоф» на свой борт исключительно «фашистских бонз и их семьи»? Поскольку данный вопрос почему-то мало интересует зарубежных исследователей, получить ответ на него не так-то просто. С одной стороны, для того чтобы попасть на борт любого транспортного судна, требовалось письменное разрешение местной ячейки НСДАП, с другой – известно, что за четыре с небольшим месяца 1945 г. из портов Данцигской бухты, Кольберга и Свинемюнде было вывезено морем почти 2,5 миллиона гражданских лиц, что вряд ли соответствует численности нацистской партии того времени. Наверное, было бы более правильным предположить, что в тоталитарном государстве, каким в то время была Германия (и не только Германия), правящая партия брала на себя многие государственные функции, что вовсе не означало автоматическое включение всего населения страны в ее ряды. Кроме того, известно, что из числа находившихся на борту мужчины составляли примерно 1400–1500 человек, женщины – 2000–2100 и дети – 3000–3100. Согласитесь, что к двум последним категориям, а именно они составляли подавляющее большинство находившихся на судне, приклеивание ярлыка «фашистские бонзы» было бы, по меньшей мере, смешным.

Вечером 30 января теплоход вышел навстречу своей судьбе, которая подстерегла его в 23.08 в виде трех торпед «С-13». Первый взрыв произошел, как мы уже указывали, в носовой части

судна. Именно там находились основные помещения команды, в т. ч. и каюта Гейнца Шена. Сброшенный с кровати серией взрывов молодой помощник капитана в течение мгновений понял, что «Густлоф» обречен. Быстро найдя карманный фонарик (внутреннее освещение сразу же погасло, но вскоре сменилось на аварийное), он выскочил из каюты, а затем и из носовой части, которая отделялась от остальных помещений лайнера водонепроницаемой переборкой с ограниченным количеством дверей. Буквально спустя несколько секунд все двери в водонепроницаемых переборках были заблокированы командой с мостика. Находившиеся в носовой части «Густлофа» люди, в т. ч. большинство свободных от вахты членов экипажа, были обречены на скорую смерть.

Вторая торпеда взорвалась на расстоянии трети длины корпуса от форштевня, как раз там, где находился плавательный бассейн. Помещение начало заполняться водой почти в тот же момент. Оказавшись в полной темноте, молодые стенографистки и зенитчицы бросились к основному выходу, но нашли его дверь заклиненной. Лишь немногие смогли в условиях паники и почти полной темноты отыскать запасной выход и выбраться из ловушки.

Третья торпеда попала точно в центр «Густлофа», непосредственно в машинное отделение. Из дизелистов, находившихся на вахте, не выжил никто. Все четыре дизеля сразу вышли из строя, оставив корабль без хода и электроэнергии. Отказали даже бортовые радиостанции, так что сигнал бедствия был передан только маломощным передатчиком «Леве». Радиограмму приняли на многих находившихся в море кораблях, но штаб ВМБ Готенхафен получил ее лишь спустя час, после того как ее отрепетовали «по флоту». Впрочем, до спасательных работ мы еще дойдем, пока же «Густлоф» только начал погружаться в холодные воды Балтийского моря с сильным деферентом на нос и креном на левый борт. То, что после попадания трех торпед судно обречено, было понятно и капитану и последнему беженцу. Борьба за живучесть не велась. Разбуженные пассажиры, кто в чем, начали рваться со всех пяти нижних палуб наверх, к спасательным шлюпкам. На трапах и лестницах началась жуткая давка, которая усугублялась наличием у людей значительного количества огнестрельного оружия. Многие отчаявшиеся заканчивали жизнь самоубийством или просили убить их. По расчетам Шена, потери при взрывах, с учетом утонувших в носовой части, в бассейне и трюме, задавленных и застреленных на лестницах, составили около 1000 человек.

Второй акт трагедии разыгрался на верхней палубе.

Спасательные средства лайнера включали в себя 12 больших шлюпок, рассчитанных на 50–60 человек каждая, ˆкатеров на 30 человек и 380 надувных плотиков на 10 человек. Педантичные немцы, несмотря на спешку при погрузке в порту, даже успели провести несколько тренировок по организации посадки в спасательные средства и правильному использованию пробковых жилетов. Но не тут-то было. Расписанные по шлюпкам в качестве гребцов и рулевых матросы лайнера в большинстве погибли при первом взрыве. Руководство посадкой взяли на себя офицеры и унтер-офицеры 2-й дивизии. Отцепившие спасательные средства, вооруженные подводники позволяли садиться в них только женщинам и детям. Укомплектованные подобным образом шлюпки спускались в штормовое январское море на волю волн. Кому-то из их пассажиров повезло – они почти сразу были подобраны «Леве» и подоспевшим «Т 36», остальные же, и их было подавляющее большинство, разносились на своих плавсредствах по морю.

Примерно через 40 минут после торпедирования крен «Густлофа» достиг 22 градусов. Капитан Петерсен дал сигнал: «Всем покинуть судно, спасайся кто может!», хотя фактически он начал исполняться с первых минут. Вода быстро прибывала, но количество людей, желавших вырваться на верхнюю палубу, не уменьшалось. Палуба, находившаяся под сильным наклоном, не могла уместить на себе всех желающих. Массы людей, в основном женщины и дети, в ожидании своей очереди столпились на нижней прогулочной палубе правого борта. Внезапно в ее носовой части появилась вода. Трапы были сразу же заблокированы толпами беженцев, которые мешали друг другу вырваться наружу. Многие пытались выбить толстые стекла, рассчитанные на буйство атлантических штормов, но им это не удавалось. Вода продолжала быстро прибывать и постепенно заполнила все помещение. В последний момент одно из стекол лопнуло, и несколько человек были выброшены на поверхность. По расчетам Шена, сделанным на основе свидетельств очевидцев, общее количество людей, погибших на нижней прогулочной палубе, а также смытых за борт волнами с верхней палубы до гибели «Густлофа», составило еще около 1000 человек.

Следующие полторы тысячи погибли в момент погружения лайнера. В большинстве это были те, кто не успел сесть в спасательные средства и был затянут водоворотом, те, у кого не выдержал организм при попадании в ледяную воду, те, кто захлебнулся и задохнулся. В то же время не вызывает сомнения, что более крепкие подводники, имевшие хорошую физическую подготовку, знавшие, как правильно надеть спасательный жилет,

имели неплохие шансы на спасение. Миноносцы, подошедшие к месту гибели теплохода, в первую очередь вылавливали людей из воды. Именно в этот момент удалось спастись Шену, корветтен-капитану Цану и капитану Петерсену. Однако, как мы уже знаем, присутствие «С-13» помешало принять участие в спасательной операции крейсеру «Хиппер», возможности же миноносцев по приему людей были весьма ограниченны. Подняв из воды в сумме чуть больше 1000 человек, они их исчерпали, а в то же время на шлюпках и плотах все еще находилось почти вдвое большее число людей.

Положение находившихся в плавсредствах потерпевших не сильно отличалось от ситуации, в которой оказался экипаж затонувшей подводной лодки «Комсомолец». При температуре воздуха —18 градусов в шлюпках, заливаемых волнами, без теплой одежды на протяжении примерно 2,5 часа они ждали судов, которые могли бы возобновить спасательные действия. Это время не прошло «даром». Многие замерзли, часть шлюпок была отнесена с места катастрофы. Несмотря на титанические усилия, корабли конвоя «Орион» смогли поднять из воды всего 137 человек, прибывший спустя час «Геттинген» и его охранение – уже только 78. И это несмотря на то, что поиски длились до шести часов утра. Все реже и реже в обнаруженных спасательных средствах немецким матросам удавалось находить людей, подававших признаки жизни. Почти все из них впоследствии получили диагноз «обморожение 2—3-й степени», около 40 умерло уже на борту спасателей [234] . Всего же, по подсчетам Шена, общее количество погибших на борту спасательных средств составило примерно 1800 человек, что на 30 процентов превосходит число выживших пассажиров «Густлофа». Даже одна эта цифра превосходит число погибших в нашумевшей катастрофе «Титаника», когда из 2207 находившихся на судне пассажиров и членов команды погибло 1507.

Последний человек был спасен спустя семь часов после гибели лайнера сторожевым кораблем «V 1703». Этот корабль, несший дозор в Данцигской бухте, перехватил первую же радиограмму о торпедировании и сразу направился на помощь. Попасть к месту событий он смог лишь к 06.50 утра. Осмотр нескольких первых лодок показал отсутствие в них какой-либо жизни. На сторожевике накапливались трупы, а спасенных все не было. Становилось ясно – помощь опоздала. Командир корабля принял решение возвращаться назад. Осматривавший последнюю встреченную лодку матрос Вернер Фик увидел в ней странный сверток больших размеров. Подойдя к нему и размотав угол, моряк увидел голову годовалого ребенка, который все еще

подавал признаки жизни! Немедленное медицинское вмешательство спасло жизнь мальчика. Впоследствии бездетный Вернер Фик усыновил младенца, став, таким образом, единственным человеком, для которого страшная ночь гибели «Густлофа» стала самым счастливым днем в жизни.

Итак, можно подвести краткие результаты «атаки века»: утоплен крупный пассажирский лайнер, не имевший сам по себе ни боевого значения, ни военных грузов. На его борту погибло: из 918 матросов и офицеров 2-й учебной дивизии подводных сил 406 человек (44 %), из 173 членов экипажа – 90(52 %), из 373 женщин-военнослужащих – 250 (67 %), из почти 5150 беженцев и раненых – 4600 (89 %). В последнюю цифру вошло почти 3000 детей. Естественно, что Маринеско не мог знать истинной цены своей победы, но те, кто исследовал обстоятельства победы (если они занимались этим всерьез), вслед за ним не могли всего этого не знать. Можно ли назвать достигнутый результат «подвигом» с точки зрения достигнутых результатов? Боюсь, что нет.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на тот факт, что большинство людских потерь «Густлофа» составили беженцы и раненые, сам лайнер являлся вполне законной целью для торпедной атаки. Как и подавляющее большинство других вспомогательных судов кригсмарине, он нес маскировочную окраску и легкое зенитное вооружение, которым наверняка бы воспользовался, обнаружь немецкие сигнальщики «С-13» на небольшой дистанции перед атакой. С другой стороны, командир «эски» имел приказ вести «неограниченную подводную войну» в пределах позиции, так что, упусти он лайнер, ему пришлось бы отвечать за это по всей строгости законов военного времени. Никакого выбора, никаких ограничений не существовало – следовало топить цель, что Маринеско с успехом и выполнил. Но теперь, когда мы точно знаем, кто плыл и погиб на лайнере, можно ли их утопление назвать «важным по своему значению действием»?

И все-таки, скажут некоторые, а какое отношение приведенные немецкие материалы имеют к «краеугольным камням» легенды о «подвиге» «С-13», упомянутым нами в начале статьи. Доведем начатое дело до конца.

а) Мог ли быть среди погибших моряков кригсмарине хотя бы один экипаж подводной лодки?

В своей книге на страницах 450–466 и 483–484 Шен приводит репринт списков пропавших без вести и погибших подводников, представленных на рассмотрение Деница
12 апреля 1945 г. В них содержатся фамилии 16 офицеров, в т. ч. 8 фенрихов медицинской службы, трех лейтенантов (в т. ч. двух

морской службы), трех обер-лейтенантов (также два морской службы) и двух капитан-лейтенантов морской артиллерии. Как известно, экипаж подлодки VII серии составляли четыре офицера морской службы, причем командир должен был иметь звание не ниже обер-лейтенанта. Таким образом, из погибших подводников теоретически было бы возможно «сформировать» один экипаж, если не считать, что погибшие офицеры были не специалистами, а строевыми командирами курсантских подразделений. Напомним, что подчиненный им личный состав нуждался еще, по меньшей мере, в полугодичном курсе подготовки.

б) Был ли Маринеско личным врагом Гитлера? Объявлялся ли в Германии траур? Был ли расстрелян командир конвоя?

На основании имеющихся материалов можно уверенно заявить, что фюрер воспринял известие о гибели «Густлофа» с поразительным равнодушием. По всей видимости, он узнал о катастрофе уже на следующий день на очередном совещании в своей ставке по военно-морским вопросам. Второй вопрос совещания касался морских перевозок. Текст интересующих абзацев стенограммы несколько раз приводился в других изданиях, однако рискнем повторить его вновь: «В связи с потоплением пассажирского парохода «Вильгельм Густлоф» торпедой, выпущенной с подводной лодки на внешней коммуникации к северу от банки Штольпе, главнокомандующий военно-морскими силами (Дениц. – *М.М.)* заявляет, что с самого начала было ясно, что при столь активных перевозках должны быть потери. Потери всегда очень тяжелы, но, к большому счастью, их не прибавилось. Однако он должен указать, что русские подводные лодки способны действовать без помех в Балтийском море только потому, что там им не оказывают противодействия германские самолеты. Из-за недостатка в эскортных силах флот должен ограничиваться непосредственным охранением конвоев. Единственным фактическим средством противолодочной обороны являются самолеты с радиолокационными установками, то самое оружие, которое дало возможность противнику парализовать боевые действия наших подводных лодок.

Начальник оперативного штаба ВВС докладывает, что у военно-воздушных сил недостает ни горючего, ни достаточно эффективного оборудования для подобных операций. Фюрер подчеркивает аргументы, выдвинутые главнокомандующим военно-морскими силами, и приказывает командованию ВВС заняться вопросом, как можно было бы помочь этому делу». И все! Никакой бесноватой реакции, никакой скорой расправы. После

этого абсурдность утверждения о «личном враге» очевидна. То, что Маринеско не попал ни в какие списки, подтвердил в 1988 г. и официальный ответ, полученный из потсдамского архива ГДР. Относительно траура «дружественные» немецкие товарищи попытались подсластить пилюлю: «…Изучение… не позволяет сделать заключения о том, был ли объявлен 30 января 1945 г. в Германии трехдневный траур по случаю гибели… «Вильгельма Густлофа»… Объявление траура представляется сомнительным из-за отсутствия сообщений о самом факте потери корабля». Добавим к этому, что до сих пор сторонники версии о трауре не смогли предъявить ни одного документа, подтверждающего факт, который должен был иметь всегерманское значение. Таким образом, не было ни траура, ни официального сообщения о гибели лайнера, хотя информация об этом облетела германские порты на Балтике уже спустя сутки после события.

Точно так же не соответствует истине утверждение относительно казни командира конвоя. И распоряжавшийся на борту капитан Петерсен, и командир 2-го батальона корветтен-капитан Цан, и командир сил охранения ВМБ Готенхафен корветтен-капитан Вольфганг Леонхардт дожили до 9 мая 1945 г., и их следы теряются уже в послевоенной Германии.

в) У вдумчивого читателя не может не возникнуть вопрос: **Так откуда возникла информация, на которой долгие годы основывались авторы многочисленных книг, журнальных и газетных статей об «С-13» и Маринеско?**

Ведь не могла же легенда возникнуть на голом месте!

К счастью, долго искать отправную точку в исследовании данного вопроса не пришлось. И в ответе историков ГДР, и в книге Х. Шена, и в документальном сборнике «Из истории краснознаменной ПЛ «С-13» все сходятся на том, что первые сообщения о гибели лайнера были сделаны зарубежной прессой 19–20 февраля 1945 г. Увидевшая свет 19-го числа британская «Таймс» имела заметку под названием «Германский лайнер затонул в Балтийском море» следующего содержания: «25000-тонный германский лайнер общества «Сила, обретенная через радость» «Вильгельм Густлоф», эвакуировавший 3700 подводников и 5000 беженцев из Восточной Пруссии, по сообщению финского радио, был потоплен после того, как покинул Данциг. Спаслось около 1000 пассажиров.

В соответствии с информацией, полученной из передачи стокгольмского радио, лайнер получил попадание торпеды и затонул в течение нескольких минут». – Агентство Рейтер.

Последующие статьи, прошедшие волной по страницам шведской прессы, несколько уточняли детали трагедии. Так,

«Дагенс нюхетер» от 21 февраля сообщала, что на судне было 10 000 человек, из которых спаслось всего 950, а «Афтонбладет» писала, что судно продержалось на воде всего 15 минут.

Нетрудно оценить, насколько эти сведения соответствовали действительности. Особый интерес вызывает происхождение цифры «3700 подводников». Сейчас уже не выяснить, откуда она появилась. Впрочем, все это не удивляет. Не сделав официального сообщения, немцы тем самым дали повод к появлению всевозможных газетных «уток» от «стокгольмских комсомольцев». Утаить же шила в мешке просто не представлялось возможным – многие состоятельные немцы из беженцев, знавшие о трагедии, пытались перебраться в Швецию, да и штормовое Балтийское море не собиралось хранить всегерманскую тайну. От места катастрофы до побережья нейтральной страны было чуть более 100 миль, а это слишком мало, чтобы не увидеть на берегу страшные свидетельства войны в виде обломков и обледеневших трупов. И пошла писать губерния…

В дальнейшем ситуация усугубилась целым рядом факторов. Архивы кригсмарине попали в руки англичан, которые поспешили наложить на все материалы гриф «секретно». Истинные потери военного персонала на лайнере просочились в открытую печать достаточно скоро, но в то же время многочисленные спасшиеся с «Густлофа» гражданские лица, естественно, не зная точной статистики произошедшего, поспешили разнести слух о жуткой трагедии. Дело кончилось тем, что гибель «Густлофа» даже вошла в «Книгу рекордов Гиннесса» как случай самой большой катастрофы на море в истории человечества [235] . Это, в свою очередь, вызвало за рубежом поток книг и статей о гибели лайнера. По мотивам катастрофы в Германии был снят художественный фильм под названием «Ночь опустилась над Готенхафеном». Для немцев все это стало как бы своеобразным искуплением грехов, демонстрацией того, что и они многое потерпели от войны, развязанной сумасшедшим Гитлером, к которому они не имеют никакого отношения. В нашей же стране внимание иностранных исследователей к истории с «Густлофом» в первую очередь объяснялось боевым успехом «С-13», мнимым значением его для сокрушения рейха и ложным трауром.

Анализируя со всех сторон подробности и результаты атаки Маринеско, вместо «героических» эпитетов невольно вспоминаешь совсем другие слова: «…Наша эскадра была вдвое сильнее неприятельской материально и, конечно, несколько раз сильнее ее в нравственном отношении. Следовательно, особенного «геройства» тут не представлялось, и «свет» этим

«удивлен» также быть не мог. Но наши моряки сделали, все и каждый, свое дело отчетливо и точно, за что им честь и слава, – ив этих простых словах заключается высшая похвала, какую человеку заслужить дано…» Догадываетесь, о каком событии это написано? Это написано по поводу другого «успеха без подвига» русского флота – победы в Синопском сражении и не кем нибудь, а самим флаг-офицером В.А. Корнилова, вице-адмиралом И.Ф. Лихачевым в 1901 г.

Мифические тысячи погибших подводников на многие годы затмили другой успех «С-13», достигнутый в ходе январско-февральского похода, – потопление санитарного транспорта «Штойбен» (быв. «Генерал Штойбен», 14 660 брт). Атака и ее результат превосходят случай с «Густлофом» по всем статьям, кроме разве что тоннажа судна. Во-первых, в этом случае боевое маневрирование осуществлялось куда в более сложных условиях. Оно говорит о Маринеско как о подводнике гораздо больше, чем эпизод 30 января. Судно шло с большой скоростью (около 16 узлов), переменным курсом, ночью, в условиях плохой видимости и с погашенными огнями. Его эскорт составляли миноносец «Т 196» и торпедолов «ТЕ 10». Четыре часа Маринеско маневрировал, зная о присутствии врага только благодаря данным гидроакустической станции и наблюдая его лишь последние 40 минут. Преследовать цель (по оценке Маринеско – легкий крейсер «Эмден») пришлось на скоростях от 12 до 18 узлов. Из-за сильного охранения залп был произведен с дистанции 12 кабельтовых. Командир выпустил из кормовых торпедных аппаратов две «рыбины», и обе попали!

Во-вторых, чисто военное значение потопления «Штойбена», несмотря на определенную жестокость подобного сравнения, можно признать несколько большим. На санитарном транспорте на момент торпедирования находилась не «эсэсовская танковая часть», а 2680 раненых военнослужащих Вермахта, 100 солдат, около 900 беженцев, 270 лиц медперсонала ВМФ и 285 членов экипажа судна (в т. ч. 125 военных моряков). Спаслось 659 человек, из которых раненые составили лишь около 350.

Свалившаяся внезапно на голову Александра Ивановича Маринеско слава не принесла ему счастья. О том, что именно он потопил «Густлоф», стало известно, по-видимому, в середине – конце февраля из сообщений финского и шведского радио. Лодка вернулась из похода 15-го числа, а уже спустя несколько дней комдив Орел писал в представлении командира «С-13» к званию «Герой Советского Союза»: «…Потоплением лайнера «Вильгельм Густлоф» нанесен непоправимый удар по подводному флоту фашистской Германии, так как при потоплении погибло такое

количество подводников, которое было бы достаточно для укомплектования 70 подводных лодок среднего тоннажа. Этим ударом ПЛ «С-13» под командованием капитана 3-го ранга Маринеско сорвала планы фашистских захватчиков на море».

Ответная резолюция выражалась в виде штампа на представлении: «Орден Красного Знамени пр. ККБФ № 30 от 13.3.45 г.». По всей видимости, командование бригады ПЛ и Балтфлота произвело расчет по формуле «Герой Советского Союза минус совершенное преступление равно ордену Красного Знамени». Очевидно, Александр Иванович был несогласен с подобным решением. Может, он хотел, чтобы с ним поступили так же, как маркиз Лантенак с провинившимся матросом в романе В. Гюго «93-й год» – сначала наградил за храбрость, а затем отдал под суд и расстрелял за нерадивость. Если это так, то доблестному командиру «С-13» следовало бы знать, что советский суд не только наказывал провинившихся, но и автоматически лишал их всех государственных наград.

Так или иначе, но следующий поход, совершенный субмариной в последние недели войны, явил истории уже совершенно другого Маринеско. Вот лишь некоторые выдержки из заключения о результатах боевого похода, сделанного командиром дивизиона и командиром бригады:

«1. За период нахождения в море, на позиции, в зоне интенсивного движения противника с 23.04.45 г. 7 раз обнаруживал цели для атаки, но атаковать не мог… (далее идет конкретное описание всех случаев).

Вывод: Боевую задачу подлодка не выполнила. Действия командира неудовлетворительные (капитан 1-го ранга Орел).

…Находясь на позиции, командир ПЛ имел много случаев обнаружения транспортов и конвоев противника, но в результате неправильного маневрирования и нерешительности сблизиться для атаки не смог…

Выводы: 1. Действия командира ПЛ на позиции неудовлетворительные. Командир ПЛ не стремился искать и атаковать противника…

2. В результате неактивных действий командира ПЛ «С-13» поставленную боевую задачу не выполнила. Оценка боевого похода ПЛ «С-13» неудовлетворительная (командир бригады капитан 1-го ранга Курников)».

То, что низкие боевые показатели были не случайными, подтверждает поведение Маринеско на берегу Утром 23 мая лодка ошвартовалась в Турку, а уже 31-го числа командир дивизиона подал рапорт о том, что «подводник № 1» все это время пьет, служебными обязанностями не занимается и его

дальнейшее пребывание в должности командира недопустимо. Дальнейшее хорошо известно. Маринеско «вышибают» с лодки, а вскоре и с флота. «Не оцененный по заслугам современниками» Маринеско попадает на «гражданку», в 1949 г. получает небольшой тюремный срок, в 1953 г. освобождается и спустя 10 лет умирает.

В. Доценко в своей книге «Мифы и легенды русской морской истории» написал, что, возвеличивая Маринеско, мы незаслуженно обижаем других подводников. Нам кажется, что правильнее было бы сказать по-другому. Возвеличивая Маринеско и его «подвиг», мы в первую очередь демонстрируем незнание истории, пренебрежение к фактам и вопиющее попирание общечеловеческих ценностей. Мы в очередной раз доказываем «свету», что квасной патриотизм, замешанный на мнимых подвигах, нам милее, чем истинные герои войны, подлинные свершения которых, быть может, менее впечатляют. Нам, чтобы ощущать себя полноценными, почему-то всегда нужны «левши, которые блоху подкуют». Может быть, для того, чтобы за их громкой славой было бы легче спрятать от общества нелицеприятные факты многочисленных поражений или цифры мизерных боевых успехов, обусловленные порочной военной организацией, слабой подготовкой и отсталым техническим оснащением. Ведь давно пора бы понять, что подвиг наших моряков не в том, что они топили судов столько же или больше, чем англичане или немцы, а в том, что, несмотря на массу неблагоприятных факторов и обстоятельств, они честно выполняли свой долг перед Родиной и наносили врагу ущерб настолько, насколько это было для них возможно.

И что же теперь, как правильно расставить акценты, не оскорбив ни людей, которые храбро сражались с врагом, ни тех, кто безвестно погиб, став по капризу злого рока заложником одного из самых жестоких тоталитарных режимов? Здесь хочется вспомнить о событии, состоявшемся в 1991 г. в калининградском «Зале Дружбы». Там Хайнц Шен сделал свой первый на русской земле доклад о судьбе «Вильгельма Густлофа». В дополнение к словам докладчика аудитории был показан фильм «Ночь опустилась над Готенхафеном». По сообщению присутствовавшего там немецкого корреспондента, после просмотра встал пожилой человеки произнес: «Наконец-то мы узнали правду. Теперь мы знаем, что на этом судне были не только нацисты и экипажи подводных лодок. Я попрошу присутствующих встать и почтить память погибших женщин и детей». Весь зал встал, многие плакали.

Илья Кричевский. Дрезденский миф

Дрезден седьмой по размеру город Германии, ненамного меньше Манчестера. Это крупнейший неприятельский центр, до сих пор не подвергавшийся бомбардировкам. В середине зимы, когда беженцы стремятся на запад, а войскам нужны дома для постоя и отдыха, каждая крыша на счету. Цель атаки – ударить врага в самое чувствительное место, за линией уже прорванного фронта, и предотвратить использование города в дальнейшем; а заодно и показать русским, когда они придут в Дрезден, – на что способно Бомбардировочное командование.

Из памятной записки Королевских ВВС для служебного пользования, январь 1945

В огненном шквале раздавались стоны и крики о помощи. Все вокруг превратилось в сплошной ад.

Я вижу женщину – она до сих пор у меня перед глазами. В ее руках сверток. Это ребенок. Она бежит, падает, и младенец, описав дугу, исчезает в пламени.

Внезапно прямо передо мной возникают двое. Они кричат, машут руками, и вдруг, к ужасу моему, я вижу, как один за другим эти люди падают на землю (сегодня я знаю, что несчастные стали жертвами нехватки кислорода). Они теряют сознание и превращаются в золу.

Безумный страх охватывает

меня, и я все время повторяю: «Не хочу сгореть заживо!» Не знаю, сколько еще людей попались на моем пути. Я знаю только одно – я не должна сгореть.

Маргарет
Фрейер, жительница
Дрездена

13—15 февраля 1945 г. британские и американские бомбардировщики совершили серию налетов на Дрезден. В городе были разрушены свыше 37 тысяч зданий, десятки тысяч жителей погибли. Эти налеты получили устойчивую репутацию «самого масштабного опыта массового уничтожения с помощью военной техники времен Второй мировой». О них часто вспоминают, и это понятно: за несколько часов с лица земли был стерт один из красивейших городов Европы, в огненном смерче погибли тысячи людей. Но странное дело – в разных источниках число жертв бомбардировки колеблется от 25 тысяч до полумиллиона. Причем большие числа явно преобладают над меньшими. А в тех публикациях, которые называют максимальные потери, непременно содержится упоминание о том, что Дрезден был мирным и беззащитным городом – ни войск, ни военных предприятий, ни ПВО.

Не сочтите мои слова кощунством, однако я уверен в том, что мы имеем дело не только с трагедией, но и с чрезвычайно живучим мифом. Не так уж сложно определить составные части этого мифа и установить их происхождение. И сделать это лучше всего в форме вопросов и ответов.

1. Был ли Дрезден легитимной военной целью?

...

Все остальные большие города в Германии были страшно разбомблены и сожжены. В Дрездене даже ни одно стекло не треснуло. Каждый день адским воем выли сирены, люди уходили в подвалы и там слушали радио. Но самолеты всегда направлялись в другие места – Лейпциг, Хемниц, Плауэн и всякие другие пункты. Такие дела.

> *Паровое отопление в Дрездене еще весело посвистывало. Звякали трамваи. Свет зажигался и когда щелкала выключатели. Работали рестораны и театры. Зоопарк был открыт. Город в основном производил лекарства, консервы и сигареты.*
>
> *Курт Воннегут «Бойня номер пять» (перевод Р. Райт-Ковалевой)*

Воннегут воевал в американской армии, попал в плен к немцам и стал очевидцем бомбардировки. Книга, написанная им через 23 года после войны, по сей день пользуется популярностью. И соответственно оказывает влияние на общественное мнение. К этой книге я еще вернусь, а пока предлагаю обратиться к официальному документу.

По состоянию на февраль 1945 г. в Дрездене находилось как минимум 110 промышленных предприятий, являвшихся законными военными целями [236] . Только на производстве оружия было занято 50 тысяч человек. В числе этих предприятий – различные мощности по выпуску компонентов для авиапромышленности; фабрика отравляющих газов (Chemische Fabric Goye); завод зенитных и полевых орудий Лемана; крупнейшее в Германии оптико-механическое предприятие Zeiss Ikon A. G; а также предприятия, выпускавшие рентгеновские аппараты и электроаппаратуру (Koch u. Sterzel A. G.), коробки передач и дифференциалы (Saxoniswerke) и электрические измерительные приборы (Gebruder Bassler) [237] .

Вопреки распространенному мнению, Дрезден не был полностью лишен ПВО. Его защищали зенитные батареи, находившиеся частично в ведении Дрезденского, частично – Берлинского окружных командований Люфтваффе. Недостаточность средств защиты от нападения с воздуха – общая проблема большинства германских тыловых городов в последние месяцы войны. Кроме того, немцы никогда не объявляли Дрезден открытым городом. Не находился он и под опекой Международного Красного Креста.

Таким образом, столица Саксонии была легитимной военной целью. Цель бомбардировки этого города достаточно четко сформулирована в памятной записке, приведенной вместо эпиграфа к данной статье.

2. Были ли для достижения цели выделены исключительные средства?

«Ресурсы, использованные Королевскими ВВС для массированной бомбардировки Дрездена, были значительными, однако не исключительными: 722 тяжелых бомбардировщика сбросили 1477,7 т фугасных и 1181,6 т зажигательных бомб, общим весом 2659,3 т. Во время последовательных налетов на Гамбург в

1943 году Королевские ВВС использовали сходное количество бомбардировщиков в единичном налете; так, 740 тяжелых бомбардировщиков 24–25 июля, 739 28–29 июля и 726 29–30 июля. В других массированных налетах британцы сбрасывали больше бомб. Например, 11 773 т фугасных и 4106 т зажигательных бомб на Кельн 9 октября 1944 года, 4368 т фугасных и 3846 т зажигательных бомб на Гамбург

7 августа 1943 года и 3814 т зажигательных бомб на Франкфурт-на-Майне 24 марта 1944 года» [238] .

Из «Исторического анализа», подготовленного для командования американских военно-воздушных сил и рассекреченного только в 1980-е гг., следует, что ВВС США 14–15 февраля сбросили на Дрезденский железнодорожный узел 1247,6 т фугасных и зажигательных бомб. В налетах принимали участие 527 бомбардировщиков 8-й воздушной армии. Таким образом, только на Гамбург в августе 1943-го за один налет было сброшено вдвое больше бомб, чем на Дрезден за три дня в феврале 1945-го.

Ничего исключительного не видел в бомбардировке Дрездена и А. Дж. П. Тейлор – один из наиболее авторитетных британских военных историков: *«Бомбардировка Дрездена не отличалась от других, даже была менее тяжелой, чем многие другие. Но когда война закончилась всего через три месяца, она стала казаться ненужной, и все позабыли, что еще в феврале сопротивление немцев считали страшным. Гражданские руководители, начиная с Черчилля, поспешили отречься от своей ответственности за налет на Дрезден, который они на самом деле одобряли. Было предано забвению командование бомбардировочной авиацией. Черчилль, выступая по радио, об этом не упомянул, по этому поводу не изготовляли памятных медалей. Сэр Харрис, единственный из победоносных командующих, не был вознесен в палату лордов. И все же беспорядочное бомбометание без выбора одиночных целей было в течение четырех лет британским достижением, которое и общественное мнение, и государственные деятели весьма ценили» [239] .*

3. Кто принимал решение?

Не раз приходилось читать, что с просьбой о бомбардировке Дрездена к союзникам обратился заместитель начальника

советского Генштаба генерал армии А.И. Антонов. В частности, такое утверждение содержится в книге Мартина Гилберта, официального биографа Уинстона Черчилля. Однако из документов, доступных любому желающему, складывается несколько иная картина.

4 февраля 1945 г. на пленарном заседании Ялтинской конференции Антонов изложил союзникам пожелания советского командования относительно оперативной помощи. В числе этих пожеланий было и такое:

«Авианалетами на транспортные узлы предотвратить переброску неприятельских войск на Восток с Западного фронта, а также из Норвегии и Италии. В частности, предлагается парализовать работу транспортных узлов Берлина и Лейпцига».

Дрезден на пленарном заседании не упоминался. В качестве цели его предложил начальник штаба Королевских ВВС сэр Чарлз Портал на основании списка, который представил его заместитель сэр Норман Боттомли. Началось практическое планирование операции, к которому подключилось Стратегическое авиационное командование США во главе с генералом Карлом А. Спаатсом. Уже 7 февраля Спаатс проинформировал генерал-майора Дж. Р. Дина, шефа американской военной миссии в Москве, о приоритетных целях 8-й воздушной армии (в порядке убывания по важности): Берлин, Лейпциг, Дрезден, Хемниц. Упоминалось еще несколько менее важных городов.

Таким образом, окончательное решение осталось за союзниками.

4. Кто планировал бомбардировку?

Формально за планирование отвечал генерал Дуайт Эйзенхауэр, на практике – штабы ВВС США и Великобритании. Американцы изначально собирались бомбить дрезденский железнодорожный узел. Спаатс планировал отправить на задание 1200–1400 самолетов уже 12 февраля, однако операцию пришлось отложить из-за погодных условий, и в итоге 14–15 февраля в налетах на Дрезден приняло участие гораздо меньшее количество американских бомбардировщиков, чем предполагалось изначально.

В Лондоне подготовка началась еще до открытия Ялтинской конференции. Собственно, массированные налеты на десять крупнейших германских городов обсуждались в первой половине 1944 г., но затем дискуссия прекратилась. А 26 января 1945 г. премьер-министр Уинстон Черчилль писал министру авиации сэру Арчибальду Синклеру:

«[Минувшим вечером]я спрашивал, может ли Берлин и любой

другой большой город на Востоке Германии считаться теперь особенно привлекательной целью. Прошу, доложите мне завтра, что мы планируем».

Проконсультировавшись с представителями ВВС – заместителем начальника штаба Боттомли и начальником Бомбардировочного командования сэром Артуром Харрисом, Синклер доложил главе правительства:

«Штаб ВВС считает, что в соответствии… с действующей директивой имеющиеся ресурсы должны быть направлены против Берлина, Дрездена, Хемница и Лейпцига или против других городов, где интенсивная бомбардировка способна не только разрушить коммуникации, жизненно важные для эвакуации с Востока, но и приостановить движение войск с Запада».

Практическим планированием занимался сэр Артур Харрис – ученик и последователь первого командующего Королевскими ВВС Хью Тренчарда, который продемонстрировал эффективность стратегических бомбардировок еще в 1920-е гг. во время операций в Сомали и Ираке (когда против повстанцев были применены отравляющие газы). В начале 1920-х гг. Тренчард писал, что Королевские ВВС смогут подавить «промышленные беспорядки и бунты» в самой Великобритании.

Харрис был рьяным сторонником массированных бомбардировок. Его взгляды можно свести к простой формулировке: «Количество рано или поздно переходит в качество». Он был отлично осведомлен об эффекте «огненного смерча» (или «шквала», или «вала», как вам будет угодно) и придавал немалое значение психологическому эффекту бомбардировок.

Глава Бомбардировочного командования говорил: *«Когда нацисты начали эту войну, у них была наивная иллюзия: будто они будут бомбить всех, но никто не посмеет бомбить их самих. В Роттердаме, Лондоне, Варшаве и полсотне других городов они решили проверить эту наивную теорию на практике. Они посеяли ветер, и теперь они пожнут бурю».*

Дж. А.П. Тейлор:

«Сэр Артур Харрис… настаивал на бомбометании без выбора одиночных целей. Он своего добился. Еще одна стремительная атака, «удар грома», – и боевой дух немцев будет сломлен. А если это поможет русским, тем лучше».

Час Харриса пробил как раз в начале 1945 г., когда союзная авиация завоевала превосходство в воздухе и можно было бомбить цели в Саксонии без риска тяжелых потерь. Впрочем, к собственным потерям маршал относился спокойно (по крайней мере, внешне). Именно за это, а не за беспощадное отношение к

врагу, он получил в Королевских ВВС прозвище «Мясник».

Эффективность массированных бомбардировок вызывала сомнения еще в ходе войны. В послевоенные годы эту стратегию подверг уничтожающей критике генерал Фуллер:

«Подавляющее превосходство в воздухе позволяет наступающему, когда он пользуется им стратегически, мешать передвижениям противника. Но в то же время попытки использовать господство в воздухе, для того чтобы ускорить тактические действия путем разрушительных бомбардировок, приводят к колоссальной напрасной трате сил. Причина заключается в том, что бомбометание, несмотря на сложные прицелы, может быть точным все еще только по неподвижным целям… Экономическое наступление становится действительно стратегической военной операцией, когда оно направлено против источников промышленной и военной мощи и средств транспорта. Если бы г-н Черчилль и министерство авиации использовали свою бомбардировочную авиацию, исходя из этих очевидных фактов, то союзникам была бы оказана значительно большая помощь, чем та, которую они получили в результате бессмысленных бомбардировок городов и индустриальных центров».

Справедливости ради следует сказать, что Фуллер признавал результативность отдельных авианалетов. Но конкретно о Дрездене он написал следующее:

«Предлогом для оправдания этого акта вандализма служило то, что союзникам якобы важно было помешать немцам использовать Дрезден, являвшийся узлом железных и шоссейных дорог, для спешной переброски войск с целью остановить наступление русских. Однако, чтобы нейтрализовать эти коммуникации, было достаточно непрерывно бомбить выходы из города, другими словами, держать город в авиационной осаде, вместо того чтобы засыпать его бомбами».

О человеческих потерях мы подробно поговорим в следующий раз, а пока – только о разрушениях. Порядок перечисления соответствует отчету дрезденской полиции, направленному в Берлин в середине февраля: разрушены 12 ООО квартир и частных домов. А также: здания 24 банков и 26 страховых компаний, 31 торговый склад, 640 магазинов, два рыночных павильона, 31 гостиница, 26 пивных, 63 административных здания, три театра, 18 кинотеатров,

11 церквей, 6 часовен, 5 других культурных учреждений, 19 гражданских больниц и частных клиник, 39 школ, пять консульств, зоопарк, 5 почтовых отделений, 4 трамвайных депо, 19 кораблей и барж. А также: штаб Вермахта в Ташенбергском дворце, 19 военных госпиталей и лазаретов и ряд незначительных

военных объектов. Разрушению подверглись почти 200 фабрик, в том числе 136 пострадали серьезно, 35 – легко, остальным нанесен ущерб средней тяжести.

Через полтора месяца после налета на Дрезден Харрису стало известно содержание письма Черчилля, направленного генералу Исмэю для передачи начальникам Генштаба и Штаба ВВС 28 марта:

«Мне представляется, что настало время для пересмотра вопроса о бомбардировке германских городов во имя устрашения, хотя и под иными предлогами. Иначе под наш контроль перейдет полностью разрушенная страна… Разрушение Дрездена вызвало серьезные вопросы относительно союзнических бомбардировок. Я полагаю, что цели отныне должны рассматриваться исходя из наших собственных, а не вражеских интересов. Министр иностранных дел беседовал об этом со мной, и я чувствую необходимость более тщательного сосредоточения на военных объектах – таких как топливная и транспортная инфраструктура непосредственно за линией фронта, – а не в устрашении и намеренном разрушении, какими бы впечатляющими они ни были».

Маршал немедленно откликнулся:

«Налеты на города, как и любой иной акт войны, неприемлемы, если они не оправданны стратегически. Но пока что они вполне оправданны и направлены на то, чтобы приблизить окончание войны и сберечь жизни солдат союзных армий. На мой взгляд, мы не имеем никакого права отказываться от этих налетов, пока не станет ясно, что они не производят желаемого эффекта. Я лично не считаю, что хоть один из оставшихся в Германии городов стоит костей одного британского гренадера. Сентименты в отношении Дрездена запросто объяснит любой психиатр. Это связано с германскими оркестрами и дрезденскими пастушками. В действительности Дрезден был массой военных производств, действующим административным центром и ключевым транспортным узлом на Восточном направлении. Теперь он ни то, ни другое, ни третье» [240] .

Ознакомившись с этим ответом, Черчилль 1 апреля 1945 г. распространил новый текст записки, в котором упор делался на то, что бомбардировки должны наносить ущерб в первую очередь военным усилиям врага, а не долгосрочным интересам Великобритании. Сам Харрис через несколько лет написал:

«Я знаю, что разрушение столь большого и великолепного города на поздней стадии войны считают излишним многие из тех, кто называет наши предыдущие налеты оправданными с точки зрения военной необходимости. Здесь я скажу лишь одно: налет на Дрезден в то время считали необходимостью люди, занимавшие

куда более высокое положение, чем я».

5. Была ли бомбардировка Дрездена местью за Ковентри?

Напомню, что Ковентри был разрушен в ходе налета Люфтваффе 17 ноября 1940 г. Погибли 658 человек, в руины превратился знаменитый готический собор. Однако у британцев была возможность отомстить за этот налет немедленно: бомбардировки германских городов в то время уже начались. Говорят, что месть – это блюдо, которое следует подавать холодным, и все же четыре с лишним года – слишком долгий срок. И даже если так, то почему именно Дрезден, а не Кассель или Брауншвейг, Вюрцбург или Кельн? Простите за цинизм, но готический собор, пользующийся куда большей известностью, чем разрушенный в Ковентри, находится именно в Кельне. Кроме того, понятие «возмездие» было коньком другой воюющей стороны, а самые радикальные идеи насчет наказания Германии возникли в Соединенных Штатах, которые вообще не знали германских бомбардировок.

6. Был ли Дрезден разрушен потому, что входил в состав будущей советской оккупационной зоны?

На первый взгляд, здесь напрашивается утвердительный ответ. До тех пор пока мы не взглянем на список германских городов, разрушенных союзной авиацией более чем на 50 % (Дрезден с 40 % разрушений в этот список не входит), и не обнаружим, что большинство этих городов находятся на западе Германии.

50 % – Людвигсхафен, Вормс
51 % – Бремен, Ганновер, Нюрнберг, Ремшайд, Бохум
52 % – Эссен, Дармштадт
53 % – Кохем
54 % – Гамбург, Майнц
55 % – Неккарзульм, Зоэст
56 % – Ахен, Мюнстер, Хайльбронн
60 % – Эркеленц
63 % – Вильгельмсхафен, Кобленц
64 % – Бингербрюк, Кельн, Пфорцхайм
65 % – Дортмунд
66 % – Крайльсхайм
67 % – Гисен
68 % – Ханау, Кассель
69 % – Дюрен
70 % – Альтенкирхен, Брухзаль
72 % – Гейленкирхен
74 % – Донауверт
75 % – Ремаген, Вюрцбург

78 % – Эмден
80 % – Прюм, Везель
85 % – Ксантен, Цюльпих
91 % – Эммерих
97 % – Юлих

В списке – знаменитые исторические и культурные центры (Кельн, Аахен, Мюнстер), промышленные конгломераты Рейнской области, морские и речные порты. Как бы мы ни относились к англоамериканским союзникам, следует признать, что инфраструктуру и достопримечательности своих оккупационных зон они уничтожали более рьяно, чем города советской зоны. С другой стороны, утверждение о том, что бомбардировка Дрездена была среди прочего призвана продемонстрировать СССР возможности стратегической авиации, подтверждает памятная записка, приведенная в качестве первого эпиграфа к этой статье.

7. Сколько же человек погибло в Дрездене в феврале 1945 года? Если человека моего поколения (а я родился в 1962-м) спросить о том, сколько жизней унесла бомбежка Дрездена, он может без запинки ответить: «135 тысяч». И даже не задумается о том, где он впервые увидел это число. Запомним – сто тридцать пять тысяч. И вернемся к событиям февраля 1945 г.

...

«Взрывы раздавались один за другим. Дым и пламя заполнили наш подвал, фонари погасли, раненые страшно кричали. Охваченные страхом, мы начали пробираться к выходу. Мама и старшая сестра тащили большую корзину с двойняшками. Я одной рукой держал младшую сестру, другой ухватился за мамино пальто… Нашу улицу было невозможно узнать. Везде, куда ни посмотри, бушевал огонь. Четвертого этажа, где мы жили, больше не было. Развалины нашего дома горели вовсю. На улицах мимо горящих машин проносились беженцы с тележками, еще какие-то люди, лошади – и все кричали. Каждый боялся умереть. Я видел раненых

женщин, детей и стариков, которые пытались выбраться из огня и завалов… Мы ворвались в какой-то подвал, битком набитый ранеными и просто насмерть перепуганными женщинами и детьми. Они стонали, плакали, молились. Света не было – только пара карманных фонариков. И тут начался второй налет. В подвал попала бомба, и мы побежали – из одного подвала в другой».

(Лотар Мецгер, которому в день бомбардировки Дрездена исполнилось 12 лет)

Я не случайно привел эту цитату. В Дрездене было очень мало оборудованных убежищ (самое большое, под центральным вокзалом, вмещало 6000 человек). Во время бомбежки жители должны были спускаться в подвалы. По распоряжению ПВО в капитальных стенах между подвалами были пробиты проходы, закрытые тонкими перегородками – для того, чтобы в случае попадания бомбы в дом можно было быстро перейти в другой подвал. Распоряжение вполне разумное, однако не учитывающее опасности огненного смерча. 13–14 февраля, когда огонь проник под землю, тысячи людей бежали в крайние подвалы и погибали там от удушья.

Именно из подвалов-тупиков были извлечены тела большинства погибших. К 22 марта, когда расчистка завалов закончилась, пожарные и полицейские насчитали 20 204 тела (ранее, 10 марта, в докладе полковника полиции Тирига называлось несколько меньшее число – 18 375). Убитых сжигали – в частности, на площади Альтмаркт были сожжены останки 6685 человек. На городских кладбищах, согласно документам муниципалитета, в 1945 г. были захоронены 21 270 жертв бомбардировки – дрезденцев и беженцев, гражданских, военных и военнопленных. В период с 1945-го по 1966 г. в ходе строительных работ были обнаружены останки еще 1858 человек. Итого – 23 128.

Подчеркиваю – считали тела, а не постоянных жителей города по документам. Считали и заключенных, которые вместе с плавучими тюрьмами пошли на дно Эльбы. Знали, что всех посчитать и идентифицировать невозможно, но очень старались это сделать.

Предварительное число потерь, названное германским

командованием до окончания работ, – 35 000 человек. Впоследствии выяснилось, что 10 000 тех, кто был объявлен погибшим или пропавшим без вести, остались в живых, но когда в город вошли советские войска, им передали именно предварительную оценку. Первый послевоенный бургомистр Дрездена утверждал, что погибли 30 000. В Германской Демократической Республике официально считалось, что было от 30 до 35 тысяч жертв, эти данные неоднократно публиковались. В Западной Германии в 1977 г. вышла книга Гетца Бергангера «Дрезден в воздушной войне». Автор пришел к выводу, что число погибших не превышало 30 тысяч. Современный дрезденский историк Фридрих Райхерт, который много лет посвятил исследованию этого вопроса, утверждает в книге «Обгоревшие до неузнаваемости: разрушение Дрездена» (1994), что при бомбардировке погибли 25 тысяч человек. То есть новейшая оценка сходится с той, которая была приведена во «Второй мировой войне» генерала Фуллера и во множестве других исторических трудов.

Для полноты картины напомню о том, что через 8 лет после бомбардировки была издана книга Ганса Румпфа «Германия в воздушной войне», в которой говорилось: «60—100 тысяч человек гражданского населения, погибших в огне за одну только ночь». Но Румпф не претендовал на точность данных и не приводил в подтверждение этой оценки какие-либо документы.

Откуда же тогда взялось это число – 135 тысяч? И на чем основываются утверждения о том, что жертв было еще больше – 200, 250, 300 тысяч?

16 февраля, на следующий день после окончания бомбардировок, рейхсминистерство пропаганды распространило заявление для прессы, в котором говорилось: «В Дрездене полностью отсутствовала военная промышленность. Это был культурный центр». 25 февраля ведомство Геббельса распространило уже не заявление, а иллюстрированную брошюру, озаглавленную: «Избиение беженцев». Ее можно было назвать и «Избиение младенцев»: иллюстрациями служили фотографии мертвых детей. Именно в этой брошюре утверждалось, что в Дрездене погибло около 200 тысяч человек. Там же говорилось о том, что за счет притока беженцев население саксонской столицы достиго двух миллионов (!) человек. Хотя Геббельса возмущала откровенность Роберта Лея, который несколькими месяцами ранее писал в еженедельнике «Das Reich»: «Мы будем поджигать собственные города. Взрывать немецкие больницы. Давить гусеницами танков наших детей и малевать на башнях танков и крыльях бомбардировщиков белые и красные пятиконечные

звезды американцев и русских!», сам министр пропаганды подобными методами не брезговал и заявил, выступая по радио, что общее число потерь в Дрездене может достичь четверти миллиона.

Вся эта информация активно «сливалась» в нейтральную прессу, откуда попадала и к союзникам. Вот случайное свидетельство – рассказ французского писателя Бориса Виана «Блюз для черного кота».

«Один из сутенеров предупредительно протянул ей газету с шапкой: «Дрезден разрушен до основания, около ста двадцати тысяч убитых». – Люди-то ладно, меня это не трогает, – сказала, прочитав заголовок, старая кошатница, – но я не могу видеть, как страдает животное».

Кстати о животных:

...

> *«Слоны издавали леденящие душу вопли. Маленькая слониха лежала в загоне ногами кверху. Она была тяжело ранена в живот и не могла подняться. Другую, большую слониху взрывная волна перебросила через барьер. Она стояла на ногах, ее била дрожь. У меня не было выбора – я должен был оставить этих животных на милость судьбы. Я знал, что мне предстоит еще одно дело – возможно, самое трудное в жизни. «Леман, пошли к хищникам», – позвал я. Мы сделали то, что обязаны были сделать, но сердце мое разрывалось».*
>
> *(Отто Зайлер-Джексон, смотритель Дрезденского зоопарка)*

Да, хищники. Из семейства кошачьих. Простите за это маленькое отступление и давайте вернемся к пропаганде. Неожиданный подарок Геббельсу и его подручным сделал коммодор Королевских ВВС Колин МакКей Грирсон, который 16 февраля на брифинге для журналистов заявил:

«Прежде всего Дрезден и ему подобные города – центры притяжения для беженцев. Кроме того, через эти города идет

движение на Русский фронт, с Запада на Восток, и они достаточно близко расположены от линии фронта. Полагаю, все это оправдывает бомбардировку».

Отвечая на дальнейшие вопросы журналистов, Грирсон сказал (не для протокола):

«Наша цель – уничтожить все, что еще осталось от германского боевого духа».

Агентство Ассошиэйтед Пресс разнесло его слова по миру, нейтралы заговорили о том, что союзники взяли курс на террористические бомбардировки – ив результате неумное поведение Грирсона в сочетании с усилиями геббельсовских пропагандистов привело к тому, что Дрезден стал «зоной особого внимания». Как будто это был первый город, разрушенный британской авиацией. Как будто в Гамбурге не погибли 40 тысяч человек. Как будто другие германские города от бомбардировок ничуть не пострадали (см. приведенный выше список).

Надо сказать, что британское общество относилось к массированным бомбардировкам Германии неоднозначно. Еще в 1944 г. епископ Джордж Белл, выступая в Палате лордов, требовал немедленно прекратить авианалеты на германские города. Он утверждал, что воздушная война аморальна, что она помешает восстановлению нормальных отношений с народами Европы. «Разве правительство не видит, что уничтожение городов угрожает самим основам цивилизации?» – спрашивал Белл.

На сей раз епископ промолчал, зато депутат Палаты общин Ричард Стокс, также убежденный противник массированных бомбардировок, засыпал правительство неудобными вопросами. В данном случае принципиальная позиция парламентария подкреплялась пусть непроверенными, но совершенно ужасающими сведениями о числе жертв. Именно это и заставило Черчилля написать тот документ, который я цитировал в предыдущем посте.

Правительство Черчилля (равно как ни одно из последующих британских правительств) не осудило бомбардировки. До конца войны оставалось несколько недель. Скоро доктор Геббельс покончит с собой, а продукция его ведомства будет объявлена преступной ложью. Почему же ложь о Дрездене живет до сих пор?

Не буду торопиться с ответом и попробую пойти по неверным стопам тех исследователей, которые недостаток цифр и фактов восполняют сравнениями и умозаключениями. Именно на арифметическом сравнении с результатами предыдущих бомбардировок основывалась первоначальная британская оценка потерь при налете на Дрезден – от 8200 до 16 400 убитыми и примерно столько же ранеными. Из чего при этом исходили? В

расчет брались плотность населения города и площадь сожженного (будем называть вещи своими именами) района. А также германские данные о предыдущих потерях, которые до конца 1944 г. не афишировались и зачастую занижались. Так вот, площадь разрушений в Дрездене не так уж велика: 6,47 кв. км. Могли ли на этой площади погибнуть 135, а тем более 200 или 250 тысяч человек? Могли, но чисто теоретически. На практике бывает иначе. Так, 9 марта того же 1945 г. американские ВВС совершили массированный налет на Токио. Как и в Дрездене, использовались фугасные и зажигательные бомбы. В густонаселенном городе начался огненный смерч, который выжег 42 квадратных километра. По официальным данным японских властей, в результате этого налета погибли 84 тысячи человек. Ровно 2 тысячи на квадратный километр. Если принять на веру магические 135 тысяч, получится, что в Дрездене на один квадратный километр – 20 865 погибших. В десять раз больше, чем в Токио.

Да, Дрезден был не только плотно населенным, но и многоэтажным городом. Да, в нем находились беженцы – не полтора миллиона, как утверждал доктор Геббельс, и не миллион, но около 300 тысяч. И все же десятикратная разница представляется просто нереальной. Если же принять за основу те данные, которые называет Фридрих Райхерт, то показатель потерь на квадратный километр составит 3,86 тысячи. Почти вдвое выше, чем в Токио. И вот это похоже на правду.

8. Самый главный вопрос: каким образом ложь, запущенная геббельсовским ведомством, оказалась столь живучей?

Не подумайте, что современный дрезденский миф зародился в Интернете.

Он появился давным-давно, в эпоху бумажных книг и журналов.

Авторское право на миф принадлежит Дэвиду Ирвингу – британскому писателю, которого одни называют историком, другие отказали ему в праве на этот титул почти сорок лет тому назад. В начале 1960-х гг. Ирвинг написал для западногерманского еженедельника Neue Ileustrierte серию из 37 статей под общим заглавием «Как умирали немецкие города». Они стали основой для книги «Разрушение Дрездена», увидевшей свет в 1963 г. и с тех пор выдержавшей множество изданий на разных языках и под разными названиями. Именно в этой книге впервые появилось утверждение о 135 тысячах погибших.

На чем основывалось утверждение Ирвинга? Через много лет автору пришлось отвечать на этот вопрос перед судом, на процессе по делу, которое он сам возбудил против американки

Деборы Липстедт, профессора университета Эмори. В ходе судебных заседаний и интенсивного обмена письмами между обвинением и защитой у общественности появилась редкая возможность заглянуть в творческую лабораторию популярного автора. Факты, имеющие отношение к Дрездену, собраны в XI главе окончательного заявления защиты. Следует отметить, что судья Грей, относившийся к Ирвингу с большой симпатией, воздержался от замечаний по поводу «дрезденской» главы.

Защита Липстедт показала суду, что число жертв бомбардировки в разных изданиях «Разрушения Дрездена» и в других книгах и публичных высказываниях автора постоянно менялось. До начала 1990-х гг. оно колебалось в пределах от 100 до 250 тысяч, затем вдруг резко снизилось – в «Дрездене» образца 1995 г. говорится о 50—100 тысячах убитых, а в биографии Геббельса, вышедшей в 1996-м, – о 60—100 тысячах.

Работы германских историков Гетца Бергангера и Фридриха Райхерта, вышедшие в 1977-м и в 1994 г. соответственно, Дэвид Ирвинг оставил без внимания. Хотя и Бергангер, и Райхерт посвятили исследованиям много лет, подняли множество документов, беседовали с десятками свидетелей и были совсем не склонны обелять союзников или преуменьшать масштабы трагедии.

Так где же черпал информацию британский писатель, которого даже судья похвалил за скрупулезность в работе с архивами?

Ответ обескураживает. Ирвинг, в 60-е гг. гордо намекавший на свои контакты с людьми из ближайшего окружения Гитлера, в качестве источника информации по Дрездену сначала назвал некоего немца, который после войны работал в дрезденском архиве и якобы рассказывал о том, как советские оккупационные власти стерли единичку из документа с оценкой числа жертв. 135 тысяч превратились в 35. В действительности 35 тысяч – это первоначальная германская оценка (см. предыдущий пост). А на финальной стадии процесса Ирвинг заявил, что его ввели в заблуждение власти ГДР, которые якобы «искусственно завышали потери». О восточногерманских учебниках, в которых эти потери не превышали 35 тысяч, ему якобы ничего не было известно.

Впрочем, автор «Разрушения Дрездена» не ограничился общением с бывшим работником архива. Он использовал и документы – в частности, Tagesbefehl № 47 (далее – TB-47) от 22 марта 1945 г. В этом документе со ссылкой на полицайпрезидента Дрездена приводится следующее число жертв: 202 400. Ничего не напоминает? 22 марта 1945 г. городская полиция доложила о 20 204 обнаруженных телах.

Вместо единички, якобы стертой советской комендатурой, – приписанный кем-то ноль. В 1963 г. сам Ирвинг с негодованием отозвался о ТВ-47, охарактеризовав его как образчик нацистской пропаганды. Кстати, не менее критически он поначалу говорил и о выступлении Геббельса, заявив, что названные министром потери (200–250 тысяч) «далеко выходят за пределы возможного».

Надо сказать, что к 1963 г. германский эксперт профессор Зайдевиц уже разоблачил ТВ-47 как фальшивку. Однако постепенно отношение Ирвинга к фальшивому документу менялось. Готовя новое издание книги о Дрездене, он упомянул о ТВ-47, ссылаясь на некоего д-ра Фунфака, который «получил копию документа по неофициальным каналам». Фунфак действительно располагал копией, которую передал фотографу Вальтеру Хану. Но в тот самый день, когда Ирвинг посетил Хана, к фотографу пришел архивариус Вальтер Ланге. Ознакомившись с копией ТВ-47, Ланге сказал, что это грубая подделка. Дело было в ноябре 1964 г. Профессиональный историк после этого должен был либо окончательно разувериться в документе, либо предпринять самостоятельное расследование. Но Дэвид Ирвинг повел себя иначе. Уже 28 ноября того же 1964 г. он написал своему германскому издателю о «сенсационной информации, которая содержится в ТВ-47». А 6 декабря предложил настоятелю собора в Ковентри, городе-побратиме Дрездена, открыть экспозицию о бомбардировке саксонской столицы увеличенной фотографией полицейского рапорта. «Я не сомневаюсь в его подлинности», – писал Ирвинг.

В немецком издании «Разрушения Дрездена» (1964) о 135 тысячах убитых говорилось со ссылкой на д-ра Фунфака, которого автор называл «заместителем начальника медицинской службы города». Фунфак обратился к Ирвингу с пространным письмом, в котором подчеркивал, что он а) никогда не занимал официального поста в городской медслужбе; б) никогда не видел подлинника ТВ-47; в) о 140–180 тысячах убитых слышал от коменданта Дрездена генерала Менерта и начальника дружин ПВО профессора Фетчера, которые давно умерли. Доктор порекомендовал обратиться в Красный Крест, который вскоре после бомбардировки направил в Дрезден своего представителя. Однако этот представитель, Кляйнерт, никакой информации о масштабе потерь не получил.

Тем не менее Ирвинг продолжал титуловать Фунфака «заместителем начальника медицинской службы, ответственным за кремацию жертв» (в самом деле доктор был скромным урологом), и всячески рекламировать ТВ-47. Например, в марте 1965 г. он обратился к своим итальянским издателям с

предложением внести коррективы в уже готовый текст, поскольку названное ранее число жертв слишком низко и есть новые данные.

А ведь еще в феврале того же года Ирвингу дважды писал Тео Миллер, который после бомбардировки принимал рапорты от начальников санитарных команд. По данным Миллера, в городе было обнаружено не более 30 тысяч тел. Однако об этой информации Ирвинг не упомянул ни разу – ни устно, ни письменно.

В лондонское издание «Разрушения Дрездена» (1966) по настоянию автора было включено специальное приложение – комментированный текст ТВ-47. Однако в мае того же года достоянием гласности стал другой документ, подлинность которого оспаривать было невозможно. Это рапорт на имя начальника берлинской полиции от 22 марта. В нем говорилось о 18 375 убитых и высказывалось предположение, что общее число жертв может достичь 25 ООО. В следующем рапорте, от 4 апреля, упоминались 22 096 убитых.

Больше Ирвинг на ТВ-47 не ссылался, летом 1966 г. даже написал письмо о «новых германских документах» в редакцию «Таймс». Кроме того, он в порядке частной инициативы разослал копии этого письма по 500 адресам. Однако данные, приведенные в рапортах, писатель на веру не принял. В новом лондонском издании «Разрушения Дрездена» (1967) число жертв снизилось до 100 тысяч. Лишь через 28 лет автор «опустил планку» до 50 тысяч. А когда Гетц Бергангер обнаружил подлинный ТВ-47 с 20 204 убитыми, этот документ почему-то очень долго не попадал в поле зрения Ирвинга.

Возможно, вся эта история выглядит нелепо и даже смехотворно. И все же следует принять во внимание, что книга Ирвинга – единственный труд о бомбардировке Дрездена, неоднократно изданный крупными тиражами на разных языках. И это еще не все. Вряд ли бы «135 тысяч убитых» врезались в массовое сознание, если б у Дэвида Ирвинга не нашелся талантливый популяризатор – Курт Воннегут.

«Время от времени я говорил себе: черт, ты ведь пережил бомбардировку Дрездена, самое большое убийство за всю историю Европы, когда за ночь погибли 135 тысяч человек, так почему же ты об этом не пишешь?» – такова вкратце причина появления знаменитой повести. Воннегут, выживший в феврале 1945-го, – свидетель. Но не историк. А откуда он взял статистику потерь, гадать не приходится. Приведу длинный отрывок из «Бойни номер пять» в переводе Риты Райт-Ковалевой.

«Одна из книжек, привезенных Лили для Рэмфорда, называлась

«Разрушение Дрездена», автором был англичанин по имени Дэвид Эрвинг. Выпустило книгу американское издательство «Холт, Райнгарт и Уинстон» в 1964 году. Рэмфорду нужны были отрывки из двух предисловий, написанных его друзьями – Айрой Икером, генерал-лейтенантом военно-воздушного флота США в отставке, и маршалом британских военно-воздушных сил сэром Робертом Сондби, кавалером многих военных орденов и медалей.

«Затрудняюсь понять англичан или американцев, рыдающих над убитыми из гражданского населения и не проливших ни слезинки над нашими доблестными воинами, погибшими в боях с жестоким врагом, – писал, между прочим, друг Рэмфорда генерал Икер. – Мне думается, что неплохо было бы мистеру Эрвингу, нарисовавшему страшную картину гибели гражданского населения в Дрездене, припомнить, что и «ФАУ-1 и «ФАУ-2» в это время падали на Англию, без разбору убивая граждан – мужчин, женщин, детей, для чего эти снаряды и была предназначены. Неплохо было бы ему вспомнать а о Бухенвальде, а о Ковентра».

Предисловие Икера кончалось так: *«Я глубоко сожалею, что бомбардировочная авиация Великобритании и США при налете убила 135 тысяч жителей Дрездена, но я не забываю, кто начал войну, и еще больше сожалею, что более пяти миллионов жизней было отдано англо-американскими вооруженными силами в упорной борьбе за полное уничтожение фашизма».*

Такие дела.

Среди прочих высказываний маршала военно-воздушных сил Сондби было следующее:

«Никто не станет отрицать, что бомбардировка Дрездена была большой трагедией. Ни один человек, прочитавший эту книгу, не поверит, что это было необходимо с военной точки зрения. Это было страшное несчастье, какие иногда случаются в военное время, вызванное жестоким стечением обстоятельств.

Санкционировавшие этот налет действовали не по злобе, не из жестокости, хотя вполне вероятно, что они были слишком далеки от суровой реальности военных действий, чтобы полностью уяснить себе чудовищную разрушительную силу воздушных бомбардировок весны 1945 года.

Защитники ядерного разоружения, очевидно, полагают, что, достигни они своей цели, война станет пристойной и терпимой. Хорошо бы им прочесть эту книгу и подумать о судьбе Дрездена, где при воздушном налете с дозволенным оружием погибло сто тридцать пять тысяч человек. В ночь на 9 марта 1945 года при налете на Токио тяжелых американских бомбардировщиков, сбросивших зажигательные и фугасные бомбы, погибло 83 793 человека. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, убила 71 379

человек».

Удивительное дело – два военных авиатора в больших чинах не упустили (особенно Сондби) возможность пофилософствовать, но ни один из них не подверг сомнению те данные, которыми оперировал Ирвинг, в русском переводе превратившийся в Эрвинга. Так сочинение писателя-ревизиониста оказалось освященным авторитетом маршала и генерала. А попав на страницы книги Воннегута, «135 тысяч убитых» дошли до массового сознания. И остаются там даже после того, как сам Ирвинг резко снизил объем потерь. И сплошь и рядом растут – потому что где Хиросима, там и Нагасаки, а при ядерной бомбардировке этих городов погибли как минимум 220 тысяч человек, и еще десятки тысяч умерли от лучевой болезни.

Понятно, что были другие книги, которые тоже издавались во всем мире. Но положа руку на сердце скажите – каждый ли, кто читал «Бойню номер пять», прочел и «Вторую мировую войну» Фуллера, изданную в СССР еще в 1955 г.?

Меньше всего на свете мне хотелось бы предъявлять претензии Воннегуту. В 1967 г., когда он писал о Дрездене (и не только о нем – «в телеграфно-шизофреническом стиле», по его же собственному выражению), существовала лишь одна книга, целиком и полностью посвященная разрушению этого города. На первый взгляд, весьма добросовестно написанная. Книга Ирвинга.

Будем помнить, что Курт Воннегут – писатель. Более того, писатель-фантаст. И пацифист, что немаловажно. И пережил войну. Очень хочется ему верить, когда читаешь:

«…бомбардировка Дрездена была чисто эмоциональным всплеском, ни малейшей военной необходимостью продиктована не была. Немцы специально не размещали в этом городе ни крупных военных заводов, ни арсеналов или казарм, чтобы Дрезден остался местом, где могли себя чувствовать в безопасности раненые и беженцы. Оборудованных убежищ, всерьез говоря, не существовало, как и зенитных батарей. Дрезден – знаменитый центр искусств, как Париж, Вена или Прага, а в военном отношении угрозу он представлял не большую, чем свадебный торт. Повторю еще раз: бомбардировка Дрездена не дала нашей армии продвинуться вперед хотя бы на тысячную долю миллиметра».

Можно, конечно, изучать историю Второй мировой войны по Воннегуту Однако можно обратиться и к воспоминаниям другого американского военнопленного, полковника Харольда Э. Кука:

«Я своими глазами видел, что Дрезден был превращен в военный лагерь; тысячи германских солдат, танки и артиллерия, грузовые составы, вытянувшиеся на целые мили… Все это двигалось на Восток, навстречу русским».

Но кому интересен Кук, когда есть Воннегут?

Круг замкнулся. Миф получил легитимацию. Тот, кто подобно мне с детства читал и слышал о «135 тысячах», с недоверием относится к другим данным. Почему убитых вдруг оказалось в четыре, а то и в пять раз меньше? Что-то тут не так. Хорошо, что Воннегут не написал полностью фантастическую повесть, в которой союзники сбросили бы на Дрезден атомную бомбу.

Бывает так, что не самая крупная по масштабам трагедия приобретает непропорционально большую известность. Все слышали о «Титанике», и далеко не всем что-то говорит название парохода «Гойя». Хатынь – не единственная деревня, сожженная гитлеровцами вместе с жителями, в других деревнях жертв было больше. Кто их помнит? А Хатынь знают все. Имя становится символом. А раз символ – значит, и рекордные цифры. Именно поэтому в Дрездене «должно» погибнуть больше народу, чем в Гамбурге. И вроде бы не важно, сколько погибло на самом деле.

9. Какое значение имеет число убитых в Дрездене и кому выгодно распространение мифа?

Если мы скажем – не важно, сколько народу было убито 13–15 февраля 1945 г. в столице Саксонии, то мы тем самым дадим зеленый свет любителям мифологии и позволим им разглагольствовать о ста, двухстах, трехстах или даже пятистах тысячах убитых. А когда почувствуем, что надо что-то возразить, будет уже поздно, ибо публика любит большие числа. Чем больше нулей, тем интересней!

Среди тех, кто любит умножать нули, попадаются самые разные люди. Например, те, кто выставляет Германию «жертвой западных плутократий и коммунистической тирании» или просто пытается поставить знак равенства между Гитлером и антигитлеровской коалицией. Подчеркиваю – всей коалицией. Ибо тот же самый Иорг Фридрих, который представил бомбардировку Дрездена (а также Хиросимы и Нагасаки) как результат преступного сговора Дяди Сэма с Джоном Буллем, успел много сказать и написать и про массовые изнасилования немок советскими солдатами. А также опубликовать душераздирающую историю о том, как безжалостные русские захватили немецкую школу, взяли молотки и гвозди – и прибили ученикам языки к партам.

Впрочем, можно обойтись и без таких подробностей. Главное – доказать, будто немцы не сделали ничего такого, чего не позволили себе союзники. А раз обе стороны хороши, то к чему продолжать разговоры об исторической вине Германии и военных преступлениях?

Все подобные рассуждения разбиваются об одно немаловажное обстоятельство: в случае победы Германии массовые убийства мирного населения продолжались бы и дальше. Германия, к счастью для человечества, проиграла войну. Массовые убийства прекратились.

Примерно таки сказал Фредерик Тейлор, автор опоздавшей на добрые сорок лет книги «Дрезден. Вторник 13 февраля 1945 года». Когда кто-то из интервьюеров спросил его: чем, собственно, союзники отличались от нацистов, он привел этот довод.

Понятно, что факты и документы не оказывают никакого влияния на людей, которым идеология заменяет логику. Приведу весьма характерную цитату:

...

«– …Я знаю, например, что печи концлагеря Дахау были построены уже после войны по приказу американцев – чтобы потом пугать ими туристов. Германскую армию очень часто обвиняют в массовых убийствах гражданского населения во время войны. А сколько было убито немцев! Лишь во время налета британской авиации на Дрезден 14 февраля 1945 года погибло 300 тысяч человек – им даже самого маленького памятника не поставили. Англичане всегда уничтожали исключительно жилые кварталы».

(Интервью Вольфа-Рюдигера Гесса, «Известия», 17. 06.2000)

Это говорит сын Рудольфа Гесса, «наци номер два». Он лжет, зная, что кто-то ему непременно поверит (и верят же!). К слову, в Дрездене существует не один памятник жертвам бомбардировки. Первый монумент поставили еще в 1948 г. на кладбище Хайдефридхоф, где в братской могиле похоронены тысячи убитых. У этого памятника проводятся официальные церемонии поминовения, а также демонстрации крайне правых, которые требуют поставить знак равенства между Дрезденом и Хиросимой.

Но миф о полностью сожженном городе, где за одну ночь

погибли в огне сотни тысяч людей, выгоден не только тем, кто хотел бы через шестьдесят с лишним лет после войны полностью реабилитировать Германию. Есть еще по меньшей мере одна группа любителей мифов, придерживающаяся совершенно иных взглядов. Они считают, что бомбардировка Дрездена была одиночным эксцессом, эдаким tour de force под самый конец войны – а в остальном союзники по отношению к мирному населению вели себя безупречно. На сей раз речь идет только о западных союзниках (миф об «офицерах и джентльменах» отлично уживается с мифом о «миллионах изнасилованных немок»). Вынужден еще раз заметить, что Дрезден – не единичный, а вполне типичный случай. Есть в Германии города, которым были причинены более значительные разрушения и где погибло больше людей. Причем не в последние месяцы или недели войны. Королевские ВВС Великобритании начали бомбардировку германских городов еще в 1940 г. По данным статистического ведомства ФРГ, за четыре с лишним года на территории рейха в границах 1937 г. погибли от бомбардировок почти полмиллиона человек, в большинстве своем – мирные жители. Если считать Дрезден «эксцессом», можно не обращать внимания на разрушение Кельна и Мюнстера – признанных культурных центров. Или на гибель 40 тысяч жителей Гамбурга. Или на то, что как раз со стратегической точки зрения эффект большинства стратегических бомбардировок был довольно низким.

Нет, британцы и американцы не вели войну в белых перчатках. Для тех, кто считает, что такие перчатки были просто необходимы, – еще одна цитата:

...

> *«Никто не может отрицать, что бомбардировка Дрездена была большой трагедией. Однако ни она, ни иные средства ведения войны не делают войну аморальной или антигуманной. Сама война безнравственна. Если начинается полномасштабная война, ее уже не удастся «гуманизировать» или «цивилизовать», а те, кто попытаются это сделать, скорее всего потерпят поражение. Для меня*

это и есть урок Дрездена».
(Маршал ВВС Роберт Сондби)

10. Заключение

Бесспорно, события 13–15 февраля 1945 г. в Дрездене – самая настоящая трагедия. Ее никак нельзя назвать одной из величайших трагелий Второй мировой, однако можно согласиться и с теми, кто считает бессмысленным уничтожение исторического центра города. Ведь для того, чтобы прекратить поток военных поставок, бомбить сам город было необязательно – хватило бы и уничтожения железнодорожного узла. Но была ли бомбардировка военным преступлением? Ответ на этот вопрос могут дать только профессиональные юристы. Если когда-нибудь и состоится судебный процесс по делу о разрушении саксонской столицы (во что мне верится с трудом), очень хотелось бы, чтобы высокий суд занимался исключительно фактами и не тратил время на обсуждение легенд и мифов.

В заключение приведу слова Штефана Фрица, пастора церкви Фрауэнкирхе, сказанные в 60-ю годовщину бомбардировки:

«Дрезден не был невинным городом, он был нацистским городом».

Мне нечего к этому добавить.

Алексей Исаев. «Но разведка доложила неточно…»

Слова из песни про далекий пограничный конфликт «Но разведка доложила точно…» стали фирменным знаком разведывательных органов Красной Армии. Свой светлый образ они пронесли даже через всеобщую головомойку лета 1941 г. Танкисты, о которых, собственно, пелось в песне, тогда надолго потеряли народную любовь, потеряв свои танки. Созданные могучим советским ВПК, чудо-танки вместо того, чтобы останавливать за один раз по целой немецкой танковой группе, стояли брошенными на обочинах дорог. Позднее, в 1943 г., их преемники горели под огнем «тигров». Поэтому мудрые разведчики были вынуждены выяснять планы противника на лето 1943 г., чтобы измотать танковые войска противника в обороне и выбить ненавистные «тигры» с «фердинандами» до того, как с ними столкнутся «тридцатьчетверки» и их меньшие братья. «Сталинские соколы» проспали уничтожение своих машин на аэродромах и затем уныло взирали на догорающие «ишаки» и «миги». А уж после того, как через прессу в общество выплеснулась информация о сотенных счетах немецких асов, репутация пилотов была испорчена окончательно. Одним словом, на репутации танкистов и летчиков даже в советское время были какие-то досадные пятнышки. Глуховатые артиллеристы вообще стыдливо прятались вместе со своими прозрачными линейками, стереотрубами и заумными расчетами где-то на задворках народной любви. Впрочем, человек, умеющий пользоваться логарифмической линейкой, по определению не может стать кумиром миллионов.

На этом фоне только одна группа людей в военной форме оказалась вне критики. Как-то само собой подразумевалось, что уж разведчики-то все делали на совесть. В худшем случае они всегда могли пожаловаться на то, что от их предсказаний отмахивались вожди или глупые генералы. В позднесоветский период разведчики определенно стали любимцами публики. Самые популярные фильмы и сериалы были посвящены именно им – «Семнадцать мгновений весны», «Щит и меч», «Вариант «Омега», «Подвиг разведчика», польская «Ставка больше, чем жизнь», болгарский «На каждом километре» и поддержавший общую тенденцию продукт соцлагеря «Фронт без пощады». Лучшие актеры воплощали на экране образы умных и хладнокровных бойцов разведки. Им на совершенно легальной

основе разрешалось надевать и носить изящную немецкую униформу. Уже одно это делало их совершеннейшими душками. Лучше сверкающих лакированными сапогами штандартенфюреров был только золотопогонный «Адъютант его превосходительства». Впрочем, и армейские разведчики тоже отличались от унылой массы «махры»-пехоты камуфляжными маскхалатами.

В какой-то мере этому способствовала атомизация общества, рост индивидуалистической идеологии. Бежать в атаку с нестройным «Ура-а-а-ыы» было наиболее реалистичным, но наименее интересным вариантом участия в боевых действиях. Хотелось, естественно, другого – свободы принятия решения, отсутствия череды начальников наверху. Точнее, начальники-то были, но где-то далеко. Чтобы не нужно было стоять перед ними навытяжку и слушать гадости, а лишь периодически отбивать принимаемые с благодарностью шифровки.

Однако с практической точки зрения при изучении истории войны мифы только мешают. Если мы принимаем вводную о хорошей (удовлетворительной) работе разведки, то куда больше вины взваливается на военачальников. Ведь теоретически они имели все данные для принятия решений. Фактически причиной катастроф становится недостаток внимания к данным разведки. Получается, что многих неудач первых лет войны можно было избежать, лишь прислушавшись к разведчикам.

История с Рихардом Зорге, якобы предупредившем всех и обо всем, как и восхваление деятельности советской разведки перед войной в целом, сейчас является уже практически мантрой. Непреложным является, однако, тот факт, что разведчикам не удалось вскрыть план «Барбаросса» и своевременно представить военному и политическому руководству убедительные доказательства намерения немцев напасть на СССР. Если быть точным, то проблема в первую очередь именно в своевременности предоставления информации. То есть данные разведки требовались тогда, когда было еще не поздно принимать нужные решения. Следует отметить, что немцы также не сидели сложа руки и старались максимально затруднить действия разведчиков. Ими был впервые использован прием, который впоследствии стал базовым для маскировки крупных наступлений, – выдвижение механизированных соединений к фронту происходило в последний момент, незадолго до начала операции. Так, например, XXXXVIII танковый корпус еще в начале июня 1941 г. дислоцировался в районе Бреслау, то есть на территории рейха, а не Польши. Он находился далеко к западу от Вислы, и даже выявление разведкой его точного местоположения не давало

ответа на вопрос «Собираются ли немцы нападать на СССР?».

С началом боевых действий работа разведчиков в значительной мере облегчилась. Теперь хотя бы можно было захватывать контрольных пленных и понимать, какие соединения у противника стоят в первой линии. Также можно было вести ограниченную только дальностью самолетов воздушную разведку. Но проблема получения необходимых разведданных мучила Красную Армию всю вторую половину 1941 г. Самым сложным для разведки является отслеживание передвижения и перегруппировок противника между различными участками фронта и определение местоположения резервов. Последние располагались рассредоточенно в тылу, и их обнаружение силами воздушной разведки было очень трудной задачей. Помощь партизан и агентурная разведка далеко не всегда давали правильные ответы на вопросы «А что у немцев в резерве и где они расположены?».

Характерным примером является работа разведки в ходе сражения за Киев. В подготовленной для командования Юго-Западного направления (объединявшем Юго-Западный и Южный фронты) ориентировке о группировке сил противника на 1 сентября 1941 г. привлекает внимание следующее. Против оборонявшего Киев Юго-Западного фронта разведчики насчитали 2 танковые дивизии, 1 моторизованную дивизию, 1 кавалерийскую дивизию, 26 пехотных дивизий в первой линии и 2 танковые дивизии, 13 пехотных дивизий в резерве. Против Южного фронта соответственно – 4 танковые дивизии, 3 кавалерийские дивизии, 5 моторизованных дивизий, 23 пехотные дивизии в первой линии и 10 дивизий (преимущественно пехотных) в резерве. Этот расчет включает в себя часть 2-й танковой группы Гудериана, действовавшей против правого крыла Юго-Западного фронта. Подвижные соединения немцев, по данным разведки (и они в целом соответствовали действительности), находились преимущественно против Южного фронта. Захваченный немцами Кременчугский плацдарм на левом берегу Днепра занимался, поданным разведки, только пехотой. Соответственно наступление с этого плацдарма могло развиваться темпами, характерными для пехоты, – 10–15 км в сутки в худшем случае. Угроза окружения Киева уже была, но наибольшую опасность представлял XXIV моторизованный корпус из группы Гудериана на правом фланге. Темпы его продвижения не обещали скорого соединения с наступающей от Кременчуга пехотой. Строго говоря, уровень опасности в начале сентября с точки зрения предоставленных разведкой данных был умеренным. Сама по себе идея окружения «асимметричными

каннами», т. е. танковой группировкой, идущей на соединение с пехотой, была достаточно характерной для немцев. Более того, такой пример уже был перед глазами – Уманский «котел» начала августа 1941 г.

Советское командование в начале сентября 1941 г. небезосновательно рассчитывало на то, что удастся удержать XXIV корпус от прорыва навстречу пехоте на Кременчугском плацдарме. Навстречу этому корпусу подтягивались резервы – 5-й кавалерийский корпус, прославленная 100-я стрелковая дивизия, 1-я танковая бригада. Ослабленный в предыдущих боях один корпус не был достойным основанием для отказа от удержания Киева, а главное – выгодного во всех отношениях рубежа Днепра. Отход целого фронта с высокой вероятностью мог привести к катастрофе. Эта опасность была как минимум соразмерна с опасностью охвата и обхода по сценарию «асимметричных канн».

Однако сценарий неожиданно изменился. Сконцентрировав под Кременчугом крупные силы саперных подразделений, немцы построили через Днепр огромный 16-тонный мост длиной два километра, пригодный для всех родов войск. Находившиеся до этого перед Южным фронтом танковые дивизии немцев начали форсированными маршами подтягиваться к этому мосту. В ночь с 11 на 12 сентября они были переправлены на восточный берег Днепра. Наступление началось уже утром 12 сентября. В воскресенье, 14 сентября, после проливных дождей предыдущих дней установилась удивительно ясная и солнечная погода. В 18.20 у Лохвицы встретились передовые отряды 3-й танковой дивизии 2-й танковой группы и 9-й танковой дивизии 1-й танковой группы. Самое большое окружение в истории войн замкнулось.

Доложила ли «разведка точно» в сентябре 1941 г.? Отмахнулись ли от ее правдивых данных? Ответ на оба вопроса приходится давать отрицательный. Перегруппировка крупных сил танков немцев не была своевременно вскрыта. Киевский «котел» был и остается примером ограниченности возможностей разведки в войне, в которой применяются крупные механизированные соединения. Составляя всего около 10 процентов от общей численности соединений войск сторон, танковые и моторизованные дивизии обладали огромной маневренностью и разрушительной силой. Главной их характеристикой была способность к быстрому маневру, отследить который было очень сложно. Совершение маршей по ночам, радиомолчание давали надежное укрытие от воздушной разведки, а агентурная разведка передавала информацию с недопустимыми в условиях маневренной войны задержками.

Почти в точности ситуация повторилась в ходе возникновения столь же крупного «котла» под Вязьмой. Предполагалось, что немцы ударят вдоль шоссе, проходящего по линии Смоленск – Ярцево – Вязьма. На этом направлении была создана система обороны с хорошими плотностями. Однако немецким командованием была произведена крупная перегруппировка войск, которая позволила принципиально изменить форму операции. Для этого немцы скрытно перебросили из-под Ленинграда 4-ю танковую группу, что позволило нанести удар не в одном месте, а в двух, по сходящимся направлениям. Для маскировки этого мероприятия была проведена в жизнь довольно замысловатая кампания дезинформации. В частности, под Ленинградом оставили радиста из штаба 4-й танковой группы с характерным почерком работы. Перехваты его радиограмм, даже при невозможности их расшифровать, указывали советским разведчикам на местонахождение штаба танковой группы. Перегруппировка была настолько стремительной, что, например, 1-я танковая дивизия пошла в бой с марша еще до сосредоточения ее артиллерийского полка.

Результат дезинформационных мероприятий не заставил себя ждать. Советское командование довольно точно определило время начала операции «Тайфун», но безнадежно промахнулось с ее формой и направлениями главных ударов. Так, удар 3-й танковой группы из района Духовщины пришелся севернее шоссе Ярцево – Вязьма, встык 19-й и 30-й армий, удар 4-й танковой группы – южнее шоссе, по 24-й и 43-й армиям восточнее Рославля. То есть удары были нанесены там, где плотность войск была ниже нормативов для устойчивой обороны. Создав локальное превосходство в силах, немцы без особых усилий взломали оборону советских войск. Например, против четырех дивизий 30-й армии действовали двенадцать немецких.

Поскольку удар пришелся по участку, на котором не ожидалось наступления, его эффект был оглушительным. В отчете о боевых действиях 3-й танковой группы со 2.10 по 20.10.1941 г. было написано: «Начавшееся 2.10 наступление оказалось для противника полнейшей неожиданностью. Моторизованные и пехотные дивизии (особенно V армейского корпуса) после короткой артиллерийской подготовки прорвали оборонительные позиции противника и устремились вперед через реки Вотря, Вопь и Кокошь. Сопротивление противника оказалось гораздо слабее, чем ожидалось. Особенно слабым было противодействие артиллерии». Понятно, что при слабом противодействии артиллерии можно было себе позволить

перейти танковой дивизией в наступление с марша, без поддержки ее собственного артполка.

Могла ли разведка предотвратить Вяземскую катастрофу? Поток слухов, сплетен и откровенного вранья, поступавший с той стороны фронта, было очень сложно отфильтровать и выявить действительно важные сообщения. Немцы намеренно выбрали в качестве исходных позиций для наступления довольно глухие и мало подходящие для наступления танковых сил места. Главное же, что было трудно отследить, – это перегруппировку крупных механизированных соединений противника.

Ошибки у разведчиков случались даже в тех случаях, когда нужно было наблюдать за статичной группировкой противника. Понятно, что в этом случае ошибались не в количестве и номерах соединений противника, а в их численности. Характерным примером является история с оценкой численности 6-й армии Паулюса в Сталинграде незадолго до начала операции «Уран». Советское командование, достаточно часто завышавшее возможности немцев, в случае со Сталинградом сильно недооценивало численность 6-й немецкой армии. А.М.Василевский в мемуарах признавался: «По разведывательным данным из фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулюс, определялась в то время в 85–90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 300 тыс. Значительно преуменьшенными были наши представления и о боевой технике, особенно артиллерии и танках, и вооружении, которыми располагали окруженные фашисты. Мы не учли тех пополнений, которые поступали в соединения 6-й полевой и 4-й танковой немецкой армий в процессе их наступления и обороны, и огромного количества частей и подразделений всякого рода специальных и вспомогательных войск, попавших в «котел». Между тем личный состав этих войск в большинстве своем был использован в дальнейшем для пополнения боевых частей. Так, мы совершенно не принимали в расчет попавшие в окружение дивизию ПВО, более десятка отдельных саперных батальонов, санитарные организации и подразделения, многочисленные строительные батальоны, инженерные отряды из бывшей организации Тодта (возглавленной после его смерти Шпеером), части полевой жандармерии, тайной военной полиции и т. д.» *(Василевский А.М.* Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1983, С. 232–233).

Однако дело было, конечно же, не в организации Тодта и тыловиках. В этой связи небезынтересно сравнить разведсводку

№ 033а (итоговую) штаба Сталинградского фронта от 2 ноября с данными о численности пехотных дивизий от 1 ноября в журнале боевых действий 6-й армии. Противостоящие дивизии противника были за время оборонительной операции неплохо изучены и правильно перечислены. Однако оценка численности соединений противника была сильно заниженной. Так, по данным советской разведки, 94-я пехотная дивизия насчитывала всего 1700 человек, 389-я пехотная дивизия – 3000 человек, 305-я пехотная дивизия – 1800 человек, 79-я пехотная дивизия – 3500 человек, 76-я пехотная дивизия – 2000 человек, 100-я легкопехотная дивизия – 2200 человек (ЦАМО РФ. Ф.38. Оп. 11360. Д.251. Лл.135–136). По данным, приведенным в журнале боевых действий 6-й армии, численность этих дивизий была гораздо выше. На 1 ноября 1942 г. 94-я пехотная дивизия насчитывала 7002 человека, 389-я пехотная дивизия – 6556 человек, 305-я пехотная дивизия – 5644 человека, 79-я пехотная дивизия – 6324 человека, 76-я пехотная дивизия – 6765 человек, 100-я легкопехотная дивизия – 5705 человек. Разница, как мы видим, более чем в два раза. Поэтому оценка общей численности 6-й армии в советской разведсводке оказалась сильно заниженной. Предполагалось, что войска противника насчитывают 78 800 человек, 790 полевых орудий, 430 противотанковых орудий и 540 танков. Численность танков была традиционно сильно задрана, а численность личного состава – занижена. Столь большую цифру численности танкового парка 6-й армии советские разведчики получили, посчитав в составе танковых дивизии по штатной численности полторы сотни танков.

Возможно, советские разведчики оказались вынуждены подтверждать заявки войск о тысячах уничтоженных солдат и офицеров противника соответствующим снижением численности его соединений. Если в отношении танков можно было говорить о высокой эффективности ремонтных служб, восстанавливающих подбитую технику, то в отношении личного состава это объяснение не работало. Раненые и убитые, безусловно, покидали ряды боевых подразделений. Соответственно, приходилось раз за разом снижать численность дивизий противника. Однако так или иначе заниженные оценки становились основой для принятия решений командованием, в том числе самого высокого уровня. Недооценка противника может иметь самые печальные последствия.

Что может произойти при недооценке противника, вполне определенно демонстрирует собрат «Урана» – «Марс». Эта неудачная операция ноября – декабря 1942 г. провалилась не в последнюю очередь потому, что разведчиками не были вскрыты

оперативные и стратегические резервы немецкого командования. Особенно ярко это проявилось в наступлении 41-й армии Калининского фронта. 1-й механизированный и 6-й стрелковый корпуса наступали так, как будто на их правом фланге не было вообще никаких угроз. Однако именно по правому флангу наступающих корпусов был нанесен сильный удар танковыми соединениями противника в лице 19-й и 20-й танковых дивизий. Также не были ориентированы на появление резервов противника войска 20-й армии Западного фронта. В отчете разведки ОКХ от 3 декабря 1942 г. отмечалось: «Сравнение задействованных противником сил с оперативными целями наглядно свидетельствует о том, что противник недооценил прочность нашей обороны; в особенности, как подтверждает дезертировавший начальник штаба 20-й кавалерийской дивизии, он был изумлен появлением «надежных немецких резервов» в решающие моменты атаки. На эти силы противник не рассчитывал. На картах, попавших к нам, никаких немецких резервов не отмечено».

Позднее, уже в наше время, появилась версия о том, что Жукова «подставили» и план проводившейся им операции был сдан немцам. Эта версия была введена в оборот одним из руководителей разведки Павлом Судоплатовым. Он утверждает, что советское командование для того, чтобы с большей надежностью исключить переброску немецких резервов с Западного направления на Южное, через агента-двойника Александра Демьянова подбросило 4 ноября 1942 г. «информацию» руководству Вермахта о том, что главный удар по противнику Красная Армия нанесет 15 ноября подо Ржевом. Даже если отвлечься от того, что такая «дезинформационная» операция очень плохо пахнет, само по себе выдвижение подобных версий явно призвано прикрыть промахи разведки на московском направлении.

Тем более передача информации по приказу политического руководства в куда меньшей степени сказывается на чести мундира, чем откровенный провал с определением местоположения резервов противника.

Культовым сражением поклонников разведки как «соли земли войны» была и остается Курская битва. Согласно популярной и упрощенной версии событий именно там разведчики наконец-то помогли армейским неудачникам не облажаться в очередной раз. Попробуем разобраться, насколько значимым был вклад разведки в успех советской обороны. Действительно, в отличие от многих других оборонительных операций, летом 1943 г. у советского Верховного командования

были весомые данные разведки относительно планов противника. Они были получены задолго до начала немецкого наступления – весной 1943 г. Важнейшее сообщение пришло 7 мая 1943 г. В этот день НКГБ СССР за № 136/М направило в Государственный Комитет Обороны (ГКО) сообщение Лондонской резидентуры, в котором приводился текст перехваченной английской разведкой телеграммы от 25 апреля генерал-фельдмаршала Вейхса в адрес оперативного отдела штаба Верховного командования. Интересно, что эта информация была получена неофициальным путем, через советскую разведывательную сеть в Англии. Документ передал известному впоследствии советскому разведчику Киму Филби один из членов «кембриджской пятерки» Джон Кернкрос, работавший в дешифровальной службе Блетчли-парк. Одновременно Кернкрос был агентом советской разведки. Он был завербован еще в 1935, но оставался неизвестным до начала 90-х.

В перехваченной и дешифрованной англичанами телеграмме Вейхса подробно излагался план операции «Цитадель» и оценка состояния советских войск на этот момент. Через двадцать дней в Генштаб поступило спецсообщение 1-го Управления НКГБ СССР, в нем указывались направления ударов германских войск на линии Белгород– Курск – Малоархангельск.

Однако полученные от разведки данные не давали исчерпывающего ответа на вопрос о месте нанесения ударов. Более того, у советского командования не было даже точных сведений о наряде сил противника для наступления на северном и южном фасах Курской дуги. Г.К. Жуков вспоминал: «Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовали 8 танковых, одна моторизованная дивизии, 2 отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий. В них было до 1500 танков и штурмовых орудий. Танковая группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, насчитывала лишь 1200 танков и штурмовых орудий. Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справился с отражением наступления противника, чем Воронежский фронт» *(Жуков Г.К* Воспоминания и размышления. В 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 2. С. 147).

Справедливости ради нужно сказать, что, несмотря на неудачу с определением «веса» ударных группировок противника на северном и южном фасах Курской дуги, советские разведчики добились определенных успехов. В своей книге о Курской битве

американский историк С. Ньютон пишет: «Во время специальной операции для введения в заблуждение советских войск, учитывая то, что произошло с 9-й армией и составляющими ее войсками после отхода с Ржевского выступа, на протяжении весны и начала лета 1943 года немцы использовали ряд ложных названий. По-видимому, группа армий «Центр» особенно заботилась о том, чтобы скрыть местоположение штабов 9-й армии и 47-го танкового корпуса, на которые были возложены основные штурмовые задачи в операции «Цитадель» *(Ньютон С.* Курская битва: немецкий взгляд. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 175). Еще одной мерой была маскировка танковых дивизий под пехотные.

Однако появление 9-й армии, чье присутствие немцы так стремились скрыть, не ускользнуло от внимания советской разведки. Уже в «Оценке группировки противника перед центральным фронтом» на 10 июня 1943 г., за месяц до начала операции «Цитадель», указывалось:

«В последнее время поступили данные, что на участок Центрального фронта вышло управление 9 А (генерал-полковник Модель), ранее находившееся на Смоленском направлении. Предположительно в подчинение 9 А вошли соединения, действующие на участке от Кромского шоссе до Севска (или даже Рыльска)» (ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп.392.Д. 7. Л. 222).

Таким образом, принятые немцами меры маскировки не достигли поставленных целей и появление 9-й армии не осталось незамеченным. Более того, в «Справке-докладе о группировке войск противника, действующих против Центрального фронта» на 11.06.1943 г. о присутствии 9-й армии говорилось как о свершившемся факте:

«Против войск ЦФ обороняются соединения 2 ТА (генерал-фельдмаршал Шмидт), 9 А (генерал-полковник Модель) и 13 АК из состава 2 А (генерал Штаубе)» (Там же, л. 224).

Несомненно, заметную роль в этом успехе сыграла длительная пауза в боевых действиях. С апреля по июнь 1943 г. никаких крупных операций сторонами не проводилось, и разведчики могли спокойно «прощупывать» статичную группировку противника.

Однако гораздо хуже обстояли дела с определением качественного и количественного состава войск, которые могли обрушиться на оборону Центрального фронта. В той же «Справке-докладе о группировке войск противника, действующих против Центрального фронта на 11.06.1943» группировка противника характеризуется следующим образом:

«Всего в первой линии против Центрального фронта действует до 16 дивизий, из них:

Пехотных дивизий 14 (299, 216, 383, 78, 258, 102, 72, 45, 137, 251,82,377, 340, 327).

Танковых дивизий 1 (20)

Егерских батальонов 5 (8, 9, 10, 11, 13)

Всего во второй линии – 10 дивизий, из них

Танковых до 5 дивизий (18, 20, 12, 2 и тд б/н)

Моторизованных 2 дивизии (36 и 10 мд)

Пехотных 3 дивизии (7 и две пдб/н)» [241]

Обладая сегодня исчерпывающими данными о составе немецких ударных группировок июля 1943 г., можно сделать некоторые выводы об успехах и промахах разведки. Во-первых, невооруженным взглядом виден пропуск двух танковых дивизий – 4-й и 9-й. Одна из них в принципе могла прятаться за «тд без номера», но другая явно была посчитана как пехотная. Также в списке отсутствуют 6, 31, 86 и 292-я пехотные дивизии, участвовавшие в операции «Цитадель» в составе 9-й армии.

Чем обернулись расплывчатые данные разведки? Советскому командованию и на северном, и на южном фасе Курской дуги пришлось прикрывать широкий фронт. Фактически после получения информации о немецком наступлении против Курского выступа вся танкодоступная местность на его северном и южном фасах была с разной плотностью перекрыта заслонами войск Центрального и Воронежского фронта соответственно. Благо резервы в 1943 г. в отличие от 1941 г. имелись. Разница была в том, что у Центрального фронта танкодоступный участок местности составлял 95 км, а у Воронежского фронта – 164 км при примерно равном наряде сил на оборону. Поэтому оборона Воронежского фронта была менее плотной и не устояла под сильным ударом немцев. Оборона фронта была пробита на всю глубину, и потребовалось введение в бой резервов Ставки в лице 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий. Впрочем, и на Центральном фронте не все было благополучно. Предполагавшегося удара вдоль железной дороги на

Курск через Малоархангельск не последовало. Немцы ударили в стороне от дороги, где оборона была менее плотной. Первую полосу обороны на этом направлении 9-й армии удалось пробить уже в первый день «Цитадели».

Может быть, в 1945 г. ситуация исправилась? Разведчики набрались опыта и не совершали досадных ошибок? Опыт появился, техника разведки улучшилась, но неустранимые недостатки «зрения» армии остались. Характерным примером являются боевые действия в Венгрии. Немцы воспроизводили там многие типичные для других своих наступлений приемы. Попробуем посмотреть, увидела ли возмужавшая советская

разведка то, что не видела до этого. Итак, в конце декабря 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинского фронтов окружили Будапешт и блокировали его гарнизон. Реакция на самом верху властной пирамиды Третьего рейха последовала незамедлительно. В Рождество 1944 г. Гитлер распорядился перебросить из-под Варшавы IV танковый корпус обергруппенфюрера и генерала войск СС Герберта Гилле. Ему подчинялись танковые дивизии СС «Викинг» и «Мертвая голова». Задачей эсэсовского корпуса было пробиться к окруженному Будапешту и восстановить линию фронта по Дунаю. Операция получила кодовое наименование «Конрад». Дивизии «Викинг» и «Мертвая голова» пошли в бой с колес, до полного сосредоточения всех частей. Вспоминается Вязьма 1941 г. – тогда прибывшие из-под Ленинграда немецкие дивизии тоже начали наступление до сосредоточения всех частей.

Неужели советские разведчики 1945 г. не оказались мудрее своих коллег из 1941 г.? Увы, все получилось как всегда. Ввиду быстроты перегруппировки корпуса Гилле из-под Варшавы добыть достоверные сведения о прибытии свежих соединений противника советские разведчики перед началом «Конрада» не успели. Готовность к обороне войск стоявшей на внешнем фронте окружения Будапешта 4-й гв. армии была довольно низкой. В своей разведывательной сводке к 22.00 1 января 1945 г., то есть за несколько часов до начала наступления противника, штаб армии делал следующий вывод: «Противник всеми силами стремится удержать занимаемые позиции, на отдельных участках фронта предпринимает атаки с целью разведки и улучшения своих позиций». О прибытии на фронт «Викинга» имелись на тот момент достаточно определенные данные от захваченных пленных. О «Мертвой голове» сведений просто не было. В результате немецкое наступление свалилось как снег на голову. IV танковому корпусу СС удалось за день проломить оборону 4-й гв. армии. Только своевременный маневр фронтовыми резервами (они просто имелись в наличии) и лежавший на пути дивизий Гилле труднопроходимый район гор Вэртэшхедынэг помешали немцам пробиться к Будапешту.

Однако внезапным ударом эсэсовского корпуса в начале января 1945 г. драма разведки не завершилась. В середине января 1945 г. начинало казаться, что неожиданно разразившаяся над 3-м Украинским фронтом гроза уходит. В 2.35 17 января командующий 4-й гв. армии отдал боевое распоряжение командирам корпусов:

«1. По данным пленных и перебежчиков, противник отводит части СС с будапештского направления на запад.

Наблюдением отмечается и возможное оттягивание танковых

частей, действовавших в районе Замоль, Шаркерестеш.

Командарм приказал:

1. Усилить разведку, наблюдение, особенно офицерское. Обеспечить захват пленных на всех участках.

2. Активными действиями разведчиков и отрядов преследования не допустить возможных попыток противника на отдельных участках оторваться с целью занятия более выгодных рубежей».

Как мы видим, как вероятный вариант рассматривался отход противника. Возможность нового наступления практически исключалась. Действительно, в это же время в Польше началась операция трех фронтов, оставшаяся в истории как Висло-Одерская. Немецкий фронт на направлении, ведущем к Берлину, начал стремительно рушиться.

Логично было бы предположить, что немецкие танковые дивизии, сконцентрированные в Венгрии в период относительного затишья на других направлениях, вернутся обратно в Польшу и Восточную Пруссию. Венгрия, конечно, имела определенное экономическое значение для Германии, но защита столицы явно перевешивала.

Данные разведки, казалось, подтверждали эти логические рассуждения. Поначалу с левого фланга 4-й гв. армии прозвучало несколько тревожных звоночков. Пленные и перебежчики из 20-й венгерской пехотной дивизии, захваченные и перешедшие линию фронта 13–14 января, сообщали о циркулировавших среди солдат слухах о совместном наступлении с немцами. Но доверия к венграм было мало. Незадолго до этого, 10 января, перебежчики из 8-й венгерской дивизии сообщали о подходе немецких батальонов с целью перехода в наступление 11 января. Но никакого наступления 11 января не состоялось. Другие венгерские перебежчики 16 января, напротив, сообщили о движении машин, принадлежавших к дивизиям «Мертвая голова» и «Викинг», от Тата на Комарно, т. е. прочь от фронта. Авиаразведка фиксировала движение машин в разных направлениях, без ярко выраженной интенсификации движения где-либо.

Однако все эти данные оказались кусками совсем не той картины, которую дорисовали разведчики 3-го Украинского фронта. Драма разведки всегда состоит в том, что к разведчикам идет поток противоречивой информации. Часть данных укладывается в одну версию, часть – в другую. Несмотря на проблемы с горючим, немецкое командование не стало рокировать войска вдоль фронта по кратчайшему расстоянию. Дивизии IV танкового корпуса СС были действительно оттянуты

назад через Комарно на город Дьер, но только для того, чтобы вернуться обратно на другой участок фронта. Потерпев неудачу в наступлении по кратчайшему расстоянию до Будапешта, немцы решили радикально поменять стратегию. Теперь удар должен был последовать по танкодоступной местности к северу от Балатона. В документах IV танкового корпуса СС операция проходила под кодовым наименованием «Сад пряностей», в штабе армейской группы «Бальк» она называлась «Конрад III». Выход дивизий на исходные позиции для наступления происходил буквально за несколько часов до начала операции. В этих условиях на своевременный захват разведчиками контрольных пленных надежды было мало. Возможности авиаразведки также были не безграничны. Подход к фронту осуществлялся немецкими частями по ночам с тщательной маскировкой от воздушного наблюдения днем. Вследствие этого советская воздушная разведка не обнаружила концентрации сил противника на новом направлении немецкого наступления.

Последним «маячком» советскому командованию стало затишье перед бурей, наблюдавшееся 15 и 16 января 1945 г. в полосе обороны 1-го гв. укрепрайона, стоявшего на пути главного удара немцев. Установилась непривычная, почти звенящая тишина, когда артиллерия и минометы противника практически бездействовали. Также не было ни одного перебежчика из состава венгерских частей. До этого до 15 января 1945 г. таковых набралось аж 205 человек. На следующий день поток неожиданно иссяк. Отсутствие перебежчиков говорило о смене венгров на немцев. В ночь с 17 на 18 января тишину нарушил шум моторов, звук повозок и даже доносившиеся ветром людские голоса. При этом передний край немцами тщательно охранялся, и высланные разведгруппы не смогли проникнуть за линию фронта. Однозначного ответа о том, готовят немцы наступление или нет, так и не было получено до того, как загрохотали залпы артиллерийской подготовки.

В 6.30 18 января 1945 г. после короткой артподготовки четыре немецкие танковые дивизии перешли в наступление. Растянутая по фронту оборона 1-го гв. укрепрайона была сокрушена. Части корпуса Гилле вышли к Дунаю, построение войск 3-го Украинского фронта было рассечено надвое. Если бы дело происходило в 1941 г. или в 1942 г., этот дебют мог стать прологом большого разгрома. В условиях 1945 г. большого успеха немцам добиться не удалось. Решая локальную задачу прорыва к окруженному Будапешту, они завязли в дефиле между озером Веленце и Дунаем. Недостаток пехотных соединений, серьезная деградация качества войск и более благоприятное для советских

войск соотношение сил позволяли избежать катастрофического развития событий.

Однако советскому командованию все же удалось вытянуть в 1945 г. «счастливый билетик». 17 февраля 1945 г. занимаемый 7-й гв. армией плацдарм на реке Грон был неожиданно атакован крупными силами немецкой пехоты и танков. К вечеру 18 февраля левый фланг 7-й гвардейской армии оказался под угрозой окружения. Не имея достаточных резервов для восстановления положения, командующий армией М.С. Шумилов был вынужден в ночь на 19 февраля отдать приказ на отход. К 24 февраля части 7-й гв. армии отошли на восточный берег Грона. У немцев эта операция получила кодовое наименование «Южный ветер» (Suedwind).

В боях за плацдарм на реке Грон было установлено, что в ударе, нанесенном противником по войскам 7-й гв. армии, участвовал I танковый корпус СС (1-я и 12-я танковые дивизии СС), входивший в состав 6-й танковой армии СС. Этот факт свидетельствовал о переброске 6-й танковой армии СС противника из района Арденн на Восточный фронт – в западную часть Венгрии. Впоследствии один из захваченных в плен в боях на Балатоне офицеров 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» обер-штурмфюрер Курт Штельмахер говорил: «По прибытии дивизии в Венгрию был предпринят ряд мероприятий для маскировки сосредоточения немецких дивизий. С этой целью 1 ТД СС получила маскировочное наименование «западная группа Тотенкопф», 1-й мп – «строительный штаб бат. 11», 2-й мп «строительный штаб бат. 12», было приказано снять нарукавные повязки с наименованием дивизии, и было запрещено в разговорах упоминать о 1-й тд СС «Адольф Гитлер». Солдатские книжки, однако, отобраны не были, и в связи с этим все маскировочные мероприятия расценивались офицерами как не достигающие цели».

Нельзя не констатировать – офицеры «Лейбштандарта» как в воду глядели. Солдатские книжки, изымаемые у убитых на поле боя, давали советским разведчикам ценнейшую информацию о действующих на данном участке фронта соединениях противника. Такое же значение имели дивизионные значки на бронетехнике. Допрашиваемые пленные, в том числе венгерские перебежчики, часто сообщали о перемещениях техники с определенными значками. Появившиеся в мирное время и в период «блицкригов» дивизионные значки в конце войны становились фактором риска. Осознавая это, немецкое командование распорядилось закрасить дивизионные значки на перебрасываемой в Венгрию технике. В этом одна из причин того,

что фотографии подбитых и брошенных танков и САУ с Балатона довольно тяжело идентифицировать и привязать к определенному соединению. Однако весь комплекс мероприятий по сохранению в тайне перегруппировки 6-й танковой армии СС был перечеркнут за счет всего лишь одной операции местного значения.

Сказать, что данные о появлении в Венгрии частей I танкового корпуса СС произвели эффект разорвавшейся бомбы, – это не сказать ничего. После завершения немецкого наступления в Арденнах 6-я танковая армия СС стала головной болью разведки как на западном, так и на восточном фронте. Наиболее логичным представлялось ее использование под Берлином или, во всяком случае, в Германии. ГД. Жуков в докладе И.В. Сталину от 10 февраля 1945 г. в разделе с оценкой противника писал: «спешно перебрасывает с Западного фронта на берлинское направление 6-ю ТА СС». Разведка союзников в целом подтверждала эту версию. 20 февраля начальник штаба американской армии генерал Д. Маршалл сообщил начальнику Генерального штаба Красной Армии генералу армии А.И. Антонову, что немцы готовятся к контрнаступлению и создают на Восточном фронте две группировки: одну – в Померании для удара на Торунь, а другую – в районе Вены и Моравска-Остравы для наступления в направлении Лодзи. По сообщению Д. Маршалла, в южную группировку входила 6-я танковая армия СС. Такие же сведения были получены и от английского командования.

Дальнейшие события не подтвердили этих данных. Впоследствии советское командование пеняло союзникам на сообщения об использовании 6-й танковой армии СС на центральном направлении как на дезинформацию. «Не исключена возможность, – писал генерал армии Антонов в своем ответе генералу Маршаллу, – что некоторые источники этой информации имели своей целью дезинформировать как англо-американское, так и советское командование и отвлечь внимание советского командования от того района, где готовилась немцами основная наступательная операция на Восточном фронте» *(Малахов М.М.* Освобождение Венгрии и восточной Австрии (октябрь 1944 г. – апрель 1945 г.). – М.: Воениздат, 1965. С. 169–170).

На самом деле союзники сообщили об одном из возможных вариантов немецкого контрнаступления. Гудериан писал в своих воспоминаниях: «Ввиду такой обстановки я решил еще раз попросить Гитлера отказаться от наступления в Венгрии и начать наступление против пока еще слабых флангов клина русских, вбитого ими в нашу оборону вплоть до Одера между

Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином. Наступление должно было развиваться в южном направлении из района Пиритц, Арнсвальде и в северном направлении с рубежа Глогау, Губен. Этим я надеялся усилить оборону столицы рейха и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами» *(Гудериан Г.* Воспоминания солдата. – Смоленск: Русич, 1999, С. 568–569).

Однако ввиду упорства Гитлера в проведении в жизнь своей идеи о контрнаступлении в Венгрии описанный Гудерианом план был реализован лишь частично. 16 февраля 1945 г. 11-й танковая армия СС Штайнера перешла в наступление в Померании, начав операцию «Солнцестояние». На следующий день часть 6-й танковой армии СС атаковала плацдарм на реке Грон, обозначив свое появление в Венгрии.

Дальнейшее уже было делом техники. Появление новых дивизий на передовой обнаружить гораздо легче, чем в глубоком тылу. А после обнаружения выявленные соединения довольно плотно садились на крючок радиоразведки. Во фронтовом отчете по Балатонской операции процесс описывался следующим образом:

«Германское командование сняло с западного фронта и перебрасывало в Венгрию 6-ю танковую армию СС. Две танковые дивизии из состава этой армии были засечены в полосе 2 Укр. фронта. Радиоразведка и наблюдение отмечали передвижение этих дивизий в южном направлении. В конце февраля радиоразведка засекла новую радиосеть танковой дивизии противника в районе Комарно. По достоверным агентурным данным, в начале февраля через Мюнхен в направлении на Секешфехервар перебрасывались 2-я ТД СС «Райх» и 9-я тд СС «Гогенштауфен». В периоде 18 по 25 февраля наша радиоразведка отмечала в районах Надьконижа, Копривица, Дьюреваца, Вировитица работу четырех дивизионных радиосетей, несомненно, принадлежавших выдвигавшимся в этот район дивизиям из состава войск Вейхса» (ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2047. Л. 23).

Один немецкий танковый корпус из состава армии Дитриха был вскрыт в ходе атаки на плацдарм на реке Грон, а второй – обнаружен средствами радиоразведки. Фронтовой отчет повествует об этом следующим образом:

«28 февраля наша радиоразведка засекла в районе Комарно радиостанции танковых дивизий СС: 2-й тд СС «Райх» и 9-й тд СС «Гогенштауфен». В дальнейшем радио-разведка и авиаразведка ежедневно давали данные о передвижении обеих этих дивизий» (ЦАМО РФ. Ф. 243, Оп. 2900. Д. 2047. Л. 74).

Выявление присутствия в Венгрии 6-й танковой армии СС было для советской разведки само по себе большой удачей. Оно означало, что противник вскоре перейдет в наступление с решительными целями. Однако в штабах предстояло поломать голову над тем, где именно немцы используют столь мощный танковый таран.

В советской историографии задачу выявления направления удара противника было принято считать успешно решенной. В частности, С.М. Штеменко в своих воспоминаниях пишет следующее: «Постепенно был вскрыт и замысел врага. На карте разведчиков пролегли вероятные направления его ударов. Главный – с рубежа межозерья Веленце и Балатона на юго-восток, чтобы рассечь войска

3-го Украинского фронта и выйти к Дунаю по кратчайшему пути (30 км). Здесь ожидалось наступление основных сил 6-й танковой армии СС и 6-й полевой армии. Противостояла врагу 26-я армия генерала Н.А. Гагена. Вспомогательные удары предполагались: один – из района Надьканижи на восток силами 2-й танковой армии с целью разгрома 57-й армии генерала М.Н. Шарохина; другой – частью сил группы армий «Ф» с южного берега Дуная против 1-й болгарской армии генерала В. Стойчева. Направления вспомогательных ударов сходились с направлением главного удара в районе Сексарда» (*Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. – М.: Воениздат, 1989. С. 428).

Перед глазами сразу встает картина маслом: колдующие над картами подтянутые разведчики с седыми висками и суровыми глазами, пробуравившими землю взглядом на четыре метра вглубь через каменистый грунт. Ничто от них не укрылось, и направления немецких ударов, помеченные ими на картах до начала боев, в точности повторились в реальном наступлении. Сразу же возникает закономерный вопрос о том, где эти проницательные люди были в 1941 г. под Вязьмой или в 1942 г. под Брянском. В действительности с угадыванием направлений немецких наступлений в течение всей войны было плохо. Исключением не был даже Центральный фронт в ходе сражения на Курской дуге в июле 1943 г. Выдвижение мартовских боев на озере Балатон в качестве кандидата на безупречное угадывание планов противника заманчиво, но не находит подтверждения в документах. Сделать 1945 г. временем исправления всех ошибок, эрой молочных рек с кисельными берегами не получается.

Даже на сравнительно небольшом пространстве от Дуная до озера Балатон рассматривались два вероятных направления главного удара противника – севернее и южнее озера Веленце. Горы Вэртэшхедынэг как направление возможного удара всерьез

не рассматривались. Сообразно идее о двух вероятных направлениях наступления 6-й танковой армии СС полоса обороны разделялась между ветераном январских боев – 4-й гв. армией НД. Захватаева и 26-й армией Н.А. Гагена. Первая прикрывала район к северу от оз. Веленце, вторая – от оз. Веленце до Балатона. В полосе 4-й гв. армии наиболее вероятным считался удар через Секешфехервар в обход оз. Веленце с севера. Видимо, считалось, что немцы все же изменят свой план и он не будет калькой с «Конрада» или «Паулы». Ввиду сомнений относительно направления главного удара силы и средства обороны разделялись между двумя армиями. После определения направления удара предполагалась перегруппировка сил и средств (в частности, истребительно-противотанковых полков) между неатакованным и атакованным участками фронта.

Таким образом, работу разведки в 1945 г. можно назвать условно успешной. Вытащенным «счастливым билетиком» воспользовались на все 100 %.

Но необходимо отметить, что мартовское немецкое наступление на Балатоне началось не сразу по прибытии эсэсовской танковой армии. В случае перехода в наступление сразу после перегруппировки, как это было с январскими «Конрадами», вскрывать планы противника все же не получалось.

Завершая повествование об успехах и неудачах советской разведки, обратимся к художественному произведению, которое можно хоть как-то связать с реальностью. Одним из тех произведений, которые создали образ разведчиков как наиболее эффективных подразделений Красной Армии, стала «Звезда» Э. Казакевича. Повесть была дважды экранизирована, многократно издавалась, и поэтому описывать ее сюжет надобности нет. Суть рассказанной Казакевичем истории в том, что советской разведгруппой за линией фронта летом 1944 г. было обнаружено сосредоточение крупного соединения противника. В повести это выглядит так:

«Не прибегая к шифру, Травкин настойчиво повторял:

– Здесь сосредоточивается пятая танковая дивизия СС «Викинг». Пленный девятого мотополка «Вестланд» показал, что здесь сосредоточивается пятая танковая дивизия СС «Викинг».

Затем он сообщил состав полка «Вестланд», местопребывание штаба дивизии и подчеркнул, что части разгружаются и движутся только по ночам. И снова повторял, повторял бесчисленное количество раз:

– Здесь сосредоточивается, тайно сосредоточивается пятая танковая дивизия СС «Викинг».

Сообщение Травкина наделало шума в дивизии. А когда

полковник Сербиченко лично позвонил командарму и полковнику Семеркину об этих данных, заволновались и в штабе армии».

По сюжету «Звезды» немецкая дивизия сосредоточивалась для наступления с решительными целями: «Немцы попытаются контрударом отвратить прорыв наших войск на Польшу». В действительности такой операции немецким командованием не планировалось. Впрочем, было бы странно ожидать от художественного произведения безукоризненного следования историческим реалиям. Казакевич описал вымышленную, но возможную в условиях войны ситуацию и произвольно привязал ее к боевым действиям в районе Ковеля в 1944 г.

Вместе с тем события «Звезды» Э. Казакевича в некоторой степени перекликаются с действительностью. Похожая ситуация имела место в ходе советского наступления под Ковелем в июле 1944 г. Она описана в мемуарах С.М. Штеменко:

«Новый командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Модель (назначенный вместо фельдмаршала фон Буша) не стал дожидаться нашего удара под Ковелем. В ночь на 5 июля он оставил находящийся в низине Ковель и отвел свои войска несколько на запад на заранее подготовленный рубеж Парадубы, Тарговище, опирающийся на выгодные высоты. Предварительно сюда скрытно выдвинулись прибывшие в распоряжение Моделя подразделения мотодивизии СС «Викинг». Таким образом, был создан своеобразный укрепленный район, о котором не знали наши войска.

Замысел Моделя был прост: он рассчитывал, что советские командиры, заметив отход, немедленно бросятся в преследование, попадут под внезапный огонь закопанных и укрытых танков и понесут большие потери. Как это ни печально, но наши командиры попались на столь несложную хитрость. Причина их ошибки объясняется некоторым «головокружением от успехов» в ходе битвы за Белоруссию» *(Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 309).

С точки зрения разведки задача вскрытия появления свежего соединения противника в обороне и наступлении равнозначны. Это уже дело командования усиливать определенное направление противотанковыми средствами в обороне или же менять направление главного удара своего наступления. Различия, как мы уже говорили выше, в актуальности информации – ударный кулак наступления сосредоточивается буквально за несколько дней до наступления. Резервы обороны остаются в назначенных районах довольно долго, что облегчает их обнаружение. Впрочем, и в обороне свежая дивизия может прибыть на место незадолго до начала наступления. Например, если к противнику просочились

сведения о готовящейся наступательной операции.

Впрочем, мы немного отвлеклись. Вернемся в 1944 г., под Ковель. Живописно нарисованная Штеменко картина коварных замыслов Моделя заставляет задуматься, а не стоял ли он за спиной фельдмаршала, когда тот каркающим голосом давал распоряжения своим подчиненным. Изложенная Штеменко версия – это догадки советского командования и наложение на начало июля более поздних событий. Как единого соединения 5-й танковой дивизии СС «Викинг» к началу июля 1944 г. просто не существовало. Она была большей частью отведена глубоко в тыл на переформирование. Причем восстанавливаемые части были сосредоточены в одном месте (так называемый район «Хейденлагер»), а создаваемые заново – в другом (район «Бохмен»). Сроком окончания переформирования было назначено 31 июля 1944 г. Под Ковелем оставалась только одна боевая группа «Мюхленкамп» из танкового полка без одного батальона, батальона мотопехоты на бэтээрах и нескольких вспомогательных частей. Это была типичная для второй половины войны организационная структура. Немцы называли их «бронегруппами» (Pz.Kpf.Gr.). В них обычно включались танки, самоходные орудия и мотопехота на бэтээрах. Такие «бронегруппы» могли преодолевать участки заградительного огня артиллерии по пересеченной местности и обычно ставились на направление главного удара. Подвижность полугусеничных бронетранспортеров и САУ на гусеничном шасси была сравнима с подвижностью и проходимостью танков. В целом эффективность «бронегруппы» была выше, чем у соразмерной группы из обычной мотопехоты (на грузовиках) с буксируемой артиллерией. Однако небольшая численность существенно ограничивала ее возможности по удержанию местности. Именно такая «бронегруппа» из состава «Викинга» стала участником событий, о которых пишет Штеменко.

Начавшееся 5 июля 1944 г. наступление под Ковелем нельзя было назвать успешным для Красной Армии. В изложении С.М. Штеменко оно выглядит так:

«Командующий 47-й армией потребовал от командира переданного в его распоряжение 11-го танкового корпуса генерал-майора Ф.Н. Рудкина немедленных смелых действий, но не предпринял должных мер по более глубокой и всесторонней разведке, не обеспечил наступление корпуса огнем артиллерии и авиации, опрометчиво полагая, что теперь гитлеровцам «не до жиру, быть бы живу». Командир корпуса и командиры его бригад, со своей стороны, тоже полагали, что противник чуть ли не бежит, и ввиду недостатка времени поспешили ввести свои

соединения в бой, тоже не подумав о взаимодействии с артиллерией и авиацией и не ведя достаточной разведки. В 11 часов 8 июля корпус ринулся вперед. Две танковые бригады развернулись без предварительной разведки местности и действовали, по сути дела, вслепую. Не посчитали нужным развернуть даже самоходные полки, входившие в состав корпуса. Пехота за танками не наступала. В результате такой недопустимо плохой организации боя корпуса его танковые бригады неожиданно наткнулись на прочную оборону противника, пытались прорывать ее собственными силами под кинжальным огнем закопанных в землю танков противника, но, понеся большие потери, так и не смогли выполнить боевую задачу. Урок был жестоким. «Раненый зверь» беспощадно огрызался. И малейшая оплошность в организации боя, недооценка противника могли стоить очень дорого…» *(Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 310).

В одиночку «бронегруппа», конечно же, не могла добиться такого эффекта. Эсэсовцы из «Викинга» не были единственными участниками этих боев. Группа «Мюхлен-камп» была 5 июля поднята по тревоге и с 6 июля усиливала позиции 26-й пехотной дивизии. Сражение продолжалось до 9 июля, и немцам удалось удержать позиции. Советское наступление возобновилось несколькими днями позднее. Одним словом, события, ставшие прототипом «Звезды», на самом деле являются примером неудачи советской разведки. Боевая группа «Мюхленкамп» находилась под Ковелем довольно давно, и то, что ее не обнаружили, это явный промах разведки. Оправдывает разведчиков только то, что боевая группа была по своим размерам куда меньше дивизии и, соответственно, могла легче раствориться в лесах.

Однако кое-кто может на этой пессимистичной ноте вскочить и, вращая глазами, воскликнуть: «Но ведь это же была воспитанная в страхе разведка кровавого (коммунистического, сталинского, тоталитарного – нужное подчеркнуть, недостающее вписать) режима! Она не могла работать так, как работала разведка свободных стран или просвещенных немцев!»

Однако когда стратегическая инициатива оказалась в руках Красной Армии, ситуация развернулась на 180 градусов. За примерами далеко ходить не нужно. Как и многие великие катастрофы в истории войн, поражение немцев в Белоруссии летом 1944 г. останется как пример величайшего заблуждения относительно планов действий противника. В конце зимней кампании 1943/44 г. в начертании советско-германского фронта выделялся выдвинутый далеко на восток «Белорусский балкон». Советские войска наступали с осени 1943 г. до весны 1944 г. и на Украине, и в Белоруссии. Однако их продвижение в Белоруссии

было незначительным, выродившись в ряд позиционных сражений. Напротив, наступления на Украине были куда более успешными. Глубокое продвижение советских фронтов вызвало беспокойство немецкого командования. От советских позиций в районе Ковеля до Балтийского моря было всего около 450 км. Хороший удар с использованием танковых армий мог привести к прерыванию коммуникаций сразу двух групп армий – «Север» и «Центр». Поэтому лично Гитлер, и его точку зрения разделял генеральный штаб сухопутных сил, считал наиболее вероятным летнее наступление советских войск на фронте группы армий «Северная Украина». Вследствие этого большинство немецких танковых дивизий было сосредоточено в южном секторе Восточного фронта. Здесь же был задействован «гений обороны» – фельдмаршал Модель. Именно он возглавлял группу армий «Северная Украина», и он же был одним из главных сторонников теории о главном ударе Красной Армии на Украине.

Цифры говорят сами за себя. Для обороны гигантского 1100-километрового фронта группа армий «Центр» располагала 38 дивизиями, из которых в первой линии было 34. В резерве находились только три пехотные дивизии, в том числе одна почти небоеспособная, и одна танковая дивизия. В составе 6-го воздушного флота, поддерживавшего ГА «Центр», было всего 40 истребителей. В распоряжении командующего группой армий фельдмаршала Буша было всего три танковые и танко-гренадерские дивизии (около 100 танков и САУ) и один батальон тяжелых танков «тигр», в то время как в составе группы армий «Северная Украина» было девять танковых и танко-гренадерских дивизий и четыре батальона «тигров». Более того, в подвижных соединениях группы армий «Центр» не было ни одной «пантеры», хотя этот танк производился в Германии уже больше года. Естественно, когда Красная Армия перешла в наступление, группа армий «Центр» была быстро разгромлена. Германская армия пережила в Белоруссии летом 1944 г. крупнейшую катастрофу в своей истории.

Примеров промахов немецкой разведки можно привести немало. В частности, в ходе битвы за Берлин немецкая 4-я танковая армия была нацелена на защиту Дрезденского направления. Считалось, что советский 1-й Украинский фронт будет наступать навстречу двигающимся с запада к Эльбе американцам, рассекая Германию надвое. Однако Конев ударил на Берлин, и немногочисленные резервы немцев были растеряны из-за нехватки топлива в ходе маршей на новое направление. В марте 1945 г. немцы не смогли вскрыть подготовку советского наступления в Восточной Померании и даже начали вывод на

другой участок фронта 10-й танковой дивизии СС «Фрундсберг». Советское наступление заставило спешно возвращать ее обратно.

Ошибались немцы даже в оценке сил в первой линии. Например, в ходе упоминавшихся выше событий, в Венгрии в середине января 1945 г. стороны допустили совершенно симметричные просчеты. Советские разведчики сочли, что эсэсовский корпус вообще убывает из Венгрии. Немцы, в свою очередь, неверно определили, кто занимает атакуемые позиции. В приказе на новое наступление («Конрад III», начавшийся 18 января 1945 г.), подписанном командиром IV танкового корпуса СС Гилле, в разделе «Оценка противника» сказано: «Противник обороняется перед фронтом корпуса силами одного гв. укрепленного района, двух гвардейских стрелковых дивизий и одной стрелковой дивизии». Эта оценка не соответствовала реальному положению на 18 января 1945 г. Две гвардейские стрелковые дивизии уже были сняты с этого участка фронта и направлены на отражение предыдущих немецких наступлений.

Все то же самое можно сказать об американской разведке. Немецкое наступление в Арденнах оказалось для американцев неожиданностью, о нем своевременно не предупредили разведчики. Позднее, в 1968 г., американская разведка не смогла полностью вскрыть подготовку в Южном Вьетнаме наступления Тет, когда Вьетконг и части северовьетнамской армии попытались захватить ряд крупных городов, в том числе Сайгон.

Мне ни в коей мере не хотелось создать впечатление, что разведчики были неудачниками и дармоедами. Проблема была не в плохой работе отдельных людей и системы в целом, а в ограниченности возможностей разведки как таковой. Быстрая перегруппировка механизированных соединений и объединений противника была кошмаром любой разведки во Второй мировой войне. Даже без такой перегруппировки на разведку обрушивается волна противоречивых данных. В цельную картину они складываются уже после того, как начинается вражеское наступление или же на пути своего наступления неожиданно, как айсберг из тумана, выплывают невесть откуда взявшиеся резервы противника. Успех или неудача зависели в большей степени от глобальных факторов, таких как соотношение сил или владение стратегической инициативой. Разведка делала свою работу наравне с другими родами войск, лишь в некоторой степени рассеивая пресловутый «туман войны».

Разведчики добывали, часто ценой своей жизни, действительно важную и полезную информацию. Но действительно ясной картины эти данные чаще всего не давали, оставляя командованию довольно узкое поле для маневра.

Соответственно наивно предполагать, что действиями разведки чисто технически было возможно предотвратить целый ряд провалов Красной Армии в 1941 г.

Павел Сутулин. Стоило ли сдавать немцам Ленинград?

Оборона Ленинграда – одна из самых трагичных и в то же время самых славных страниц истории Великой Отечественной войны. Как и в случае со многими другими являющимися гордостью русского народа эпизодами того конфликта, действия советского руководства в ходе битвы за Ленинград в последнее время стали подвергаться критике со стороны ратующих за пересмотр итогов Второй мировой активистов от истории. Чаще критика сводится к тому, что Ленинград следовало сдать наступающим немецким войскам без боя. Мол, это спасло бы сотни тысяч жизней советских граждан, но вместо этого командование РККА предпочло невероятной ценой сражаться за бесполезный клочок земли. В этой статье автору не хотелось бы рассматривать необходимость обороны Ленинграда со стратегической точки зрения. Цель этой работы – продемонстрировать, что в случае, если бы немцам в Ленинграде не было оказано сопротивление, судьба его жителей была бы еще более страшной, чем она оказалась в действительности. Историческая реальность такова, что руководство Германии не было заинтересовано в существовании ни города, ни его жителей, поэтому немецким командованием разрабатывались планы уничтожения Ленинграда с большей частью населения.

Начиная войну с СССР, Гитлер видел в советской территории в первую очередь огромный источник необходимых германской экономике ресурсов. 2 мая 1941 г. на совещании членов хозяйственного штаба «Ольденбург», отвечавшего за разработку экономической стороны оккупационной стратегии рейха в Советском Союзе, было сказано, что *«продолжать войну /*Вторую мировую. *– П.С.] можно будет только в том случае, если все вооруженные силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России»1*. В созданных в июне **1941** г. Директивах по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях2 (т. н. «Зеленой папке») подчеркивалось: ***«Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании ». В этом же документе был продекларирован принцип дифференцированного подхода к использованию различных советских регионов в немецкой экономике: «Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а***

экономика их восстановлена. *Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти, а в остальных частях страны, которые не могут прокормить самих себя, т. е. в средней и северной России, экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов».* **Иными словами, Германия была заинтересована в существовании населения (хотя и не всего, а только в пределах необходимого) лишь в тех регионах, которые могли быть полезны рейху в экономическом плане. Прочие же области, в число которых попали также районы Москвы и Ленинграда, следовало разграбить, а их население, бывшее ненужной обузой для Германии, предоставить самому себе (читай – уничтожить). Немецкие планы в отношении таких «бесполезных регионов» были ясно изложены в рекомендациях штаба «Ольденбург» от 23 мая 1941 г. В них говорилось, что Германия** *« сможет получить значительное облегчение за счет этих областей только один раз в результате заблаговременного принятия решительных мер»,* что *«свиньи и крупный рогатый скот в этих областях»* должны быть *«сразу же изъяты немецкой стороной»,* в противном случае *«население забьет их для себя, и Германия ничего с этого не получит* »3. При этом авторы прекрасно понимали, к каким последствиям для населения приведет такая политика, однако это, судя по всему, не сильно их смущало: *«Десятки миллионов людей в этих областях излишни, и они либо умрут, либо будут вынуждены переселиться в Сибирь. Попытки спасти население потребляющих областей от голодной смерти привлечением избытков продовольствия из черноземной зоны могут лишь сказаться на снабжении Европы. Это подорвет стойкость Германии в войне и отразится на способности Германии и Европы выдержать блокаду»4.* Таким образом, мы видим, что идеи уничтожения Ленинграда и его населения из экономических соображений появились у немецкого руководства еще до начала войны.

Впрочем, на тот момент окончательного решения о судьбе Москвы и Ленинграда, по всей видимости, еще не существовало. Во всяком случае, в «Зеленой папке» говорится, что *«особые условия в великорусском Ленинграде, городе, который весьма трудно прокормить, с его ценными верфями и близлежащей алюминиевой промышленностью, требуют особых мероприятий, которые будут предприняты своевременно… Московская область и области, находящиеся к востоку от нее, населенные великороссами,*

представляющие большой интерес в связи с ценными возможностями в отношении текстильного производства, составляют в смысле подхода к населению такую же трудную проблему, как Ленинградская область, особенно вследствие того, что многомиллионный город потребует больших продовольственных дотаций. На основе опыта первых недель войны будут даны указания в отношении подлежащих проведению мероприятий». И в течение первых недель войны решение действительно было принято: 8 июля 1941 года начальник штаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер записал в дневнике: *«Непоколебимо решение фюрера* ***сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов*** *, которое в противном случае потом мы будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизма* (лишит центры не только большевиков?! – *П.С.), но и московитов (русских) вообще* »5. Здесь же мы видим еще один мотив Гитлера, которым он руководствовался при принятии решения об уничтожении Ленинграда: желание лишить Советский Союз его основных центров, символов его государственности. 16 июля 1941 года в ставке состоялось совещание Гитлера с высшим руководством Германии, на котором обсуждалось будущее России после ее поражения в войне. Не была обойдена стороной и судьба Петербурга, по поводу которого было сказано, что *«на Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сровнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам* »6. Что касается практической реализации этого желания фюрера, то немцы не считали непременно необходимым брать Ленинград штурмом, чтобы «полностью избавиться от его населения». 15 июля Гальдер сообщил начальнику штаба группы армий «Север» генералу Бреннеке, что *«задача группы армий пока состоит не в овладении Ленинградом, а только в его блокировании»7,* а 26 июля в дневнике командующего ГА «Север» генерал-фельдмаршала Риттера фон Лееба появляется запись: *«Ленинград не должен быть взят, его следует только окружить* »8. И если из записи Гальдера еще можно сделать вывод, что немецкое командование предполагало взять Ленинград, но откладывало это решение, то вскоре эта идея была похоронена окончательно. 5 сентября Гитлер заявил, что район Ленинграда с этого момента является «второстепенным театром военных действий»9. А директива О КВ № 35 от 6 сентября 1941 г. предусматривала передачу ряда мобильных соединений и частей 1-го Воздушного флота из распоряжения ГА

«Север» группе армий «Центр»10, что, конечно, также заметно снизило наступательные возможности осаждавших Ленинград войск. Впрочем, еще 28 августа из ОКХ командованию ГА «Север» поступил приказ: *«Блокировать город Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требований о капитуляции не выдвигать. Для того чтобы город как последний центр красного сопротивления на Балтике был как можно быстрее уничтожен без больших жертв с нашей стороны, запрещается штурмовать город силами пехоты»11.* В контексте нашего эссе (?! – *П. С.)* гораздо больший интерес представляет другой пассаж приказа: *«Каждую попытку населения выйти наружу через войска окружения следует предотвращать, при необходимости – с применением оружия».* Красноречивое подтверждение того факта, что в существовании населения Ленинграда немецкое руководство заинтересовано не было. Однако командование войск, непосредственно осуществлявших блокаду города, еще строило планы относительно оккупации Ленинграда. 11 сентября командующий 18-й армией генерал-полковник Георг фон Кюхлер сделал запрос командованию ГА «Север» относительно снабжения населения продовольствием, на что получил ответ, сохранившийся в журнале боевых действий группы армий: *«Это абсолютно не предусмотрено. Группа армий «Север» не заинтересована кормить целый город всю зиму»12.* Тем не менее в тот же день Кюхлер предпринял еще одну попытку добиться поставок продовольствия в город, на этот раз он предложил отправить под Ленинград поезд «Бавария» и десять других эшелонов «с низкосортным продовольствием», «если 18-й армии все же придется взять на себя снабжение гражданского населения Ленинграда»13. На этот раз командование ГА «Север» переправило его запрос генерал-квартирмейстеру штаба ОКХ Э. Вагнеру. 18 сентября от него пришел ответ: *«Командование 18-й армии не должно предпринимать каких-либо мер для снабжения Ленинграда»14.* 20 сентября об этом же в телефонном разговоре с начальником штаба ГА «Север» Бреннеке сказал Кейтель: «Мы в город не входим и не можем его кормить»15. Незадолго до этого, 16 сентября 1941 года, в беседе с послом Германии в Париже О. Аветцом Гитлер еще раз подтвердил свои намерения в отношении Ленинграда: *«Ядовитое гнездо Петербург, из которого так и бьет ключом яд в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли. Город уже блокирован; теперь остается только обстреливать его артиллерией и бомбить, пока водопровод, центры энергии и все, что необходимо для жизнедеятельности населения, не будут уничтожены* »16. А 29 сентября выходит широко распространенная в отечественной исторической литературе

директива начальника штаба ВМС Германии, которую имеет смысл процитировать целиком:

«БУДУЩЕЕ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА

1. Чтобы иметь ясность о мероприятиях военно-морского флота в случае захвата или сдачи Петербурга, начальником штаба военно-морских сил был поднят вопрос перед Верховным главнокомандованием вооруженных сил о дальнейших военных мерах против этого города.

Настоящим доводятся до сведения результаты.

2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. *После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у ее новых границ.*

3. Прежние требования военно-морского флота о сохранении судостроительных, портовых и прочих сооружений, важных для военно-морского флота, известны Верховному главнокомандованию вооруженных сил, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду общей линии, принятой в отношении Петербурга.

4. Предполагается окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. *В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.*

5. Главное командование военно-морских сил в ближайшее время разработает и издаст директиву о связанных с предстоящим уничтожением Петербурга изменениях в уже проводимых или подготовленных организационных мероприятиях и мероприятиях по личному составу.

Если командование группы армий имеет по этому поводу какие-либо предложения, их следует как можно скорее направить в штаб военно-морских сил»17.

Таким образом, немецкое командование в очередной раз подтвердило свое стремление к уничтожению всего населения Ленинграда, обеспечение продовольствием которого руководство рейха считало непозволительной роскошью для Германии. Однако окончательную точку в планировании судьбы города поставил приказ ОКВ группе армий «Север» от 12 октября 1941

года: ***«Фюрер вновь решил не принимать капитуляцию Ленинграда, даже если она будет предложена противником.*** *Моральное обоснование для этого ясно всему миру. Так же, как в Киеве, где вследствие взрывов с применением часовых механизмов возникла тяжелейшая угроза для войск, это нужно еще в большей степени предусмотреть в Ленинграде. О том, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего человека, сообщило само советское русское радио. Поэтому ни один немецкий солдат не должен входить в этот город.* ***Тех, кто попытается покинуть город через нашу линию, следует возвращать путем применения огня*** »18. Показательно, что совершенно аналогичный по содержанию приказ, но уже в отношении Москвы, того же числа был отправлен группе армий «Центр»19. Это еще раз подтверждает, что немцы считали существование советской столицы таким же препятствием для скорейшей эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий.

Однако командующие немецкими частями, осуществлявшими блокаду Ленинграда, воспринимали идею уничтожения населения города с определенным скепсисом, вызванным беспокойством за моральное состояние войск, силами которых должно было быть осуществлено это уничтожение. Так, например, в ЖБД ГА «Север» содержится информация о состоявшейся 24 октября поездке начальника оперативного отдела штаба группы армий в 18-ю армию, во время которой *«во всех посещаемых частях ему задавался вопрос, как поступать, если Ленинград изъявит желание сдаться, и как поступать с голодающим населением, которое будет стремиться выйти из города. Создалось впечатление, что войска этим сильно обеспокоены. Командир 58-й пехотной дивизии генерал-майор Альтрихтер подчеркнул, что в своей дивизии он отдал приказ, который он также получил свыше: следует реагировать применением оружия, чтобы в корне пресекать такие попытки. Он придерживается мнения, что войска также выполнят этот приказ. Но не скажется ли негативно на нервной системе солдат то, что при новых попытках выхода из города они вновь будут стрелять в женщин и детей, а также в безоружных стариков? У него есть сомнения на этот счет… Это может вызвать то, что немецкий солдат потеряет самообладание. После войны воспоминания о подобных насильственных действиях будут негативно отражаться на его психике»20.* На следующий день начальник штаба 18-й А полковник Хассе высказал опасение, что *«предписанное поведение в отношении ленинградского населения может плохо отразиться на настроении солдат»21.* Командующий ГА «Север» фон Лееб также не испытывал радости по поводу того, что вверенным ему

войскам придется бороться с гражданским населением. Во время допроса на Нюрнбергском процессе историограф ГА «Север» Хейнемейер вспоминал о телефонном разговоре между Леебом и Гитлером, в ходе которого фельдмаршал поинтересовался, *«что должно произойти, если однажды перед колючей проволокой начнут скапливаться женщины, поднимающие на руках своих детей?»*. Гитлер ответил: *«В этом случае будет открыт огонь»*. Лееб высказал опасение, что такое *«может произойти один раз, но больше не повторится. Немецкие солдаты не стреляют в женщин и детей. Впервые будет создан прецедент, когда войска откажутся повиноваться и возникнет кризис дисциплины с тяжелыми последствиями»22*. Однако позиция Гитлера осталась без изменений. Тогда 27 октября в телеграмме командующему 18-й армией Кюхлеру Лееб предложил такой выход из сложившейся ситуации: *«Главнокомандующий сухопутными войсками предложил* ***перед нашими позициями создать минные поля, чтобы избавить войска от непосредственной борьбы с мирным населением*** *. В случае, если войска красных сдадутся в районе Ленинграда и Кронштадта и их оружие будет собрано, а они сами будут отправлены в плен, командующий группой армий будет считать нецелесообразным продолжать блокаду города. Тогда войска должны быть переведены в казармы.* ***Также и в этом случае большая часть населения погибнет, но, по крайней мере, не на наших глазах.*** *Кроме этого, нужно рассмотреть возможность отвода части населения из города по дороге на Волховстрой* »23. Однако Кюхлер высказался против того, чтобы позволить жителям Ленинграда покинуть город, мотивировав это тем, что *«очень трудно будет отделить военных от гражданского населения. Не исключено, что часть населения, возможно, с оружием, начнет просачиваться через посты охранения, и этот процесс будет трудно контролировать. Могут возникнуть значительные осложнения»24*. В результате было принято решение воспользоваться советом Браухича и оборудовать подступы к Ленинграду минными полями. По сути, с этого момента до сентября 1942 г. создание препятствий для перехода мирного населения Ленинграда к немцам становится главной задачей 18-й армии в соприкосновении с местными жителями. Так, например, в журнале боевых действий отдела снабжения армии 14 ноября сделана запись: ***«Срочно требуется колючая проволока, так как Финский залив замерз, и здесь возник фронт, через который переходит прежде всего гражданское население. Необходимо гнать беженцев из Ораниенбаума и Петербурга, применяя огонь (даже на дальнем расстоянии), так как об их пропитании не может быть и речи. Речь идет о том, где***

***погибнут от голода беженцы, а не о том, погибают ли они вообще** »25. А* 13 ноября на совещании в штабе ОКХ генерал-квартирмейстер Вагнер подчеркнул: *«Не подлежит сомнению, что именно Ленинград должен умереть голодной смертью, так как нет возможности прокормить этот город. Единственная задача командования – держать войска на удалении от всего того, что в нем происходит»2^*. Хотя и в этот период в немецком командовании появлялись примечательные идеи относительно судьбы города: в декабре 1941 г. под руководством все того же Вагнера был разработан план уничтожения Ленинграда посредством применения химического оружия27. 25 декабря генерал-инспектор артиллерии Бранд *«получал задачу составить расчет на использование химических средств против Ленинграда* »28. Однако ни в этом, ни в каком-либо другом сражении Второй мировой немецкое командование применить химическое оружие не решилось.

В 1942 году Гитлером вновь овладела идея взять Ленинград штурмом. В директиве № 45 от 23 июля 1942 г. группе армий «Север» при поддержке частей 11-й армии поставлена задача «к началу сентября подготовить захват Ленинграда»29. Руководство операцией, получившей название «Фойерцаубер» (позднее – «Нордлихт»), 24 августа было поручено командующему 11-й А, генерал-фельдмаршалу Эриху фон Манштейну, при этом ему было указано: «1-й этап – окружить Ленинград и установить связь с финнами; 2-й этап – овладеть Ленинградом и сровнять его с землей»30. Посвященный в детали этой операции главнокомандующий финской армии К.Г Маннергейм писал в мемуарах, что немцы *«приступят теперь, как ранее уже и было заявлено Гитлером, к уничтожению Петербурга* »31. Впрочем, идо этого Гитлер неоднократно подтверждал свое намерение разрушить Ленинград: так, в отчете о своей поездке в ставку Гитлера и встрече с фюрером 8 января 1942 г. финский генерал пехоты Э. Хейнрике указал: *«Рейхсканцлер сказал, что блокада Петербурга и его уничтожение имеют огромное политическое значение* »32. А во время одной из неформальных бесед в своей ставке 5 апреля 1942 года на вопрос о судьбе города Гитлер ответил, что *«Ленинград обречен… В дальнейшем Нева станет границей между финнами и нами. Только одно государство может хозяйничать на Балтийском море – внутреннем море Германии. И поэтому следует раз и навсегда позаботиться о том, чтобы на периферии нашего рейха не было никаких крупных портов* »33.

Как известно, и в 1942 г. взятие Ленинграда не состоялось. Операция «Нордлихт» была сорвана Синявинским наступлением советских войск Ленинградского и Волховского фронтов, в

результате чего, как писал позднее Манштейн, *«вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера»34.* Но даже если бы немцам удалось овладеть Ленинградом, жителям города вряд ли стало бы от этого легче. Как уже неоднократно было показано выше, немецким войскам было приказано не оказывать какой-либо продовольственной помощи населению разоренного войной огромного города, а судьба оккупированных пригородов Ленинграда наглядно демонстрирует, что приказ этот выполнялся неукоснительно. В ЖБД отдела снабжения 18-й армии 3 октября зафиксирован *«звонок от начальника штаба 38-го корпуса с вопросом: «Что сделано для снабжения гражданского населения, начавшего уже голодать?» Ответ: «Начальник отдела снабжения отклонил все готовившиеся мероприятия по снабжению гражданского населения. Каждый эшелон с продовольствием, поступающий из Германии, сокращает продовольственные запасы на родине. Лучше, если у наших солдат будет еда, а русские пусть голодают». Наложен запрет также на поставки продовольствия из других мест, например с Украины* »35. Наиболее тяжелая ситуация складывалась в г. Пушкине. 5 октября все в том же журнале боевых действий отмечено, что «в *Пушкине 20 ООО жителей, большей частью члены семей работников промышленных предприятий, остаются без продовольствия. Следует ожидать эпидемии голода* »36. Свидетелем этой «эпидемии» стала жительница Пушкина Лидия Осипова, оставившая дневниковые записи о тех событиях, особенно ценные тем, что были написаны ярой антисоветчицей, поначалу воспринимавшей приход немцев как освобождение от большевистского ига. Однако реальность оказалась не столь радужной: *«4 ноября. С едой все хуже… Немцы берут на учет все продукты. А так как у нашего населения никаких продуктов нет, то взяты на учет все огороды… Собираем желуди. 12 ноября. Голод принял уже размеры настоящего бедствия. На весь город имеется всего два спекулянта, которым разрешено ездить в тыл за продуктами. 18 ноября. Морозы уже настоящие. Население начинает вымирать… У нас уже бывают дни, когда мы совсем ничего не едим»2,7.* А тем временем оберквартирмейстер 18-й армии 19 ноября в очередной раз разъяснил своим подчиненным их линию поведения в вопросе обеспечения русского населения провизией: *«Снабжение населения продовольствием недостаточно. Следует поэтому изолировать войска от голодающего населения. Местные комендатуры не обязаны заботиться о продовольствии для населения. Это дело местных старост с хозяйственными отделами. Руки прочь от этого№»* Таким образом, жители разграбленных и разоренных

войной ленинградских пригородов в вопросе обеспечения продовольствием были предоставлены сами себе. Иными словами – обречены на голодную смерть. В итоге положение советских граждан на оккупированной территории оказалось ничуть не лучше, чем в осажденном Ленинграде: *«24 декабря. Морозы стоят невыносимые. Люди умирают от голода в постелях уже сотнями в день. В Царском Селе оставалось к приходу немцев примерно тысяч 25. Тысяч 5–6 рассосалось в тыл и по ближайшим деревням, тысячи две – две с половиной выбиты снарядами, а по последней переписи управы, которая проводилась на днях, осталось восемь с чем-то тысяч. Все остальное вымерло. Уже совершенно не поражает, когда слышишь, что тот или другой из наших знакомых умер. Все попрятались по своим норам, и никто никого не навещает без самого нужнейшего дела. А дело всегда одно и то же – достать какой-нибудь еды… 27 декабря. По улицам ездят подводы и собирают по домам мертвецов. Их складывают в противовоздушные щели. Говорят, что вся дорога до Гатчины с обеих сторон уложена трупами. Эта несчастные собрали свое последнее барахлишко и пошли менять на еду. По дороге кто из них присел отдохнуть, тот уже не встал. Обезумевшие от голода старики из дома инвалидов написали официальную просьбу на имя командующего военными силами нашего участка и какими-то путями эту просьбу переслали ему. А в ней значилось: «Просим разрешения употреблять в пищу умерших в нашем доме стариков»39.*

Однако не следует забывать, что помимо Германии было еще одно государство, осуществлявшее блокаду Ленинграда и весьма заинтересованное в его судьбе, – Финляндия. Еще 24 июня Геринг сообщил финскому послу в Берлине Т. Кивимяки, что теперь Финляндия сможет «взять что хочет», в том числе и «Петербург, который, как и Москву, лучше уничтожить»40. Таким образом, уже в начале войны германское руководство пообещало Финляндии присоединить к ней территорию СССР, доходящую до Невы, и в дальнейшем, как мы могли убедиться на основании приведенных выше немецких документов, от этих обещаний не отказывалось. Еще раз это свое намерение немцы подтвердили в июле 1941 г. когда подполковник И. Велтьенс передал президенту Финляндии Р. Рюти, что *«территория Петербурга будет присоединена к Финляндии в тех границах, в каких Финляндия захочет»41.* Финляндия, разумеется, не собиралась отказываться от предложения передвинуть свои границы к Ленинграду, но сам город в таком случае должен был исчезнуть. 11 сентября Рюти заявил посланнику Германии в Финляндии Блюхеру: *«Если Петербург не будет больше существовать как крупный город, то*

Нева была бы лучшей границей на Карельском перешейке. Ленинград надо ликвидировать как крупный город»42. При этом финны, как и немцы, не собирались брать на себя заботу о местном населении. В сентябре 1941 г. из генерального штаба финской армии в министерство иностранных дел было направлено разъяснение относительно представления военных о будущем города: *«Оккупация финскими войсками Петербурга считается нереальной, поскольку у нас нет запасов продовольствия, чтобы выдавать его гражданскому населению* »43. Справедливости ради следует признать, что у Финляндии, в отличие от Германии, действительно не было возможности обеспечить Ленинград продовольствием. Еще до начала войны ситуация с продуктами питания в Финляндии была достаточно сложной. В частности, до начала войны, несмотря на все старания финского правительства, ему так и не удалось полностью удовлетворить потребность страны в зерне, дефицит которого к июню 1941 г. составлял 10 % от нормы44. Проблемы имелись и с другими продуктами. В 1940 г. в Финляндии было введено нормирование хлеба, масла, мяса и молока, а в начале 1941-го – яиц и рыбы45. Разумеется, вступление Финляндии в войну в 1941 г., потребовавшее мобилизации весьма значительных в масштабах небольшого государства ресурсов, негативно сказалось на и без того небеспроблемной ситуации с продовольствием в стране. В результате мобилизации 16 % населения и, как следствие, нехватки рабочей силы значительная часть урожая осталась неубранной. Зимой 1941/42 г. для покрытия недостатка зерна стал использоваться даже семенной фонд. Однако и при этом норма выдачи хлеба в тылу составляла всего 150–160 граммов на человека. На фронте – 350 граммов46. В то же время потребление мяса снизилось до 40 % от нормы47. В целом дефицит продовольствия в Финляндии в конце 1941 – начале 1942 г. составил 26 %48. В письме сыну (финскому посланнику в Швейцарии) от 19 декабря 1941 г. председатель комиссии по иностранным делам парламента Финляндии В. Войонмаа так описывал ситуацию с продуктами питания в стране: *«Положение с продовольствием быстро ухудшается: молоко подают только к кофе и по столовой ложке в кашу, масла нет совсем. Да и хлеба только обещают в ближайшем будущем… Если бы не было запеканки из салаки* [разновидность сельди. – *П.С.], то не знаю, как бы мы, да и большинство населения Хельсинки, прожили бы»49.* Тяжелое положение с продовольствием в Финляндии отмечал в своих мемуарах и офицер связи германского командования в финской ставке генерал пехоты В. Эрфурт50. Чтобы снизить недостаток рабочей силы в промышленности и сельском

хозяйстве, финское руководство пошло даже на увольнение из действующей армии части военнослужащих старших возрастов. К 20 декабря 1941 г. количество уволенных составило 49 353 человека51. К лету 1942 г. – около 180 тыс.52. Еще очевиднее становится неспособность Финляндии оказывать помощь голодающим жителям Ленинграда, если учесть, что численность всего ее населения: по состоянию на 31 декабря 1938 г. составляла 3864 тыс. человек, что всего в полтора раза превосходило численность населения Ленинграда53, в котором в сентябре 1941 г. находилась 2451 тыс. чел.54.

Необходимо отметить, что далеко не все финское руководство поддерживало идею уничтожения города. Так, к примеру, Маннергейм относился к этой возможности не слишком благосклонно. По словам Эрфурта, в августе 1941 г. фельдмаршал заметил относительно немецких планов уничтожения Ленинграда: «В этом случае русские построят новый Петербург»55. Да и в целом Маннергейм не был сторонником активных боевых действий против Ленинграда. В феврале 1942 г. он писал своему родственнику, финскому послу в Швеции ГА. Грипенбергу, что *«отказывается от наступления на Петербург, поскольку ни один русский никогда не забудет, если мы сделаем это* »56. Примерно о том же позднее маршал писал и в своих мемуарах: *«Причины моих возражений против участия наших войск в нападении на Петербург являлись политическими, и они были, по моим представлениям, весомее военных обстоятельств. Постоянным обоснованием стремления русских нарушить неприкосновенность территории Финляндии было утверждение, что независимая Финляндия якобы представляла угрозу для второй столицы Советского Союза. Для нас было самым разумным не давать в руки врага оружия в спорном вопросе, который даже окончание войны не сняло бы с повестки дня»57.* Рюти в 1942 г. также, судя по всему, изменил свою позицию по отношению к Ленинграду Во всяком случае, по свидетельству Войонмаа, 19 мая этого года во время его встречи с Рюти президент сказал, что *«некоторые поговаривают об уничтожении всего Питера, но было бы печально, если бы нашим вкладом в историю стало эдакое «уничтожение Карфагена»58.*

Однако и апологетов планов уничтожения Ленинграда в Финляндии было достаточно. Так, 26 сентября 1941 г. финский посланник в Берлине Кивимяки отправил министру иностранных дел Финляндии Р. Виттингу письмо, в котором советовал правительству *«добиваться от Германии, чтобы Петербург полностью и окончательно уничтожить»59.* Войонмаа в письме сыну от 3 сентября 1941 г. отмечает: *«Есть и такие, которые*

считают, что… Питер будет стерт с лица земли. Об этом мне всерьез говорил, в частности, Таннер (лидер социал-демократической партии. – *П.С.), а Хаккила* (председатель парламента. – *П.С.) даже в восторге от такой перспективы»60.* Тема уничтожения Ленинграда муссировалась и в подцензурной финской прессе. 28 октября в главном печатном органе партии «Аграрный союз» – газете «Илкка» вышла статья под заголовком «Петербург и Москву полностью уничтожить», в которой говорилось, что *«Петербург и Москва будут полностью уничтожены еще до взятия их. К подготовительным действиям уже приступили* »61. А 21 октября в газете «Похьян Поика» по поводу Ленинграда отмечалось, что *«его уничтожение будет означать решающий исторический поворот в жизни финского народа»62.* Таким образом население Финляндии готовилось к перспективе ликвидации города.

Впрочем, по большому счету позиция Финляндии в отношении уничтожения Ленинграда и судьбы его населения не имела практически никакого значения. Во-первых, финны, даже если бы у них было такое желание, не могли помочь городу с продовольствием. Во-вторых, потому, что в действительности будущее Ленинграда определялось не в Хельсинки, а в Германии. Немецкое же руководство, как было продемонстрировано выше, заняло в этом вопросе вполне определенную позицию, не оставлявшую тысячам жителей блокированного города права на жизнь.

Примечания

1 Цит. по *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. 1933–1945. Т. 3. Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР 1941–1943. – М., 2005. С. 23.

2 ЦГАОР СССР, Ф. 7445. Оп. 2. Д. 95. Лл. 1 – 14 об. // http:// www.vkpb.ru/gpw/ greenfolder. shtml.

3 Цит. по *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история, 2003, № 6.

4 Цит. по *Мюллер И.* Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли Вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М., 1974. С. 82.

5 *Гальдер Ф.* Военный дневник, 1941–1942. – М., 2003 – С. 104.

6 Протокольная запись М. Бормана о совещании Гитлера с руководителями фашистского рейха… // *Ямпольский В.П.* «… Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. – М., 2008 С. 162.

7 *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 151.

8 Цит. по *Хюртер И.* Вермахт под Ленинградом. Боевые действия и оккупационная политика 18-й армии осенью и зимой 1941–1942 годов // http://www.blockade.ru/press/798.

9 *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 377.

10 Директива № 35// *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 319.

11 Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. – Hamburg: HIS Edition, 2002. S.310 // http://community.livejournal.com/ drang_nach/2062.html

12 Цит. по. *Хюртер И.* Указ. соч.

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же.

16 Цит. по. *Фролов М.И.* Адольф Гитлер: «Ядовитое гнездо Петербург должен исчезнуть с лица земли» // Военно-исторический журнал, № 9, 2001. С. 25.

17 Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М., 1968. С. 298–299.

18 Цит. по: Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина. К 50-летию со

дня нападения Германии на Советский Союз. – Берлин, 1992. С. 69.

19 Дашичев В.И. Указ соч… С. 337.

20 Цит. по *Лебедев Ю.М.* По обе стороны блокадного кольца. – СПб., 2005. С. 129.

21 Цит. по. *Хюртер И.* Указ. соч.

22 Цит. по. *Лебедев Ю.М.* Указ. соч. С 137.

23 Там же.

24 Цит. по. *Хюртер И.* Указ. соч.

25 Цит. по: Война Германии против Советского Союза 1941–1945. С. 70.

26 Цит. *по Хюртер И.* Указ. соч.

27 Там же.

28 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 630.

29 Директива № 45 // *Дашачев В.И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. С. 434.

30 Цит. по. *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во Второй мировой войне. – Л.,1989. С. 200.

31 *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1945. – СПб., Хельсинки, 2002. С. 181.

32 Цит. по *Барышников Н.И.* К вопросу о «стратегических границах» Финляндии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. – СПб., 1999. С. 286.

33 *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск, 1998. С. 174.

34 *Манштейн Э.* Утерянные победы. – М., 1999. С. 301.

35 Цит. по *Лебедев Ю.М.* Указ. соч. С. 91.

36 Там же. С. 97.

37 Дневник Лидии Осиповой // *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн.2. – СПб., М., 2002. С. 449–451.

38 Цит. по. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. 84.

39 Дневник Лидии Осиповой. С. 454–456.

40 *Барышников Н.И.* Мифы в финской историографии о «войне-продолжении» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. – СПб., 2006. С. 203.

41 Цит. по *Барышников Н.И.* Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой Международной научной конференции (25–26 апреля 2002). – СПб., 2003. С. 179.

42 Цит. по *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1945. С. 20.

43 Там же. С. 123.

44 *Иокипии М.* Финляндия на пути к войне. – Петрозаводск,

1999. С. 50.

45 Там же. С. 36.

46 *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 196.

47 *Иокипии М.* Указ. соч. С. 51.

48 *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 195.

49 *Войонмаа В.* Дипломатическая почта. – М., 1984. С. 71.

50 *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. – М., 2005. С. 73.

51 *ПаасикивиЮ.К* Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944. – СПб., 2004. С. 155.

52 *Барышников Н.И., Барышников В.И., Федоров В.Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 196.

53 *Ильинский Я.* Финляндия. 1943. С. 29.

54 Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. – СПб., 2001. С. 45.

55 Цит. по *Барышников Н.И.* Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда. С. 176.

56 Там же. С. 181.

57 Цит. по Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. – СПб., 2005. С. 287.

58 *Войонмаа В.* Указ. соч. С. 90.

59 Цит. по *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда в концепциях финских историков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой Международной научной конференции (23–25 апреля

2003). – СПб., 2004. С. 253.

60 *Войонмаа В.* Указ. соч. С. 47.

61 Цит. по *Барышников Н.И.* Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда. С. 181.

62 Там же.

Борис Юлин. История по коту Базилио

Только стали сходить на нет баталии по творчеству Владимира Резуна, который пишет под псевдонимом Виктор Суворов, как на свет появился очередной разоблачитель. Да еще, как кажется, такой подкованный… Даже сам Резун прослезился:

«Позвольте выразить Марку Солонину свою признательность, снять шляпу и поклониться до земли перед этим человеком… Когда я читал его книгу, я понимал чувства Сальери. У меня текли слезы – я думал: отчего же я вот до этого не дошел?.. Мне кажется, что Марк Солонин совершил научный подвиг, и то, что он делает, – это золотой кирпич в фундамент той истории войны, которая когда-то будет написана».

Существует два пути опровержения произведений современных разоблачителей истории. Можно просто разобрать в изрядном количестве книг Солонина также, как это было сделано с продуктом творчества В.Б. Резуна, каждую строчку. В итоге разбор сих «трудов» по объему на порядки превысит их собственный. Поэтому мы пойдем другим путем и проанализируем технологии, с помощью которых хитрые дяденьки обманывают недостаточно подкованных в военной истории читателей (нельзя же быть одинаково подкованным во всем!), и подробно рассмотрим только отдельные моменты, так сказать, для примера.

Заранее предупреждаю, Солонин, как и Резун, в **главном** так же неправ, как и в деталях. **И** в конце статьи я вкратце расскажу о том, что произошло на самом деле.

Часть первая: Технология лжи

На хвастуна не нужен нож,
Ему немножко подпоешь,
И делай с ним, что хошь.

Она, конечно, не является изобретением Солонина. Это давно известные приемы. На нашей памяти массированно они были применены в области истории Резуном (но не им придуманы), и М. Солонин лишь творчески их развил.

Уважаемый читатель, как можно привлечь ваше внимание и вызвать у вас желание принять точку зрения автора? Правильно. Сначала назвать вас уважаемым, чтобы вы возрадовались тому, что вас по-настоящему ценят. Затем надо воззвать к вашему разуму в варианте «вы же понимаете, как умный человек, что это нелепица» и «как разумный человек, вы не присоединитесь к стаду идиотов, со мной (с нами, с нами!!!) несогласных». Никто не хочет чувствовать себя дураком, даже заочно. Конечно, такое говорится не напрямую, а косвенно. Пример:

«Обратите внимание на то, как построена фраза. Маршал Жуков прекрасно понимает всю абсурдность и лживость этих слов и поэтому немедленно записывает к себе в соавторы» или *«Главная аксиома оперативного искусства – концентрация сил. Это знает каждый выпускник школы ротных старшин».*

После таких слов даже как-то неудобно подвергать сомнению выводы автора.

Затем следует привлечь внимание к тем моментам, на которых нужно сосредоточить внимание читателя. **Для этого массированно применяется выделение.** Обычно, то есть в работах профессиональных историков, выделение применяется, если важный абзац (предложение, слово и т. д.) сложно найти в массиве текста и в дальнейшем автор возвращается именно к выделенному тексту. Зачем выделять, к примеру, цифры? Например, на странице 82 книги Марка Семеновича «23 июня: «день М» выделено 25 слов и чисел. Может быть, для того, чтобы привлечь внимание именно к ним и отвлечь от противоречий остального текста? Вроде и «честно» написал, а картинка получается искаженная.

Затем уделим внимание эмоциональной составляющей. Напишем что-то в превосходной степени, что-то осветим уничижительно. Так сказать, расставим акценты: *«Крохотный комарик весом менее одного грамма сокрушительным рассекающим ударом пробивает толстенную шкуру человека. Почему ему это*

удается? Потому, что ничтожная комариная сила сконцентрирована на микроскопическом участке острия комариного жала».

Потрясающий слог, даже детские сказки так не пишут. А вот обратный пример:

«Что же так удивило Великого Маршала Победы? Вы не ожидали, что противник создаст мощные ударные группировки на выгодных для него (а не для Вас) стратегических направлениях? Вы не рассчитывали, что противник постарается нанести «сокрушительные рассекающие удары»? А чего ж тогда Вы ждали? Ласкового похлопывания по попе? Того, что немцы соберут по роте выздоравливающих от каждого армейского госпиталя и пошлют их реденькой цепочкой прямиком в болота Полесья? И откуда же взялись такие благостные ожидания?».

В принципе это нормальный литературный прием, хотя и не имеющий никакого отношения к истории. Но когда чуть ли не на каждую страницу приходится по десятку подобных «усилителей эмоций», ясно, что ставка делается отнюдь не на добросовестное исследование.

Очень оригинальным является другой прием.

«В распоряжении же Сталина была талантливая молодежь (но ей еще надо было учиться, учиться и учиться) и миллионы зэков, которые могли добыть невообразимое количество руды, каковой рудой можно было засыпать огромные каналы, вырытые другими зэками».

Мне вот интересна дилемма, которую пытались решить в мультике про мартышку, слоненка, удава и попугая: три апельсина это кучка или нет? Солонин решил ее однозначно. 1,6 млн ЗК это миллионы добывающих плюс еще миллионы роющих каналы. Вроде всего зэков больше миллиона, так что формально Солонин не совсем обманул. Но картина-то вырисовывается со многими миллионами, возможно с десятками миллионов.

А вот про танки, которые Марк Семенович любит считать, как и Владимир Богданович:

«Внимательный читатель, должно быть, обратил внимание на одну странность: фактическое число танковых дивизий Вермахта чуть меньше ожидаемого (17 вместо 19–20), а танков оказалось в три раза меньше».

Ну какой же читатель согласится считать себя невнимательным? Значит, надо поверить Солонину и гордо считать себя Соколиным Глазом. Сам Солонин похвалил! Да, кстати, циферки, которые должен был при этом проглотить «внимательный» читатель, мы рассмотрим чуть позже.

Вот еще пример из Солонина:

*«Параграф 98 этого **основополагающего** документа предусматривает следующую плотность построения боевых порядков при наступлении: при атаке сильно укрепленных полос и УР – 2 км для дивизии, на второстепенных направлениях от 5 до 6 км». **Если даже считать нерушимые рубежи** Советского Союза, вдоль которых было сформировано 15 укрепрайонов (Тельшяйский, Шяуляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский), **жалким второстепенным направлением, которое прикрывает третьесортная армия** , то и в этом случае **для наступления на фронте в 4 тыс. км требуется 666 дивизий.** Где же их было взять? Хорошо, согласимся с тем, **что для командиров Вермахта ПУ-39 не обязателен.** Посмотрим, как воевали немцы практически».*

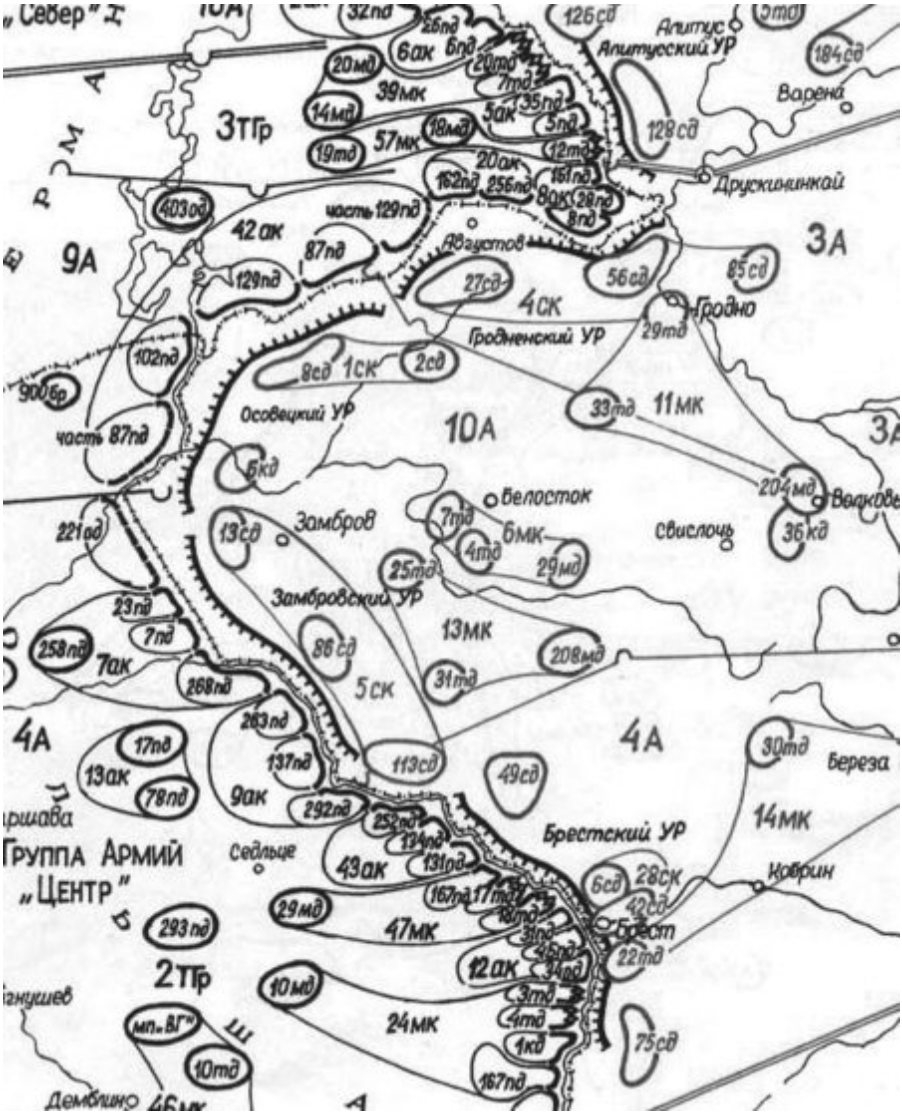
Маленький кусочек текста, один из множеств, взятый практически наугад. О чем в нем идет речь? Сначала внимание сосредоточивается на том, что цитируемый документ является «основополагающим», и неважно, что не для того, что далее обсуждает Солонин. Затем драматическая отсылка к «нерушимости рубежей». Продолжает благое дело запудривания мозга указание, что укрепрайонов целых 15, начинается зачем-то их перечисление. Это добавляет наукообразия и завораживает, практически вводя в транс, наиболее экзальтированную часть аудитории степенью информированности автора. Затем следует милая сентенция о необязательности наших уставов для немцев, радующая понятным юмором и очевидной правотой.

А в чем смысл всего этого абзаца? Ведь удар никогда не наносится равномерно расставленными по всему фронту войсками. Используется принцип неравномерного распределения сил, чтобы быть сильнее именно там, где это необходимо для нанесения максимального урона противнику и достижения наибольшего успеха. Плотности войск, указанные в процитированном Солониным документе, относятся только к ударным группировкам. И такая плотность может быть достигнута, к примеру, на четырехкилометровом участке фронта в 1000 километров. Солонин же преподнес читателям идею о том, что якобы по нашим уставам предусматривалось равномерное распределение сил по всему фронту на тактическом уровне. Неужели автор не знает, что плотности указывались для участков прорыва, а не для всего фронта? Уважаемый читатель, вы можете в это поверить? Я лично нет. Слишком эрудирован и подкован, слишком внимателен и въедлив Марк Семенович. Не может быть

случайностей в его текстах. Следовательно, столь мощная маскировка потребовалась Солонину, чтобы озвучить сатанинскую цифру в 666 дивизий и приписать ее планирование командованию Красной Армии. И что самое грустное, «внимательные» читатели это с удовольствием глотают и просят еще. Прав был кот Базилио: *«На хвастуна не нужен нож, ему немного подпоешь…».*

Это «ошибку» Солонин повторяет и в дальнейшем:

«Что все это означает тактически? Обратимся снова к основополагающему документу – Полевому Уставу. Глава пятая «Основы боевых порядков», ст. 98: «При атаке сильно укрепленных полос и УР ширина фронта наступления ***дивизии*** *может сокращаться до 2 км»; ст. 105: «При обороне УР фронты могут быть шире, доходя до* ***3 –*** *5 км на* ***батальон».*** *Для того, чтобы выбить батальон, обороняющийся в укрепрайоне, нужна дивизия. А дивизия – это девять батальонов пехоты и два полка артиллерии. Разумеется, все эти уставные нормы относятся к обороне полностью оборудованного и вооруженного УРа. Разумеется, 22 июня 1941 г. до состояния «полностью оборудованного» было еще далеко. Но, с другой стороны, где же на всем протяжении фронта от Балтики до Карпат соотношение сил было 9 к 1 в пользу Вермахта? Самое неблагоприятное для нас соотношение сил сложилось именно в полосе Западного фронта. Там наступала самая мощная группировка противника (группа армий «Центр»), а оборонялись не самые многочисленные войска Западного ОБО. Самое неблагоприятное соотношение сил было таким: 48 немецких дивизий (31 пехотная, 1 кавалерийская, 9 танковых, 5 моторизованных и 2 мотодивизии войск СС) против 44 дивизий Красной Армии (24 стрелковые, 2 кавалерийские, 12 танковых и 6 моторизованных). Но это, опять же, в среднем за период операции (увы, эта операции завершилась в первых числах июля окружением и разгромом основных сил Западного фронта). Фактически (не по плану прикрытия, а именно с учетом его несвоевременного введения в действие) в самый первый день войны первый эшелон Вермахта (24 пехотные, 1 кавалерийская, 4 танковые дивизии) столкнулся с первым эшелоном войск Западного ОБО (12 стрелковых, 2 кавалерийские, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии). Численное превосходство противника очевидно, но оно отнюдь не выражается в пропорциях «дивизия против батальона».*

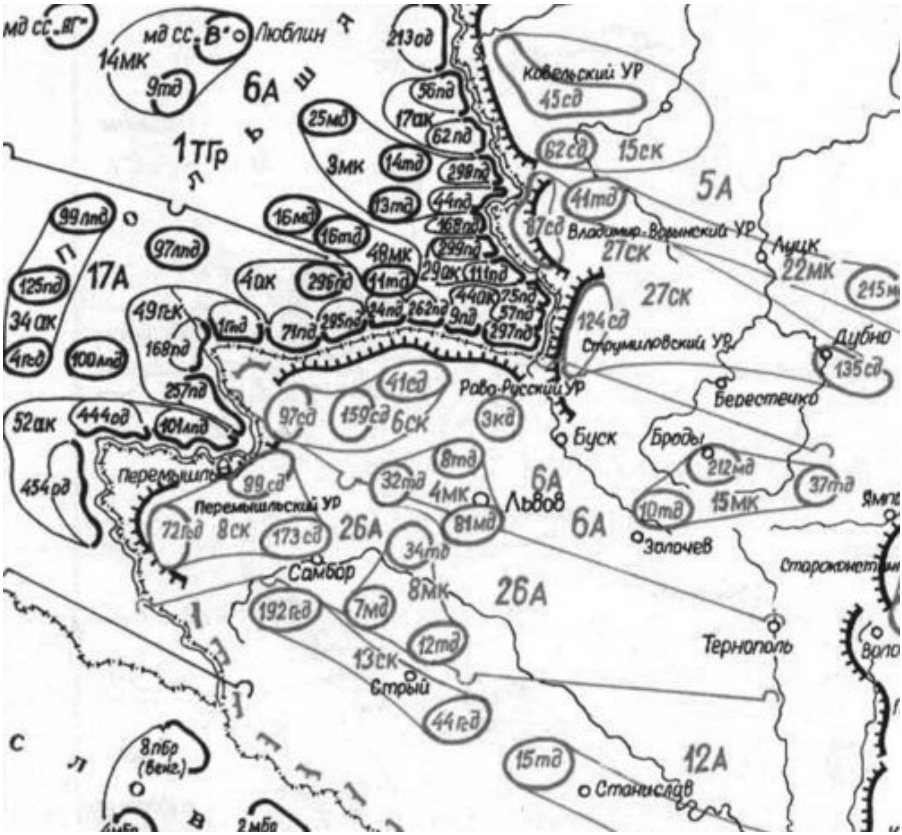

«Тактически» это означает, что, рассуждая о тактике, Солонин тактики не знает. Ударная группировка – это не вся группа армий «Центр». Примером ударной группировки может служить 4-я Тгр. Она прорывала фронт в полосе нашей 4-й армии. И соотношение сил было следующим: у нас 4 сд, 2 тд и 1 мд (при этом мехкорпус укомплектован танками наполовину). У немцев в полосе 4 А – 19 дивизий, из них 10 пд, 1 кд, 5 тд, 3 мд. При этом, например, на фронте 49-й сд наносили удар 131, 134, 168 и 263-я пд, 17 и 18-я тд. Вот вам и девятикратное превосходство в силах – 6 полнокровных немецких дивизий против одной нашей, гораздо более слабой. И оборонялась наша дивизия на линии Брестского УРа, в котором на фронт в 120 км было всего 49 боеготовых ДОТ из положенных 508.

Вот еще о «дураках, с нами несогласных»: *«Первые публикации, в которых была указана реальная численность Красной Армии накануне войны, приведены данные по количеству и производству танков и самолетов, состоялись еще в конце 80-х годов прошлого века. Без малого двадцать лет назад. И ничего. Никто ничего не заметил. Напечатал, например, «Военно-исторический журнал» (официальный, заметьте, печатный орган Министерства обороны СССР) в далеком 1989 г. (№ 4) табличку, в которой были перечислены мехкорпуса, развернутые в западных приграничных округах, и приведено количество танков в них. Ноль эмоций.*

Но стоило только нескольким «историкам-любителям» обратить внимание образованной публики на то, что мехкорпусов в Красной Армии было, оказывается, больше, чем у немцев танковых дивизий, стоило только этим «любителям» взять в руки исправный калькулятор и доложить читателям».

И ведь вроде все верно пишет. Проверим? Открываем тот самый 12-томник «История Второй мировой войны 1939–1945», на который эпизодически ссылается Солонин. Том 4, с. 21, указаны силы немцев, предназначенные к вторжению в СССР – более 4000 танков и САУ. Было ли их столько? Солонин численность немецких танков несколько занижает, но в целом признает. Он пытается выкинуть из расчетов Pz.I и самоходные артиллерийские установки, но даже без них получает почти 3000 танков.

Может быть, советские историки скрыли количество наших мехкорпусов? Солонин указывает, что их было 29. Да нет, не скрыли, в третьем томе на стр. 420 указано, что в 1940 г. создано 9 мехкорпусов и в феврале – марте 1941-го начато формирование еще 20.

Тогда наверняка от нас прятали число танков в мехкорпусе? Солонин сообщает, что их штатная численность – 1031. С ума сойти, на той же 420-й странице третьего тома указан и состав корпуса, в котором должен был быть 1031 танк. Все на месте. А может, еще раньше скрывали? Открываем восьмой том «Истории отечественной артиллерии», аж 1964 г. издания и видим на 217-й странице таблицу роста количества танков и бронемашин в предвоенные годы. Там фигурирует цифра в 23 815 танков на 1 апреля 1941 г. И эта цифра также примерно совпадает с «открытыми» в 1989 г. данными.

Правда, приятно быть «внимательным» читателем, который верит Солонину? Которому Резун и Солонин «открывают» глаза, сообщая страшную «правду», спрятанную «кровавой гебней». Это ведь так здорово, когда апеллируют к твоему разуму, пробуждают его, даже если попутно его и усыпляют!

Марк Семенович пишет:

«Будучи человеком демократических, «западных», либеральных убеждений, я делаю свою работу по-другому.

Ни моральных, ни материальных стимулов к тому, чтобы врать Вам, уважаемый читатель, у меня просто нет. Свои взгляды я не только не скрываю, но прямо и ясно сообщаю Вам на первых же страницах книги. Да, я не из тех. Я – из этих. На следующих страницах Вам будут предоставлены не только (и не столько) выводы, сколько аргументы и факты. Ссылки на источник при каждой значимой цифре. Желающие могут проверить, хотя честно и искренне советую – не тратьте время зря. Калькулятор у меня исправный».

Предпочту потратить время и проверить, хотя бы выборочно. На все действительно жалко времени. Калькулятором воспользуюсь, безусловно, но своим. Еще раз предупреждаю, мы ни в коем случае не собираемся разобрать ВСЕ цифры, идеи и логические построения Солонина. Мы просто разбираем практически случайно выбранные примеры, стараясь охватить все варианты, а не все случаи жульничества и обмана. При разборе всех случаев получится не одна книга. Оно того не стоит.

Часть вторая: Волшебные циферки

На дурака не нужен нож,
Ему с три короба наврешь
И делай с ним, что хошь.

Итак, берем в руки калькулятор и начинаем проверять Солонина. Уважаемый читатель, запомни главное – если нужно кому-то залить в голову помоев, никогда при подсчетах не выдавай точную методику. Считать нужно так – здесь считаем, здесь не считаем, а здесь я селедку заворачивал. Есть много способов обеспечить такой «подсчет», и Марк Семенович успешно использует большинство из них.

Первые волшебные циферки, которые мы будем разбирать, касаются тактико-технических характеристик. Казалось бы, что проще, открывай справочники и смотри. Но Солонин не любит легких путей, где нужно, опустит, где нужно, подправит. Начнем с самого простого:

«Соответственно, противотанковый дивизион, прибывший к месту прорыва с опозданием на полчаса, боевую задачу не выполнил и выполнить уже не сможет – танки противника скрылись за клубами дыма и пыли. Вопрос «быстроходности» в Вермахте был решен отлично. Для транспортировки 37-мм орудий противотанкового дивизиона использовался трехосный грузовик фирмы «Круп» Kfz 69. По шоссе эта достаточно легкая (2450 кг) для 110-сильного двигателя машина неслась со скоростью 70 км/час. Правда, без орудия. Ходовая часть 37-мм пушки не допускала транспортировки со скоростью более 30–35 км/час, так что высокая скорость Kfz 69 не могла быть использована на практике».

Красивый текст, но о чем он? Ведь скорость буксировки 37-мм Рак 36/37 была по паспорту не 35 км/час, а 45 км/ час. Зачем потребовалась эта скромная правка? Да совсем просто. Далее идет:

«Комсомолец» превосходил по проходимости всех своих противников. Скорость? Гораздо ниже, чем у крупповского грузовика: 47 км/час по шоссе без груза и прицепа, 8—11 км/час с полной нагрузкой по пересеченной местности».

То есть с правкой Солонина наш тягач с противотанковой пушкой получается мобильнее немца, а без правки – наоборот. Но этой правки мало. Наше превосходство неубедительно. И Солонин не подвел. На той же странице есть и такой перл:

«Бронирование тягача защищало водителя от пуль винтовочного калибра и осколков снарядов. Машина могла

буксировать орудия весом до 2 тонн (т. е. все имеющиеся и перспективные противотанковые и дивизионные пушки), преодолевала ров шириной 1,4 м, брод 0,6 м, стенку высотой 47 см, ломала своим бронированным носом молодые елочки диаметром до 18 см, без прицепа забиралась в гору с уклоном до 45 градусов, разворачивалась на площадке диаметром 5 метров».

Перспективные брать не будем, ибо непонятно, что именно Солонин имел в виду. Возьмем имеющееся дивизионное орудие Ф-22, которое автор будет хвалить дальше. Это орудие имеет вес в походном положении 2,82 тонны и не может буксироваться «Комсомольцем». Более того, даже устаревшая 76-мм дивизионная пушка образца 1902–1930 гг., весила в походном положении 2,38 тонны и тоже была тяжела для волшебного тягача. Бронирование действительно защищало экипаж «Комсомольца» от штатной 7,92-мм пули со стальным сердечником, правда выпущенной из винтовки 98К на дистанциях более 200–300 метров и в зависимости от участка бронирования. Ну а способность преодолевать брод по колено – это, видно, совсем уж уникальное достоинство, недоступное другим тягачам.

Тягач «Комсомолец»

Тягач «Комсомолец»

То есть что мы видим в реальном мире? Да обычный гусеничный тягач, предназначенный исключительно для «сорокапятки», то есть основного советского противотанкового орудия. Чем приходилось таскать дивизионные орудия, мы узнаем позже. А вот еще один пример, так сказать, контрольный:

«Бронебойный снаряд советской танковой пушки 20К пробивал броню легких танкеток противника на дистанции 1 км (мог бы и с

большей дистанции, но попасть в танк с такого расстояния уже практически невозможно), а на пехоту мятежников обрушивался полноценный осколочно-фугасный снаряд весом в 2,13 кг, создающий зону поражения размером 15 х 6 метров».

«Но танк ведь не просто ползет по полю, он ползет и стреляет. Шансы сторон в «дуэли» танка и противотанковой пушки отнюдь не одинаковые. Бронебойный снаряд, просвистевший в одном сантиметре от башни танка, не принесет ему никакого вреда, в то время как осколочный снаряд (даже если это снаряд малокалиберной 45-мм советской танковой пушки 20К), взорвавшийся на расстоянии нескольких метров от огневой позиции, неизбежно заставит орудие замолчать (45-мм снаряд давал 100 убойных осколков, от которых расчет противотанковой пушки ничем, кроме гимнастерки, не был защищен). Поэтому 5 — 10 выстрелов, о которых мы сказали выше, в реальном бою являются для расчета противотанковой пушки недосягаемой мечтой – после первых же выстрелов экипаж (хорошо подготовленный и обученный экипаж) танка обнаружит стреляющее орудие и парой осколочных снарядов смахнет пушку с лица земли».

Тягач «Комсомолец» с 45-мм пушкой и расчетом

Тягач «Комсомолец» с 45-мм пушкой и расчетом

Казалось бы, а здесь что не так? Да все верно. Вот только картину извращаем изо всех сил. Пишем о Великой Отечественной, а примеры приводим из истории гражданской войны в Испании. Будто и не было чуть более позднего отстрела по 30-мм немецкой броне в Кубинке, когда оказалось, что не берет наш снаряд немецкую броню на дистанциях решительного

боя (400 м). Забыта полностью разница в силуэте танка и противотанковой пушки. Но это мелочи. Самое вкусное здесь – приводимые цифры. Если верить Солонину, то своими 100 осколками 45-мм снаряд выкашивает всех врагов на площади 15х6 метров. А на пути только гимнастерка.

Вот только что подразумевается под «зоной поражения»? Обычно в виду имеется зона сплошного поражения.

А так приходилось буксировать Ф-22 с расчетом

А так приходилось буксировать Ф-22 с расчетом

Но в данном случае это не так. И 100 осколков – это много? К примеру, 76-мм осколочно-фугасный снаряд дает в среднем 870 осколков. При этом особо мощным он не считается.

Что же нам дают 100 осколков? Давайте возьмем условия Солонина в самом мягком варианте. *«Снаряд, взорвавшийся на расстоянии нескольких метров от огневой позиции, неизбежно заставит орудие замолчать»* – тут мы возьмем минимально возможное из нескольких метров, а именно 2 метра. И для получения максимально возможного количества осколков в адрес орудия взорвем его сбоку. Теперь считаем. 10 процентов осколков улетают вперед, их можно не считать, 20 процентов назад, их тоже не считаем. В стороны от оси полета снаряда разлетается 70 процентов осколков, или просто 70 штук. Половина из них, 35 штук, или 50 процентов оставшихся, уходит в землю (нижняя полусфера). Учитывая высоту щита орудия и что расчет, укрываясь от фронтального обстрела из-за него, особо не высовывается, и считая, что снаряд взорвался в 2 метрах от орудия, мы получим вертикальный сектор разлета опасных для расчета осколков менее 30 градусов. То есть на весь прямоугольник, в который вписаны расчет и орудие, придется (берем исправный калькулятор) 5–6 осколков. А какую часть этого прямоугольника составляют расчет и уязвимые части

орудия? Так что говорить можно только о том, что, взорвавшись в двух метрах сбоку от орудия, снаряд не *«неизбежно заставит орудие замолчать.»,* а в лучшем случае ранит или убьет кого-то из расчета и орудие продолжит бой. Учитывать же ударную волну от такого снаряда в качестве поражающего фактора вообще не имеет смысла.

И примерно таким образом Марк Семенович рассматривает ТТХ всей техники и оружия.

Теперь перейдем к чуть более сложным примерам – трактовка ТТХ и сравнение техники сторон. Начнем с весьма симптоматичного примера на страницах 66–68 цитируемой солонинской книжки

«Огромный конструкторский и технологический «задел», накопленный в 30-е годы в танковой индустрии СССР, позволил Красной Армии сделать несколько шагов к этому «будущему» раньше всех в мире. Главной составляющей качественного скачка было создание двух новых типов танков с ***полноценным противоснарядным бронированием:*** *среднего Т-34 и тяжелого КВ».*

Традиционное для Солонина акцентирование с помощью жирного шрифта сейчас его подводит, ибо не позволяет считать это опечаткой. Сразу видно, что Солонин не знаком с французским танкостроением и, например, с B-Ibis, имевшим броню до 100 мм. Но это не суть важно, так как цитата приведена для лучшего понимания следующего абзаца.

«Немцы же с перевооружением танковых частей безнадежно отстали – к 22 июня 1941 г. они не создали ни одного нового типа танка, а все улучшение бронезащиты имеющихся моделей свелось к установке дополнительной 30-мм лобовой плиты на танках Pz-III серий H иJ да увеличению до 50 мм толщины брони лба корпуса и башни на Pz-IV серии F. Боковая поверхность башни, высоченные отвесные борта и корма немецких танков даже самых новых модификаций по-прежнему оставались прикрытыми лишь противопульной 30-мм броней, которая пробивалась огнем советской «сорокапятки» на предельной (по условиям прицельной стрельбы) дальности 600–700 м».

Немцы, конечно, безнадежно отстали от нас, имея в основном на вооружении танки, разработанные по новым концепциям и принятые на вооружение только в 1937 г. Куда им до нас, с нашими основными танками разработки соответственно 1926 и 1932 г. Дифференцированная по толщине броня, ставшая обязательным элементом всех послевоенных танков, по Солонину, превратилась в недостаток. 30-мм «противопульная» броня по уже упоминавшимся мной отстрелам в Кубинке не пробивалась с 400

метров, а ведь лоб немцев доходил до 60 мм. Что интересно, на «Комсомольце» у Солонина противопульной была броня в 7—10 миллиметров. Так что, у нас и пули были куда сильнее?

То есть Солонин сначала расхваливает наши танки, подчеркивая их отдельные элементы, потом поливает грязью технику противника, акцентируясь на других элементах, и создает заведомо ложную картину, рассчитывая на читателя, который знает боевую технику достаточно слабо, в лучшем случае на уровне справочников. Ну ведь нельзя же всерьез предположить, что Солонин искренне считает 60-мм броню слабее, чем 45-мм, и что 7-мм и 30-мм броня одинаково противопульная?

*«**Длинноствольная** (в отличие от короткоствольного «окурка» на немецком Pz-IV) **76-мм пушка** Ф-34 с большой дальностью прицельной стрельбы позволяла уничтожать на относительно безопасной дистанции как любые немецкие танки, так и легкие полевые укрытия (на дистанции 4 км снаряд пушки Ф-34 пробивал кирпичную кладку в полметра)».*

Опять выделения. Про кумулятивный снаряд немецкой пушки, калибр которой, кстати, 75 мм, даже не вспоминаем. А ведь он пробивает любой наш танк на любой дистанции, даже будучи выпущен из *короткоствольного «окурка» на немецком Pz-IV*. И интересно, почему Солонин не указал, какую кладку на расстоянии 4 км пробивала немецкая пушка?

Но мы постараемся не увязнуть и пойдем дальше. Вот автор приводит табличку с циферками. Запомни, читатель, цифры в таблице вызывают наибольшее доверие, и поэтому таблицы для иллюстрирования своих рассуждений используют и историки, и фальсификаторы.

Тип и название орудия	Вес снаряда, кг	Нач. скорость, м/с	Нач. энергия, кДж	Бронепробиваемость на 100 м	Бронепробиваемость на 500 м
Немецкая ПТО 50 мм Pak-38	2,06	830	710	88 мм/ 68 мм	75 мм/ 58 мм
Советская дивизионная 76-мм Ф-22	6,30	690	1500	82 мм/ 69 мм	75 мм/ 61 мм
Немецкая танковая 50-мм KwK-38	2,06	690	490	54 мм/ 46 мм	46 мм/ 41 мм
Советская танковая 76-мм Ф-34	6,30	662	1380	80 мм/ 65 мм	69 мм/ 55 мм

Как видим, на первый взгляд таблица вполне четко сравнивает основные танковые и противотанковые пушки. Впрочем, стоп! А почему это Марк Семенович сравнивает дивизионную пушку с противотанковой? У нас наиболее мощная противотанковая пушка в войсках – это та самая «сорокапятка».

Конечно, Солонин, для создания видимости объективности, за немцев вставил Рак-38, которая летом 1941-го в войсках находилась в гомеопатических количествах и серьезной роли в борьбе против советских танков еще не играла. Но сравнивать пушки разных классов в одной таблице – это просто неприлично.

Конечно, можно порассуждать о том, что Ф-22 имела отличную бронепробиваемость и часто успешно боролась с танками. Однако немецкие 88-мм зенитные пушки Flak-18 делали это еще лучше. А уж как работали наши 203-мм Б-4!!! Не говоря уже о немецких железнодорожных орудиях. Просто от танка лепешку оставляли. Когда попадали в него, конечно. Если мы их ТТХ вставим в таблицу, то картина по весу снаряда, дульной энергии и бронепробиваемости изменится на противоположную. Тем не менее настоящей противотанковой пушкой Ф-22 считать нельзя, ибо у нее были другие основные задачи и в связи с этим отдельные наводчики на горизонтальную и вертикальную наводку, панорамный прицел, высокий силуэт и слишком большая масса для перемещения расчетом на поле боя. Все это неудобно для ПТО. То есть тактически Ф-22 не могла заменить полноценную противотанковую пушку, как немецкая зенитка или советские орудия особой мощности. И вообще, отличную бронепробиваемость имели очень многие пушки.

Далее в таблице присутствуют KwK-38 и Ф-34. То есть пушка Т-34, который составляет примерно 5 процентов нашего танкового парка и пушка самого массового немецкого танка. С нашей стороны, по логике, опять должна быть «сорокапятка», стоявшая на самых массовых советских танках – Т-26 и БТ. Но даже это сравнение у Солонина очень сомнительно. Бронепробиваемость у нас дана максимальная, а у немцев отброшен подкалиберный снаряд. Впрочем, Марк Семенович упоминает об этих снарядах:

«Такая конструкция обеспечивала значительно меньший вес подкалиберного снаряда (по сравнению с обычной бронебойной «болванкой») и как следствие – существенно большую скорость и бронепробиваемость. Так, 50-мм противотанковая пушка Pak-38 пробивала подкалиберным снарядом PzGr-40 броню в 130 мм на 100-метровой дистанции. Этого, безусловно, было достаточно для поражения любого танка, включая тяжелый КВ. Даже жалкая 20-мм пушечка легкого немецкого танка Рг-П с расстояния 100 м пробивала снарядом с карбид-вольфрамовым сердечником 49 мм брони».

Но делает он это после словесной бури, когда информация уже не воспринимается как особенно важная. И даже здесь добавляет:

«Первым и самым главным недостатком подкалиберных снарядов было их отсутствие. Карбид вольфрама в противотанковом снаряде – это дорогостоящая экзотика, и разбрасываться (в самом прямом смысле этого слова) дефицитнейшим легирующим элементом (вольфрамом), необходимым для производства специальных сталей, во время затяжной войны Германия не могла. Объем выпуска «вольфрамовых» снарядов составлял десятки, потом – единицы процентов от общего производства противотанковых боеприпасов».

И вот опять, «здесь читаем, здесь не читаем, здесь селедку заворачиваем». Где нужно – абсолютные цифры, где не нужно – проценты. Вообще-то немцами было выпущено 168 ООО подкалиберных снарядов. Много это или мало, судите сами, с учетом того, что такие снаряды использовались при стрельбе только по сильно бронированным целям и по Т-26 ими не стреляли, поскольку на них вполне годились обычные.

Так как же должна была выглядеть таблица лучших массовых противотанковых и танковых пушек, если бы ее составлял добросовестный исследователь? Возможно, так.

Тип и название орудия	Вес снаряда, кг	Нач. скорость, м/с	Нач. энергия, кДж	Бронепробиваемость на 100 м	Бронепробиваемость на 500 м
Немецкая ПТО 4,7 см Pak 36 (г)	1,65 бронебойный	775	—	60 мм	40 мм
Советская ПТО 45-мм М-37	1,43 бронебойный	750	—	43 мм	28 мм
Немецкая танковая 50-мм KwK-38	1,21 подкалиберный	~1000	490	105 мм	32 мм
Советская танковая 76-мм Ф-34	6,30	662	1380	80 мм/ 65 мм	69 мм/ 55 мм

Согласитесь, картина нашего явного превосходства куда-то исчезла. Можно включить 88-мм Flak-18 и нашу Ф-22. Можно учесть самую массовую немецкую ПТО 37-мм Рак 36/37 с учетом подкалиберного снаряда. Но картина все равно будет не в нашу пользу. Можно поиграть с цифрами из разных источников. Если их брать из любого источника, главное из одного, то солонинская таблица никак не выйдет. Ведь задача Марка Семеновича показать то, чего не было.

Далее Солонин, конечно, проходится по такому очевидному

возражению:

«Что же касается 88-мм немецких зениток, то их в составе пехотных (равно как и танковых, и моторизованных) дивизий Вермахта не было вовсе, т. к. все зенитные батареи в вооруженных силах Германии организационно входили в состав люфтваффе и «сухопутным» командирам не подчинялись. Более того, зенитным орудиям такого калибра в боевых порядках войск и делать было нечего… Тяжелая (боевой вес 5,2 т) 88-мм зенитка с досягаемостью по высоте 11–14 км была предназначена для обороны крупных объектов от высоколетящих дальних бомбардировщиков. Методика стрельбы по скоростной высотной цели не имеет ничего общего со стрельбой прямой наводкой по танку, габариты и вес 88-мм зенитного орудия очень далеки от требований к малозаметной и высокоподвижной пушке ПТО. Да, действительно, оказавшись в безвыходной ситуации после встречи с новыми советскими танками, особенно после появления на поле боя тяжелого танка КВ, немцы вынуждены были заняться самыми нелепыми импровизациями вроде использования 5-тонных зениток и 12-тонных дальнобойных пушек для борьбы с танками, но не стоит, наверное, выдавать «нужду за добродетель».

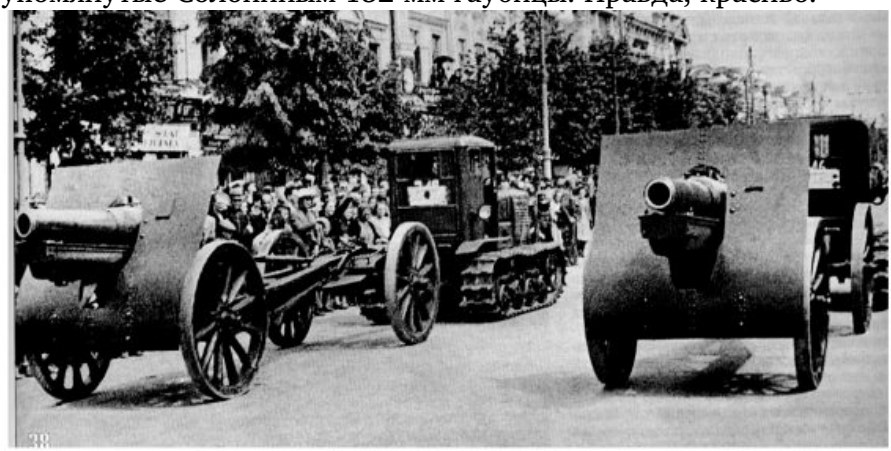
Если принимаем солонинскую «логику», то после начала войны мы исключили артполк и тяжелые гаубицы (а также часть ПТО), так как «в войсках им не место». И далее по Солонину: Тяжелая (боевой вес 1,5 тонны) пушка Ф-22 с большой дальностью стрельбы была предназначена для контрбатарейной борьбы. Методика стрельбы по далеко расположенной цели на закрытой позиции не имеет ничего общего со стрельбой прямой наводкой по танку, габариты и вес Ф-22 очень далеки от требований к малозаметной и высокоподвижной пушке ПТО. Да, действительно, оказавшись в безвыходной ситуации после встречи с новыми немецкими танками, особенно после появления на поле боя Pz.HI и Pz.IV, русские вынуждены были заняться самыми нелепыми импровизациями вроде использования 1,5-тонных дивизионок и 7,8-тонных дальнобойных пушек для борьбы с танками, но не стоит, наверное, выдавать нужду за добродетель…

Бред получается? Но именно это, по сути, и написал в процитированном абзаце Солонин. 88-мм зенитки были в подчинении армейских корпусов и часто придавались тем же дивизиям для борьбы с хорошо бронированными танками еще в боях во Франции. И любая пушка, кроме специализированных ПТО, к которым и Ф-22 не относилась, является импровизацией в борьбе с танками, хотя и может подбивать танки.

Далее мы перейдем к еще более сложному моменту и

разберем солонинские «методики» сравнения уровня оснащения войск в сочетании с уже разобранными методиками сравнения технических характеристик. Лучше всего для такого сравнения подойдут тягачи. Лучше всего потому, что Солонин к ним обращается наиболее часто и нельзя будет сказать, что он случайно описался или допустил разовую ошибку. Тема тягачей начинается со 2-й главы: *«Если по количеству и качеству артиллерийского вооружения Красная Армия не уступала ни одной армии мира, то уровень механизации советской артиллерии был совершенно уникальным. По штатному расписанию апреля 1941 г. гаубичному артиллерийскому полку обычной стрелковой (не моторизованной!) дивизии* ***на 36 гаубиц полагалось 72 трактора*** *(гусеничных тягача), 90 грузовых, 9 специальных и 3 легковые автомашины. Два тягача на одну гаубицу – это двукратное резервирование средств мехтяги, а вовсе не свидетельство непомерного веса артсистем. 122-мм гаубица весила порядка 2,5 тонны, 152-мм гаубица – 4,2 тонны. Для буксировки дивизионных гаубиц предназначались обычные трактора производства Сталинградского и Челябинского заводов (СТЗ-3, С-60, С-65, в девичестве – «Катерпиллер»). Это именно то транспортное средство, которое в любой дождь и снег могло передвигаться по российским дорогам-направлениям. Высокая скорость буксировки орудий в стрелковой (т. е. пехотной) дивизии вовсе не обязательна – достаточно того, чтобы артиллерия просто не отставала от идущих пешком солдат».*

Действительно, уникальность какая-то. Ну зачем на одну пушку два трактора? Наверное, «резервные» трактора на марше едут рядом без всякой нагрузки? Бред какой-то. Смотрим на фотографию тех самых советских тракторов, буксирующих упомянутые Солониным 152-мм гаубицы. Правда, красиво.

Буксировка нашей гаубицы трактором

Буксировка нашей гаубицы трактором

А теперь смотрим на то, как немцы буксируют свои 150-мм гаубицы.

Буксировка немецкой гаубицы тягачом

Буксировка немецкой гаубицы тягачом

Ой, а что там за пассажиры сидят сзади? Это, наверное, расчет? И там, в кузове, кроме расчета, еще и боекомплект к гаубице. А расчет нашей гаубицы, судя по Солонину, печально бредет пешком, таща на себе боекомплект из расчета (извините за невольную тавтологию) примерно 300–350 кг на человека. Или все же трактор не резервный и буксирует подводу с расчетом и боекомплектом? Ну не дано Солонину понять, что трактором заменить артиллерийский тягач нельзя. Его можно заменить только двумя тракторами. А что высокая скорость буксировки необязательна, так это пусть расскажет артиллеристам, перед которыми стоит задача быстро выдвинуться на позицию, совершить маневр батареей на другой фланг дивизии или просто развернуться при встречном бое.

Но это небольшое отступление, продолжим с тягачами дальше:

*«К началу июня 1941 года в строю было **6,7 тыс. тягачей СТЗ-5 и С-2, более 2,5 тыс. «Коминтернов» и «Ворошиловцев** », т. е. порядка 9,2 тыс. специализированных артиллерийских тягачей. (17, с. 31) Это количество уже **превышало общую численность (8,7 тыс.) тяжелых артсистем,** состоявших на вооружении Красной Армии (3817 гаубиц 152-мм, 2603 гаубицы-пушки 152 мм, 1255 пушек 122-мм, 871 гаубица 203-мм, 147 орудий большой и особой мощности). (9, с. 248–250) Кроме того, в войсках еще ДО начала открытой мобилизации числилось порядка 28 тыс. сельскохозяйственных тракторов, что **более чем в два раза превосходило суммарное число «объектов для буксировки»,** т. е.*

дивизионных гаубиц калибра 122 мм и тяжелых зенитных орудий калибра 76 мм и 85 мм. Вот на такой «весомой, грубой, зримой» материальной базе и реализовывались планы развертывания небывалых по мощи танковых соединений: механизированных корпусов Красной Армии».

Опять видим массу неуместных выделений. Вы помните, зачем они? Отвлечь ваше внимание от сути текста и сосредоточить на выделенном.

Что неверно? СТЗ-5 и С-2 – это не специализированные артиллерийские тягачи, а так называемые транспортные трактора, созданные на базе сельхозтехники и не полностью отвечавшие требованиям к арттягачу. Но так и быть, зачтем их.

Из объектов буксировки арттягачами почему-то выпали Ф-22 (которые, как мы выяснили, «Комсомолец» тащить не может), зенитки, гаубицы 122-мм, 107-мм пушки.

28 тысяч сельскохозяйственных тракторов способны буксировать, как мы уже выяснили, 14 тысяч артсистем.

И главное, сельскохозяйственные трактора в принципе не годились для механизированных корпусов, ибо сразу лишали их статуса мобильных соединений своей маршевой скоростью 4–6 км/час.

Так что с *«весомой, грубой, зримой»* Солонин как минимум погорячился. Показанное им явное превосходство СССР над Германией в тягачах может вызвать лишь ехидную ухмылку. Читаем у Солонина:

«Что же касается количества, то в данном случае (едва ли не единственном) Германия обогнала Советский Союз. До конца 1939 г. было произведено 5,8 тыс. полугусеничных тягачей пяти разных типов (Sd.Kfz —11/6/7/8/9), в следующем году произведено порядка 6 тыс., чуть менее 7 тыс. было выпущено в 1941 году, всего – порядка 18,5 тыс. тягачей (в указанную численность не вошли полугусеничные шасси, использованные для производства бронетранспортеров Sd.Kfz-250/251)».

Итого, мы имеем: СССР – *«порядка 9,2 тыс. специализированных артиллерийских тягачей».* Германия – *«всего – порядка 18,5 тыс. тягачей».* Надеюсь, что объяснять, какое из чисел реально больше, не стоит. Можно только немного усугубить сравнение упоминанием

о том, что только 70 процентов парка наших тракторов и тягачей были 22 июня 1941 года на ходу. Текст Солонина дополняется табличкой (ведь таблички убедительны) с четырьмя представителями от наших тягачей.

Для буксировки артиллерии механизированных (танковых) соединений, а также корпусных полков и артполков РГК в конце 30-

х годов было разработано четыре типа гусеничных тягачей, различавшихся по мощности мотора, по тяговому усилию и допустимому весу буксируемого орудия (прицепа), по сложности и стоимости. Все они имели крытую брезентом платформу для размещения орудийного расчета и боеприпасов, оборудовались мощной лебедкой для «самовытаскивания», три из четырех были оснащены дизельными моторами, т. е. работали на относительно пожаробезопасном топливе.

	N, л.с.	Тяга, т	Вес прицепа, т	Скорость км/час
СТЗ-НАТИ (СТЗ-5)	56, бен.	?	4,5	21—15—?
С-2	105, диз.	6,2	10	26—15—10
«Коминтерн»	131, диз.	6,8	17	30—?—?
«Ворошиловец»	400, диз.	13—17	22	42—20—16

В ней Солонин забыл добавить, что два из четырех – не арттягачи, а транспортные трактора двойного назначения. Они выполняли задачи грузового транспорта для бездорожья и как арттягачи использовались при нехватке специализированных тягачей. Еще Солонин забыл написать, что для четырех типов требовалось 3 вида топлива. Притом для С-2 это более нигде в вооруженных силах не применявшееся «солярное масло». А сельхозтрактор С-65, широко представленный в количестве 28 тысяч штук, катался на легроине.

Это не танкетка, а могучий танк

Это не танкетка, а могучий танк

То есть что мы увидели, разбирая эту категорию «волшебных циферок»? Только то, что Солонин пытается доказать, что немцы, имея вдвое больше тягачей, уступали нам по их количеству, что

сельскохозяйственный трактор – достойная замена специализированному артиллерийскому тягачу. И самое грустное, что находятся люди, которые Марку Семеновичу верят. Видать, технология лжи работает успешно. Можно долго разбирать подобные примеры, вспоминая солонинские эпитеты к таблицам и странные сравнения, когда пулеметный БТ-2 с двумя пулеметами ДА и броней до 13-мм – танк, а Pz.I с двумя гораздо лучшими MG-34 и броней 18 мм – танкетка.

Но лучше мы далее перейдем к самой прекрасной части «волшебных циферок», а именно к тому, как Солонин считает соотношение сил и какие из этого делает выводы.

Например, у него очень «удачно» получилось сравнить артиллерию.

	СССР	Германия
82-мм (81-мм) минометы	14 524	11 767
76-мм (75-мм) пушки всех типов	15 298	4176
105-мм гаубицы		7076
122-мм гаубицы	8124	
107-мм (105-мм)	862	760
122-мм пушки	1255	
152-мм (150-мм) гаубицы и пушки	6458	3802
203-мм (210-мм) гаубицы	871	405

«Разобравшись с количеством, скажем пару слов и о качестве. Из общего числа 56,7 тыс. орудий (включая 23,5 тыс. зенитных и противотанковых пушек), которые состояли на вооружении Красной Армии в начале июня 1941 г., 52,4 тыс. орудий (92 %) поступили в войска в период с 37-го по 41-й год. Для пушек и гаубиц, срок службы которых исчисляется десятками лет, это можно определить словами «почти новые». Что же касается новизны тактико-технической, то новейшие системы образца 36—39-го годов составляли уже значительную часть общего артиллерийского парка. Так, например, в войсках Киевского особого военного округа из общего числа 2203 пушек калибра 76,2 мм новые системы составляли половину (1069 единиц). По 122-мм гаубицам и пушкам – 27 %, по 152-мм системам – 73 %».

Таблица есть. Вывод тоже есть. Очевидно, что мы вооружены артиллерией лучше. Ой ли? Таблица, конечно, убедительна. Однако возьмем в руки калькулятор и солонинский текст. Перед нами очередное математическое чудо. В таблице Солонина указаны наши артсистемы, общим числом 47 392 (можете пересчитать). Зенитных и противотанковых пушек в таблице нет, как и 120-мм и 50-мм минометов, 280-мм мортир. Но даже без указанных минометов и мортир ничего не сходится. 56 700 – 23

500 = 33 200, а никак не 47 392. Минометы и мортиры картину еще больше усугубляют. Как там писал Солонин? *«Калькулятор у меня исправный».* Кстати, всего РККА имели 67 335 орудий и минометов.

Но важно не только это. Солонин не делает разницы между новыми и старыми артсистемами. А ведь в западных округах у нас только четверть 122-мм гаубиц были современными М-30 (1033 из 4093). Из 152-мм гаубиц современными были только 38 процентов (773 из 2002). Казалось бы, чего придираться к соотношению старых и новых орудий? Ведь, по Солонину, они весьма близки по возможностям. Ну так судите сами.

Вот немецкая SFH. 18

15-см SFH.18

15-см SFH.18

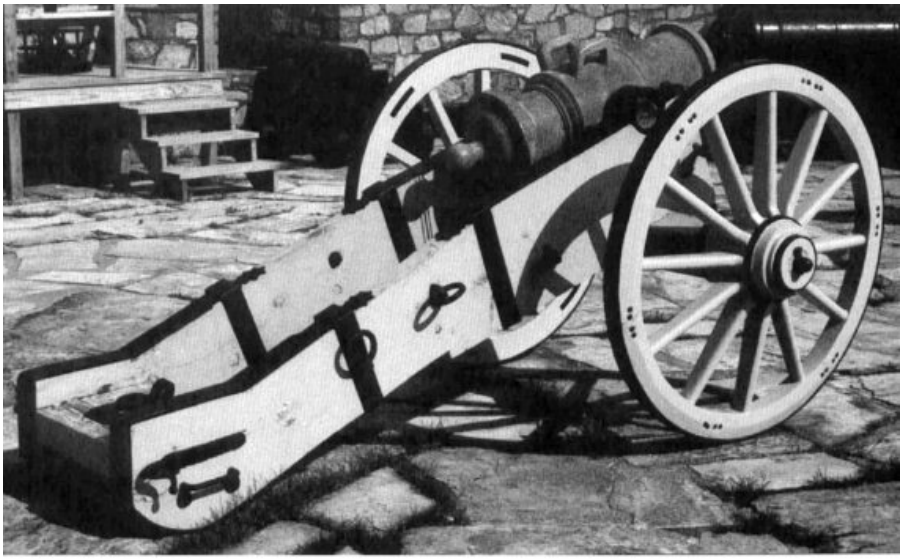
Вот наша основная 152-мм гаубица обр. 1909 года.

152-мм гаубица обр.1909 г.

152-мм гаубица обр. 1909 г.

А вот еще одна шестидюймовая гаубица (ведь, по Солонину, важен только калибр).

Тоже шестидюймовая гаубица

Тоже шестидюймовая гаубица

Далее Солонин, учитывая наши старые орудия, совершенно игнорирует немецкие трофеи и выпущенные на оккупированных

территориях. А таких орудий немцы использовали много. Например, гаубиц калибром 100 мм и 105 мм было более 2 тысяч. В калибрах от 145 мм до 164 мм вообще почти треть пушек и гаубиц были трофейными.

То есть наблюдаем традиционную уже для Солонина картину. Наши силы преувеличил, немецкие приуменьшил, качественную разницу проигнорировал. Здесь считаем, здесь не считаем, а здесь селедку заворачиваем.

Кстати, а почему Солонин не посчитал зенитную артиллерию? Давайте посмотрим. В западных округах у нас было 76-мм зениток 2,1 тыс. и 85-мм – 2,6 тыс., а 37-мм зенитных автоматов (наличие которых в штате нашей дивизии Солонин очень хвалит) всего 817, а во всей РККА – 1382. Для сравнения, у немцев было примерно 17 тыс. 20-мм и 37-мм зенитных автоматов и более 4 тыс. 88-мм зенитных орудий. Превосходство в зенитных автоматах у немцев на порядок. И наплевать, что большая часть из них не в штате дивизий. Главное, что они физически находились в войсках и их тылах.

Или еще один расчет Марка Семеновича, как всегда, с громкими фразами и выделениями жирным шрифтом:

*«В результате сложилась следующая ситуация. В феврале **1941** г. в Красной Армии уже числилось **34 тыс. тракторов** (гусеничных тягачей) , **201 тыс. грузовых и специальных, 12,6 тыс. легковых автомашин.** Что само по себе и немало.*

*Как было выше отмечено, уже это количество тягачей вдвое превышало наличное число тяжелых орудий. Но до полной укомплектованности по требованиям мобилизационного плана МП-41 было еще далеко. С другой стороны, в феврале 1941 года оснащение Красной Армии военной техникой отнюдь не завершилось. Заводы работали в три смены, в 1940 г. советская промышленность выпустила 32 тыс. тракторов всех типов и назначений. Военный заказ 1941 года составлял 13 150 тягачей и тракторов. Количество автомобилей в Красной Армии к июню **1941** г. выросло до 273 тысяч. Наконец, 23 июня была объявлена открытая мобилизация, и, несмотря на весь хаос и неразбериху катастрофического начала войны, уже к 1 июля **1941** г. из народного хозяйства в Красную Армию было передано еще **31,5 тыс. тракторов и 234 тыс. автомобилей.** В среднем на каждую из 303 советских дивизий (всех типов, по всем округам) теоретически приходилось **по 220 тракторов и 1670 автомобилей.** В среднем».*

Теперь проведем сравнение, а то Солонин его «забыл» сделать. В вооруженных силах Германии к июню 1941 года имелось 210 дивизий и 600 ООО автомобилей. Это почти втрое

больше, чем у нас. И даже после мобилизации автомобилей у немцев их было по-прежнему больше. А если считать на дивизию, то у немцев почти 3 тыс. автомобилей против 1,7 тыс. у нас. А если еще сравнить сами автомобили? Например, полноприводный армейский «Хеншель» с нашим «ЗиС-5», который, прежде чем быть мобилизованным в войска, трудился в колхозе.

Но интересны сделанные Солониным выводы из им же написанного:

«Но отечественные военные историки никак не могут унять свои причитания: «Мало… мало… мало… Вопиющая неготовность… Отсутствие положенных средств мехтяги… в Уральском военном округе мобилизационная потребность обеспечивалась средствами мехтяги только от 9 до 45 %…» Страшное дело. Прочитаешь такое – и сразу же становится понятной причина небывалого разгрома: за Уралом тракторов не хватило. А теперь переведем проценты в штуки. Даже 9 % от штата – это 6 тракторов в гаубичном полку, находящемся в глубочайшем тылу, за многие тысячи километров от любой границы. Шести тракторов вполне достаточно для того, чтобы механики-водители с утра до вечера упражнялись в практике буксировки орудий, а орудийные расчеты гаубичной батареи полного состава (4 орудия) отрабатывали марш и выход на огневые позиции. Все остальные орудия полка стоят там, где им положено: на охраняемом складе, в заводской смазке. Зачем их куда-то таскать? Ну, а 45 % от штата – это уже 32 трактора. В таком виде полк можно грузить на железнодорожные платформы и отправлять из-за Урала на фронт. Четыре «безлошадные» гаубицы лишними не будут – их можно, например, использовать в качестве резерва для немедленного восполнения потерь. 122-мм гаубицу (вес которой примерно соответствует весу автомобиля «Волга») вполне мог буксировать грузовик типа «ЗиС-5», в качестве тягача можно было использовать и легкие танки из состава разведбата стрелковой дивизии».

И мы опять видим рассуждения о «лишних тракторах». То есть бойцы расчета, по Солонину, будут ходить пешком и на себе таскать боекомплект и снаряжение? И что такое «некомплект» или «отсутствие штатных средств буксировки»? Солонин не объяснил. Ну разберемся сами. Некомплект тракторов или тягачей означает, что пушку таскать будет нечем! То есть вообще нечем. Ведь штатных автомобилей или лошадей для замены трактора тоже нет. И при прошедшей механизации сельского хозяйства и убогости деревенских лошадок их даже забрать не у кого, а если и удастся, то где брать необходимую для буксировки пушки упряжь? Это же не телега на одну лошадь.

Как видим, солонинские расчеты по числу машин-тракторов в дивизии – это обсуждение «сферического коня в вакууме». Важно, не у кого больше машин в дивизии по штату (хотя у немцев их и в таком разрезе больше), важно, наличествуют ли фактически положенные по штату транспортные средства. У немцев они были. У нас – не хватало, и довольно много. И перебросить гаубицу силами расчета даже на 20 км никак не получится. По этой причине любой груз, на перевозку которого хватает штатных транспортных средств, бросается. В противном случае всей дивизии придется сидеть на месте. А тракторов не хватало не только за Уралом.

Армейский грузовик «Хеншель»

Наш грузовик «ЗиС-5»

Кстати, грузовичку «ЗиС-5» таскать 122-мм гаубицу М-30, с ее походным весом в 2,5 тонны, под силу только по хорошей дороге. И, между прочим, для того, чтобы отдать грузовик под гаубицу, его тоже нужно откуда-то забрать.

Ну и для полной ясности посмотрим еще на одну систему «расчетов» по-солонински:

«Для полной ясности стоит посчитать самим. Берем выпущенный Главным артиллерийским управлением в 1977 г. (и ныне уже рассекреченный) статистический сборник «Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», *берем исправный калькулятор и делим указанные в сборнике количества пушек, минометов и гаубиц на штатную численность вооружения стрелковой дивизии. В результате мы получаем некое условное число дивизий, которые можно было укомплектовать имевшимся артиллерийским вооружением. Да, разумеется, так мобилизационный план не составляют, но для оценки «общей ситуации» предложенный подход вполне уместен. Итак.*

	Наличие, тыс. ед.	Кол-во дивизий
50-мм минометы	36 324	432
82-мм минометы	14 524	269
120-мм минометы	3 872	323
76-мм полковые пушки	4 701	261
76-мм дивизионные пушки	8 513	532
122-мм гаубицы	8 124	254
152-мм гаубицы	3 817	318

Просто продолжим расчет с учетом новой информации. Только уже по немцам. Например, 20-мм автоматов примерно 15 тыс. При штатной численности в дивизии 12 штук – это на 1250 дивизий. 100-мм и 105-мм гаубиц хватает на 250 дивизий, а противотанковых пушек 37-мм и 47-мм – почти на 500 дивизий. Вот такие смешные расчеты. Ведь это так весело, не считать ни корпусную артиллерию, ни отдельные артиллерийские части, ни многое другое. Вся артиллерия – только дивизионная. И сразу такие эффектные цифры выходят. И из них можно сделать «выводы». Но это скорее к следующей главе.

А в попугаях я длиннее всего!

На жадину не нужен нож,
Ему покажешь медный грош,
И делай с ним, что хошь.

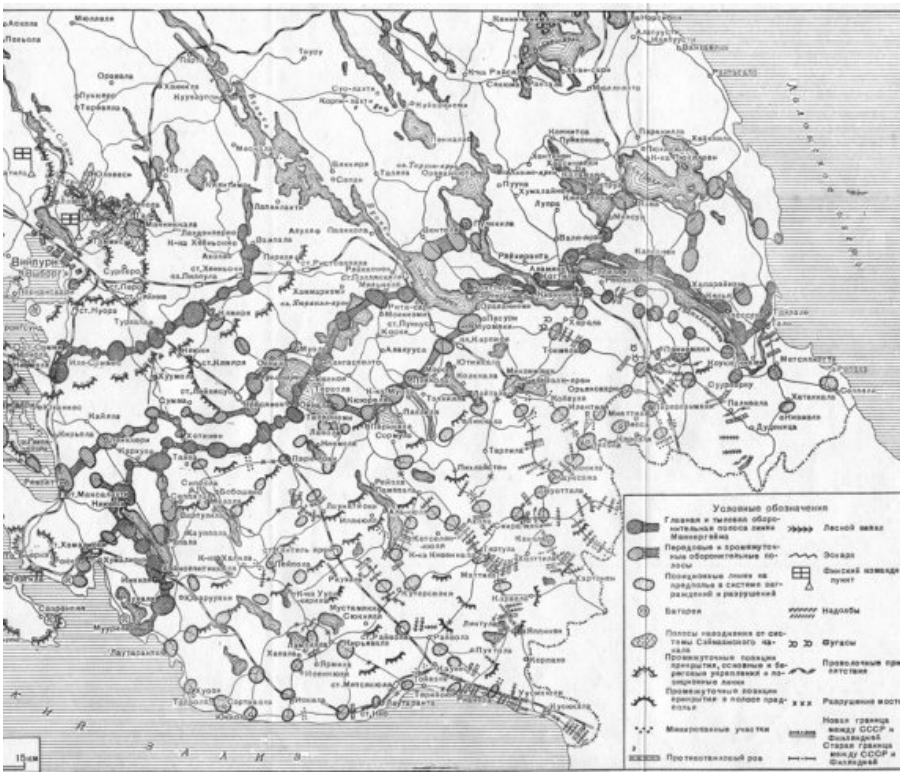
Уважаемый читатель, важно не только хитро посчитать с помощью «волшебных циферок» и сделать вывод о соотношении сил. Крайне важно дать читателю готовые разжеванные общие выводы. А то вдруг он заметит неточности и сделает свой вывод, более близкий не к идеям Солонина, а к реальному миру и его истории? И вся работа по обработке читателя пойдет насмарку.

Сейчас у нас подлежит разбору система оборонительных линий и солонинские оценки и выводы.

«Задним числом была придумана легенда о «несокрушимых укреплениях линии Маннергейма», которые не смогла бы прорвать ни одна армия мира. Кроме «непобедимой и легендарной». Не говоря уже о том, что любой из десятков укрепрайонов на старой и новой советской западной границе (через которые летом 41-го года немцы прошли, или вовсе не обратив внимания на них, или прорвав их оборону за несколько дней боев) не уступал пресловутой «линии Маннергейма» по количеству ДОТов, по составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащенности специальным оборудованием». И далее:

«Не говоря уже про хрестоматийный пример «линии Маннергейма» (редкая цепочка пулеметных ДОСов с примитивным казематным

оборудованием или вовсе без оного), прорыв которой занял более 30 дней в феврале – марте 1940 года».

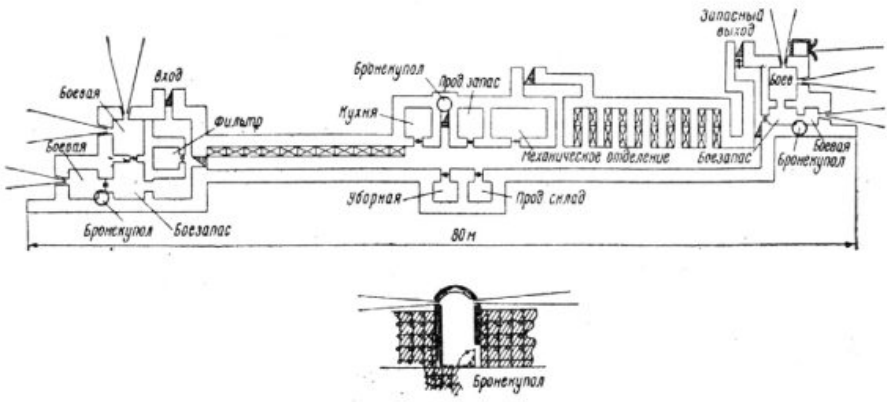

Давайте посмотрим на эту линию. Вот сама «редкая цепочка». А вот один из убогих пулеметных ДОСов.

А вот что пишут об этой линии:

«В основу создания полос заграждения положен принцип мощности препятствий в сочетании с их массивностью. Чтобы разрушить дорогу, финны закладывали по 200 кг ВВ и создавали воронки глубиной 7—10 м и диаметром 15–20 м. Лесные завалы имели по 75—250 м в глубину. На одном километре дороги в среднем устанавливали 200 противотанковых мин».

«У ДОТа № 006 проволочное заграждение состояло из 45 рядов… на металлических кольях, заделанных в бетон».

Финский дот

А имела эта линия *«356 железобетонных и 2425 дерево-земляных сооружений, вооруженных 273 артиллерийскими орудиями и 2204 пулеметами».*

И вот что писал о линии Маннергейма генерал Боду (старший инструктор бельгийского сектора линии Мажино, технический советник Маннергейма): *«Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком промежутке между двумя водными пространствами – Ладожским озером и Финским заливом – имеются непроходимые леса и громадные скалы.*

В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые мощные бомбы. Там, где не хватило гранита, финны не пожалели бетона».

Но, конечно, мнение одного из ведущих военных инженеров Европы и одного из создателей линии Маннергейма для Солонина не авторитет.

Теперь нашиукрепрайоны, которые, по Солонину, были явно мощнее:

«Только в одном Западном ОВО к 1 июня 1941 г. было построено 332 ДОСа (долговременное огневое сооружение), и еще 2130 (две тысячи сто тридцать) ДОСов находилось в стадии строительства».

«Так, суммирование по таблице к вышеупомянутой статье в В И Же дает число 332, на соседней странице, в тексте статьи, сказано, что «к июню 1941 г. было построено 505 ДОСов». Командующий округом Д.Г. Павлов называл на суде цифру 600. Г.К Жуков в своих мемуарах называет еще большие цифры: «К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 была вооружена УРовской артиллерией, а остальные 1500– только пулеметами». Как бы то ни было, но в среднем на

каждом километре западной границы стояло 2–3 железобетонных ДОТа в разной степени готовности, начиная от фактически готовых, но еще не принятых комиссией, до едва поднявшихся выше бетонного фундамента. И это все – «в среднем». Фактически среди вековых лесов и топких болот Западной Белоруссии или украинского Полесья не было никакой нужды выстраивать ДОСы сплошной ровной цепочкой. Узлы обороны сосредоточивались на немногих дорожных направлениях и танкодоступных участках местности, каковое сосредоточение приводило к еще большей концентрации оборонительных сооружений. Даже простое размещение в этих недостроенных бетонных «сараях» (стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы) обычных пулеметных взводов стрелковых дивизий, вооруженных стандартными «дегтярями» и «максимами», позволяло создать сплошную зону огневого поражения».

Со слов Солонина вполне очевидно превосходство наших УРов. Теперь переводим цифры на понятный язык. У финнов примерно на 70 км труднодоступного фронта приходится 356 ДОТов и 2425 ДЗОТов, или 5 ДОТов и 35 ДЗОТов на километр фронта. Они все готовы. У нас на более чем 400 км гораздо более доступной местности 332 готовых ДОТов и 2130 строящихся. Объясняю – недостроенный ДОТ не пригоден для нормальной обороны, ибо не вооружен, не замаскирован и не имеет гарнизона и оборудования (а часто это котлован или фундамент). Итого, у нас менее одного ДОТа на километр фронта. Менее одного или 40 сооружений на километр фронта – есть разница? По Солонину, есть – в пользу одного.

Согласитесь, при проверке и конкретизации картина меняется разительно.

Солонин пытается доказать, что союзники в 1940 году, имея меньше сил, чем немцы, нанесли им серьезные потери, ибо сражались, а советские войска, имея над немцами превосходство, трусливо разбежались, нанеся немцам потери совсем незначительные, и вообще разбегались аж до 1942 года.

И вот он «доказывает», хвалясь своим калькулятором:

«Силы западных союзников в сочинениях советских историков традиционно оценивались в 135 дивизий. И это – совершеннейшая правда. Если просуммировать все формирования, которые в принципе существовали (в Северной Африке, на Ближнем Востоке, на границе с Италией в Альпах, в гарнизонах линии Мажино, в учебных центрах), и добавить к ним армии Бельгии и Голландии в полном составе, то можно насчитать 135 «расчетных дивизий».

«История Второй мировой войны» 1939–1945 гг. в 12 томах, 1974 г., указывает на 147 дивизий только во Франции, Бельгии и

Голландии. «История военного искусства» 1966 г. под редакцией Строкова дает 142 дивизии. «Военная энциклопедия» в 8 томах – опять 147. Уж и не знаю, какие еще более традиционные «сочинения советских историков» знает Солонин? Что характерно – уважаемый автор ссылок на «сочинения советских историков» не дал. Цифры в «135 расчетных дивизий» нигде не обнаружено.

Более того, это силы без учета французских сил в Альпах (Юго-Восточный фронт), в Северной Африке и Леванте. По рецепту Солонина нужно приплюсовать еще 6 дивизий в Альпах и 10 дивизий в колониях. Итого, 163 дивизии. Солонин, так сказать, «ошибся» на 163–135 = 18 дивизий. Не велика ли разница для книги, претендующей на «открывание истины»? Кстати, почему Солонин не дал данные по танкам, пушкам и самолетам – догадываетесь? Вот так, по Марку Семеновичу, выглядит *«совершеннейшая правда».*

Если более точно, то против немцев имелось: у французов 104 дивизии без учета французских сил в Альпах, в Северной Африке и Леванте, у англичан – 10 дивизий (не включены три пехотные дивизии неполного состава, предназначавшиеся для охраны коммуникаций), у бельгийцев – 3 дивизии (крепостные части приравнены к 1 пехотной дивизии), у голландцев – 10 дивизий.

Что еще интереснее – Солонин считает дивизии РККА и союзников. А не личный состав. Почему? Наверное, потому, что в таком случае картина отличается от той, что он хочет получить.

Численность личного состава сторон накануне наступления Германии в мае 1940 года:

Франция – 2,44 млн (в составе войск против Германии, из той же таблицы)

Англия – 0,395 млн

Бельгия – 0,6 млн

Голландия – 0,35 млн

Всего против немцев – **3,785 млн**

Против них у немцев – **3,3 млн**

Для сравнения:

Численность войск РККА в западных округах 22 июня **1941** года **2,68 млн** человек.

Против них 4,6 млн немцев + 0,9 млн финнов, венгров и румын. Итого, **5,5 млн.** Как там писал Солонин?

«На следующих страницах вам будут предоставлены не только (и не столько) выводы, сколько аргументы и факты. Ссылки на источник при каждой значимой цифре. Желающие могут проверить, хотя честно и искренне советую – не тратьте время зря. Калькулятор у меня исправный».

Калькулятор виноват? Далее не менее интересные расчеты:

«В реальности потери немцам нанесли лишь те дивизии, которые находились на ТВД и были введены в бой в период с 10 мая по 10 июня. Это:

– 28 дивизий в составе 7-й, 1-й, 9-й и 2-й французских армий;

– 9 английских дивизий;

– 14 дивизий резерва…

Итого – 51 дивизия, в том числе 3 танковые,

11 пехотных дивизий, сформированных в начале сентября 1939 г. из совершенно необученных новобранцев. Теоретически можно учесть и 22 бельгийские и 10 голландских дивизий. Вот такими силами западные союзники и нанесли немцам урон, вдвое превышающий потери Вермахта в «приграничном сражении» на Восточном фронте».

Солонин точно описывает группировку войск союзников в полосе наступления групп армий А и Б, сложившуюся к 10 мая, – ну, как известно, чтобы обман прошел незамеченным, нужно добавить в него каплю правды. Только спасибо Марку Семеновичу за это описание говорить мы не будем – эти цифры привели в 12-томной истории Второй мировой войны еще оплевываемые Солониным советские историки (том 3, с. 90). Они же дают куда как более интересный и вдумчивый комментарий – в полосе наступления группы армий А, наносившей основной удар, находилось всего 16 французских дивизий против 45 немецких. Сразу становится ясно, как немцам удалось добиться их выдающегося успеха на этом направлении (Солонину до такого уровня комментирования, кстати, расти и расти). А далее следует такой комментарий: против «группы армий Б (29 дивизий) союзники имели 58 дивизий, в том числе 16 французских, 9 английских, 23 бельгийские и 10 голландских. Если исключить из этого числа голландские и несколько бельгийских дивизий, потерпевших поражение в первые же дни боев, то и тогда союзники сохраняли значительное превосходство в силах» (все та же с. 90). Сразу становится ясно, почему на этом направлении наступление немцев развивалось гораздо менее успешно (учитесь, Марк Семенович!).

Увы Солонину. Обратите внимание. Даны цифры по армиям и точные даты. Такие данные невольно вызывают уважение к их приведшему. Видна серьезная и вдумчивая работа с источниками. И как-то даже неудобно спрашивать у автора: мол, откуда дровишки? Как в анекдоте:

– И как ты, Петька, столько денег выиграл?

– Да я, Василий Иваныч, в покер с англичанами играл. Так один говорит: «У меня флэш». Я ему: «Покажь», а он: «Мы

джентльмены и верим друг другу на слово». – Вот тут карта мне и поперла.

Вот и Солонину карта «пошла». Ведь большинство читателей как думают? Вот цифры указаны точно и детально. Даже ссылки на источники есть. Ну чего здесь проверять? Вот автору каждый раз по 4 туза и «приходит».

Затем Солонин начинает обращаться с цифрами совсем вольно, как академик Фоменко. Указав численность группировки сил на 10 мая, Марк Семенович не говорит

об изменениях к 5 июня – дню начала плана «Рот». А к тому времени французы создали сплошной фронт по рекам Эна и Сомма, от побережья до линии Мажино. В Бельгии французы потеряли 30 дивизий (24 пехотные, в том числе

13 активных (из них 6 моторизованных), 3 легкие моторизованные, 2 легкие кавалерийские, 1 бронетанковую). Так же из игры вышли 7 английских дивизий (2, в том числе

1 бронетанковая, остались во Франции). На новом фронте, 400 км, были развернуты 43 активные пехотные дивизии (некоторые понесли потери в Бельгии), 3 легкие бронетанковые, 3 бронетанковые дивизии – всего 49. Наиболее пострадавшие дивизии Маасской армии вместе с остатками бельгийских войск были отведены в тыл, где из них формировалось 7 новых легких пехотных дивизий. Данные взяты из работы А. Гутара «Падение Франции», сб. «От Мюнхена до Токийского залива», М., 1992. С. 155–176. Как ни странно, эти данные опять же совпадают с данными советских историков. Впрочем, нет никакой гарантии, что А. Гутар не был подписчиком газеты «Юманите»…

Так что к 5 июня на фронте появилось более 40 свежих французских дивизий, которые господин Солонин забыл посчитать. Кроме того, активные бои закончились не 10-го, а в период с 14 по 17 июня. И вот на фронте, в составе которого дрались 40 «забытых» дивизий, как пишет Гальдер, 10 июня *«противник ожесточенно сопротивляется по всему фронту».* Именно в боях на Сомме 10 июня произошел знаменитый эпизод столкновения танков Гудериана и тяжелых французских танков Char Bibis. Но ведь, по Солонину, они вообще не существовали. Поговаривают, что в этом бою немцы потеряли до 100 танков и стали использовать в качестве ПТО 88-мм зенитки. Кстати, потери противнику нанесли только те дивизии, что упомянул Солонин? Да?

И по мелочи.

1. Солонин делает вид, что голландцев с бельгийцами считать не стоит. Ну а чего? Почти миллион (950 тыс.) солдат. 1994 орудия калибром от 75 мм (для сравнения, в немецких

войсках по всему фронту – 7378 таких орудий, 3,3 млн солдат). В общем, мелочь, не заслуживающая внимания. Тем более что эти никчемные солдаты сидят в фортах и на укрепленных линиях, и их «не видно».

2. Солонин отмечает аж 11 (из 104) дивизий, сформированных за полгода до начала активных боевых действий из новобранцев призыва сентября 1939-го. Комментируя действия РККА, он ни слова не говорит про новобранцев призыва апреля – мая 1941 г., доля которых местами достигала 60 %.

3. Солонин считает ВСЕ дивизии РККА по всему фронту, но при этом полагает, что сравнение с французской кампанией стоит ограничить периодом приграничного сражения. Он не учитывает французские дивизии и войска укрепрайонов линии Мажино, но учитывает войска ЛенВО на Карельском перешейке и в Псковском УР, войска ОВО на линии реки Прут, которые в приграничном сражении активного участия не принимали.

Также крайне странным выглядят постоянные утверждения Солонина, что союзники в 1940 г. нанесли немцам большие потери при меньших своих потерях, чем РККА в 1941 г.

Немцы на первом этапе французской кампании (10 мая – 4 июня) потеряли 10 252 убитыми, 42 000 ранеными, 8467 пропавшими без вести. Круглым счетом – 60 тыс. человек (это дает Лиддел-Гарт). Потери союзников в боях в Бенилюксе пленными – 1 млн человек.

Безвозвратные потери РККА в приграничном сражении.

СЗФ. Безвозвратные потери за период 22 июня – 9 июля составили 73 924 человека при численности 440 ООО человек (а Солонин «разгромил» эти войска за 3 недели).

ЗФ. Безвозвратные потери за период 22 июня – 9 июля составили 341 012 человек, при общей численности 625 000 человек.

ЮЗФ + ЮФ. Безвозвратные потери за период 22 июня – 6 июля составили 172 323 человека, при численности 864 600 человек.

Итого, общие безвозвратные потери в приграничном сражении 587 259 человек.

При этом потери немцев уже к 6 июля достигли 64 132 человек или несколько превысили потери в первой части Французской кампании. Для простоты – сравнялись. Теперь примем во внимание еще одно обстоятельство, ускользнувшее от внимательного взгляда Солонина, – а именно, определенные трудности в организации эвакуации морем войск из Белостокско-Минского котла (по типу операции «Динамо»). А ведь союзники эвакуировали 338 000 человек – почти столько, сколько всего

потерял ЗФ в приграничном сражении. В общем, делаем выводы – не зря Солонин в свои расчеты не включил учет потерь РККА и союзников.

Общие безвозвратные потери союзников во Франции перевалили за 2 млн. человек. В том числе – 1,9 млн. пленных. Общие потери немцев – грубо 156 тыс. человек, безвозвратные 45 000. Общие безвозвратные потери РККА к концу 3-го квартала (30 сентября) составили 2 129 677 человек, в том числе 153 526 – небоевые потери (болезни, несчастные случаи). В общем, вполне сравнимые цифры (отметим, что процент пленных и пропавших без вести у нас 60,3, а у союзников – сами все видят).

Потери немцев к этому моменту (30 сентября) находим у Гальдера (запись от 4 октября): *«Потери с 22.6 по 30.9. 1941 года. Ранено – 12 886 офицеров и 396 761 унтер-офицер и рядовой; убито – 4926 офицеров и 111 982 унтер-офицера и рядовых; пропало без вести – 423 офицера и 24 061 унтер-офицер и рядовой. Итого, потеряно 18 235 офицеров и 532 804 унтер-офицера и рядовых».* Комментарии, думаю, излишни. Для того чтобы уничтожить или пленить 2 млн красноармейцев, немцам пришлось потерять 561 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Для достижения аналогичного результата во Франции – 156 тыс. человек. Добавим, что в первом случае идут потери только сухопутных войск Германии (без учета люфтваффе и союзников). Во втором же – общие потери вооруженных сил Германии.

Сравнение сил на Восточном фронте вообще удивляет:

«2 июня 1941 г. на западной границе Советского Союза в составе Групп армий «Север», «Центр» и «Юг» было сосредоточено 115 дивизий Вермахта и боевых частей СС».

«А результат был таков, что ***силы, выделенные для «Барбароссы», были настолько малы, что Сталин никак не мог поверить в то, что Гитлер принял решение о вторжении.***

В самом деле, фактически в составе трех групп армий («Север», «Центр», «Юг») на западной границе Советского Союза сосредоточивались: 84 пехотные дивизии, 17 танковых и 14 моторизованных дивизий (в общее число «84 пехотные дивизии» мы включили также 4 легкопехотные, 1 кавалерийскую и 2 горнострелковые дивизии, в общее число 14 мотодивизий включены части войск СС, соответствующие 5 «расчетным дивизиям»). ***Всего – 115 дивизий.*** *Как мог Сталин поверить в то, что такими силами Гитлер рискнет начать наступление против Красной Армии, которая еще в мирное время насчитывала более 300 дивизий? Причем и этих-то 115 дивизий в мае 1941 г. на границах СССР еще не было. Фактически 15 мая 1941 г. на Востоке было сосредоточено 66 пехотных, 3 танковые и 1 моторизованная*

дивизия Вермахта. Советская разведка оценивала (с традиционным завышением) состав группировки противника в 119 дивизий, но и это было меньше половины от общей численности Вермахта, каковую численность советская разведка определяла (опять же завышая реальную величину процентов на 25–30) в 260–285 дивизий. Как же мог Сталин поверить в то, что Гитлер начнет вторжение, не собрав на советской границе хотя бы две трети своей армии?»

И опять начинаем считать. Сначала насчет наших *«более 300 дивизий»*. Это вообще все советские дивизии, а не только сосредоточенные против Германии. В таком случае почему мы считаем все дивизии у нас, но не у немцев? И как писал сам Солонин (и это как раз требуемый кусочек правды), *«в 99 стрелковых дивизиях западных округов (включая Ленинградский ВО) численность личного состава (при штате в 14,5 тыс. человек) была доведена до:* ***21 дивизия – 14 тыс., 72 дивизии – 12 тыс. и 6 дивизий – 11 тыс. человек».***

То есть относительно укомплектованы только 104 дивизии, а не более 300? Но сейчас Марку Семеновичу выгодно считать все наши дивизии против части сил противника. Притом даже не той части, что была против нас, а часть от этой части. Солонин «забыл» посчитать союзные немцам финские, румынские и венгерские войска, так же он «забыл» 5 немецких дивизий группы «Норвегия» и резерв ОКХ, тоже предназначенные против нас. То есть посчитаны только немецкие силы и только в первом эшелоне, да и то не все. Но ведь если так считать за нас, то есть против именно немцев в первом эшелоне, то у нас будет примерно 70 дивизий, да еще и заметно меньших, чем у немцев.

А если посчитать все немецкие силы против нас? Ну, тогда совсем интересно выходит. Вместе с «упущенными» Солониным получается только у немцев 153 дивизии и 3 бригады, с союзниками – 182 дивизии и 19 бригад.

И здесь особенно смешит пафосное заявление Солонина: *«Как же мог Сталин поверить в то, что Гитлер начнет вторжение, не собрав на советской границе хотя бы две трети своей армии?»*.

Господин Солонин, так 153 дивизии из 210 – это разве меньше 2/3? Вроде получается 73 процента, то есть даже больше 2/3 (66 процентов). Что-то там у вас не то с вашим исправным калькулятором. Впрочем, даже если он все-таки исправен, желание считать дивизии вообще мало осмысленно при учете того факта, что они сильно разнились по комплектности и возможностям, по крайней мере в Красной Армии. Достаточно помнить, что соотношение сил было более 5 млн против 2,68 млн.

Вот мы и разобрали способы манипуляции вашим сознанием, уважаемые читатели, и как именно сочинитель Солонин пытается выдать черное за белое. В принципе все книги Марка Семеновича сотканы по такому принципу от первой до последней строки. Можно наугад ткнуть в любую страницу и найти там передергивания и жульничество с цифрами, повторяемые рефреном утверждения, не соответствующие действительности, и выводы, построенные на ложных предпосылках.

Что же произошло на самом деле?

А вот здесь как раз нет ничего особенного и странного.

На нас напали внезапно. Это бывает, даже если нападения ждут. Более того, это бывает даже тогда, когда война уже давно идет. Внезапное нападение – это когда напали не в тот момент, когда ожидали, или не так, как ожидали. Наше руководство ожидало польского сценария, когда устраивается провокация, предъявляются претензии и затем наносится удар. По нам просто ударили сразу.

На нас напали большими силами. Как бы ни изворачивался Солонин, но у немцев вместе с союзниками было более 5 млн человек против наших 2,68 млн. И именно эти силы столкнулись в первые дни войны в составе организованных соединений.

На нас напал более опытный противник. Немцы, имеющие лучшую в то время армию в мире, уже два года воевали и успели разгромить несколько европейских армий. Большая часть немецких частей и соединений имела реальный боевой опыт. У нас этого не было. Более того, наши резервисты в большинстве своем не проходили срочной службы и не являлись нормально подготовленными. Так что немцы превосходили нас по опыту и подготовке как рядового, так и офицерского и генеральского состава. И это естественно после двух лет войны и более раннего введения в Германии всеобщей воинской повинности.

На нас напал более технически оснащенный противник, имеющий больший процент новейших образцов вооружения и техники и уже освоивший эти образцы.

Это к тому, почему немцы выиграли приграничные сражения. Они были сильнее и опытнее и максимально использовали эти преимущества, ибо тоже не дураки.

Теперь о том, почему мы потеряли столько людей пленными и столько техники брошенной и доставшейся врагу. Виной тому стратегия блицкрига. Солонин «забыл» своим читателям объяснить, что такое «блицкриг». Ну может, и сам не знал. Блицкриг – это не просто «молниеносная война», это стратегия, направленная на то, чтобы **не дать противнику использовать свой военный потенциал.** И если блицкриг развивается

успешно, то использовать таковой противнику не получается. Для осуществления блицкрига обязательно захватывается господство в воздухе, и немцы его захватили. Одновременно наносятся удары для прорыва фронта. Наносятся, что характерно, пехотными дивизиями при поддержке тяжелой артиллерии. Затем в прорывы вводятся танковые и моторизованные части для развития успеха.

Внимание! И вот здесь начинаются основные отличия блицкрига от обычной наступательной операции.

В обычной наступательной операции удары наносятся в первую очередь с целью разгрома войск противника. То есть если брать группу армий «Центр», то для нее при обычной операции главными были бы удары на окружение в район Белостока. То есть окружаем часть войск противника и уничтожаем их. Как мы немцев под Сталинградом. Но это не блицкриг.

Немцы, конечно, нанесли удары на окружение войск у границы, но главные удары мобильными соединениями (главное оружие блицкрига) они нанесли в оперативную и стратегическую глубину, на Минск (более 300 км от границы). Это и есть блицкриг. Удары наносятся по штабам, узлам коммуникаций, глубоким тылам. Цель таких ударов вызвать дезорганизацию управления, нарушить взаимодействие родов войск, отсечь главные силы противника от их стратегических тылов. Что и есть **«не дать противнику использовать свой военный потенциал».** И если мы не использовали по полной свой потенциал, то это, несмотря на все рассуждения Солонина, означает только то, что немцы благодаря опыту и превосходству в силах осуществляли свою стратегию блицкрига. Не больше, но и не меньше.

При правильно проводящемся блицкриге авиация парализует действия противника и бьет по его коммуникациям и командной инфраструктуре, мобильные войска громят тылы противника и захватывают аэродромы и транспортные узлы. Ну а пехота зачищает территорию и принимает пленных, при необходимости ведя бои с сохранившими боеспособность частями противника. Если танки регулярно сражаются с танками, а самолеты – с самолетами, то это означает, что блицкриг уже провалился и выродился в обычную наступательную операцию. Поэтому вызывает недоумение возмущение Солонина тем, что наши мехкорпуса сражались не сильно успешно с пехотными дивизиями и не громили немецкие танковые группы. В конце концов инициатива была у немцев, и они решали, как проводить собственное наступление.

Для успеха блицкрига есть два обязательных условия. Первое – господство в воздухе, и немцы его получили, используя как внезапность нападения, так и превосходство в качестве самолетов

(более современный парк) и пилотов (одна битва за Британию чего стоит в плане опыта). Второе условие – большая, чем у противника, подвижность мобильных соединений. И это условие немцы выполнили. Танки, грузовики, тягачи Вермахта создавались под требование поддерживать маршевую скорость 42 км/час (реально – 25–30 км/час). Зато любимые Солониным сельскохозяйственные трактора ограничивали маршевую скорость наших могучих мехкорпусов 6 км/час. Но даже при полном переоснащении на тягачи маршевая скорость составила бы не более 15–20 км/час. А не имея хотя бы равенства в маршевых скоростях, невозможно парировать действия мобильных группировок противника, даже без учета господства этого противника в воздухе. Просто скорости реакции не хватит.

Какие есть видимые результаты проводимого блицкрига? Да как раз те, что вызывают удивление Солонина. Это и потерявшие управление войска, которые чаще всего сдаются в плен. Это и боеприпасы и горюче-смазочные материалы, не дошедшие до частей и доставшиеся врагу, и техника, не получившая этих боеприпасов и горюче-смазочных материалов и тоже доставшаяся врагу. Это и растерянность командного состава, не знающего, что происходит на самом деле, и не имеющего связи с частями. Так было во Франции в 1940-м и Польше в 1939-м, так было в Маньчжурии в 1945-м, так было у нас летом 1941-го, так было и у немцев во время Воронежско-Харьковской операции или освобождения Левобережной Украины. Ни одна армия от этого не застрахована, в том числе и немецкая.

Солонин в своих книгах утверждает: *«Я считаю, что в самой краткой формулировке ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к трем словам:* ***АРМИЯ НЕ ВОЕВАЛА»*.**

При этом, что бы ни писал Марк Семенович, мы сумели сделать то, что не получилось ни у французов, ни у поляков. Мы сбили немцев с блицкрига на обычную наступательную операцию уже к Смоленскому сражению. И наши войска не разбегались, а сражались мужественно и стойко не с 1942 года, как пишет Солонин, а с первых дней войны. Это и оборона Киева, и мужественное сопротивление 16-й армии под Смоленском почти в полном окружении, и успешно проведенное без общего превосходства в силах и почти без танков контрнаступление под Ельней. Это и битва под Москвой, где была разбита и отброшена группа армий «Центр».

Ну а поражение в приграничных сражениях со всеми тяжкими последствиями блицкрига были неизбежны и были вызваны превосходством противника и общей обстановкой. Хотя, если бы Солонин был прав, войну СССР проиграл бы в соответствии с

немецким планом, к осени 1941-го. Солонин о правде:

«Правда не побеждает – правда остается. Подлинная, непредвзятая, на документах и фактах основанная летопись Великой Отечественной войны непременно будет написана. Когда? Ответ и на этот вопрос очень простой. Не раньше, но и не позже, чем закончится нынешнее, изрядно затянувшееся «смутное время» и Россия займет, наконец, достойное ее место в общем ряду цивилизованных стран. Только тогда мы сможем честно признать, что в истории нашей страны были не только славные победы, но и позорные поражения».

Без комментариев.

Григорий Пернавский. Мифы блокадного Ленинграда

Блокада Ленинграда является одной из самых трагических и мрачных глав не только истории Великой Отечественной войны, но и мировой истории в целом. Чудовищный голод, который унес жизни примерно миллиона ленинградцев, сравним с самыми тяжелыми гуманитарными катастрофами XX века, а некоторые, такие как голод в оккупированной Голландии зимой – весной 1945 года, превосходит на порядки. При этом речь идет о голоде в осажденном городе, население которого продолжало воевать, производить в огромных количествах военную продукцию. Многие печальные подробности блокады долгие годы были строжайше засекречены. Однако выживших было слишком много, и еще во время войны по стране начали циркулировать различные слухи, сочетавшие в себе правду и вымысел. В принципе даже от тех сведений о положении дел в Ленинграде, что просачивались в газеты и на радио, у любого внимательного человека возникало чувство ужаса, однако об истинном положении дел в Ленинграде знал только узкий круг людей. И хотя уже в 60-е годы появились довольно подробные исследования блокады, значительная часть информации, чаще всего по идеологическим причинам, в них замалчивалась. Именно по причине того, что власти не желали признавать факт наличия в Ленинграде каннибализма, в то время в СССР не была опубликована работа весьма просоветски настроенного американского историка Гаррисона Солсбери «900 дней». Постепенно запреты, недомолвки и замалчивание фактов привели к тому, что вокруг блокадной эпохи сформировалась масса слухов, частично основанных на реальных фактах, но искаженных многократными пересказами и домыслами, которые делали либо по заблуждению, либо по злому умыслу

Одна из наиболее устойчивых блокадных легенд связана с пожаром Бадаевских складов. 8 сентября 1941 года Ленинград впервые подвергся массированной бомбардировке с воздуха. В 16 часов к городу прорвались 23 немецких бомбардировщика. Им удалось сбросить на Ленинград больше 6000 зажигательных бомб, подавляющая часть которых упала на территории Московского района. Возник огромный пожар на Бадаевских складах, которые располагались недалеко от Московского железнодорожного узла, бывшего скорее всего главной целью немецких бомбардировщиков. Зарево и дым этого пожара видели все ленинградцы. Они еще не успели привыкнуть к бомбежкам и

артиллерийским обстрелам, потому именно этот пожар для многих стал настоящим символом начала блокады и предвестником обрушившихся на них позднее страданий. Пожар Бадаевских складов не только был заснят советскими и немецкими (с воздуха) кинооператорами. Едва ли не каждый ленинградец, который вел дневник, упомянул об этом событии. Например, в дневнике Н. Горшкова 8 сентября появилась запись:

«8 сентября. Первая бомбардировка с воздуха по Ленинграду.

В 19 ч около 30 вражеских самолетов сбросили зажигалки. Главным образом в районе за Обводным каналом. Два больших пожара.

1. Витебская тов. станция. Склады от Растанной ул.

2. Бадаевские тов. склады. Зарево было до 22 часов, но пожар продолжался до утра.

Много мелких пожаров от малых зажигательных бомб, брошенных в большом количестве».

А вот что записал в свой дневник юный ленинградец Юра Рябинкин:

«…результат фашистской бомбежки оказался весьма плачевный. Полнеба было в дыму. Бомбили гавань, Кировский завод и вообще ту часть города. Настала ночь. В стороне Кировского завода виднелось море огня. Мало-помалу огонь стихает. Дым, дым проникает всюду, и даже здесь ощущаем его острый запах. В горле немного щиплет от него».

Пожар наблюдал и будущий академик Д.С. Лихачев. Вот что вспоминал он:

«8 сентября мы шли из нашей поликлиники на Каменноостровском. Был вечер, и над городом поднялось замечательной красоты облако. Оно было белое-белое, поднималось густыми, какими-то особенно «крепкими» клубами, как хорошо взбитые сливки. Оно росло, постепенно розовело в лучах заката и, наконец, приобрело гигантские, зловещие размеры. Впоследствии мы узнали: в один из первых же налетов немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады. Облако это было дымом горевшего масла. Немцы усиленно бомбили все продовольственные склады. Уже тогда они готовились к блокаде. А между тем из Ленинграда ускоренно вывозилось продовольствие и не делалось никаких попыток его рассредоточить, как это сделали англичане в Лондоне. Немцы готовились к блокаде города, а мы – к его сдаче немцам. Эвакуация продовольствия из Ленинграда прекратилась только тогда, когда немцы перерезали все железные дороги; это было в конце августа».

К большому сожалению, над Дмитрием Сергеевичем довлело пресловутое послезнание, свои воспоминания он увязывал с тем,

что узнал и пережил значительно позже вечера 8 сентября.

Что же на самом деле произошло с Бадаевскими складами? Для начала стоит упомянуть, что они были построены купцом Растеряевым в 1914 году. Имя свое склады получили в честь старого большевика Алексея Егоровича Бадаева. В годы Гражданской войны он сначала был председателем Петроградской продовольственной управы, а позднее стал комиссаром продовольствия Петрограда и Северной области. Продовольственные склады имени Бадаева располагались недалеко от Московского вокзала, на Киевской улице. Как уже говорилось выше, целью бомбардировок был скорее всего вывод из строя железнодорожного узла.

8 сентября у немцев еще была надежда захватить Ленинград с ходу, и ни к какой блокаде они не готовились. Судя по документам МПВО, которые были опубликованы только в 1995 году, на территорию складов упало 280 зажигательных бомб. Из 135 складских строений сгорели 27. Вместе с ними было уничтожено около пяти тонн сахара, 360 тонн отрубей, 18,5 тонны ржи, 45,5 тонны гороха, более 286 тонн растительного масла, 10,5 тонны животного масла, около трех тонн макарон, 2 тонны муки и около 209 тонн бумаги. Потери огромные, но если бы это продовольствие осталось в целости и сохранности, то при гигантских потребностях Ленинграда его хватило бы на два-три дня. Так или иначе, но иногда в условиях блокады решающим для выживания человека был кусочек хлеба величиной со спичечный коробок. И совершенно точно, пожар Бадаевских складов стал для ленинградцев прежде всего страшным психологическим ударом. Между прочим, мало кто знает, что склады стали объектом бомбардировки еще раз. 10 сентября на них было сброшено уже 420 зажигательных и одна фугасная бомба. Тогда сгорели четыре склада – два пустых, один с мебелью и один с деталями машин. В тот же день Ленгорисполкомом было принято решение рассредоточить продтовары со складов Торгового порта (масло, жмых, соя, дичь, яйца), Бадаевских складов (140 тонн растительного масла), Черниговских холодильников (рыба, мясо, консервы). На следующий день аналогичное решение было принято по поводу зерна, муки и круп, находившихся на привокзальных базах и портовом элеваторе.

Если говорить о рассредоточении запасов продовольствия по всему Ленинграду, которых, по словам академика Лихачева, якобы не было, то в реальности все обстояло довольно сложно. Дело в том, что в сталинском СССР существовала довольно жесткая система ведомственного подчинения, причем жесткая настолько, что практически не контролировалась местными

властями. В то время как летом 1941 года городская контора всесоюзного объединения «Центрзаготзерно» завозила в Ленинград хлеб из Ярославской и Калининской областей, управление Госрезервов отправляло со своих баз зерно и муку в… Ярославскую и Калининскую области (Ленинград был крупным портовым перевалочным пунктом). И этому практически до установления блокады не могли помешать местные власти, которыми руководил могущественный Андрей Александрович Жданов.

Несмотря на такие недочеты, «Центрзаготзерно» успело до блокады завезти в город 45 000 тонн зерна, 14 000 тонн муки и 3000 тонн круп. Рассредоточение продукции началось уже с первых дней войны (каждое ведомство действовало по своим мобилизационным планам). К моменту начала обстрела Ленинграда были полностью разгружены портовые элеваторы и базы, находившиеся в южном Московском районе, который оказался наиболее приближен к фронту. Одновременно проходила эвакуация хлеба из стремительно становившихся прифронтовыми районов Ленинградской области. При этом работникам «Центрзаготзерна» пришлось решать весьма нетривиальные задачи: требовалось снабжать население хлебом до самого последнего момента, а затем вывезти продовольствие, не оставив его врагу. Эти задачи были выполнены везде, за исключением Пушкино, где немцам удалось разбомбить два пристанционных склада. В целом же на январь 1942 г. ни одного мешка с хлебом, хранившегося на складах «Центрзаготзерно», не погибло. В целом можно считать, что потери продовольствия, которые понес Ленинград из-за военных причин, были невелики и не могли стать причиной голода.

Как-то в перестроечной прессе, кажется, в журнале «Огонек», попалось мне интересное утверждение: в блокадном голоде виноват был лично Отец народов Иосиф Виссарионович Сталин. Оказывается, вождь настолько ненавидел оппозиционный город, партийной организацией которого руководили сначала Зиновьев, а потом и Киров (его Коба, как известно всем потребителям идеологической продукции «прорабов перестройки», убил в коридорчике здания бывшего Смольного института благородных девиц), что воспользовался неожиданной удачей и решил извести несчастных ленинградцев подвернувшимся под руку голодом. При всем идиотизме такого заявления до сих пор находятся люди, которые выдают его за истину в последней инстанции. На самом деле Ленинград был важнейшей составной частью системы обороны Советского Союза. Помимо того, что в этом мегаполисе были сосредоточены важнейшие оборонные предприятия, такие

как Кировский завод, выпускавший танки КВ, город имел важнейшее политическое значение. Напомню, что именно здесь в 1917 году произошли основные события Великой Октябрьской социалистической революции. По этой причине город был святыней не только для большевиков, но и для подавляющего большинства населения страны, особенно для ее граждан, рожденных после 1917 года. Падение Ленинграда означало удар по престижу Советской власти и внутри страны, и за рубежом. Но политические последствия были бы не самыми страшными. Как уже указывалось выше, страна в этом случае теряла огромный промышленный центр (кстати, Ленинград мало того, что обеспечивал свою оборону практически всей номенклатурой боеприпасов, он еще и поставлял военную продукцию на Большую землю). Однако даже потерю такой производственной базы, как Ленинград, СССР выдержал бы. Зато не выдержал бы он обрушения северного фланга советско-германского фронта, которое в случае падения Северной столицы произошло бы неминуемо. Такая катастрофа привела бы к необратимым последствиям, скорее всего, к проигрышу Советским Союзом войны. Именно поэтому в интересах Сталина было прежде всего обеспечение максимальной обороноспособности города.

Почему же, в таком случае, был допущен голод в Ленинграде? Разумеется, если бы руководители города и страны обладали даром предвидения, то они заранее приготовились бы к длительной осаде. Однако предположить, что Ленинград будет блокирован, никто не мог. Да и сами немцы стремились взять город. Так или иначе, но буквально до конца августа 1941 года потребление продовольствия в Ленинграде ограничивалось не более чем на территории всей страны – часть продтоваров отпускалась по карточкам, причем нормы были достаточно велики и, судя по воспоминаниям горожан, еды более чем хватало. Далеко не все были в состоянии потребить всю полагавшуюся им норму. Продолжали работать сеть коммерческих магазинов, пивзаводы, кондитерские мастерские. Перевалочные базы исправно вывозили зерно и муку из города. Войска Ленинградского фронта получали положенную фронтовую и тыловую нормы. Только немногие ленинградцы чувствовали приближение беды. Среди таких был и Дмитрий Лихачев:

«Ко времени нашего возвращения с Вырицы в Ленинград существовала уже карточная система. Магазины постепенно пустели. Продуктов, продававшихся по карточкам, становилось все меньше: исчезали консервы, дорогая еда. Но хлеба первое время по карточкам выдавали много. Мы его не съедали весь, так как дети ели хлеба совсем мало. Зина хотела даже не выкупать весь

хлеб, но я настаивал: становилось ясно, что будет голод. Неразбериха все усиливалась. Поэтому мы сушили хлеб на подоконниках на солнце. К осени у нас оказалась большая наволочка черных сухарей. Мы ее подвесили на стенку от мышей. Впоследствии, зимой, мыши вымерли с голоду. В мороз, утром в тишине, когда мы уже по большей части лежали в своих постелях, мы слышали, как умиравшая мышь конвульсивно скакала где-то у окна и потом подыхала: ни одной крошки не могла она найти в нашей комнате. Пока же, в июле и августе, я твердил: будет голод, будет голод! И мы делали все, чтобы собрать небольшие запасы на зиму. Зина стояла в очередях у темных магазинов, перед окнами которых вырастали заслоны из досок, сколоченных высокими ящиками, в которые насыпалась земля… Что мы успели купить в эти первые недели? Помню, что у нас был кофе, было очень немного печенья. Как я вспоминал потом эти недели, когда мы делали свои запасы! Зимой, лежа в постели и мучимый страшным внутренним раздражением, я до головной боли думал все одно и то же: ведь вот, на полках магазинов еще были рыбные консервы – почему я не купил их! Почему я купил в апреле только 11 бутылок рыбьего жира и постеснялся зайти в аптеку в пятый раз, чтобы взять еще три! Почему я не купил еще несколько плиток глюкозы с витамином С! Эти «почему» были страшно мучительны. Я думал о каждой недоеденной тарелке супа, о каждой выброшенной корке хлеба или о картофельной шелухе – с таким раскаянием, с таким отчаянием, точно я был убийцей своих детей. Но все-таки мы сделали максимум того, что могли сделать, не веря ни в какие успокаивающие заявления по радио».

1 сентября постановлением Совнаркома по всей территории СССР нормы были снижены. Кроме того, закрывались коммерческие магазины и рестораны. Однако эти меры, по крайней мере для Ленинграда, запоздали…

До середины августа 1941 г. ничто не предвещало беды. В 10-х числах месяца части группы армий «Север» начали наступление на Ленинград на Лужском и Новгородском направлениях. К 25 августа Лужский рубеж был прорван, а город оказался под угрозой окружения. Попытки не дать германо-финским войскам отрезать Ленинград от основной территории Советского Союза не увенчались успехом.

8 сентября 1941 г. части 18-й германской армии захватили Шлиссельбург и блокировали город с суши. Теперь с Большой землей Ленинград соединяли только воздух и около 60 километров поверхности Ладожского озера. За день до этого в Москве была получена телеграмма председателя Ленгорисполкома Попкова, в которой сообщалось о том, что

запасов продовольствия в городе осталось всего на несколько дней.

9 сентября в Ленинград прибыл уполномоченный Государственного Комитета Обороны по обеспечению населения города и войск фронта продовольствием Д.В. Павлов, занимавший до этого пост наркома торговли РСФСР. Его задачей было произвести точный учет продовольствия и сосредоточить его расход в одних руках – в руках Военного совета фронта. После учета запасов продовольствия выяснилось, что при норме потребления, введенной 1 сентября (например, рабочим полагалось 600 г хлеба в день, служащим 400, а детям и иждивенцам по 300), для снабжения города и войск Ленинградского фронта на 12 сентября запасов имелось: муки и зерна на 35 дней, крупы и макарон – на 30, мяса – на 33, жиров – на 45, сахара и кондитерских изделий – на 60 дней. При этом рассчитывать на то, что в ближайшее время можно будет наладить снабжение, не приходилось. Уже после войны Дмитрий Васильевич вспоминал:

«…эта водная трасса не была подготовлена к массовым перевозкам грузов. Пристань Новая Ладога, откуда суда отправлялись с грузами на западный берег, находилась в полуразрушенном состоянии, причальная линия ее была короткой и необорудованной, подъездные пути требовали капитального ремонта. Баржи можно было загружать только на значительном расстоянии от берега, по глубине осадки они не могли войти в устье реки Волхов. Стоящие на рейде суда были открытой мишенью для авиации противника. Немецкие летчики, летая парами или тройками, по нескольку раз в день бомбила парсы, береговые постройка, суда».

Иными словами, осажденным оставалось только грамотно распоряжаться собственными ресурсами и надеяться, что блокада вскоре будет прорвана. Увы, этим надеждам не суждено было сбыться. Попытки разорвать вражеское кольцо потерпели крах, сотни тысяч ленинградцев были обречены на страшную смерть.

12 сентября Военный совет Ленинградского фронта впервые понизил размер хлебной нормы. Теперь рабочим полагалось в день 500 г хлеба, служащим и детям – по 300, а иждивенцам – по 250. В тот же день пароход «Орел» притащил через Ладогу две баржи зерна. Для сравнения: ежедневный расход *мука* для хлепопечения составлял в середине сентября 2100 тонн. Павлов и его сотрудники предпринимали титанические усилия для выявления в Ленинграде неучтенного продовольствия. Специалисты-пищевики придумывали натуральные и химические добавки, которые могли бы, не снижая энергетической ценности

продовольственных товаров, позволить растянуть их запас. Снова цитата из воспоминаний Павлова:

«На терраторая ленинградского порта обнаружила 4 тыс. т хлопкового жмыха. В пищу этот жмых раньше не применяли, считалось, что имевшееся в нем ядовитое вещество (госсипол) опасно для здоровья. Провели несколько опытов и установили, что госсипол при выпечке хлеба от высокой температуры разрушается и, следовательно, угроза отравления отпадает. Жмых вывезли из порта и полностью использовали в хлебопечении.

Нужда поистине изобретательна. Из дрожжей приготовляли супы, которые засчитывали в счет нормы крупы, полагавшейся по карточкам. Тарелка дрожжевого супа часто была единственным блюдом в течение дня для многих тысяч людей. Из мездры шкурок опойков (молодых телят), найденных на кожевенных заводах, варили студень. Вкус и запах такого студня были крайне неприятными, но кто обращал внимание на это? Голод подавлял все чувства.

На мельницах за многие годы на стенах, потолках наросла слоями мучная пыль. Ее собирали, обрабатывали и использовали как примесь к муке. Трясли и выбивали каждый мешок, в котором когда-то была мука. Вытряски и выбойки из мешков просеивали и тут же направляли в хлебопечение. Хлебных суррогатов было найдено, переработано и съедено 18 тыс. т, не считая солодовой и овсяной муки. То были главным образом ячменные и ржаные отруби, хлопковый жмых, мельничная пыль, проросшее зерно, поднятое со дна Ладожского озера с потопленных барж, рисовая лузга, кукурузные ростки, выбойки из мешков».

Но эти меры только оттягивали катастрофу, неотвратимость которой признавали даже оптимисты. 1 октября продовольственные нормы были снижены еще раз. Теперь рабочим полагалось 400 г хлеба в день, а служащим, детям и иждивенцам – по 200. Такая норма больше не гарантировала выживания. Впрочем, уже в первой половине октября на улицах Ленинграда можно было встретить голодающих людей. Это были жители пригородов, которые эвакуировались в город. Большая их часть не смогла получить карточки и тихо вымирала. А в середине ноября начали фиксировать голодные смерти и ленинградцев. Пока что в городе еще работали коммунальные службы и транспорт. Упавших от голода людей сразу же доставляли в больницы, но смертельная тень уже нависла над городом. Все, что могли в той обстановке делать власти, они делали: продовольствие перераспределялось и пересчитывалось, проходила постоянная перерегистрация карточек (чтобы пресечь мошенничество). Навигация по Ладоге приносила в город

ничтожное количество еды. Правда, была надежда на сильные морозы, предсказанные синоптиками, и организацию ледовой автомобильной дороги. Однако до этого момента еще нужно было дотянуть.

Говоря о ленинградской трагедии, нельзя не упомянуть и еще об одной довольно грязной выдумке, которая время от времени всплывает в разных «либеральных» газетках и на интернет-ресурсах. Это рассказы о том, как глава питерских коммунистов Жданов обжирался пирожными, а черную икру ему завозили специальными самолетами. Честно говоря, никаких опровержений этих слухов не существует, впрочем, как и подтверждения их какими-либо документами. Можно сказать только одно: факт, что руководство Ленинграда питалось лучше, чем простые горожане, неоспорим. Сталинская империя была вовсе не такой идеальной и не такой справедливой, как ее теперь принято изображать. Номенклатура всегда имела привилегии во всех областях жизни и деятельности. В том числе и в потреблении. Что касается непосредственно блокадного Ленинграда, то на Жданова и его подчиненных была возложена огромная ответственность. Вряд ли Андрей Александрович смог бы адекватно решать сотни проблем, если бы ему пришлось думать, где достать пару плиток столярного клея на обед. Хорошее питание полагалось ему по должности. Так Сталин оценивал его роль в обороне Ленинграда. Все остальное – просто домыслы.

13 ноября Военный совет был вынужден еще раз сократить нормы выдачи продовольствия. Рабочую пайку урезали до 300 граммов, а остальным категориям населения оставалось всего по 150. Голод вступил в свои права, но буквально через неделю ленинградцев ждал еще один страшный удар: паек сократили до 250 граммов рабочим и 125 всем остальным категориям. В тот же день военные подтвердили, что ледовая трасса через Ладожское озеро может начать работу. Продовольствия в Ленинграде оставалось на несколько суток. В некоторые магазины хлеб не завозили по нескольку дней. К сожалению, надежды на скорый запуск трассы не оправдались. На Ладоге началась оттепель, сопровождавшаяся штормами. В конце ноября через озеро умудрились проскочить последние караваны судов. Затем наступила пауза, которая закончилась только в середине декабря, после того, как окончательно наступили холода. Огромные склады были сосредоточены на восточном берегу Ладожского озера. Но еще долгое время завоз продовольствия в Ленинград был значительно ниже потребностей города. 25 декабря произошла долгожданная прибавка хлеба. Рабочим выдавали 350

граммов, а остальным категориям по 200. С этого момента нормы снабжения повышались постоянно, однако было уже поздно. Голода и повальной смертности населения от недоедания и желудочно-кишечных заболеваний избежать не удалось…

В наши дни опубликованы сотни документов о блокаде Ленинграда. По сути, это настоящая летопись войны против голода. Войны, в которой были победы и поражения, а число жертв, даже неточное, заставляет содрогнуться. Руководство страны и города предприняло в этой войне чудовищные усилия. Но все они обернулись бы прахом, если бы не стойкость и мужество простых горожан, которые погибали от голода и холода, но продолжали противостоять врагу.

Михаил Мельтюхов. В августе 1944 г. Миф о преднамеренной остановке красной армии под Варшавой

История Варшавского восстания 1944 г. стала одним из многих сюжетов историографии Второй мировой войны, вокруг которых ведутся ожесточенные политические дискуссии. Уже в ходе восстания и сразу после его поражения сложилась версия, что Красная Армия сознательно прекратила наступление к Варшаве и даже отвела войска, по политическим мотивам не желая оказывать какой-либо поддержки восставшим. Эта версия была изложена в мемуарах и исследованиях У. Черчилля, Т. Бур-Коморовского, С. Миколайчика, В. Андерса, В. Побуг-Малиновского и стала господствующей в литературе, издававшейся польской эмиграцией. В годы «холодной войны» эта концепция широко использовалась в идеологической борьбе против социалистических стран. Естественно, в историографии СССР и ПНР господствовала противоположная концепция, объяснявшая остановку советского наступления на Варшаву рядом объективных причин. При этом основное внимание уделялось анализу политической истории восстания и боев в городе1. Ныне, когда антисоветская концепция стала превалировать в польской историографии2, а в России опубликованы новые документы, следует вновь рассмотреть вопрос о том, какое значение придавалось советским командованием Варшаве и могла ли Красная Армия в конце июля – начале августа 1944 г. освободить ее. Для этого необходимо проанализировать развитие ситуации на центральном участке советско-германского фронта и на подступах к Варшаве летом 1944 г.

В 1944 г. советские войска продолжали наступление, освобождая территорию Советского Союза. Успешные операции зимне-весенней кампании 1943–1944 гг. и накопление материальных запасов позволилио советскому командованию ставить войскам крупные задачи по полному освобождению территории страны. 12 апреля Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) Красной Армии определила, что главной операцией лета 1944 г. будет разгром германских войск на центральном участке советско-германского фронта и освобождение Белоруссии. Одновременно в апреле 1944 г. началось оперативное планирование летней кампании, а 20 мая

Оперативное управление Генштаба представило в Ставку разработанный с учетом соображений командующих фронтами о предстоящих действиях проект плана наступательной операции в Белоруссии. 22–23 мая в Ставке состоялось совещание, всесторонне обсудившее план операции «Багратион», который был утвержден с некоторыми изменениями и дополнениями 30 мая3. По итогам этого совещания 31 мая 1944 г. 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские фронты получили директивы Ставки ВГК с конкретными задачами на первый этап операции.

Командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта генералу армии И.Х. Баграмяну директивой № 220114 приказывалось «подготовить и провести операцию с целью во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берез р. Западная Двина в район Чашники, Лепель, для чего силами 6-й гв. и 43-й армий прорвать оборону противника в районе юго-западнее Городка, нанося один общий удар в направлении на Бешенковичи, Чашники. Ближайшая задача – форсировать р. Западная Двина и овладеть районом Бешенковичей. Частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку с полоцкого направления»4.

Директива № 220115 требовала от командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковника ИД. Черняховского «подготовить и провести операцию с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта и 2-м Белорусским фронтом разгромить витебско-оршанскую группировку противника и выйти на р. Березина, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара: а) один удар силами 39-й и 5-й армий из района западнее Лиозно в общем направлении на Богушевское, Сенно; частью сил этой группировки наступать в северо-западном направлении, обходя Витебск с юго-запада, с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск; б) другой удар силами 11-й гв. и 31-й армий вдоль минской автострады в общем направлении на Борисов; частью сил этой группировки ударом с севера овладеть городом Орша. Ближайшая задача войск фронта – овладеть рубежом Сенно, Орша. В дальнейшем развивать наступление на Борисов с задачей во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом разгромить борисовскую группировку противника и

выйти на западный берег р. Березина в районе Борисова»5.

Согласно директиве № 220112 командующий войсками 2-го Белорусского фронта генерал-полковник Г.Ф. Захаров должен был «подготовить и провести операцию с целью разгромить во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и с правым крылом 1 – го Белорусского фронта могилевскую группировку противника и выйти на р. Березина, для чего силами не менее 11–12 стрелковых дивизий со средствами усиления прорвать оборону противника, нанося один общий удар из района Дрибин, Дедня, Рясна в общем направлении на Могилев, Белыничи. Ближайшая задача – выйти на р. Днепр и захватить плацдарм на его западном берегу. В дальнейшем форсировать р. Днепр главными силами, овладеть Могилевым и развивать наступление в общем направлении на Березино, Смиловичи»6.

Директива № 220113 требовала от командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерала армии К-К. Рокоссовского «подготовить и провести операцию с целью разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи, Пуховичи, Слуцк, для чего прорвать оборону противника, нанося два главных удара: один силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи и другой – силами 65-й и 28-й армий из района нижнего течения р. Березина, Озаричи в общем направлении на ст. Пороги, Слуцк. Ближайшая задача– разбить бобруйскую группировку противника и овладеть районом Бобруйск, Глуша, Глуск, причем частью сил на своем правом крыле содействовать войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме Могилевской группировки противника. В дальнейшем развивать наступление с целью выхода в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи»7.

В мае – июне 1944 г. Ставка ВГК провела крупную перегруппировку войск с целью усиления фронтов на направлении главного удара за счет своих резервов и сил фронтов, действовавших на Украине и в Прибалтике. Предназначенные для проведения операции «Багратион» фронты получили дополнительно 3 общевойсковые и 2 танковые армии, 1 стрелковый, 4 танковых, 1 механизированный и 2 кавалерийских корпуса, 43 стрелковых и кавалерийских дивизии. В состав этих фронтов было направлено 210 462 человека маршевого пополнения, 126 486 винтовок и карабинов, 63 376 автоматов, 7949 ручных и станковых пулеметов, 2849 орудий и минометов8. Для проведения операции «Багратион» советское командование развернуло крупную группировку войск (см. таблицу 1), что позволило создать значительное превосходство над противником. Кроме того, для участия в операции привлекалось 16

авиадивизий Авиации дальнего действия, в которых насчитывалось 1007 самолетов. Замысел советского наступления основывался на идее быстрого прорыва фронта противника и стремительного наступления в глубину его обороны. С этой целью войска фронтов создали ударные группировки на участках прорыва, составлявших на 1-м Прибалтийском фронте 15,6 %, на 3-м Белорусском – 23,6 %, на 2-м Белорусском – 7,5 %, а на 1-м Белорусском – 12,6 % протяженности фронта (см. таблицу 2; в скобках указано количество соединений и техники на 1 км фронта прорыва). 13–18 июня советская авиация провела воздушную операцию по подавлению авиации противника на его аэродромах. Незадолго до начала наступления советских войск активизировалась деятельность партизанских отрядов в тылу группы армии «Центр», которые нанесли значительный ущерб железнодорожной сети, затруднив ее использование противником для переброски войск и снаряжения.

Таблица 1 **ЧИСЛЕННОСТЬ СОВЕТСКИХ ВОЙСК в ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»** 9

	1-й ПрибФ	3-й БФ	2-й БФ	1-й БФ[1]	Всего
Личный состав	359 500	579 300	319 500	582 900	1 841 200
Пулеметы	8432	13 214	5750	16 035	43 431
Орудия	3331	4860	2930	5 975	17 096
Минометы	2817	4241	2221	4 541	13 820
Танки	561	1169	102	883	2715
САУ	126	641	174	414	1355
Автомашины	19 537	16 288	7727	17 177	60 649
Самолеты	902	1 864	528	2 033	5 327

Таблица 2 **ОПЕРАТИВНАЯ ПЛОТНОСТЬ НА УЧАСТКАХ ПРОРЫВА (%)** 10

Фронты	Стрелковые дивизии	Орудия и минометы	Танки и САУ
1-й Прибалт.	66,7 (1,5)	76,1 (151)	77,8 (22)
3-й Белорусский	75,7 (1,2)	80, 1 (175)	80,9 (44)
2-й Белорусский	45,5 (1,2)	54,3 (181)	82,2 (19)
1-й Белорусский[2]	51,3 (1,3)	71,3 (204)	100 (45)

1 Правое крыло. 2 Правое крыло.

Таблица 3 **СООТНОШЕНИЕ СИЛ СТОРОН13**

	Красная Армия	Противник	Соотношение
Дивизии расчетные	132, 5	58,5	2,3:1
Личный состав	1 841 200	1 088 400	1,7:1
Орудия и минометы	30 916	8085	3,8:1
Танки и САУ	4070	721	5,6:1
Самолеты	6334	1342	4,7:1

Советским войскам четырех фронтов противостояли правофланговые дивизии 16-й армии группы армий «Север» (командующий – генерал-полковник Г. Линдеман), войска группы армий «Центр» (командующий – генерал-фельдмаршал Э. Буш, с 28 июня генерал-фельдмаршал В. Модель) и левофланговые дивизии 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» (командующий – генерал-полковник И. Гарпе). Всего противник располагал 63 дивизиями (из них 2 танковые и 3 моторизованные), 1 пехотной и 2 кавалерийскими бригадами. Из этих войск перед готовившимися к операции «Багратион» советскими соединениями на 1060-километровым фронте находилось 57 дивизий и 3 бригады. Не имея возможности создать плотную оборону, германское командование постаралось оборудовать хорошо укрепленные оборонительные пункты и рубежи, на которых было развернуто 71,8 % войск, тогда как во втором эшелоне находилось всего 12,8 %, а в резерве группы армий «Центр» – 15,4 % соединений11. Германское командование полагало, что главный удар Красная Армия будет наносить на южном крыле советско-германского фронта в направлении Балкан, а группа армий «Центр», как и зимой 1943/44 гг., сможет сдержать «демонстративное» советское наступление. Поэтому, даже когда с 10 июня разведка группы армий «Центр» стала получать сведения о подготовке советского наступления в Белоруссии, на совещании 14 июня в генштабе сухопутных войск эти намерения противника были расценены как демонстративные, и о выделении резервов на центральный участок фронта не было и речи. Естественно, что все предложения командования группы армий «Центр» об отводе войск на рубеж Днепра отклонялись Гитлером12.

В течение 22 июня 1944 г. войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусского фронтов провели разведку боем, которая позволила передовым батальонам вклиниться в оборону противника на 1,6–6 км и вынудила германское командование ввести в бои дивизионные, а кое-где и корпусные резервы и выдвинуть войска ближе к линии фронта. С утра 23 июня войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусского фронтов перешли в наступление, а войска правого крыла 1-го Белорусского фронта провели разведку боем. С утра 24 июня фронт советского

наступления охватил пространство от Полоцка до реки Птичь (690 км). К 28–29 июня советские войска провели Витебско-Оршанскую (23–28 июня), Могилевскую (23–28 июня) и Бобруйскую (24–29 июня) операции, прорвав фронт группы армий «Центр», окружив и уничтожив часть ее войск. За это время Красная Армия продвинулась на 80– 130 км со средним темпом в 13,3—21,6 км в сутки14.

Учитывая удачное выполнение первоначальных директив, Ставка ВГК в 24 часа 28 июня уточнила задачи наступающим фронтам. Директивой № 220123 от командующего войсками 2-го Белорусского фронта требовалось «не позже 30.06 – 1.07 с ходу форсировать р. Березина и, обходя встречающиеся опорные пункты противника, развивать стремительное наступление в общем направлении на Минск… Не позже 7–8.07 во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и правым крылом 1-го Белорусского фронта овладеть городом Минск и выйти на западный берег р. Свислочь»15.

Войскам 3-го Белорусского фронта директивой № 220124 приказывалось «с ходу форсировать р. Березина и, обходя встречающиеся опорные пункты противника, развивать стремительное наступление на Минск и правым крылом занять Молодечно», для чего требовалось ус корить наступление 5-й танковой армии и стрелковых соединений16.

С утра 29 июня войска 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов при содействии соединений 1-го Прибалтийского фронта начали Минскую операцию (29 июня – 4 июля). Главный удар наносили войска 3-го и части правого крыла 1-го Белорусских фронтов в общем направлении на Минск. Учитывая, что советские войска находились в среднем в 100 км от столицы Белорусской ССР, а отступавшие от Днепра войска противника в 130–150 км, советское командование рассчитывало использовать сложившуюся конфигурацию фронта для охвата и окружения центральной группировки германских войск. Уже 3 июля 2-й гвардейский танковый корпус 3-го Белорусского фронта и 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта вступили в Минск, восточнее которого были окружены основные силы 4-й армии группы армий «Центр». В ходе операции советские войска продвинулись на 100–130 км со средним темпом 16,6—21,6 км в сутки17. К 11 июля окруженная группировка противника была разгромлена, в плен попало более 60 тыс. солдат Вермахта. По данным германского командования, к 8 июля было разгромлено 28 дивизий группы армий «Центр», из которых 26 было расформировано, а общие потери составили 350 тыс. человек18.

Освобождение Минска и окружение более чем 100-тыс.

группировки противника восточнее города позволили Ставке ВГК в 1 час ночи 4 июля поставить перед войсками наступающих в Белоруссии фронтов новые задачи. От командующего войсками 1-й Прибалтийского фронта директива № 220130 требовала «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Свенцяны, Каунас. Ближайшая задача – не позже 10–12 июля овладеть рубежом Двинск, Нов[ые] Свенцяны, Подбродзе. В дальнейшем, прочно обеспечивая себя с севера, наступать на Каунас и частью сил на Поневежис, Шауляй»19.

Согласно директиве № 220126 войска 3-го Белорусского фронта должны были «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Молодечно, Вильно. Ближайшая задача фронта – не позже 10–12 июля овладеть Вильно и Лидой. В дальнейшем выйти на р. Неман и захватить плацдармы на его западном берегу»20.

2-му Белорусскому фронту директивой № 220131 была поставлена задача «развивать наступление, нанося главный удар в направлении Новогрудок, Волковыск, Белосток. Ближайшая задача – не позже 12–15 июля овладеть районом Новогрудка, выйти на р. Неман и р. Молчадь. В дальнейшем овладеть Волковыском и наступать в направлении Белостока»21.

Директивой № 220127 командующему войсками 1-го Белорусского фронта было приказано правым крылом фронта «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Барановичи, Брест. Ближайшая задача – овладеть [районом] Барановичи, Лунинец и не позже 10–12.07.1944 г. выйти на рубеж Слоним, р. Шара, Пинск. В дальнейшем овладеть Брестом и выйти на р. Западный Буг, захватив плацдармы на его левом берегу»22.

В соответствии с этими директивами советские войска продолжали наступление на запад. Войска 1-го Прибалтийского фронта провели Шауляйскую (5—31 июля), 3-го Белорусского фронта – Вильнюсскую (5—20 июля), 2-го Белорусского фронта – Белостокскую (5—27 июля) операции. Однако продвижение Красной Армии постепенно замедлялось. Если с 5 по 17 июля советские войска продвинулись на 120–200 км со средним темпом 10–16,6 км в сутки, то во второй половине июля продвижение войск составило уже 60—120 км со средним темпом 4—12,6 км в сутки. Правофланговые соединения 1-го Белорусского фронта в составе 48-й, 65-й, 28-й, 61-й армий и Конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И.А. Плиева (4-й гвардейский кавалерийский, 9-й танковый и 1-й механизированный корпуса) продолжали наступление в сторону Бреста, 8 июля освободили Барановичи и к исходу

17 июля вышли на фронт восточнее Свислочи, Пружаны, восточнее Дрогичина. С 5 по 17 июля эта группировка советских войск преодолела 170 км со средним темпом 14 км в сутки, а во второй половине месяца войска продвинулись всего на 110 км, а темп наступления упал до 7 км в сутки23.

Еще в ходе подготовки операции «Багратион» предполагалось, что разгром германских войск севернее Припяти позволит левому крылу 1-го Белорусского фронта зайти во фланг и тыл отступающим частям противника и довершить их разгром. Первоначально согласно утвержденному

2 июля плану операции предусматривалось разгромить ковельскую группировку Вермахта и овладеть Брестом, после чего подвижные соединения должны были развивать наступление либо на Пружаны, Слоним, либо на Бельск, Белосток, чтобы окружить остатки группы армий «Центр» в западных районах Белоруссии. Общевойсковые же армии должны были занять и удерживать фронт по линии Седль-це, Люблин.

Однако реальная ситуация потребовала изменения всего замысла операции. В ночь на 5 июля германское командование отвело войска на высоты западнее Ковеля. Заметив этот маневр, советские войска начали преследовать врага и 6 июля освободили Ковель. Советское командование посчитало, что, если отход противника будет продолжаться, следует начать общее наступление. В ходе преследования у советского командования не без помощи германской разведки сложилось впечатление, что Вермахт отводится за реку Западный Буг, но 8 июля части 11-го танкового корпуса неожиданно натолкнулись на подготовленную оборону противника и понесли тяжелые потери. Поэтому советское командование решило прекратить разрозненные атаки и подготовить операцию по прорыву фронта, который теперь проходил по линии реки Припять, Ратно, Смидынь, Дольск, восточнее Верба.

Тем временем 7 июля Ставка ВГК утвердила новый вариант плана операции, который был доведен до войск 12 и 16 июля приказами командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза К-К. Рокоссовского. Войскам левого крыла фронта была поставлена задача разгромить противостоящего противника, форсировать на

3—4-й день операции реку Западный Буг и выйти на фронт Ратно, Залесье, Савин, Хелм, Дубенка. В дальнейшем войскам следовало развивать наступление в северо-западном и западном направлениях, чтобы к концу июля главными силами выйти на рубеж Лукув, Люблин. Главный удар должны были наносить 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии с задачей прорвать оборону

противника западнее Ковеля, обеспечить ввод в сражение подвижных войск и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седльце и Люблин. 2-ю танковую армию, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса предполагалось ввести в сражение в районе Любомля. После прорыва обороны противника планировалось, что 2-й гвардейский кавалерийский корпус станет развивать наступление на Брест или Бяла-Подляску,

2-я танковая армия будет наступать либо на Парчев, Бяла-Подляска, либо совместно с войсками 8-й гвардейской армии на Лукув, Седльце, а 69-я, 1-я польская армии и 7-й гвардейский кавалерийский корпус – в направлении Люблин, Михув. 47-я армия должна была наступать на Бяла-Подляску и не допустить отхода к Варшаве германских войск, действовавших в районе Бреста, а 70-я армия – нанести удар на Брест с юга.

Войска правого крыла фронта должны были нанести удар из южных районов Западной Белоруссии на варшавском направлении, обходя брестскую группировку с севера. 28-й армии и КМГ ставилась задача нанести удар на Брест с севера, 61-й армии – с востока и во взаимодействии с 70-й армией разгромить брестскую группировку врага. В дальнейшем соединения 1-го Белорусского фронта должны были наступать к рекам Нарев и Висла24.

Основные усилия в Люблин-Брестской операции фронт сосредоточивал на левом крыле, в составе которого насчитывалось 36 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий (570 400 человек, 9954 орудия и миномета, 1748 танков и САУ, 1465 самолетов). Для успешного прорыва сильной обороны противника главная ударная группировка фронта имела глубокое оперативное построение: 1-й эшелон составляли 70-я, 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии; 2-й эшелон – 1-я польская армия. Для развития успеха предназначались 2-я танковая армия, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские и 11-й танковый корпуса. На участках прорыва, составлявших 16,6 % линии фронта, создавались высокие плотности сил и средств: 55,6 % стрелковых дивизий, 85,4 % орудий и минометов и 95,1 % танков и САУ, или 1 стрелковая дивизия, до 356 орудий и минометов и 83 танка на 1 км фронта25. На период прорыва обороны противника в оперативное подчинение командующих 47-й и 69-й армий было передано по одной дивизии, а 8-й гвардейской армии – корпус штурмовой авиации.

Войскам 1-го Белорусского фронта противостояли основные силы 2-й армии группы армий «Центр» и левофланговые соединения 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина». Перед войсками левого крыла 1-го Белорусского

фронта на участке от Ратно до Верба оборонялись 9 пехотных дивизий и 3 бригады штурмовых орудий 8-го армейского и 56-го танковых корпусов 4-й танковой армии (около 111 600 человек, 1550 орудий и минометов, 211 танков и штурмовых орудий), основные силы которых находились в тактической зоне обороны (глубина до 15 км). Успеху предстоящего наступления способствовало то, что с утра 13 июля в наступление на Львов перешли соединения 1-го Украинского фронта, прорвавшие фронт группы армий «Северная Украина».

Наступление войск левого крыла 1-го Белорусского фронта началось утром 18 июля атакой передовых батальонов, успех которых был развит дивизиями 1 – го эшелона армий. К исходу дня вражеская оборона была прорвана на фронте 30 км и на глубину до 13 км, а к исходу 20 июля прорыв был расширен до 130 км по фронту и свыше 70 км в глубину. 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии на широком фронте вышли к реке Западный Буг, с ходу на трех участках форсировали ее и вступили на территорию Польши. К исходу 21 июля на западном берегу реки был создан широкий плацдарм (80 км по фронту и 50 км в глубину). 22 июля советские войска заняли Хелм, где в тот же день была обнародована программа деятельности Польского комитета национального освобождения (ПКНО), созданного накануне в Москве по инициативе представителей Краевой Рады Народовой (КРН) и Союза польских патриотов в СССР на основании закона КРН26. Уже в 20 часов 30 минут 21 июля своей директивой № 220149 Ставка ВГК потребовала от командующего войсками фронта «не позже 26–27 июля с.г. овладеть городом Люблин, для чего в первую очередь использовать 2-ю танковую армию [генерал-полковника С.П.] Богданова и 7-й гв. кк [генерал-лейтенанта М.П.] Константинова. Этого настоятельно требуют политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши»27. Выполняя директиву Ставки ВГК, 2-я танковая армия, введенная в прорыв 22 июля, при содействии части сил 8-й гвардейской армии освободила 24 июля Люблин и 25 июля достигла Вислы в районе городов Демблин и Пулавы28.

Созданная 22 июля Конно-механизированная группа генерал-лейтенанта В.В. Крюкова (2-й гвардейский кавалерийский и 11-й танковый корпуса), развивая наступление на северо-запад, 23 июля овладела городами Парчев и Радзынь, 24 июля – городом Лукув, а в ночь на 25 июля завязала бой за город Седльце. Однако выяснилось, что противник, получив свежие подкрепления, упорно удерживает город. К этому времени армии правого крыла фронта с боями выходили к реке Западный Буг северо-западнее Бреста. К исходу 21 июля они заняли рубеж восточнее реки

Нарев, Боцьки, Семятичи, южнее Черемхи, западнее Кобрина. 23 июля в районе Черемхи германские части перешли в контратаку против войск 65-й армии и несколько потеснили ее соединения, вновь овладев городом Семятичи. Отразив контрудар противника, 65-я и 28-я армии к исходу 26 июля вышли к Западному Бугу, охватив брестскую группировку врага с севера и северо-запада. В это время 70-я армия форсировала реку южнее Бреста и обошла город с юго-запада. С востока к нему подходили войска 61-й армии.

Разгром группы армий «Центр», успешное наступление на Западной Украине и в Прибалтике, высадка союзников в Нормандии и покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. создавали у советского командования надежды на скорый разгром врага. Еще 19 июля заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Советского Союза Г.К. Жуков направил в Ставку ВГК докладную записку № 316 с предложением о дальнейших операциях на западном стратегическом направлении: «1. Главной стратегической целью 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться: выход на Вислу до Данцигской бухты включительно и захват Восточной Пруссии или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии.

2. Восточная Пруссия по наличию укрепленных полос, инженерного оборудования и природным условиям является очень серьезным препятствием. Подступы к Кенигсбергу с юго-востока и юга прикрыты пятью укрепленными полосами, а с востока, кроме того, западнее Инстербурга подготовлен район затопления.

Наиболее выгодные направления для наступления в Восточную Пруссию:

1-е направление – из района Тильзит вдоль побережья в общем направлении на Кенигсберг через Либоц.

2-е направление – из района Каунас – Алитус через Гумбинен на Кенигсберг, обходя обязательно с юга район затопления и Летценский укрепленный район.

3-е направление – из района Млава через Хохенштейн – Алленштейн на Браунсберг.

Кроме того, сильную группировку необходимо бросить восточнее Вислы в общем направлении на Мариенбург для отсечения Восточной Пруссии от Данцигского района.

1-е направление – удар из района Тильзит может проводиться только тогда, когда будет очищена от немцев Литва.

2-е и 3-е направления могут быть использованы при развитии наступления 3-м и 2-м Белорусскими фронтами.

3. Удар через Гумбинен может нанести Черняховский, он же частью сил должен наступать севернее Августовских лесов через Сувалки на Гольдап.

Удар из района Млава должен нанести 2-й Белорусский фронт в следующих направлениях:

а) одна группа на Алленштейн;

б) одна группа на Мариенбург для выхода до Данцигской бухты;

в) одна группа должна выйти на Вислу на участке Грудзянс – Нешава, где и закрепиться.

Левее, до границы с 1-м Украинским фронтом, должен выйти 1-й Белорусский фронт, при этом фронту обязательно необходимо захватить хорошие плацдармы на западном берегу р. Висла.

4. Для выполнения вышеизложенных задач 1-му Белорусскому фронту войск хватит. Ему нужно добавить 300 танков и 100 самоходных орудий.

2-му Белорусскому фронту потребуется одна армия в 9 дивизий, один стрелковый корпус – три дивизии, два-три танковых корпуса или танковая армия, четыре тяжелых танковых полка, четыре полка артиллерийских самоходных установок – 152-мм и усилить фронт авиацией».

В заключение маршал Жуков изложил предложения по разграничительным линиям между фронтами29.

Таким образом, заместитель Верховного Главнокомандующего полагал, что соединения разгромленной группы армий «Центр» не смогут оказать серьезного сопротивления войскам 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов, которые вскоре сумеют освободить Восточную и Северо-Восточную Польшу. Более сложной и трудной представлялась ему операция против Восточной Пруссии, которая, видимо, и должна была стать основной на западном направлении осенью 1944 г.

27 июля в Москве состоялось заседание Ставки ВГК, обсудившее сложившуюся стратегическую ситуацию на советско-германском фронте. Успешное наступление Красной Армии на фронте от Балтийского моря до Карпат позволяло оценить ситуацию в целом оптимистично. Предполагалось, что вскоре удастся освободить Центральную и Южную Польшу, а в дальнейшем отрезать германские войска в Прибалтике от Восточной Пруссии, а саму Восточную Пруссию от Германии. Что касается войск 1-го Белорусского фронта, то, хотя его правофланговые соединения и отставали на 200–250 км от левофланговых, а тылы отстали, считалось возможным продолжать наступление в центральные районы Польши30. В 24

часа 27 июля Ставка ВГК своей директивой № 220161 поставила войскам 2-го Белорусского фронта задачу «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении Ломжа, Остроленка с задачей не позже 8—10 августа 1944 г. овладеть рубежом Августов, Граево, Стависки, Остроленка и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Остроленки. По выполнении указанной задачи прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию в общем направлении Млава, Мариенбург. Иметь в виду из района Млава частью сил наступать на Алленштейн»31.

Одновременно войска 1-го Белорусского фронта получили директиву № 220162, согласно которой от них требовалось «после овладения районом Брест, Седлец правым крылом фронта развивать наступление в общем направлении на Варшаву с задачей не позже 5–8 августа овладеть Прагой и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Пултуск, Сероцк. Левым крылом фронта захватить плацдарм на западном берегу р. Висла в районе Демблин, Зволень, Солец. Захваченные плацдармы использовать для удара в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по р. Нарев и р. Висла и тем самым обеспечить форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Висла центральным армиям своего фронта. В дальнейшем иметь в виду наступать в общем направлении на Торн и Лодзь»32.

* * *

В ходе освобождения западных областей Белоруссии советские войска встретились с отрядами польской Армии Крайовой (АК), которая вела партизанские действия в тылу Вермахта в довоенных границах Польши и подчинялась польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. Целью польского эмигрантского правительства с осени 1943 г. стала реализация плана «Буря», согласно которому части АК должны были по мере отступления Вермахта овладевать освобожденными районами с тем, чтобы наступающие советские и союзные им польские войска уже заставали бы там сформированный аппарат власти, подчиненный эмигрантскому правительству в Лондоне. Разработчики этого плана полагали, что тем самым они добьются от Москвы признания власти эмигрантского правительства на всей довоенной территории Польши. Кроме того, АК должна была быть готова к действиям против тех польских политических сил, которые находились в оппозиции правительству в эмиграции.

Основной расчет делался на то, что, независимо от успеха операции «Буря», польский вопрос станет предметом обсуждения Англии, США и СССР, что заставит Москву пойти на уступки. Польское правительство в Лондоне полагало, что действия отрядов АК и дипломатические маневры позволят ему добиться учета своих интересов.

Поэтому солдатам АК запрещалось вступать в польские части, сформированные в Советском Союзе. Понятно, что все это закладывало фундамент недоверия между АК и советскими войсками, как и между различными польскими политическими силами и военными формированиями. Уже в ходе боев вокруг Ковеля в марте 1944 г. стало ясно, что политические директивы командования АК идут вразрез не только с ситуацией на фронте, но и с интересами освобождения Польши. Тогда в июле 1944 г. командование АК решило сделать ставку на захват крупных городов. 7 июля отряды АК попытались занять Вильнюс, но сил для этого у них было явно недостаточно33. В итоге 13 июля Вильнюс был освобожден войсками 3-го Белорусского фронта, а попытки местного командования АК установить собственную администрацию только обострили ситуацию.

Учитывая все это, Ставка ВГК в 22 часа 14 июля своей директивой № 220145 ориентировала командующих войсками 3-го, 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о следующем: «Наши войска, действующие на территории Литовской ССР, и в западных областях Белоруссии и Украины, вошли в соприкосновение с польскими вооруженными отрядами, которыми руководит польское эмигрантское правительство. Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. По обнаружении личный состав этих отрядов немедленно разоружать и направлять на специально организованные пункты сбора для проверки.

2. В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении их вооруженную силу.

3. О ходе разоружения польских отрядов и количестве собранных на сборных пунктах солдат и офицеров доносить в Генштаб»34.

Операция по разоружению частей АК началась с утра 18 июля, и к 12 часам 20 июля войсками 3-го Белорусского фронта было разоружено более 6 тыс. человек. К началу августа число разоруженных войсками 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского

фронтов выросло до 8324 человек35. Схожая ситуация сложилась и в Западной Украине, где отряд АК 23 июля попытался выбить германские войска из Львова, но был вынужден отступить. Город был освобожден 27 июля войсками 1-го Украинского фронта, а частям АК было предложено либо влиться в состав 1-й польской армии, либо разоружиться36.

В 23 часа 40 минут 31 июля Ставка ВГК направила командующим войсками 1-го Украинского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов директиву № 220169: «1. Ввиду того, что территория Польши восточнее Вислы в большей своей части освобождена от немецких захватчиков и нет необходимости в продолжении боевой работы польских партизан на этой части территории Польши, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает вооруженные отряды Армии Крайовой, подчиненные Польскому комитету национального освобождения, желающие продолжать борьбу с немецкими захватчиками, направлять в распоряжение командующего 1-й Польская армии (Берлинга) для того, чтобы влить их в ряды регулярной польской армии. Партизаны этого рода сдают имеющееся у них старое оружие, чтобы получить новое, лучшее вооружение.

2. Ввиду того, что вражеская агентура стремится проникнуть в районы боевых действий Красной Армии и осесть на территории освобожденной Польши под видом польских отрядов Армии Крайовой, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает вооруженные отряды, входящие в состав Армии Крайовой или других подобных организаций, несомненно, имеющие в своем составе немецких агентов, при обнаружении немедленно разоружать. Офицерский состав этих отрядов интернировать, а рядовой и младший начсостав направлять в отдельные запасные батальоны 1-й Польской армии Берлинга. Оружие, изъятое из отрядов, сдавать на армейские артиллерийские склады.

Командующему 1-й Польской армией для этой цели сформировать к 7 августа сего года отдельные запасные батальоны: для 3-го Белорусского фронта в районе Вильно, для 2-го Белорусского фронта в районе Белостока, для 1-го Белорусского фронта в районе Люблина и для 1-го Украинского фронта в районе Ярослава.

Рядовой и младший начсостав, направленный в отдельные запасные батальоны, тщательно проверять информационному отделу 1-й Польской армии. Проверенных направлять в запасный полк 1-й Польской армии в город Люблин»37.

В тот же день Ставка ВГК направила командующим войсками 1-го Украинского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов

директиву № 302006 о том, что мобилизацию на территории Польши проводит только ПКНО, «как правительственный орган Польского суверенного государства. По поручению Польского Комитета Национального Освобождения мобилизация может проводиться также командованием Красной Армии», а попытки любых других сил организовать мобилизацию следовало немедленно пресекать38.

Тем временем, учитывая вступление Красной Армии на территорию Польши и заключение 26–27 июля соглашений между Советским Союзом и ПКНО39, в Москву прибыл премьер-министр польского эмигрантского правительства

С. Миколайчик. Перед своим отъездом в Советский Союз он разрешил уполномоченному польского эмигрантского правительства в Польше начать восстание в Варшаве в любой удобный, по его мнению, момент, поскольку восстание будет «сильным аргументом» на переговорах в Москве40. Понятно, что в ходе состоявшейся в 21 час 31 июля беседы с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым Миколайчик ни словом не обмолвился о завершении подготовки восстания в Варшаве. Он ограничился лишь туманной фразой о том, что «у польского правительства имеется план, предусматривающий мобилизацию всех сил на борьбу с немцами… Польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить советское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы». На это Молотов, как и все советское руководство преувеличивавший степень разгрома войск противника, ответил, что «до Варшавы осталось всего лишь около 10 километров»41.

В беседе со Сталиным 3 августа Миколайчик, надеявшийся на успех восстания в Варшаве, постарался в некоторой степени ориентировать советское руководство об ожидаемых результатах борьбы в городе: «Когда советские войска войдут в Варшаву, к ним явятся заместитель премьера польского правительства и комендант подпольной армии, которые занимаются вопросами администрации в Польши. Он, Миколайчик, уверен, что этим лицам советские власти не причинят никакого вреда». Далее польский премьер заявил, что «хочет быть в Варшаве». В ответ на замечание Сталина, что Варшава у немцев, Миколайчик сказал, что «как он думает, Варшава будет скоро освобождена, и он сможет там создать новое правительство, базирующееся на все силы Польши». В дальнейшем беседа велась по проблемам советско-польской границы и взаимоотношений эмигрантского польского правительства и ПКНО42. Приведенные материалы показывают, что восстание в Варшаве было специально приурочено к визиту польского премьер-министра в Москву, что,

в свою очередь, вероятно, должно было облегчить польской стороне установление в столице администрации, подконтрольной правительству в эмиграции.

Однако совершенно неожиданно оказалось, что обстановка изменилась, и оптимистические расчеты как советской, так и польской стороны были опрокинуты. Уже 9 августа в заключительной беседе со Сталиным Миколайчик просил его «оказать помощь полякам, борющимся в Варшаве. Сталин спрашивает, о какой помощи идет речь. Миколайчик отвечает, что речь идет о помощи оружием. Дело в том, что немцы сейчас не так сильны, чтобы выбросить поляков из тех районов Варшавы, которые они занимают. Поляки нуждаются в оружии для того, чтобы продержаться. Сталин заявляет, что все это начинание с восстанием польской подпольной армии в Варшаве он считает нереальным делом, так как у восставших нет оружия, в то время как немцы только в районе Праги имеют 3 танковые дивизии, не считая пехоты. Немцы просто перебьют всех поляков. Просто жалко этих поляков». Тем не менее Сталин обещал сделать «все возможное» для переброски оружия восставшим43.

* * *

Понятно, что германское командование всеми силами старалось остановить наступление Красной Армии в Западной Белоруссии, сохранить фронт на подступах к восточным границам Германии и прежде всего удержать линии рек Нарев и Висла. Для этого на центральный участок советско-германского фронта перебрасывались части с других фронтов и из Германии. Так, в период с 23 июня до 16 июля в Белоруссию было направлено 20 дивизий (из них 4 танковые), 4 бригады и 19 отдельных полков. Во второй половине июля туда направлялось еще 16 дивизий (из них 4 танковые), 2 бригады и 3 отдельных полка44. Военное производство позволяло сухопутным войскам Германии не только восполнять потери, но и наращивать численность вооружений и боевой техники. 23 июля новый начальник генерального штаба сухопутных войск Вермахта генерал-полковник Г. Гудериан приказал непременно удержать рубеж рек Висла и Сан, поскольку «иначе можно постепенно откатиться до Одера и Эльбы». Важная роль отводилась удержанию Варшавы – этого центра коммуникаций и возможного места форсирования Вислы крупными массами войск в случае захвата Красной Армией целыми мостов в городе45. Поэтому в тот же день командование группы армий «Центр» приняло решение о сосредоточении

основной танковой группировки на подступах к Варшаве46. Германское командование расценивало наступление войск левого крыла 1-го Белорусского фронта как наиболее серьезную угрозу, и для удержания рубежа Вислы от Варшавы до Пулав 24 июля была введена 9-я армия, которой подчинялись все прибывающие на этот участок войска.

НАЛИЧИЕ ВООРУЖЕНИЯ В СУХОПУТНЫХ ВОЙСКАХ ГЕРМАНИИ47

	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Стрелковое оружие	8 513 388	8 763 149	8 783 430	8 964 380
Ручное противотанковое оружие	238 109	262 823	288 806	287 973
Орудия и минометы	74 457	78 356	77 352	78 116
Танки и штурмовые орудия	9518	10 202	9690	10 027
Прочая бронетехника	2153	2130	2002	2012
Самолеты	7627	7679	7741	7694

Тем временем командование 1-го Белорусского фронта 26 июля приказало ускорить продвижение войск на левом фланге. От 1-й польской армии требовалось «с утра 26.7.44 г. продолжать движение в общем направлении Ку-рув, Демблин с задачей – 28.7.44 г. выйти на рубеж р. Висла на участке: Рыцице (1 км с[еверо]-з[ападнее] Демблин), Властовице (2 км южн[ее] Пулавы) … Командующему 8-й гв. А: с выходом 1-й ПА на р. Висла 4-й гв. ск вывести в полосу своей армии. Командующему 69-й А: продолжать наступление в общем направлении Войцехув, Карчлинска с задачей 26.7.44 г. выйти на рубеж р. Висла на участке: иск[лючая] Властовице, иск[лючая] Юзефув»48. 27 июля на левом фланге фронта 47-я армия вышла на рубеж Мендзыжец, Лукув, 8-я гвардейская армия – западнее Лукува, Демблин, а передовые части 69-й армии подходили к Висле. Подошедшие 27 июля стрелковые соединения 8-й гвардейской и 69-й армий начали форсирование реки. Введенная в сражение 28 июля на стыке 8-й гвардейской и 69-й армий 1-я польская армия также подходила к Висле в районе Демблина, где должна была принять от 2-й танковой армии ее участок.

На правом крыле фронта в течение 28 июля войска 28-й, 70-й армий и 9-й гвардейский стрелковый корпус 61-й армии заняли Брест и на следующий день в лесах западнее его завершили разгром до 4 дивизий противника. После этого 30 июля 61-я и 70-я армии были выведены в резерв Ставки ВГК. К исходу 28 июля основные силы 1-го Белорусского фронта, встретив упорное сопротивление усиленной резервами 2-й германской армии на

рубеже южнее Лосице, Седльце, Гарволин, вынуждены были развернуться фронтом на север. К этому времени войска 1-го Белорусского фронта достигли линии река Висла, Гарволин, Колбель, Калушин, Седльце, Бяла-Подляска, река Кшна, река Западный Буг, Бельск-Подляски.

30 июля во исполнение директивы Ставки ВГК № 220166 от 29 июля об ускорении форсирования реки Висла49 командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Рокоссовский приказал основные переправочные средства подтянуть к реке и обеспечить переправу 69-й, 1-й польской и 8-й гвардейской армий. Требовалось отработать планы по форсированию реки и «довести до сведения командиров всех степеней, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании р. Висла, будут представлены к специальным наградам орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза»50. 29 июля – 2 августа войскам 69-й армии удалось захватить плацдарм на западном берегу Вислы у Пулав, а 1–4 августа 8-й гвардейской армии – у Магнушева, где развернулись ожесточенные бои51.

Тем временем 2-я танковая армия, получив возможность маневра, продолжала наступление вдоль Вислы на северо-запад, рассчитывая обойти Варшаву с северо-востока и выйти к реке Нарев у Сероцка. Как отмечалось 30 июля в утренней оперативной сводке Генерального штаба Красной Армии № 212, «2-я танковая армия, обходя опорные пункты противника, продолжала наступление в направлении г. Варшава. 3-й танковый корпус занял район Сухолонк (16 км сев[ернее] г. Миньск-Мазовецки) – Станиславов и продолжал наступление в направлении на Окунев. 8-й гвардейский танковый корпус с рубежа Миканув (4 км южн[ее] г. Миньск-Мазовецки) – Сенница наступал в северо-западном направлении. 16-й танковый корпус, наступая вдоль Варшавского шоссе, вышел на рубеж Дзехцинец (22 км юго-вост[ок] г. Варшава) – Млендз. Частями корпуса разгромлен штаб 73-й пехотной дивизии противника и захвачены офицеры штаба»52.

К вечеру 30 июля советские танковые части заняли Ответцк, Воломин и Радзымин, отрезав тем самым пути отхода германским войскам, оборонявшимся в районе Седльца и Миньска-Мазовецкого. Передовые части 3-го танкового корпуса оказались в 3–4 км от моста через реку Нарев у Загроб. По данным утренней оперативной сводки Генштаба Красной Армии № 213 от 31 июля, «2-я танковая армия развивала наступление в направлении г. Варшава и к исходу дня вела бои: 3-й танковый корпус, овладев г. Радзымин, вышел на рубеж Радзымин – Струга – Марки (11 км сев[еро]-вост[очнее] г. Варшава) – Зеленка – Оссув – Воломин; 8-й

гвардейский танковый корпус, отражая контратаки танков противника из района Миньск-Мазовецки, медленно продвигался вперед и к исходу дня вышел на рубеж Хмелев – Замене – Целинув – Порембы – Дзехцинец; 16-й танковый корпус, развивая наступление вдоль Варшавского шоссе, овладел г. Отвоцк и к исходу дня вел бой на рубеже Плахта – Изабела – Закрент – Мендзы-лесе – Радосьць – Фаленица – Свидер»53.

Однако общая обстановка на подступах к Варшаве оказалась достаточно сложной. Соединения 2-й германской армии организовали оборонительный рубеж по линии Седльце – Бяла-Подляска, на который советские войска натолкнулись 27 июля. Пользуясь замедлением наступления войск 2-го Белорусского и правого крыла 1-го Белорусского фронтов, противник смог нанести контрудар по соединениям 1-го Белорусского фронта в районе Седльце. Все это привело к тому, что фланги 2-й советской танковой армии оказались открытыми. В этих условиях германское командование, получив свежие соединения и правильно оценив намерения советских танкистов достичь нижнего течения реки Нарев, создало под Варшавой внушительную группировку в составе 5 танковых и 2 пехотных дивизий общей численностью 51,5 тыс. человек, 1158 орудий и минометов и 600 танков и штурмовых орудий. 2-я танковая армия, ослабленная двухнедельным наступлением и испытывавшая перебои с подвозом горючего и боеприпасов, насчитывала всего 32 тыс. человек, 468 орудий и минометов и 425 танков и САУ54.

6-я воздушная армия, взаимодействовавшая с войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта, еще не успела перебазировать самолеты на новые аэродромы ближе к линии фронта и также испытывала трудности с подвозом горючего. Так, 29 июля при наличии почти 1400 самолетов было совершено всего 95 самолето-вылетов, а 30 июля – 232 самолета-вылета для действий на разных участках фронта55. Таким образом, положение 2-й советской танковой армии лишенной поддержки стрелковых частей и воздушного прикрытия следует счесть очень серьезным. Понятно, что в этих условиях ни о каком дальнейшем наступлении не могло быть и речи.

30 июля командование 2-й танковой армии докладывало штабу 1-го Белорусского фронта: «1. Наличие укрепленной линии Варшавского УР подтверждает командир 73-й пд генерал-лейтенант Фронек (взятый нами в плен). Имеются ДОТы, занятые артиллерийскими] частями. Минск-Мазовецкий занимает танковая дивизия «Герман Геринг».

2. 3-й тк главными силами овладел Кобылка, северо-

восточнее Варшавы 8 км. 16-й тк – овладел Погулянка, уперся в сильно укрепленную полосу, лес западнее Милос-на Стар.

3. 8-й гв. тк – ведет упорный бой на рубеже Минск-Мазовецкий, Глинянка (Минск-Мазовецкий 8 км) с танковой дивизией «Геринг».

4. Решил:

1. 3-й и 16-й тк – быстрее приблизить к окраинам Праги, соединить их фланги. Отрезать Варшаву с востока, северо-востока и юго-востока.

8-й гв. тк – прикрыться от Минск-Мазовецкий с юга. Главными силами обойти оборону танковой дивизии «Геринг».

8-й тк вывести в р[айо]н Окунев, Изабела, Подюзефин, обеспечивая действия 3-го и 16-го тк с востока.

Резервную 109-ю т[анковую] бр[игаду] вывожу в лес северо-восточнее Минск-Мазовецкий и ударом 8-го тк с запада, т[анковой] бр[игадой] с востока и северо-востока уничтожить танковую дивизию «Геринг» в р[айо]не Минск-Мазовецкий, не допуская ее отхода и соединения с главными силами [в] северо-восточном направлении. Авиация пр[отивни]ка непрерывно бомбит боевые порядки корпусов.

Убедительно прошу:

1. Ударом бомбардировочной авиации смести с земли Минск-Мазовецкий, где установлено сосредоточение около 100 танков и самоходных орудий.

2. Прикрыть истребительной авиацией р[айо]н армии.

3. Наша авиация совершенно бездействует.

4. Ускорить подачу горючего и масла.

Начинаю выдыхаться (курсив мой. – *ММ.)».*

На этом донесении имеется резолюция Рокоссовского: «Армии действовать по обстановке, штурмаукрепрайонов и долговременных оборонительных сооружений избегать»56.

Однако о том, что ситуация изменилась, командование 2-й танковой армии узнало лишь утром 31 июля, когда на соединения армии с трех сторон обрушился контрудар противника. Парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия со стороны Праги, 4-я танковая дивизия с севера, а 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» с востока атаковали советские войска, которые оказались под угрозой окружения. О важности этой операции для германского командования свидетельствует и личное руководство контрударом со стороны командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Моделя. В этой обстановке уже в 4.10 утра 1 августа войска 2-й танковой армии получили приказ перейти к обороне: «1. Противник частями 73-й

пд, тд «Герман Геринг», тд СС «Мертвая голова», 5-й [тд] СС «Викинг», 19-й тд, 6-го Варшавского охранного полка, опираясь на Варшавский укрепленный район, оказывал упорное сопротивление 2-й ТА на рубеже: Яблонка, Легионово, Чарна Струга, Марки, Окунев, Цехувка, Збытки.

2. 2-я ТА переходит к обороне. Передний край обороны на рубеже: Кобылка, Оссув, Сулеювек, Милосна Стар, Збытки; иметь прикрытие с востока и частично с северо-востока против отходящих частей Брестской группировки противника. Готовность обороны 12.00 1.8.44.

3. Одна дивизия 125-го ск выходит в поселок Станиславов для обеспечения коммуникаций 2-й ТА.

4. 3-му тк с 220-м инж[енерным] саперным батальоном – занять круговую оборону в полосе: Нова Весь, Кобылка, Подлесьняковизна, Оссув. Отдельными отрядами перехватить и оборонять шоссе Радзымин – Варшава в пунктах Радзымин, Струга, Зеленка…

5. 8-му гв. тк – занять круговую оборону в полосе: высота 106,7, Оссув, Гиполитув, Закрент. Одним усиленным м[ото]с[трелковым] б[атальоном] перехватить узел дорог в районе Стары, Рембертув…

6. 16-му тк с 41-й истребительной] бриг[адой], 86-м гв. мотострелковым] п[олком], 201-м инж[енерным] сап[ерным] батальоном, дивизионом штурмовых орудий, без 109-й т[анковой] бр[игады], – оборонять полосу: Горашка, Милосна Стар, Медзешин, Збытки…

7. 87-му отдельному] м[ото]ц[иклетному] б[атальону] с 10-м

дизельным моторизованным огнеметным батальоном сосредоточиться в районе Минск-Мазовецкий и удерживать его, не допуская прорыва танков и пехоты противника с севера и северо-востока. Разведку вести вплоть до рубежа: Калушин, МаковецМалы, Страхувка. Иметь постоянное наблюдение на рубеже: Висьнев, п. Станиславов.

8. 5-му отдельному] м[ото]ц[иклетному] батальону] [место] сосредоточения – лес южнее Глина. Вести разведку вдоль р. Висла в направлении: а) Отвоцк, Медзешин, Прага; б) Карчев, Блота, Прага.

9. Арм[ейский] резерв: 109-я т[анковая] бр[игада], 729-й отдельный] и[стребительно]-п[ротиво]т[анковый] д[ивизион] – кутру 1.8.44 сосредоточиться в районе: Малцанув, Копки, Глинянка»57.

К исходу 2 августа войска 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж западнее Суража, Цехановец, севернее Калушина, Радзымин, восточнее Праги, далее на юг по Висле и продолжали бои по расширению плацдармов на ее западном берегу. Тем временем противник наращивал силу ударов.

Как указывалось 1 августа в утренней оперативной сводке № 214 Генштаба Красной Армии, «2-я танковая армия в течение дня 31.7 вела напряженный бой с упорно обороняющимся противником на ближних подступах к г. Варшава. 3-й танковый корпус отражал контратаки пехоты противника с танками из района Прага и, подвергаясь неоднократным налетам вражеской авиации, в течение дня вел бой на прежнем рубеже; 16-й танковый корпус в течение дня вел бой с упорно обороняющимся противником на прежнем рубеже; 8-й гвардейский танковый корпус частью сил овладел г. Минск-Мазовецки, главные силы корпуса, преодолевая упорное сопротивление противника, к исходу дня овладели районом Окунев»58. Именно канонада этих боев, которая была слышна в Варшаве, подтолкнула командование АК к решению начать восстание в 17 часов 1 августа, поскольку считалось, что Красная Армия могла со дня на день вступить в Прагу, и нужно было успеть освободить польскую столицу до ее подхода. Однако германское командование в Варшаве полагало, что сосредоточенные на подступах к городу соединения Вермахта смогут «на продолжительное время задержать русских»59.

Тем временем в ходе боев 1 августа части 19-й танковой дивизии и парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» отбросили левофланговые части 3-го советского танкового корпуса на восток к Радзымину, а в 19.15 того же дня части 19-й танковой дивизии и 5-й танковой дивизии СС «Викинг»

соединились в районе Окунева, замкнув кольцо окружения вокруг 3-го советского танкового корпуса. 2 и 3 августа части Вермахта продолжали сжимать фронт окружения 3-го танкового корпуса и вновь заняли Радзымин и Воломин (см. схему60). 3 августа командующий 2-й танковой армии докладывал штабу 1-го Белорусского фронта: «Противник из р[айо]на Радзымин силою до 85 танков с пехотой в 10.00 атаковал 3-й тк в направлении Воломин и с направления Зеленка на Оссув силою до 40 танков потеснил наши части и к 18.00 3.8.44 ведет бой на рубеже: линия железной дороги в р[айо]не Воломин.

8-й гв. тк, отражая атаки танков с востока и запада, ведет бой на прежнем рубеже.

Решил: с выходом пехоты в район Окунев 8-м гв. тк в общем направлении Оссув, Зеленка, Марки перерезать Варшавское шоссе в р[айо]не Струги, Марки. 3-м тк перейти в контрнаступление на Радзымин. Прошу 16-й тк срочно сменить пехотой и разрешить мне вывести в район Окунев, чтобы собрать армию в кулак, сейчас разбросана и неудобно управлять». Резолюция Рокоссовского на этом донесении гласила: «Если 3-му тк угрожает опасность быть оттесненным от главных сил армии, то отведите его к главным силам, имея *основной задачей не допустить противника на юг и юго-восток»* (курсив мой. – *ММ.)61*. Таким образом, в тот момент командующий фронтом видел главную опасность в прорыве войск противника в тыл советских войск, развернутых вдоль Вислы и ведущих бои за плацдармы на ее западном берегу.

В этот момент обстановка была настолько не ясной для высших советских штабов, что, например, в утренней оперативной сводке № 215 Генштаба РККА от 2 августа 2-я танковая армия вообще не упоминается, а в утренней сводке № 216 от 3 августа относительно 2-й танковой армии указывалось, что «3-й танковый корпус отразил контратаки противника: неустановленной силы пехоты и танков на Радзымин с северо-запада; до двух батальонов пехоты с 15 танками в направлении населенного] п[ункта] Чарна-Струга и до двух батальонов с 15–20 танками с юга в направлении населенного] п[ункта] Зеленка. В результате напряженного боя противнику удалось частично потеснить части корпуса и овладеть населенным] п[унктом] Зеленка (6 км сев[еро]-вост[очнее] населенного] п[ункта] Прага). 8-й гвардейский танковый корпус, прикрывшись с запада на рубеже Майдан – Окунев – Журавка, главными силами наступал в северо-восточном направлении и к исходу дня вел бой на рубеже Длуга-Косьцельна – Крубки (14–16 км сев[еро]-зап[аднее] Минск-Мазовецки) фронтом на

восток»62. Лишь 4 августа в утренней сводке № 217 отмечалось, что «2-я танковая армия в течение дня отражала неоднократные атаки танков противника силою до 8 единиц из района Радзымин в юго-восточном направлении и силою до 50 единиц из района Зеленка в северо-восточном направлении. В результате контратак противника части армии оставили районы Воломин, Надажин, Оссув. К исходу дня шли упорные бои с танками противника в районе 3 км юго-вост[очнее] г. Воломин»63.

4 августа соединения Вермахта завершили разгром окруженных советских частей в районе юго-восточнее Воломина и продолжали атаковать фронт 2-й танковой армии64. Напряженность этих боев ясно видна из донесения командующего 2-й танковой армией от 5 августа: «1. Противник силами тд СС «Мертвая голова», тд «Герман Геринг», тд СС «Викинг», 19-й тд, 73-й пд, штурмбатальо-на, 24-го строительного батальона, артиллерийских частей в 11.00 3.8.44 г. перешел в наступление на части 3-го тк и 8-го гв. тк с направлений: Радзымин – 40 танков, Клембув – 40 танков и бронетранспортеров, Струга – 20 танков с пехотой, Туров – 18 танков с пехотой, лес 2,5 км юго-западнее Окунев – 16 танков с батальоном пехоты, Посвинтье – 14 танков с пехотой, Краше-Стар – 20 танков и бронепоезд, действовавший из района Зеленка.

2. 2-я танковая армия 3.8.44 г. 3-м тк с частью сил 8-го гв. тквела бой по уничтожению танков и пехоты противника.

50-я и 51-я т[анковые] бр[игады] 3-го тк вели бои с превосходящими силами противника на рубеже: Дучки, железная дорога, идущая через Воломин, Надажан, понесли большие потери и из района боевых действий не вышли, за исключением отдельных танков и 46 человек моторизованного] ба[тальона] 50-й т[анковой] бр[игады].

Потери армии: сгорело и подбито танков и самоходных установок – 58, из них 42 остались на территории, занятой противником. Раздавлено орудий разных калибров – 16, автомашин – 17. Ранены и остались на территории, занятой противником, командиры 50-й и 51-й танковых бригад – Герой Советского Союза полковник Мирвода, майор Фундовный со своими штабами»65. Оперативные сводки Генштаба за 5–7 августа показывают, что войска 2-й танковой армии вели упорные бои с атакующими частями противника, сначала медленно отходя на юго-восток, а затем удерживаясь на занимаемых рубежах66.

В ходе этих боев части 2-й танковой армии потеряли 409 человек убитыми, 390 пропавшими без вести и 1271 ранеными, что составило 48,3 % потерь за весь период с 20 июля по 8 августа. 8 августа танковая армия передала линию фронта

соединениям 47-й армии и была выведена из боя. В этот момент в ней насчитывалось всего 27 танков и 4 САУ из 810, имевшихся к 18 июля. То есть общие потери в бронетехнике составляли 779 единиц (92,7 %), причем 394 танка и САУ (50,6 %), из них 244 безвозвратно (61,9 %) было потеряно в боях 31 июля – 8 августа67. В результате противник устранил угрозу выхода советских войск в тыл соединениям Вермахта, ведущим бои к востоку от Варшавы по линии Седльце, Миньск-Мазовецки, что, в свою очередь, создавало опасность контрудара Вермахта на юг в тыл вышедшим на Вислу советским войскам. Это был момент, когда у командующего 1-м Белорусским фронтом просто не было резервов для отражения этого удара. Тем не менее войскам 2-й танковой и 47-й армий удалось удержать фронт.

Советское командование не сразу оценило серьезность ситуации. Лишь 6 августа Рокоссовский и Жуков доложили в Москву: «1. Сильная группировка противника действует на участке Соколув-Подляски, Огрудек (10 км сев[ернее] Калушин), п. Станиславув, Воломин, Прага. 2. Для разгрома этой группировки противника у нас оказалось недостаточно сил». Они просили разрешить ввести в сражение ранее выведенную в резерв Ставки ВГК 70-ю армию и дать три дня на подготовку операции. «Раньше 10 августа перейти в наступление не представляется возможным в связи с тем, что до этого времени мы не успеваем подвезти минимально необходимого количества боеприпасов»68. Однако и это не помогло.

Тогда в изменившейся обстановке советское командование предложило подготовить новую операцию для занятия Варшавы. Уже 8 августа Жуков и Рокоссовский доложили Сталину соображения о плане Варшавской операции: «1. Варшавскую операцию фронт может начать после того, как армии правого крыла выйдут на рубеж р. Нарев и захватят плацдарм на его западном берегу на участке Пултуск, Сероцк.

Боевые порядки этих армий удалены от реки Нарев на расстояние 120 км; для преодоления этого расстояния потребуется 10 дней. Таким образом, наступательную операцию армиями правого крыла фронта, с выходом их на рубеж р. Нарев, необходимо провести в период с 10 по 20.8.44 года.

2. За это же время на левом крыле фронта силами 69-й армии, 8-й гв. армии, 7-го гв. кк и 11 – го тк необходимо провести частную операцию с целью расширения плацдарма на западном берегу р. Висла, с выходом этих армий на рубеж: Варка, Стромец, Радом, Вежбица.

Для проведения этой операции необходимо из состава 1-го Украинского фронта передать 1-ю танковую армию Катукова в

состав 1-го Белорусского фронта и направить ее из района Опатув через Островец, Сенно, с задачей ударом в северном направлении выйти на фронт: Зволень, Радом и этим оказать помощь 69-й, 8-й гв. А, 7-му кк и 11-му тк в разгроме противостоящего противника.

Наряду с этим необходимо существующую разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами поднять на север до линии: Красностав, река Илжанка, Опочно, Пиоткув. Это уплотнит боевые порядки армий левого крыла 1-го Белорусского фронта и усилит ударную мощь наших войск на радомском направлении.

3. После проведения этих операций и с выходом армий правого крыла фронта на рубеж р. Нарев, а армий левого крыла на фронт: Варка, Стромец, Радом, Вежбица войска будут нуждаться во времени минимум 5 дней для перебазирования авиации, для подтягивания артиллерии и тылов, а также для подвоза боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

4. Учитывая необходимое время на подготовку, Варшавскую операцию можно начать с 25.8.44 всеми силами фронта, с целью выхода на рубеж: Цеханув, Плоньск, Вышогруд, Сохачев, Скерневице, Томашув и занятия Варшавы.

В этой операции для наступления севернее р. Висла использовать три армии, 1-й танковый и 1-й кавалерийский корпуса, а для наступления южнее р. Висла использовать 69-ю армию, 8-ю гв. армию, 1-ю танковую и 2-ю танковую армии, два кавкорпуса, один танковый корпус и одну армию за счет правого крыла фронта.

1-я польская армия в этой операции будет наступать по западному берегу р. Висла с задачей во взаимодействии с войсками правого крыла и центра фронта овладеть Варшавой»69.

Однако в сложившейся обстановке выполнить этот план оказалось невозможно. Во-первых, в это время германские войска атаковали советские части на плацдармах западнее Вислы. В полосе 1-го Белорусского фронта 5—14 августа Вермахт атаковал Пулавский и Магнушевский плацдармы. Лишь отразив удары противника, советские войска во второй половине августа сами предприняли ряд атак, стремясь расширить плацдармы. Тем временем 29–31 июля войска 1-го Украинского фронта захватили плацдарм на западном берегу Вислы в районе Сандомира. С утра 2 августа германские войска нанесли контрудар на восточном берегу Вислы с целью отрезать плацдарм от основных сил. Отразив эти атаки, советские войска 14 августа развернули наступление для расширения плацдарма и окружили 42-й армейский корпус Вермахта у Сандомира, но 19–21 августа противнику удалось деблокировать его. 23–24 и 26–28 августа

Вермахт предпринял новые атаки против плацдарма. В результате наступление войск 1-го Украинского фронта в направлении Радома так и не состоялось70.

Во-вторых, возросшая плотность обороны Вермахта на подступах к Праге и среднему течению реки Нарев не позволила советским войскам выполнить поставленные задачи. Только 26 и 27 августа Красная Армия форсировала низовья реки Западный Буг и стала продвигаться к Нареву. Однако эти бои показали, что наступательные возможности 1-го Белорусского фронта иссякли. В этой обстановке советское командование отказалось от проведения Варшавской операции. В 2 часа ночи 29 августа Ставка ВГК своей директивой № 220196 потребовала от командования 1-го Белорусского фронта перейти к жесткой обороне на рубеже реки Висла и удержать все плацдармы на ее западном берегу. «Правым крылом продолжать наступление с задачей к 4–5.9 выйти на р. Нарев до устья и захватить плацдармы на западном берегу в районе Пултуск, Сероцк, после чего также перейти к жесткой обороне»71. Директивы о переходе к обороне получили также войска 1 – го, 4-го Украинских, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

Выполняя директиву Ставки ВГК, войска 1-го Белорусского фронта продолжали наступление в направлении Варшавы и нижнего течения реки Нарев и 30 августа вновь заняли Радзымин, а 5 сентября – Воломин. В тот же день советскими войсками были захвачены плацдармы на реке Нарев у Ружан и Сероцка72. 10–15 сентября советские и польские части смогли занять восточное предместье Варшавы Прагу, а 16–23 сентября частями 1-й польской армии была предпринята операция по форсированию Вислы в черте города и соединению с повстанцами. Однако ожесточенное сопротивление противника, слабая активность повстанцев, медленное наращивание сил на захваченных плацдармах и недостатки боевого управления десантами привели к тому, что, потеряв 87,1 % личного состава десантных отрядов, части 1-й польской армии были вынуждены вернуться на восточный берег реки73. Севернее Праги 47-я и 70-я армии пытались ликвидировать немецкий плацдарм в междуречье Нарева и Вислы. Тем временем еще 16 сентября войска 1-го и 2-го Белорусского фронтов вышли на рубеж реки Нарев и закрепились на плацдармах на ее западном берегу74. Позднее, после отражения ряда попыток Вермахта ликвидировать эти плацдармы фронт 30 октября 1944 г. окончательно стабилизировался75.

В период подготовки операции «Багратион» в апреле– мае 1944 г. советское военно-политическое руководство основное внимание уделяло всесторонней отработке предстоящего

наступления с тем, чтобы избежать неудач, характерных для войск западного направления зимой 1943/44 гг. Понятно, что в этих условиях какие-либо прожекты относительно конкретных действий Красной Армии за границами СССР не отрабатывались. Линия советско-германского фронта к июню 1944 г. проходила в 240–600 км от Варшавы и этот город не рассматривался в качестве ориентира для действий советских войск. В ходе операции «Багратион» советские войска смогли прорвать оборону Вермахта на центральном участке советско-германского фронта и нанести поражение группе армий «Центр», разгромив 48,6 % ее соединений. В обороне германских войск образовалась 400-км брешь, в которую устремились советские войска, вышедшие к концу июля к западной границе СССР и вступившие на территорию Польши. И на фронте, и в Ставке ВГК преобладали оптимистические оценки: ожидалось, что уже скоро будут освобождены центральные районы Польши.

Понятно, что в этой ситуации советское командование должно было уточнить задачи своим войскам. Переоценка успехов советских войск и недооценка боевых возможностей противника привели к тому, что соединения 1-го Белорусского фронта получили задачу выйти в центральные районы Польши. Именно 27 июля Варшава впервые появилась в директиве Ставки ВГК в качестве ориентира для наступающих войск Красной Армии. Основные усилия войск нацеливались на обход Варшавы с севера и юга, поскольку предполагалось наличие укреплений Вермахта на подступах к городу. На восточном берегу Вислы советские войска должны были занять лишь Прагу, но не пытаться штурмовать польскую столицу. Собственно, никаких сомнений в осуществимости этого замысла у советского руководства в тот момент не было. Безусловно, это стало результатом чрезмерно оптимистической оценки ситуации на фронте.

Вероятно, не последнюю роль в принятии вышеуказанного решения Ставки ВГК играли и политические причины. В условиях вступления Красной Армии на польскую территорию советское руководство было вынуждено заняться вопросами политического урегулирования в Польше, где существовало два лагеря: сторонники эмигрантского правительства в Лондоне и новых структур власти в лице КРН и ПКНО. Советская сторона поддерживала именно последние структуры, которым также в политическом отношении подчинялась 1-я польская армия. Прекрасно понимая, что пассивная позиция приведет к полной утрате контроля над страной, польское эмигрантское правительство попыталось осуществить воссоздание

подконтрольной ему администрации в освобожденных районах Польши в границах августа 1939 г. Понятно, что действия АК только усиливали недовольство советского руководства и создавали напряженную обстановку в Польше. Центральным событием 1944 г. для АК стало восстание в Варшаве, начатое в условиях неправильной оценки обстановки с учетом скорого освобождения города Красной Армией. Естественно, польское руководство не известило Москву об этих планах, надеясь поставить ее перед свершившимся фактом.

Однако и советская, и польская стороны неверно оценивали намерения Германии, армия которой хотя и понесла значительные потери, но все еще не была разгромлена. Перебросив силы с других фронтов, германское командование нанесло ряд контрударов, которые позволили резко затормозить продвижение советских войск и выиграть время для воссоздания стабильного фронта. Нанесенный Вермахтом контрудар по 2-й советской танковой армии, совпавший с началом Варшавского восстания, резко изменил оперативную обстановку вокруг польской столицы. Оказавшись без поддержки стрелковых частей и авиации, со слабо работающим тылом, советская 2-й танковая армия была отброшена от города и втянулась в затяжные оборонительные бои. Одновременно Вермахт контратаковал советские плацдармы на западном берегу Вислы у Магнушева и Пулав. В итоге советское наступление захлебнулось.

В ходе Белорусской стратегической операции, как и в других операциях Великой Отечественной войны, в полной мере проявились закономерности войны массовых армий. Прорыв фронта группы армий «Центр» в конце июня 1944 г. позволил советской стороне перевести операцию в стадию непрерывного и быстрого нарастания наступления. Теперь любые заминки лишь ухудшали положение обороняющихся. Однако по мере продвижения советских войск стало ощущаться действие закона перенапряжения коммуникаций. Эффективность наступающих войск начала снижаться, и они уже не могли легко преодолевать сопротивление арьергардов противника. Тем самым операция стала приближаться к моменту формирования новой статичной позиции. Иными словами, уже во второй половине июля операция начала затухать. Силы сторон оказались примерно равны, и продвижение Красной Армии замедлилось. Этот момент совпал с переходом обороняющейся стороны в контрнаступление, что позволило ей с минимальным риском остановить продвижение, а на некоторых направлениях и отбросить противника.

Хотя уже 8 августа советское командование разработало план новой операции на варшавском направлении, его осуществление

не могло начаться раньше конца августа. Это было связано как с выходом советских войск на новые рубежи, так и с подготовкой материально-технического обеспечения операции. Не следует забывать, что тылы 1 – го Белорусского фронта отставали от боевых порядков войск на 400 км, что, конечно же, сказывалось на боевых возможностях Красной Армии. Однако противник также укреплял оборону, что еще больше замедляло темпы советского наступления. Кроме того, операции советских войск на Балканах и в Прибалтике также требовали резервов и отвлекали внимание Ставки ВГК от центрального участка советско-германского фронта. В результате войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов в августе – октябре 1944 г. были вынуждены вести частные наступательные операции по улучшению линии фронта и занятию выгодных рубежей для подготовки к новому наступлению. В итоге советское командование отказалось от проведения Варшавской операции и к концу октября 1944 г. фронт стабилизировался. В Белорусской стратегической операции советские войска потеряли 770 880 человек (из них 180 040 безвозвратно). 36,7 % этих потерь пришлось на соединения 1-го Белорусского фронта (в том числе за июнь – июль – 167 096 (39 369 безвозвратно), за август – 114 400 (26 458 безвозвратно)). В сентябре войска фронта потеряли еще 57 408 человек (8774 убитыми), из которых 19,2 % было потеряно в боях за Прагу76.

Доступные сегодня материалы не подтверждают версию о преднамеренной остановке советского наступления под Варшавой. В момент выхода советских войск на подступы к городу на фронте создалось неустойчивое равновесие, которое было нарушено в пользу Вермахта его контрударом 31 июля 1944 г. В итоге Красной Армии было явно не до взятия польской столицы. В дальнейшем ситуация вокруг Варшавского восстания все больше смещалась из военной в политическую плоскость. Конечно, у Москвы имелись свои политические расчеты, однако, как показали бои советских войск под Варшавой в августе – октябре 1944 г., речь не шла об оставлении восставших на произвол судьбы. Со своей стороны руководство восстанием, стремясь реабилитировать себя за плохо подготовленное выступление, стало пропагандировать именно политическую версию о сознательной остановке советских войск под Варшавой, которая как бы оправдывала их собственное поражение. Ныне же совершенно очевидно, что взять город с ходу советские войска не собирались, да и не могли, а любое другое развитие событий обрекало восстание на поражение. Представляется, что следует постараться скрупулезно восстановить динамику событий, приведших к резкому изменению ситуации на советско-

германском фронте, а не обвинять советское руководство в том, чего оно не совершало.

Примечания

1 *Манусевич А.Я.* О Варшавском восстании 1944 г. // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 113–116; *Черчилль У.* Вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. Кн. 3. – М., 1991. С. 398–407.

2 Дурачиньский Э. Варшавское восстание//Другая война: 1939–1945. – М., 1996. С. 351.

3 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1961. С. 693–695; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. Т. 4. – М., 1962. С. 158–159; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. – М., 1988. С. 122 *] Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. – М., 1990. С. 123–127, 130–132; *Михалев С.Н.* Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. – М., 2003. С. 399.

4 Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–4): Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы 1944–1945. – М., 1999. С. 94.

5 Там же. С. 95.

6 Там же. С. 93.

7 Там же. С. 94.

8 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 680, 695; История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 4. С. 160.

9 Белорусская операция в цифрах//Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 77; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. – М., 1993. С. 203.

10 Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 80.

11 Там же. С. 76, 77, 78, 80.

12 *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Пер. с нем. – М.,1956. С. 441–442; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 686; *Проэкпгор ДМ.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1972. С.635–640; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. – München. 2007. S. 493–525.

13 Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 75, 76, 77; Гриф секретности снят. С. 203; Освобождение Белоруссии. 1944 г. – М., 1974. С. 141. Поданным германских исследователей, к 22 июня 1944 г. в группе армий «Центр» (без 2-й армии) в боеготовом состоянии находилось 495 танков и штурмовых орудий, а в 6-м воздушном флоте – 602 самолета (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 532–533).

14 История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 9. – М., 1978. С. 48–53; Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 83.

15 Великая Отечественная. Т. 16 (5–4). С. 100.

16 Там же.

17 Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 83; История Второй мировой войны. Т. 9. С. 53–57.

18 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wermacht. Bd. 4. Hb. 2. Frankfurt am Main. 1961. S. 1911; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Пер. с нем. Т. 3. – М., 1976. С. 312–313.

19 Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 103.

2° Там же. С. 101.

21 Там же. С. 104.

22 Там же. С. 102.

23 Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 83; История Второй мировой войны. Т. 9. С. 61–64.

24 *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. – М., 1981. С. 59–63; История Второй мировой войны. Т. 9. С. 55–56; Военная энциклопедия. Т.4. – М., 1999. С. 494–495.

25 Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 77, 80, 83.

26 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8: Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. – М., 1974. С. 129–131; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–1): СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. – М., 1994. С. 316–317.

27 Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 113; Т. 14 (3–1). С. 198.

28 Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. Документы и материалы. – М., 1985. С. 284–287; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Документы и материалы. – М., 2000. С. 408–409.

29 *Жуков гл* Указ. соч. С. 152–153.

30 *Штеменко С.И.* Указ. соч. С. 71–75; *Антипенко Л.* Вопросы тылового обеспечения Белорусской операции//Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 36–51.

31 Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 118; Т. 14 (3–1). С. 201.

32 Великая Отечественная. Т. 16 (5–4). С. 118; Т. 14 (3–1). С. 201–202.

33 Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 160.

34 Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 111.

35 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1:

1944–1948. Документы. – М., 1999. С. 66–67; Великая Отечественная. Т. 14(3–2). С. 407–408.

36 *Лазаревич Р.* Варшавское восстание. 1944 год. Пер. с польск. – М., 1989. С. 42–50.

37 Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 122–123.

38 Там же. С. 123.

39 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 153–157.

40 История Второй мировой войны. Т. 9. С. 70.

41 Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 205–206.

42 Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 67–74.

43 Там же. С. 84–87.

44 Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 82.

45 *Типпельскирх К* Указ. соч. С. 451.

46 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 571. Наряду с прибывающей из Италии парашютно-танковой дивизией «Герман Геринг» под Варшаву перебрасывались 19-я танковая дивизия из-под Белостока, а также 4-я танковая дивизия и 5-я танковая дивизия СС «Викинг» из района Клещелей.

47 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/2. Stuttgart. 1999. S. 652,656.

48 Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 200–201.

49 Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 120–121.

50 Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 202–203.

51 Там же. С. 212, 213; Т. 14 (3–2). С. 418–419.

52 Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. – М., 2004. С. 300.

53 Там же. С. 307.

54 *Лазаревич Р.* Указ. соч. С. 89. Согласно данным современных германских исследователей, на 2 августа 1944 г. после двух дней боев в 19-й танковой дивизии насчитывалось 70 танков и истребителей танков, в парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» – 63 танка и истребителей танков, в 5-й танковой дивизии СС «Викинг» – 66 танков и штурмовых орудий, а в 4-й танковой дивизии – 78 танков (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 581).

55 *Антипенко Л.* Указ. соч. С. 48.

56 Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 204; Т. 14 (3–2). С.413–414.

57 Там же. Т. 14 (3–1). С. 209–210.

58 Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 323–324.

59 Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Варшава – Москва. 2007. С. 584–596.

60 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 646.

61 Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 212–213.

62 Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 327–328, 332–333.

63 Там же. С. 337.

64 Описание танкового сражения под Варшавой с германской стороны см.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 570–587.

65 Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 212–213.

66 Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 348, 352, 356.

67 Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 215, прим. 2, 216, прим. 4,216–217.

68 *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 86.

69 Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 218–219; *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 87–88.

70 Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 237, 238–239. Сводки Генштаба Красной Армии о боях 1 – го Белорусского фронта с 9 по 30 августа 1944 г. см.: Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 361–467.

71 Великая Отечественная. Т. 16 (5–4). С. 136–137; Т. 14 (3–1). С. 245.

72 Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. С. 292–293.

73 Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 242–243, 246, 249–251, 271–272, 274–275, 277–279; Т. 14 (3–2). С. 435–439, 440–441.

74 *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 453.

75 *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 90—108.

76 Гриф секретности снят. С. 203; Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). С. 244, прим. 1, 291, прим. 1 *; Лазаревич Р.* Указ. соч. С. 167, 179–180. По мнению современных германских исследователей, потери группы армий «Центр» с 21 июня по 31 августа 1944 г. составили 339 102 человека (из них 289 326 безвозвратно) (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg Bd. 8. S. 593), однако не ясно, учтены ли в этих данных потери люфтваффе или речь идет только о сухопутных войсках.

Максим Токарев. Десанты Гитлера на Восточном фронте в 1941-м: мифы и реальность

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. Советский Союз оказался участником военных конфликтов и войн, породивших ряд «военных мифов», надолго закрепившихся в массовом сознании и увековеченных как в художественных книгах и кинофильмах, так и в претендующей на достоверность мемуарной литературе и журналистике. Например, приграничные советско-японские конфликты 1938–1939 гг. у озера Хасан и реки Халхин-Гол дали толчок к появлению легенд о японских штрафниках (либо смертниках-добровольцах), оборонявшихся, будучи прикованными к своим укреплениям либо даже к станинам орудий и тяжелых пулеметов. Непродолжительная, но ожесточенная и кровопролитная советско-финская война (декабрь 1939 – март 1940 г.) породила миф о вездесущих и не знавших промаха финских снайперах-«кукушках», которые якобы в массовом порядке ухитрялись в 30—40-градусные морозы залезать на деревья. И оттуда прицельно отстреливали шедших через зимние карельские леса командиров, политработников и бойцов Красной Армии.

Одним из самых распространенных мифов самого страшного для нашей страны первого года Великой Отечественной войны стали легенды о полчищах вражеских парашютистов, которые якобы во множестве десантировались от самой западной границы и до Москвы в тылы отступавшей Красной Армии. Эффектные сцены приземления этих десантников на советской территории (с их непременным последующим уничтожением) были изобильно представлены в советском кинематографе – от сделанного на «Ленфнльме» в 1941 г. рисованного мультфильма «Как Вася Теркин призываться шел» до шедевра послевоенного приключенческого кино «Смелые люди» («Мосфильм», 1950 г.), вышедшей на советские экраны в 1977 г. двухсерийной «Судьбы» в постановке Евгения Матвеева и снятой Юрием Озеровым к 40-летию Победы в 1985 году киноэпопеи «Битва за Москву». В эпопее Озерова гитлеровские парашютисты в сентябре 1941 г. десантировались прямиком на штаб Западного фронта, где как раз в тот момент над картой боевых действий склонился многомудрый генерал армии Жуков в исполнении Михаила Ульянова…

Насколько соотносятся с исторической правдой упомянутые выше мифы о «множестве вражеских десантов», якобы сброшенных на нашу территорию в 1941 г.? Представляется, что для ответа на этот вопрос следует рассмотреть два других вопроса:

1. В какой степени в планах ведения наступательных боевых действий вооруженных сил гитлеровской Германии против СССР в 1941 г. было предусмотрено использование парашютно-десантных подразделений и частей?

2. Каким количеством подготовленных десантников и предназначенных для их перевозок военно-транспортных самолетов гитлеровская Германия реально располагала к 22 июня 1941 г.?

Основным источником, использованным мною в поисках ответов на оба эти вопроса, стала впервые опубликованная в ФРГ в 1954 г. (и изданная в СССР в переводе на русский язык уже в 1957 г.) книга Алькмара Гове «Внимание, парашютисты!». Фактически эта книга представляла краткий очерк истории создания и боевого применения воздушно-десантных войск гитлеровской Германии, в работе над которым его автору, бывшему командиру стрелково-парашютной роты Вермахта, оказал немалое содействие легендарный командующий германских ВДВ Второй мировой войны отставной генерал-полковник Курт Штудент.

Творческое сотрудничество Гове и Штудента способствовало качественному детальному освещению в упомянутой книге наиболее известных и крупных воздушно-десантных операций гитлеровцев, проведенных в первые годы Второй мировой войны – высадки в Дании и Норвегии (апрель

1940 года), захвата укрепленных районов Бельгии и Нидерландов (май 1940 года) и, наконец, развернувшегося в мае

1941 г. воздушно-десантного сражения за средиземноморский остров Крит, который до начала боев занимала коалиция из 32 тысяч английских и новозеландских и 15 тысяч греческих солдат.

В ходе подробно описанных в книге А. Гове ожесточенных боевых действий на Крите с 20 мая по 1 июня 1941 г., главную роль в которых с немецкой стороны сыграли переброшенные на остров по воздуху 15 тысяч стрелков-парашютистов из 7-й воздушно-десантной дивизии генерал-лейтенанта Зюсмана и 8,5 тысячи горных егерей из 5-й горнострелковой дивизии генерал-майора Рингеля, немецким войскам удалось захватить этот остров и удерживать его до самого конца войны, т. е. до 8 мая 1945 г. Ценой победы немцев в этой операции стали 1915 убитых, 2594 раненых и 1759 пропавших без вести (т. е. почти со 100-

процентной вероятностью погибших в прибрежных водах Крита) парашютистов-десантников и егерей. Последние попали на Крит посадочным способом после того, как первая волна десантников, высадившихся на остров с парашютами и на планерах, ценой больших потерь захватила 20 мая 1941 года крупнейший военный аэродром Крита – Малем и обеспечила посадку там самолетов с подкреплениями.

Если потери участников операции по захвату Крита составили около 30 % от их общего количества, то перебрасывавшие их на остров эскадры особого назначения из 9-го авиационного корпуса, которым командовал тогда генерал Штудент, из имевшихся до начала операции 500 военнотранспортных самолетов «Юнкере» Ju 52 безвозвратно потеряли 119 машин. Еще 106 самолетов было выведено из строя вследствие повреждений. Т. е. потери обслуживавших десантников частей военно-транспортной авиации люфтваффе составили тогда около половины всех самолетов-транспортников, задействованных в операции. И примерно четверть от всего парка «Юнкерсов» Ju 52, находившегося тогда на вооружении люфтваффе1.

Ключом к пониманию дальнейших событий 1941 г., когда воздушно-десантные войска рейха приняли крайне малое участие в боевых действиях на открывшемся 22 июня Восточном фронте, является следующий отрывок из книги А. Гове, заслуживающий цитирования целиком:

«…Немецкому верховному командованию следовало учесть опыт Критской операции и, исходя из него, отвести воздушно-десантным войскам должное место в стратегическом планировании. Но несмотря на то что операция получила должное признание, выводы сделаны не были. Таким образом, инструмент, который лучше всякого другого был приспособлен для проведения операций на широких пространствах, так как он позволял в самые сжатые сроки перебрасывать войска с одного театра военных действий на другой, остался без внимания. Между тем возможность организовать преследование с одновременной выброской десантов в тыл отступающему противнику и осуществлять широкие охваты, применяя воздушные десанты, могла бы придать начавшимся боевым действиям на Востоке совершенно иной ход. Однако ничего подобного не случилось!

В чем же причина? По этому поводу известный английский военный историк Лиддл Гарт писал:

«Старые кадровые немецкие генералы, вышедшие из Академии Генерального штаба, наглядно доказали свои большие военные способности, но им не хватало чувства нового…Эти

генералы враждебно относились к тем из своих товарищей, которые следовали новым идеям, и открыто пренебрегали новыми идеями, которые исходили не от «старых» специалистов».

Эта оценка не требует никаких комментариев. Она достаточно хорошо вскрывает причины, которые определили дальнейшую судьбу немецких воздушно-десантных войск.

Немецкое верховное командование забыло о победе, одержанной на Крите, и помнило лишь о потерях. Большое количество потерянных и поврежденных транспортных самолетов вызвало у ответственных за эти средства лиц из Министерства авиации, по выражению Штудента, «стоны и жалобы».

Присутствуя 19 июля 1941 г. на приеме, который Гитлер устроил в своей штаб-квартире в честь участников Критской операции, награжденных Рыцарским крестом, Штудент не поверил своим ушам, услышав, как Гитлер, обращаясь к нему, заметил:

– Крит доказал, что время парашютно-десантных войск прошло. Эти войска являются средством внезапности, а после Крита фактор внезапности полностью себя исчерпал.

Штудент вначале подумал, что это сказано в шутку. Он и не подозревал, что, находясь под впечатлением сильных потерь на Крите, Гитлер пришел к такому выводу вполне серьезно, а его военные советники только укрепляли в нем это слишком поспешно сложившееся мнение. После Крита Гитлер, который обычно всегда поощрял новые виды оружия и различные усовершенствования, почти совсем исключил парашютные войска из своих планов и идей.

Точка зрения Гитлера, высказанная им в июле 1941 года, явилась жестоким ударом для немецких воздушно-десантных войск и их создателя. Окрыленный успехами на Крите, Штудент вынашивал самые смелые планы дальнейшего развития этого рода войск. Тем не менее он не упал духом и продолжал неустанно трудиться над совершенствованием нового оружия, которое было бы незаменимо для нанесения решающих ударов в начавшейся к тому времени войне против России. Но в ходе войны на Востоке парашютно-десантная операция была проведена всего один раз, и то в самые первые дни войны.

25 июня 1941 г. один взвод полка особого назначения «Бранденбург» в количестве 34 бойцов под командованием лейтенанта Лекса выбросился с двух «Юнкерсов» в районе станции Богдановo, имея задачу овладеть железнодорожными мостами через Березину на линии Лида – Молодечно, находящимися недалеко от этой станции. Десантирование прошло успешно, несмотря на возникшие во время высадки

непредвиденные трудности. Последовала долгая и упорная борьба с русскими танками и пехотой. Взвод понес большие потери: лейтенант Леке и четыре солдата погибли, 16 человек получили ранения. Оставшиеся от взвода

14 человек сумели удержать захваченные ими мосты до вечера 26 июня, когда к парашютистам пробились немецкие мотоциклисты.

Это был первый и последний немецкий парашютный десант за весь период наступления немецких войск на Востоке. Хотя в Москве в октябре 1941 г. ходили упорные слухи, что немецкие парашютисты должны вот-вот высадиться на Красной площади и даже в самом Кремле.

На Восточном фронте произошло нечто невероятное – там, где операции, проводимые на широком фронте, настоятельно требовали применения воздушно-десантных войск, они не были использованы. Командование стало буквально как огня бояться всяких воздушно-десантных операций»2.

Наряду с подробно описанным в книге Гове «Критский синдромом» второй причиной слабого использования воздушно-десантных войск Германии на Восточном фронте в 1941–1942 гг. была большая нагрузка, возложенная тогда на военно-транспортную авиацию люфтваффе в связи с необходимостью обеспечивать горючим и боеприпасами стремительно продвигавшиеся в глубь СССР мотоманевренные группы Вермахта.

Однако все эти соображения высшего командования рейха, обусловившие невозможность сколько-нибудь масштабного применения воздушно-десантных войск Германии на Восточном фронте, вряд ли были известны самому крупному ныне известному агенту советской разведки в командно-штабных структурах люфтваффе. Речь идет о лейтенанте ВВС Харро Шульце-Бойзене – выходце из кругов потомственной прусской военной аристократии, которому покровительствовал сам Геринг. Несмотря на свое происхождение, Шульце-Бойзен ненавидел национал-социализм – ив конце 1930-х годов сблизился с группой оппозиционеров гитлеровскому режиму, возглавляемой советником имперского министерства экономики доктором философии и права Арвидом Харнаком. Через него Шульце-Бойзен установил контакт с советскими разведчиками, работавшими до 22 июня 1941 года под «крышей» посольства СССР в Берлине.

Именно через этих людей в Москву в 1940–1941 гг. шла до сих пор полностью не рассекреченная информация, ставшая доступной Шульце-Бойзену по его службе в Оперативном штабе

люфтваффе. Где советский агент с псевдонимом Старшина тесно общался с такими осведомленными по службе коллегами, как руководитель группы в секторе инструкций и учебных пособий отдела боевой подготовки Эрих Гертс, референт сектора планирования Ханс Хенингер и представитель ответственного за организацию диверсий во вражеских тылах управления военной разведки «Абвер-II» лейтенант Герберт Гольнов3.

Вступая в область гипотез, можно предположить, что от своих многочисленных и осведомленных контактов Шульце-Бойзену, а от него и Москве стало известно о соображениях штаба люфтваффе, использованных при подготовке подписанной Гитлером 18 декабря 1940 г., т. е. за пять месяцев до начала Критской операции, «Директивы фюрера и верховного главнокомандующего № 21», больше известной как план «Барбаросса» по подготовке агрессии против СССР. Сам план «Барбаросса» в 1940–1941 гг. советским спецслужбам получить не удалось. Однако сослуживцы Харро Шульце-Бойзена из Оперативного штаба люфтваффе вполне могли знать сами и сообщить коллеге о подготовленных ими основных положениях того раздела плана «Барбаросса», который был посвящен целям и задачам ВВС рейха в предстоящей кампании на Востоке. И содержал следующую примечательную формулировку:

«…Русские железные дороги должны быть перерезаны в зависимости от их значения для операции преимущественно на их важнейших ближайших объектах (мостах через реки) путем их захвата смелой высадкой парашютных и авиадесантных частей»4.

Еще одно мое авторское предположение: как могло отнестись к подобной информации в случае ее поступления в Москву руководство НКДЦ-НКГБ и Генштаба Красной Армии в начале – середине июня 1941 г.? Т. е. уже после того, как вся мощь пропагандистской машины гитлеровской Германии была запущена для прославления «героев Крита», замалчивая по вполне понятным причинам понесенные ими потери? По-моему, ответ очевиден. Не располагая источниками в ближнем окружении Гитлера, позиция которого в отношении целесообразности использования воздушно-десантных войск на Восточном фронте именно после десанта на Крит претерпела поворот на 180 градусов, советское чекистское, военное, да и высшее государственное руководство в начале лета 1941 года имело вполне резонные основания полагать, что наиболее вероятный противник в лице Германии в случае агрессии против СССР широко применит для захвата важных советских военных объектов, коммуникаций и укреплений именно парашютные десанты.

Необходимо подчеркнуть, что уже после первых успешных применений воздушно-десантных частей гитлеровской Германии в Дании, Норвегии, Бельгии и Нидерландах в апреле – мае 1940 г. особое внимание к ним проявляла советская военная разведка – Разведывательное Управление Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РУ ГШ РККА).

Так, в подготовленной в сентябре 1940 г. «Разведывательной сводке № 6 (по Западу) Разведуправления ГШ РККА» особое место было посвящено парашютным десантам:

«Для парашютных и посадочных десантов в германской армии применяют следующие самолеты: трехмоторный «Юнкерс-52», двухмоторный «Юнкерс-86» и четырехмоторные «Фоке-Вульф Кондор» и «Юнкерс-90». На двух– и трехмоторных самолетах транспортируют по 15–20 человек, на четырехмоторных – по 40–50 человек, в зависимости от дальности предстоящего полета.

Солдаты, предназначенные для выброски на парашютах, имеют при себе револьвер, 180 патронов к нему, 2 ручные гранаты, винтовочные патроны и нож. У старшины парашютного отделения, состоящего из 5 человек, имеется автоматический пистолет. Остальное снаряжение, оружие и боеприпасы сбрасываются с самолетов в специальных жестких мешках цилиндрической формы на отдельных грузовых парашютах. В мешках находятся заряженные винтовки, ручные гранаты, легкие и иногда станковые пулеметы.

Боевые прыжки обычно производятся с высоты 300 м. В ряде случаев, и особенно в глубоком тылу противника, выброску парашютистов проводили с высоты 100–150 м.

Раскрытие парашютов при выброске с небольших высот полностью автоматизировано: полное раскрытие купола достигается после 25 м падения»5.

Приведенный выше отрывок не свободен от небольших неточностей – к примеру, легкий бомбардировщик «Юнкерс-86», успешно применявшийся еще в Испании гитлеровским легионом «Кондор», из-за недостаточно мощных двигателей не получил распространения в варианте военно-транспортной машины. Штатным личным оружием практически всех немецких парашютистов-десантников были не револьверы, а пистолеты типа «Парабеллум». Отделение парашютистов-десантников состояло не из 5, а из 13 бойцов. Однако эти мелочи не влияют на общее качество весьма информативного изложения.

Тогда же Сталину и другим членам Политбюро была направлена подписанная 11 сентября 1940 г. тогдашним начальником РУ ГШ РККА генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым

разведывательная сводка «Группировка германской сухопутной армии», где говорилось:

«На аэродромах западной части Германии и на оккупированной территории Голландии, Бельгии и Франции находится от 1500 до 2000 транспортных самолетов, частично обеспечивающих срочные переброски технического имущества и личного состава ВВС, но в основном предназначенных для воздушных десантов»6.

Указанное в разведсводке количество военно-транспортных самолетов «Юнкере» Ju 52, находившихся тогда на вооружении ВВС гитлеровской Германии, в целом соответствовало истине. Теоретически каждый такой «Юнкере» мог принять на борт одно отделение парашютистов (14 человек с двумя пулеметами MG-34) и, обладая грузоподъемностью 1,5 тонны, «тянуть» еще и прикрепленные снаружи фюзеляжа под шасси два мотоцикла с колясками и буксируемую ими горную пушку калибра 75 мм. Исходя из указанных параметров грузоподъемности для переброски основной тактической боевой единицы – батальона стрелков-парашютистов (штаб со взводом связи, три стрелковые роты – т. е. девять взводов или 27 отделений плюс одна рота тяжелого оружия – три взвода или 9 отделений с 12 пулеметами и 6 81-мм минометами) необходимо было использовать 40–45 «Юнкерсов» – т. е. фактически целую авиагруппу военно-транспортной авиации люфтваффе. С учетом того, что в 1939–1940 гг. в ВВС Германии имелось 5–6 таких групп, составлявших три транспортные эскадры (KG.z.b.V. 1, KG.z.b.V2 и KG.z.b.V.9), реально для транспортного обеспечения воздушно-десантных операций на постоянной основе в люфтваффе насчитывалось 250–300 машин, которые единовременно могли доставить в неприятельские тылы шесть батальонов десантников7.

Следует отдать должное советским военным разведчикам 1940–1941 гг., которые весьма серьезно оценивали потенциал воздушно-десантных сил Гитлера. Так, в составленном всего за три месяца до начала войны, т. е. 11 марта 1941 г., «Спецсообщении Разведывательного Управления Генерального Штаба Красной Армии о направлении развития вооруженных сил Германии и изменениях в их состоянии» особо отмечалось:

«…Продолжается увеличение парашютных и посадочных дивизий. Если к концу активных операций на западе (т. е. к лету 1940 года. – *М.Т.)* в составе германских вооруженных сил была одна парашютная и одна авиадесантная дивизия, то в настоящее время имеется три парашютные и три авиадесантные дивизии»8.

Наконец, менее чем за месяц до начала войны, 28 мая 1941 г., легальный резидент Разведуправления Генштаба РККА в Румынии

полковник Г.М. Еремин (Ещенко), работавший в Бухаресте под прикрытием должности 3-го секретаря полпредства СССР и имевший на связи ценного агента – пресс-атташе посольства Германии в Румынии Курта Велькиша (АБЦ), на основании полученных от того сведений направил начальнику Разведупра генерал-лейтенанту Голикову подробное сообщение, где, наряду с другими «немецкими мероприятиями для похода против СССР, подготовка к которому будет закончена к середине июня», упомянул следующий важный момент, который Ф.И. Голиков подчеркнул и распорядился выписать на отдельный бланк для возможного доклада «наверх»:

«С немецкой стороны готовится нелегальное действие в Кавказской области, а также десантно-парашютные войска для того, чтобы предотвратить уничтожение промышленных остановок в нефтяных областях путем саботажа»9.

Сведения, добытые полковником Ереминым и его немецким помощником Велькишем, получили полное подтверждение летом 1942 года, когда для захвата нефтяных месторождений Майкопа были использованы подразделения диверсионного полка «Бранденбург». Тем не менее эти сведения выглядели вполне достоверно и весной 1941 г. – с учетом той роли, которую спецназовцы «Бранденбурга» уже сыграли к тому времени: в апреле 1940 г. при защите от английских диверсантов района нефтедобычи в союзной гитлеровцам Румынии и в июне того же 1940 г., когда «бранденбуржцы» успели разминировать приготовленные французами к подрыву нефтяные скважины Пехельброна в Верхнем Эльзасе.

К слову, предвоенные возможности разведотдела штаба Прибалтийского особого военного округа, развернутого на территории присоединенных к СССР Эстонии, Латвии и

Литвы против крупнейшей ударной группировки Вермахта в Восточной Пруссии, позволяли вести наблюдение за расположенными там подразделениями «800-го учебного полка особого командования», более известного как полк особого назначения «Бранденбург». Одна из последних предвоенных разведсводок (за № 11) разведотдела штаба округа за подписью замначразведотдела подполковника Кузьмы Николаевича Деревянко (именно он, уже будучи генерал-лейтенантом, 2 сентября 1945 года по личному приказу Сталина подписал от имени советского Верховного Главнокомандования акт о безоговорочной капитуляции Японии, юридически завершивший Вторую мировую войну) гласила:

«По данным, заслуживающим доверия, но требующим дополнительной проверки, установлено:

800-й учебный полк особого командования из **Хетингер** и **Кнорхе** срочно перебазируется на **Баден** у **Вены** (приказ штаба 2А, Берлин)»10.

Таким образом, рассекреченная и опубликованная к настоящему времени информация, имевшаяся в распоряжении советского государственного, военного и чекистского руководства накануне 22 июня 1941 года, позволяет сделать следующие выводы:

1. Учитывая роль, сыгранную гитлеровскими парашютистами-десантниками в ряде крупных военных операций в Европе в 1939–1941 гг., советские силовые структуры старались всемерно отслеживать информацию о развитии германских ВДВ как рода войск и о планах и возможности их боевого применения в случае начала войны против СССР.

2. По состоянию на 22 июня 1941 г. вооруженные силы гитлеровской Германии располагали обученными и имевшими боевой опыт парашютистами-десантниками, а также средствами их доставки (военно-транспортной авиацией) в достаточном количестве, чтобы с началом боевых действий высадить ряд тактических десантов, нацеленных прежде всего на захват и удержание до подхода сухопутных сил Вермахта стратегически значимых объектов в приграничных районах СССР.

3. В отсутствие информации о принятом накануне войны решении Гитлера не использовать в сколько-нибудь массовом порядке ВДВ Германии на Восточном фронте из опасения невосполнимых потерь в личном составе и обслуживающей его военно-транспортной авиации советское государственное, военное и чекистское руководство резонно ожидало, что в случае начала войны на территорию СССР состоится массовая выброска гитлеровских десантов, и было готово предпринять соответствующие меры по борьбе с ними.

Уже в первые часы войны 22 июня 1941 г. руководству всех силовых структур СССР, развернутых в приграничье с гитлеровской Германией, стали поступать сводки о многочисленных десантах противника, высадившихся на советской территории. Причем наибольшую «десантотревогу» проявило не чекистское, а именно военное руководство. Приведу лишь несколько выдержек из боевых документов первого дня войны:

«РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 1 ОТ 22 ИЮНЯ 1941 г.

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВНИКА:

…Млынув (15 км северо-западнее Дубно) высажен парашютный десант в 16 часов…В районе аэродрома Черновицы выброшен

парашютный десант (100 человек). Непрерывно бомбардируют аэродром Черновицы…

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 01 К 20 ЧАСАМ 22 ИЮНЯ 1941 г.

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ФРОНТА

…В районе Ковель в 16 часов 20 минут высажен авиадесант противника с 18 самолетами…

В районе Жычкн и Монастыр выброшены парашютные десанты численностью до 30 человек каждый…

По данным местных органов НКВД и райвоенкоматов, в районе Козова (юго-восточнее Брзежаны) и 12 км северо-западнее Залещики высажены парашютные десанты неустановленной численности; для их ликвидации брошены части 80-й стрелковой дивизии и 49-го стрелкового корпуса (прибывающие в район Чортков)…

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 02 К 9 ЧАСАМ 23 ИЮНЯ 1941 г.

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ФРОНТА

В течение ночи и утра противник высадил десанты: Хо-доров (не проверено), Дрогобыч, Борислав (оба уничтожены), Коськов (20 км южнее Шепетовка) – 7 часов 50 минут… В течение дня противником выброшены десанты: в 12 часов до 200 человек в районе Коростень, ведущие бой с местным гарнизоном; в 7 часов 30 минут в районе Коськов (25 км севернее Ст. Константинов) и в 12 часов 15 минут в районе Струсув (10 км северо-западнее Трембовля).

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 005/оп ОТ 22 ИЮНЯ 1941 г.

О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ОКРУГА МИНСК 22.06.41 13.00…16.20. Нача (предположительно с 10 часов 52 минут) с 20 самолетов опустились до 400–500 парашютистов.

…17.45. Радунь с 17 самолетов – 300–500 парашютистов, в районе Марцинконис (Марцинканце) – незначительная группа.

…Вывод: 1. Противник, имея значительное превосходство в воздухе, при взаимодействии авиации, танковых и парашютных частей стремится овладеть районом Лида для обеспечения высадки воздушного десанта в тылу основной группировки Западного фронта концентрическими ударами в направлении Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск отрезать основные коммуникации.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 1 К 22 ЧАСАМ 22 ИЮНЯ 1941 г.

О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ФРОНТА ЗА 22 ИЮНЯ 1941 г.

…Противник в течение дня выбросил воздушные десанты в районах: восточнее Белосток – 17 человек, Браньск, Б. Берестовица (Велько-Берестовица) – 10 человек, Радунь, Нача – численностью до 1000 человек. Против последнего выслан полк истребительной авиации и полк бомбардировочной авиации…

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 2 К 10 ЧАСАМ 23 ИЮНЯ 1941 г.

О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ФРОНТА

…Кроме того, противник высадил авиадесанты в районах: Лесьна, ст. Доманово, ст. Иванцевичи, Береза, Волковыск. В двух последних районах десанты крупные…

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 3 К 22 ЧАСАМ 23 ИЮНЯ 1941 г.

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ФРОНТА

…30-я танковая и 205-я моторизованная дивизии ведут бой на рубеже Куплин, Слободка, (иск.) Чахец, имея перед собой до одной танковой дивизии и парашютный десант до 500 человек…

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 4 К 23 ЧАСАМ 23 ИЮНЯ 1941 г.

О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВНИКА ПРОТИВ ВОЙСК ФРОНТА

…Второе. 23.06.41 г. авиация противника подвергла бомбардировке Волковыск, Барановичи, Минск, Бобруйск, главным образом аэродромы. В 8 часов 15 минут в районе Волковыск сброшен десант парашютистов. Численность не установлена. Сбито 7 самолетов ДО-17 и Ме-109…

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 4 К 10 ЧАСАМ 24 ИЮНЯ 1941 г.

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ФРОНТА

…Третье. В ночь на 24.6.41 г., по различным данным, противник выбросил авиадесанты в районах:

1) Радошковичи, Олехновичи, (иск.) Заславль – численностью до 1000 человек.

2) Ратомка.

3) У железнодорожного моста Жлобин – неустановленной численности. Десант вступил в бой с гомельским батальоном.

4) На участке Осиповичи, Березина авиадесант сброшен с шестью танками. В 6 часов 55 минут в Борисов сброшено два парашютиста. Организованы поиски.

Для ликвидации десанта, высадившегося в районе Радошковичи, Олехновичи, (иск.) Заславль, вышла группа в составе одного стрелкового полка 64-й стрелковой дивизии, одного батальона 108-й стрелковой дивизии, двух батарей полковой артиллерии и конного взвода. Командует группой комдив тов. Юшкевич. По первому сообщению тов. Юшкевича в 9 часов сведения о десанте

не подтверждаются.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 03 К 22 ЧАСАМ 23 ИЮНЯ 1941 г.

О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ФРОНТА ЗА ИСТЕКШИЙ ДЕНЬ

1. Войска Северо-Западного фронта, отражая яростные атаки противника, проводят контрудар против тильзитской группировки противника. Противник с рассвета ведет многократные бомбардировки железных дорог, аэродромов, городов и войсковых соединений. Высаживает мелкие парашютные десанты, видимо, с целью организации банд в тылу, и более крупные десанты 200–400 человек в целях дезорганизации тылов, захвата важнейших объектов (мостов, аэродромов и пр.).

2. 27-я армия – со стороны Бернати южнее Либава наступление противника неустановленной численности. В районе Приэкуле восточнее Либава выброшен парашютный десант, к нему присоединились местные айзсарги. Приняты меры к его ликвидации. В остальном положение частей 27-й армии без изменений…

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 06/р К 22 ЧАСАМ 23 ИЮЛЯ 1941 г.

О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ПРОТИВНИКА ЗА ИСТЕКШИЙ ДЕНЬ

Противник в течение дня продолжал развивать наступление, одновременно военно-воздушные силы противника бомбардировали аэродромы, выбрасывали авиационные десанты.

…В 17 часов 45 минут в район Радвилишкис сброшен авиационный десант силой до 400 человек. В район Ионава в 11 часов выброшен десант 200 человек. В район Приэкуле (юго-восточнее Либава) выброшен небольшой десант, к нему присоединились местные айзсарги…»11

Примечательно, что подобными сообщениями о множестве вражеских парашютных десантов, высаженных на советскую территорию, боевые документы уровня штабов приграничных военных округов изобиловали лишь в первые дни войны. Начиная с 25–26 июня 1941 г. упоминаний о «немецких десантах в сотни человек с танками» в документах, копии которых докладывались в Москву – в Генштаб и Верховному Главнокомандованию, – уже не встречалось.

Гораздо меньше сообщений о якобы высаженных в первые дни войны гитлеровских авиадесантах содержат опубликованные документы советских пограничных войск:

«ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК

УКРАИНСКОГО ОКРУГА

О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА УЧАСТКЕ РАВА-РУССКОГО ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА, г. ЛЬВОВ, 22 ИЮНЯ 1941 г., 21.15

По состоянию на 15.00. По данным Рава-Русского погранотряда: на ст. Каменка взяты в плен пять немецких летчиков, двое тяжело ранены, самолет горит. В районе с. Гуйче высадился десант. Количество немцев не установлено…

Владимир-Волынский погранотряд. В 16.00 16 бомбардировщиков пролетели в направлении Ковельского шоссе, сбросив авиадесант, в 16.50 вернулись обратно.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК УКРАИНСКОГО ОКРУГА

ОБ ОБСТАНОВКЕ НА УЧАСТКАХ ПОГРАНИЧНЫХ ОТРЯДОВ, 22 ИЮНЯ 1941 г.

По данным штаба Рава-Русского погранотряда. По непроверенным данным, в районе Гуже немцами выброшен парашютный десант численностью до 150 человек.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК УКРАИНСКОГО ОКРУГА

ОБ ОБСТАНОВКЕ НА УЧАСТКАХ ПОГРАНИЧНЫХ ОТРЯДОВ, 22 ИЮНЯ 1941 г., 24 ЧАСА

Владимир-Волынский пограничный отряд. По данным службы поста ВНОС Владимир-Волынский, в 21.00 части Красной Армии отходят от Порцика в направлении на Луцк. В районе Порцик противник выбросил десант 70 человек. Для ликвидации десанта была выброшена группа в составе 25 пограничников»12.

Аналогичные донесения в первые дни войны поступали в Главное управление войск НКВД и из гарнизонов 10-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений в Западном особом военном округе, т. е. на территории Белоруссии:

«…22.06.1941. 10.30 По сообщению политрука Волкова, по их данным, в районе Городок-Каменоброд-Цунеув высажен авиадесант противника.

22.06.1941. 11.55 Сообщение делегата связи капитана Ромодина: Дрогобыч – высадился десант. Лисячичи – тоже. Каменка-Голянка – десант 10 человек»13.

Комментируя все эти документы, следует подчеркнуть, что в первые дни войны, как и в последующие ее месяцы, в прифронтовые районы СССР по воздуху часто забрасывались небольшие группы диверсантов, подготовленные уполномоченными на это подразделениями органа немецкой военной разведки «Абвер-II», курировавшего саботаж и диверсии во вражеском тылу. Как правило, забрасываемые группы не превышали по численности 10–15 человек, которые был способен

перевезти за один вылет один военно-транспортный «Юнкере» Ju 52. Костяк таких групп чаще всего составляли представители ориентированного на Германию националистического подполья из присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. стран Балтии и западных областей Украины и Белоруссии. По замыслам гитлеровцев, их союзники-националисты, будучи сброшены с парашютами в своих родных районах, могли легко развернуть в тылах отступавшей Красной Армии широкомасштабные партизанско-диверсионные действия с привлечением местных единомышленников.

Надо отметить, что в ряде случаев сброшенным с парашютами диверсантам удавалось реализовать эти планы. Вот лишь несколько примеров, приведенных в изданной в 1971 г. по материалам местных архивов научной работе одного из тогдашних руководителей КГБ Эстонии Леонида Ивановича Баркова:

«С началом войны шпионско-диверсионные группы забрасывались в Эстонию и непосредственно с территории Германии. В конце июня 1941 г. из Германии самолетом на территорию волостей Миссо и Руусмяэ Выруского уезда была заброшена шпионская группа, которую возглавлял бывший собственник виллы Рогози капитан Курт фон Глазенапп, незадолго до начала войны выехавший из Эстонии в Германию. Глазенапп активизировал деятельность бандитского подполья Выруского уезда. По требованию Глазенаппа немцы произвели выброску оружия и боеприпасов. Ему удалось установить связь с бандитскими группами, скрывавшимися на территории Тартуского уезда. В бандитские группы были влиты шпионы-радисты Глазенаппа, которые поддерживали регулярную связь со своим центром.

В первых числах июля 1941 г. была произведена выброска разведывательно-диверсионной группы немцев в волость Тали Пярнуского уезда, которая сразу же установила связь с подпольем эстонских буржуазных националистов. После захвата гитлеровскими войсками волости Тали бандиты направили в Ригу своих представителей и получили от оккупантов дополнительно 160 винтовок»14.

Наряду с диверсантами из числа местных националистов, в первые дни и недели войны на территорию СССР забрасывались и небольшие разведывательно-диверсионные группы немецких парашютистов. Так, 27 июня 1941 г. недалеко от Пскова в местечке Подборовье рядом с железнодорожной станцией Стремутка после сообщений местных жителей о ночных полетах немецких самолетов сотрудники милиции обнаружили в лесу

замаскированные парашюты. Из Пскова была направлена оперативная группа, усиленная сотрудниками РО НКВД и бойцами истребительных батальонов. После почти двухчасовых поисков удалось выйти на группу автоматчиков численностью 8 человек, направлявшихся в сторону Пскова. Бой продолжался несколько часов, в результате немецкие десантники были уничтожены. При них была найдена взрывчатка15.

Помимо парашютистов-диверсантов, в первые дни войны на советскую территорию приземлялись с парашютами летчики германских ВВС, самолеты которых были сбиты в ожесточенных воздушных боях. Об их интенсивности свидетельствует то, что только в первый день войны, 22 июня 1941 г., люфтваффе потеряли на Восточном фронте 153 самолета. Из них примерно четверть составляли бомбардировщики «Хейнкель-111» и «Юнкерс-88» с экипажами из нескольких человек16.

Можно предположить, что в ряде случаев члены экипажей подбитых немецких самолетов (впрочем, как и тех советских самолетов, которые в тот день смогли подняться с аэродромов и были сбиты уже в воздухе) покидали свои машины с парашютами – так, что их групповой выброс над советской территорией мог быть принят за высадку десанта. А одновременная фиксация приземлявшихся на парашюте летчиков людьми, находящимися вне прямой видимости друг друга – скажем, крестьянами густонаселенных приграничных районов Белоруссии и передвигавшимися через эти районы бойцами и командирами Красной Армии, – могла повлечь за собой сообщения из разных мест в ближайшие воинские штабы не об одном, а сразу о нескольких «немецких десантах».

Еще одним весьма вероятным поводом к появлению упоминаний о «высадке десантов», изобиловавших в цитировавшихся выше армейских и пограничных сводках первых дней Отечественной войны, могло стать стремительное продвижение передовых моторизованных отрядов Вермахта (включая разведывательные и иные спецподразделения) по приграничным районам СССР. Их внезапное появление в 30–40 км от линии фронта объяснялось многочисленными разрывами в боевых порядках отступавших частей Красной Армии. Вполне вероятно, что командирам этих частей, которые в хаосе первых недель войны сплошь и рядом не могли толком наладить разведку, караульную службу, выставлять на маршах передовые дозоры и сторожевые охранения, осуществлять взаимодействие с соседями и поддерживать связь с вышестоящим командованием, легче было объяснять глубокие прорывы передовых моторизованных отрядов сухопутных войск Вермахта тем, что это

были не сухопутчики, а воздушные десанты!

Пример такого рода приведен в одном из новейших исследований событий первых дней Великой Отечественной войны:

«…Еще один эпизод с участием танка «Т-34» в первые дни войны – это бои в районе небольшого городка Рад-зехув (примерно в 40 км к северо-западу от города Броды Львовской области. – *М.Т.),* буквально в нескольких десятках километров от границы. Разведка немцев в городке была идентифицирована как воздушный десант, против которого был направлен передовой отряд советской 10-й танковой дивизии С.Я. Огурцова в составе одного танкового и одного мотострелкового батальона. Не обнаружив никакого десанта в указанном районе, поздно вечером, в 22.00, передовой отряд вступил в соприкосновение с частями немцев в районе Корчина (18 км ближе к границе), вернулся назад и к исходу первого дня войны перешел к обороне на окраинах Радзехува. К тому моменту «десант» переопределили в передовой части немецких сухопутных войск и направили против него сводный отряд 32-й танковой и 81-й моторизованной дивизий 4-го механизированного корпуса впоследствии печально известного А.А. Власова…»17.

Аналогичным образом выглядит эпизод с состоявшимся 22 июня 1941 г. боем за аэродром у литовского города Алитус. По версии, озвученной командовавшим этим боем с советской стороны командиром 5-й танковой дивизии 13-й армии Ф.Ф. Федоровым (его рапорт лег в основу соответствующих записей в журнале боевых действий 13-й армии), 22 июня 1941 г. на аэродром Алитуса, находившийся к северу от города рядом с военным городком, «путем посадки самолетов» было десантировано 300–400 гитлеровцев. Гитлеровцы вывели из строя уцелевшую после бомбежек материальную часть базировавшегося на аэродроме авиаполка, но были уничтожены в бою с мотострелками 5-го мотострелкового полка 5-й танковой дивизии, где имелось 2770 человек личного состава и 8 бронемашин. Затем командир полка майор В.И. Шадунц расположил два своих батальона по периметру летного поля и через некоторое время немецкая мотопехота (численностью от батальона до полка – точнее не установлено) попала в засаду От кинжального огня с трех сторон немцы понесли большие потери и пришли в замешательство, а рота автоматчиков ударом во фланг отсекла их от машин. Немцев гнали до самого Немана, прижали к нему и полностью истребили…»18.

Из описания указанных боевых действий выглядит сомнительным то, что для захвата не имевшего особого военного

значения (по сравнению с магистральными мостами, окружными военными складами и т. п.) аэродрома Алитуса, расположенного у самой пограничной тогда реки Неман, гитлеровцы высадили с самолетов целый батальон десантников. Сомнительной представляется и история с «высадкой в 2.00—2.30 ночи с 22 на 23 июня 1941 года тактического парашютного десанта численностью до 600 человек» на располагавшийся неподалеку от Алитуса аэродром Ораны, который в то время охраняли 7 бронемашин и 4 противотанковых орудия, принадлежавших 184-й стрелковой дивизии 29-го литовского корпуса. По официальной версии советских военных историков, «ликвидацию десанта ввиду ненадежности литовской дивизии возложили на 10-й танковый полк. К 7 утра десант был частью уничтожен, частью рассеян, однако половина танковых сил соединения оказалась в стороне от развернувшегося в тот день сражения». Анализируя эту историю, резонно предположить, что если на аэродром в Оранах и высаживался десант гитлеровцев, то очень немногочисленный – и сыгравший роль «детонатора» для перехода на сторону противника той самой «литовской» 184-й стрелковой дивизии. Это вполне соответствует сведениям, приведенным современным исследователем воздушной войны июня 1941 года Д.Б. Хазанова:

«К полудню 22 июня с трехмоторных Ju 52 106-й авиагруппы особого назначения (KGrzbV106) в районах Алитус, Россиены, юго-западнее Вильнюса, других местах были выброшены на советской территории небольшие парашютные десанты, которые нарушали связь, создавали панику и неразбериху»19.

Возможно, хотя и неочевидно, что 22 июня 1941 г. гитлеровцам удалось высадить посадочный десант на аэродром города Белостока. Упоминания об этом содержат дважды изданные столичным Политиздатом в 1980-х гг. мемуары ветерана бомбардировочной авиации подполковника П.П. Цупко, прокомментированные еще одним современным историком первых дней войны Марком Солониным:

«…В мемуарах П.П. Цупко встречается очень странный эпизод. Эпизод этот не только не подтверждается, а прямо противоречит всем другим, известным автору, источникам. Но коль скоро славный Политиздат дважды (в 1982 и 1987 гг.) выпустил книгу Цупко, то не грех и нам упомянуть эту историю.
Итак, утром 22 июня экипаж младшего лейтенанта Усенко вылетел на разведку в район Гродно-Августов. Самое позднее через два-три часа (т. е. не позднее полудня) «Ар-2» возвращался на базовый аэродром 9-й САД (смешанная авиадивизия. – *М. Т.)* у Белостока. Самолет Усенко уже было приземлился, когда «от ангара отделились и побежали развернутой цепью к самолету

солдаты в серо-зеленой форме. По другую сторону ангара Константин вдруг разглядел шесть трехмоторных транспортных Ю-52, еще дальше – до десятка Ме-110… У самолетов сновали серо-зеленые фигурки…»20.

Короче говоря, немцы деловито обживали аэродром, находящийся всего в нескольких верстах от штаба 9-й САД, штаба 10-й армии Западного фронта, Белостокского областного управления НКВД и прочая. В середине дня 22 июня все эти уважаемые организации вроде как еще никуда не «перебазировались». Немецкая же пехота заняла Белосток только 24 июня».

Примечательно и то, что первая директива о борьбе с вражескими парашютными десантами, выпущенная в СССР после начала Отечественной войны, исходила не от военного или чекистского, а от партийного руководства. Это была Директива ЦК КП(б) Белоруссии, адресованная всем обкомам, райкомам партии и райисполкомам восточных областей Белоруссии. Она была подписана 23 июня 1941 г. – т. е. на второй день войны – тогдашним секретарем ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко:

«Немцы забрасывают в наши тылы самолетами диверсантов, парашютистов для взрывов мостов, путей и уничтожения линий связи.

Вашей боевой задачей является:

1. Организация круглосуточного наблюдения, установление всюду связи с таким расчетом, чтобы вся территория района просматривалась и ни одно действие врага не оставалось незамеченным.

2. Организация групп для уничтожения десантов с воздуха, вооружение их, помимо оружия, которым вы располагаете, охотничьими ружьями и всем холодным оружием.

Взятие под охрану всех важнейших сооружений, мостов, предприятий, железных дорог, линий связи, телефонных и телеграфных станций и т. д.

3. Немедленное сообщение воинским частям о появлении десанта врага и, не ожидая их прибытия, уничтожение десанта, используя для этого все виды оружия, при отсутствии или недостатке огнестрельного оружия – уничтожение в рукопашной схватке холодным оружием: вилами, насаженными на палки штыками, топорами, саблями и т. д. Доставление сдавшихся в воинские части для допроса»21.

Вероятно, что именно эта инициатива партийных органов республиканского уровня, опередивших в демонстрации своего усердия по борьбе с парашютными десантами и диверсантами

противника и Наркомат обороны, в состав которого тогда структурно входили «Третьи отделы» военной контрразведки, и органы НКГБ и НКВД, была замечена и получила полное одобрение в Кремле. Поскольку уже на следующий день, т. е. 24 июня 1941 г., Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило принятое в тот же день постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. В соответствии с этим постановлением «организация борьбы против парашютных диверсантов» практически во всех регионах европейской части СССР от Мурманска до Северного Кавказа была возложена на территориальные органы НКВД. В этих целях постановлением «при городских, районных и уездных отделах НКВД, дислоцированных на указанной территории», предписывалось создать «истребительные батальоны численностью 100–200 человек из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием»22.

Во исполнение указанного постановления Политбюро и Совнаркома уже на следующий день после их принятия, т. е. 25 июня 1941 года, народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия подписал приказ НКВД № 00804 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Наряду с основными положениями вышеупомянутого постановления приказ содержал два принципиально важных пункта:

«7. Начальникам истребительных батальонов для успешного выполнения возложенных на них задач создать в колхозах, совхозах и на отдельных промышленных предприятиях в районах своей деятельности группы содействия. На группы содействия возложить информацию истребительных батальонов о всех случаях появления парашютных десантов и диверсантов противника в районе деятельности истребительных батальонов.

13. Начальники истребительных батальонов должны учитывать возможность дезинформационных сообщений со стороны антисоветского элемента о появлении парашютных десантов и диверсантов противника. Поэтому каждое сообщение необходимо подвергать немедленной проверке…»23-

Воистину, если бы даже на нашу территорию в первые дни войны не высадился ни один гитлеровский парашютный десант (а они высаживались!), их стоило бы придумать хотя бы для того, чтобы оправдать постоянной угрозой их высадки наличие в тылах истекавшей кровью кадровой Красной Армии десятков и сотен тысяч мужчин вполне призывного возраста и повышенной

лояльности к государственному строю и его вождям. Эти сотни тысяч партийцев и комсомольцев (по официальной статистике, 328 тысяч человек, объединенных в 1755 истребительных батальонов) под командованием «назначенных начальниками истребительных батальонов надежных оперативных работников НКВД и милиции» пребывали отнюдь не на фронтовых позициях, но в полной боевой готовности. На казарменное положение они были переведены постановлениями Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР №№ 260 и 261 от 24 июля 1941 г., объявленным Приказом НКВД СССР № 0356 от 27 июля 1941 г.

Об эффективности исполнения командирами и бойцами истребительных батальонов своего главного предназначения – борьбы с парашютными десантами, ради которой они номинально и были созданы, свидетельствует следующая статистика.

В июне – июле 1941 г. истребительными батальонами Ленинградской области (170 батальонов общей численностью 41 347 человек) было захвачено 18 летчиков и 19 солдат противника, ликвидировано 15 парашютистов и 48 солдат врага24.

За август – сентябрь 1941 года истребительными батальонами Сумской, Полтавской, Днепропетровской и Запорожской областей Украины, общая численность которых составляла тогда около 28,5 тысячи бойцов, было задержано 49 парашютистов противника25.

А вот любопытная выписка из документа, посвященного итогам первого налета германской бомбардировочной авиации на Москву в ночь с 21 на 22 июля 1941 года:

«Поступившие в ночь на 22 июля 1941 года данные о якобы замеченных высаженных в Московской области десантах противника – проверкой не подтвердились.

Силами истребительных батальонов, мобилизованной общественности и колхозников Наро-Фоминского, Химкинского, Уваровского, Мытищинского, Пушкинского, Дмитровского и Сталинского районов г. Москвы были произведены прочесы поселков, лесных массивов и полей, в результате которых десанты противника не обнаружены»26.

Несмотря на реально малый КПД при выполнении своей изначальной задачи, истребительные батальоны образца 1941 г. выполнили ту задачу, которая, по всей видимости, обусловила их создание. Но никак и никем не афишировалась в условиях первых месяцев войны, когда Сталин и его ближайшее окружение, входившее в ГКО, не были уверены как в боеспособности, так и в лояльности многих соединений и частей Красной Армии. И ощущали реальную угрозу Советской власти в большинстве

оказавшихся прифронтовыми вновь присоединенных национальных республик СССР. Именно наличие в ближайших прифронтовых тылах значительного количества объединенных в истребительные батальоны вооруженных людей, напрямую подчиненных не местным армейским начальникам и даже не местному (обычно национальному) партийному руководству, но органам НКВД и НКГБ, тогда сыграло важную роль для социально-политической стабилизации, облегчив эвакуацию с большинства угрожаемых советских территорий и затруднив проведение там гитлеровцами и местными коллаборационистами сколько-нибудь массовых беспорядков и других акций.

Угроза «немецких десантников-парашютистов» дала убедительнейший повод не только для формирования истребительных батальонов, но и для ужесточения в июне – августе 1941 года и без того сурового оперативно-чекистского режима, нацеленного как на борьбу с агентурой внешнего противника, так и с оппозицией Советской власти и ее вождям. Уже не раз цитировавшийся на этих страницах сборник «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» содержит ряд документов июня – августа 1941 г., предписывавших всем органам НКГБ и НКВД для борьбы с немецкими диверсантами, забрасываемыми в прифронтовые и тыловые районы СССР, «тщательно проверять всякое вновь появившееся лицо вблизи промышленных, военных и оборонных объектов», «инструктировать осведомительную сеть на предприятиях, ориентируя ее на непосредственное задержание подозрительных по диверсии и шпионажу лиц».

Логическим итогом этой постепенно нагнетаемой кампании борьбы с «вражеской агентурой» стало расширительное толкование «антисоветской деятельности», фактически давшее органам НКГБ и НКВД возможность под предлогом «быстрого, решительного и беспощадного подавления вражеских действий германской агентуры на нашей территории» при получении «данных о призывах со стороны контрреволюционных элементов к восстанию, при проявлении диверсионных и террористических намерений, **при подготовке к активным антисоветским действиям** (выделено мной. – *М.Т.)* выявленных лиц задерживать и немедленно передавать НКВД и НКГБ…»27.

Нельзя не отметить, что все предпринимаемые «сверху» директивные меры борьбы с «немецкими десантами и диверсантами» на низовом уровне приводили к многочисленным случаям перестраховки, избыточного усердия исполнителей, путаницы и т. д. Что в прифронтовых районах нередко влекло за собой панику, напрасные человеческие жертвы и т. п. Хорошими

иллюстрациями «десанто– и диверсантобоязни» является несколько эпизодов одного из очень популярных в 1960– 1970-х гг., а ныне незаслуженно подзабытых произведений о первых днях и неделях Великой Отечественной войны. Речь идет о впервые опубликованном в 1964 г. романе писателя-фронтовика Григория Бакланова «Июль 41 года», посвященном приграничным сражениям в полосе Западного и Юго-Западного фронтов.

Наряду с показом боевых действий, работы корпусного и дивизионного командования в романе описана судьба начальника особого отдела стрелкового корпуса Шалаева, который лишь из внезапно вспыхнувшего в этом профессионально подозрительном человеке чувства жалости не дал бойцам и командирам корпуса расправиться над местным учителем, которого заподозрили в поджогах и пускании ракет для гитлеровской авиации лишь потому, что при бомбежке его дом чудом уцелел посреди сгоревшей деревни.

По сюжету, особист Шалаев погиб через несколько часов после того, как пощадил учителя. Погиб случайно и глупо, приняв за сброшенных в тылы его корпуса гитлеровских десантников в красноармейской форме бойцов передового охранения одной из дивизий корпуса, которые, в свою очередь, заподозрили «оборотня» в Шалаеве, вооруженном трофейным «вальтером», – и с перепугу застрелили его.

То, что история особиста Шалаева описана не в документальном, а в художественном произведении, отнюдь не умаляет его ценности для осмысления феномена «десантобоязни» и «диверсантобоязни», которая была распространена летом – осенью 1941 г. практически во всех регионах досягаемой для немецкой авиации Европейской части СССР – от провинциальной глубинки и до московских наркоматов и штабов. В этом плане примечательны мемуары генерал-лейтенанта Константина Федоровича Телегина «Не отдали Москвы!». Их автор, кадровый офицер-политработник пограничных войск НКВД СССР, награжденный за довоенную службу на границе знаком «Почетный чекист», а за участие в советско-финской войне 1939–1940 гг. орденом Красной Звезды, летом – осенью 1941 года в звании дивизионного комиссара (примерно соответствовало генерал-майору) был членом Военного совета Московского военного округа. В силу занимаемой должности и предыдущей службы в погранвойсках Телегин тогда был хорошо осведомлен о реальной степени угроз применения противником парашютных десантов:

«…Начиная с июля, а особенно в августе и сентябре 1941 г. с различных мест и разными способами стали поступать

сообщения о якобы высаженных противниками воздушных десантах. Проверка подтверждала, что вражеская агентура начала широкое психологическое наступление, пытаясь посеять дезорганизацию в наших рядах.

К счастью, получая сообщения о «высадке» воздушных десантов, Верховному или Генштабу Военный совет округа их не докладывал без проверки ни разу.

Почти с каждой страницы центральных и московских газет раздавались призывы к повышению бдительности, к решительной борьбе с провокационными слухами и их распространителями. Состоявшееся 29 сентября 1941 г. собрание московского городского партийного актива уделило большое внимание этому вопросу. В своем докладе руководитель парторганизации Москвы А.С. Щербаков с особой остротой подчеркивал:

– Нельзя проходить мимо и терпимо относиться к людям, распространяющим провокационные слухи. Враг не ждет специальных собраний или бесед, он действует более гибко, пуская провокационные слухи в очереди в магазине, в трамвае или в поезде, в столовой или курилке, в беседе с глазу на глаз. Мы обязаны поэтому везде и всюду разоблачать паникеров и провокаторов, не давать им спуску, а наиболее злостных из них предавать суду по законам военного времени…»28.

Схожие воспоминания даны в книге мемуаров «На службе военной» главного маршала артиллерии Николая Николаевича Воронова:

«В конце октября 1941 года гитлеровцы возобновили наступление. На ряде участков фронта создалась тяжелая обстановка. Тревожные дни переживала Москва. Как-то я застал Сталина, когда он стоял у стола и возбужденно говорил с кем-то по телефону.

– Парашютисты? Сколько? Рота? А кто видел? Вы видели? А где высадились? Вы – сумасшедший. Не может быть, я не верю. Я говорю вам, не верю. Вы скоро скажете, что на ваш кабинет тоже уже высадились!

Верховный с раздражением бросил трубку телефона и сказал мне:

– Вот уже несколько часов меня терзают воплями о немецких парашютистах, не дают работать. Все ссылаются на слухи, а сами не видели и понятия не имеют. Болтуны и паникеры!

Я рассказал, как недавно, в бытность мою начальником Главного управления ПВО, вот так же звонили по телефону и докладывали о том, что в направлении города Владимира прорвалась группа вражеских дирижаблей, которая производит высадку крупного воздушного десанта. Наши командирские

разъезды отправились для выяснения района высадки и определения хотя бы примерного количества немецких парашютистов. Кроме того, была послана воздушная разведка. Вскоре выяснилось, что никаких дирижаблей и немецких парашютистов не было да и быть не могло. Просто-напросто необычного вида кучевые облака приняли за дирижабли противника, а уж дальше вовсю разыгралась перепуганная фантазия. В первые дни войны при стрельбе нашей зенитной артиллерии по самолетам противника снарядами старого образца обычно образовывались в воздухе белые облачка, которые очень часто принимали за раскрывшиеся парашюты противника. Это тоже было основанием для паники.

Во время нашего разговора звонки о мнимых парашютистах противника продолжались. Сталин уже не хотел слушать эти доклады и отвечал, бросая трубку:

– Вранье! Нужно судить таких злостных паникеров военно-полевым судом!»29.

Наряду с упомянутым в воспоминаниях маршала Воронова ложным сообщением о выброске гитлеровского десанта с дирижаблей под Владимиром 5 октября 1941 г. в Москву поступило «оказавшееся ложным сообщение о высадке десанта противника северо-западнее Малоярославца»30. Правда, тот же Телегин упоминал как достоверный факт, что 8 октября 1941 г. гитлеровцы таки высадили десант на стыке Можайского и Малоярославецкого укрепленных районов:

«Поздно вечером 8 октября 1941 г., когда враг широким фронтом приближался к Можайскому рубежу, взяв Козельск и подойдя к Гжатску, поступило сообщение ротного поста ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи. – *М.Т.),* что в районе Федорино и Ищеино в 30 км северо-западнее Малоярославца и в 27 км от Боровска перед передним краем оборонительного рубежа появилось две группы противника с легкими танками и танкетками, **предположительно** (выделено мною. – *М.Т.),* авиадесант…»31 (Цит. по: *КФ– Телегин* «Не отдали Москвы!». С. 159)

Чуть ниже в своих мемуарах Телегин упомянул о том, что в районе Федорино – Ищеино высадился именно авиадесант (с легкими танками и танкетками), уже как об абсолютно достоверном факте:

«Не давало покоя сообщение о высадке десанта противника в районе Федорино – Ищеино… Уже наступило утро 9 октября, когда удалось получить подтверждение, что это действительно так. Стали известны и некоторые подробности. Десант был высажен с девяти самолетов в районе, где не было наших войск, а

только рабочие батальоны. Заняв Ищеино, противник поджег постройки и стал продвигаться в сторону Боровска, но неожиданно наткнулся на серьезное сопротивление. Командир 3-го рабочего батальона, собрав вооруженных бойцов комендантского взвода и инженеров, преградил путь врагу. Завязалась рукопашная схватка, бойцы рабочих батальонов, у кого не было оружия, дрались лопатами и кирками, но силы были неравные. Многие из этих безымянных героев, участвовавшие в схватке, погибли, а комбат был тяжело ранен кинжалом в грудь и под огнем врага вынесен адъютантом. Парашютисты рассеяли 2-й и 3-й рабочие батальоны, а 46-й батальон оказался отрезанным и его судьба неизвестна. Однако героическое сопротивление рабочих батальонов нанесло серьезные потери противнику, расстроило его планы, и он вынужден был задержаться в районах Федорино и Шубино»32.

Рассуждая логически, на основе этих воспоминаний можно выстроить такую гипотезу На недостроенную линию укреплений Федорино – Ищеино на стратегически важном стыке двух оборонительных районов (Можайского и Малоярославецкого) 8 октября 1941 г. действительно был сброшен вражеский парашютный десант – но, разумеется, без легких танков и танкеток. В этом случае парашютисты, имея при себе лишь стрелковое оружие, действительно могли вступить в рукопашную схватку с вооруженными шанцевым инструментом бойцами и командирами рабочих батальонов. А затем, закрепившись на недостроенной этими батальонами позиции, немецкие десантники могли дождаться подхода передовых механизированных частей Вермахта, опять-таки упомянутых Телегиным:

«Во второй половине дня 9 октября в район Ищеино – Коростелево враг дополнительно выбросил с самолетов свыше роты пехоты с минометами и десятью танкетками»33. Проблема заключается в том, что осенью 1941 г. ВВС гитлеровской Германии располагали единственной серийной моделью десантно-транспортного воздушного судна, способного доставить через линию фронта хотя бы одну единицу бронетехники. Речь идет о тяжелом транспортном планере фирмы «Мессершмитт» марки Me.321 «Гигант». Его проектирование началось в ноябре 1940 г. в рамках подготовки к высадке на Британские острова, первый опытный экземпляр построили в феврале 1941 г., а к лету 1941 года изготовили более 100 серийных экземпляров «Гиганта».

Благодаря огромным размерам своего грузового отсека (11х3,15х3,3 метра) и его усиленному полу планер мог принять 20 тонн нагрузки – т. е. 200 десантников-парашютистов со

снаряжением либо какую-либо одну единицу техники – средний танк, штурмовое орудие либо 88-мм зенитную пушку с тягачом. Опять-таки, рассуждая теоретически, такой планер-«Гигант» мог быть применен на практике при выброске десанта под Боровском 8–9 октября 1941 г., т. к. впервые в боевых условиях эта машина была использована в ходе неудачной для гитлеровцев высадки на острове Сааремаа 14 сентября 1941 года.

Однако, переходя от теории к практике, возможность применения планеров Ме.321 под Боровском для доставки к уже закрепившимся в районе десантникам минометов и танкеток представляется не слишком вероятной. Хотя бы потому, что единственным действенным средством буксировки одного такого планера в 1941 году являлась лишь т. н. «Тройка-шлепп» – упряжка из трех тяжелых истребителей «Мессершмитт» Bf 11 ОС, пилотируемых летчиками высочайшей квалификации. Любой сбой при буксировании «Гиганта» на трех 10-мм стальных тросах грозил катастрофой, как это произошло однажды еще на испытаниях планера, унесших жизни экипажа «Гиганта» (6 человек), трех пилотов «Мессеров»-буксировщиков и 120 солдат – пассажиров планера34.

Маловероятно, чтобы в октябре 1941 г. сразу после успешного прорыва ударных механизированных частей под Юхновом гитлеровское командование без крайней на то необходимости рискнуло применить «Гиганты» средь бела дня в столичной зоне мощной советской ПВО для переброски легкой бронетехники под Боровск. Скорее всего упомянутые в мемуарах К.Ф. Телегина «минометы и танкетки» находились на вооружении передовых частей 4-й армии Вермахта, которые 9 октября 1941 г. прорвались в незащищенный стык между двумя укрепрайонами вокруг Малоярославца и Можайска.

Основываясь на тех же соображениях, т. е. на малой технической вероятности сброса крупного парашютного десанта с танкетками на сверхтяжелых планерах, следует критично отнестись к описанию боев, которые произошли 16–22 июля 1941 г. в районе железнодорожной станции Ярцево Смоленской области между частями 38-й пехотной дивизии полковника М.К. Кириллова и подразделениями гитлеровцев, пытавшихся перерезать шоссе «Москва – Минск», рокадную дорогу «Белый – Дорогобуж» и захватить саму железнодорожную станцию Ярцево и находившиеся рядом с ней мосты через реку Вопь.

По традиции, устоявшейся в советской и постсоветской военно-исторической литературе, противниками частей Красной Армии в боях за Ярцево принято считать «крупный воздушный десант численностью до тысячи человек», вооруженный

пресловутыми «танкетками и минометами». При этом для большей убедительности исследователи ссылаются на мемуары маршала К-К. Рокоссовского, который с вечера 16 июля 1941 г. по приказу Ставки Верховного Главнокомандования находился в районе Ярцево, где осуществлял общее руководство уничтожением оказавшихся там немецких частей.

Между тем в мемуарах Рокоссовского «Солдатский долг» о противнике, занявшем Ярцево, сказано так:

«В штабе фронта я ознакомился с данными на 17 июля. Работники штаба не очень-то были уверены, что их материалы точно соответствуют действительности, поскольку с некоторыми армиями, в частности с 19-й и 22-й, не было связи. Поступили сведения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника. Данные о высадке воздушного десанта в Ярцево имелись, но они еще не были проверены…»35.

«Обстановка на этом рубеже оказалась более серьезной, чем предполагали в штабе Западного фронта. Первый же бой помог установить, что в районе Ярцево находится не только выброшенный немцами десант, но и более внушительные силы. Обойдя Смоленск с севера, сюда прорвалась 7-я танковая дивизия. Разведка и показания пленных засвидетельствовали, что начали прибывать моторизованные части из танковой группы врага, действовавшей на смоленском направлении»36.

Тем не менее технически возможности высадки вражеского парашютного либо посадочного десанта на станцию Ярцево 16 июля 1941 г. исключать нельзя. Как бы там ни было, подразделения гитлеровцев, захватившие 16 июля Ярцево, разбив местный истребительный батальон, были 18 июля почти полностью уничтожены подтянувшимися к Ярцеву подчиненными будущему маршалу Рокоссовскому частями 38-й дивизии полковника М.Г. Кириллова – 48-м стрелковым полком, 70-м отдельным разведывательным батальоном и несколькими батареями 214-го легкого артполка. При этом было захвачено несколько десятков вражеских пленных. В случае, если в советских военных архивах сохранились протоколы их допросов, взятые у них документы и т. п., они могут поставить итоговую точку в дискуссии о том, был ли высажен под Ярцево вражеский десант – или там, как и во многих других эпизодах лета– осени 1941 года, действовала удачно просочившаяся через разрывы в оборонительных порядках Красной Армии мото-маневренная группировка противника.

Представляется целесообразным упомянуть еще несколько эпизодов, привязанных к конкретным населенным пунктам и датам лета – осени 1941 года и допускающих принципиальную

возможность высадки там немецких десантов.

Немецкие десанты якобы высаживались в окрестностях Киева – 15 июля 1941 г. под Бояркой и в августе для захвата железнодорожного моста через Днепр у станции Дарница.

Десант, якобы высаженный с восьми самолетов 10 сентября 1941 г. у города Ромны, способствовал прорыву авангарда 3-й танковой дивизии Вермахта через оборонительные позиции советской 40-й армии с дальнейшим развитием наступления на Чернигов и далее на Киев.

В заключение следует отметить, что самостоятельной и интереснейшей темой, связанной с изучением реальных и мифических немецких десантов 1941 г., является деятельность в указанный период на Восточном фронте подразделений полка особого назначения «Бранденбург-800», подчиненного руководству немецкой военной разведки «Абвер». История деятельности «бранденбуржцев» в советских тылах окружена собственными многочисленными легендами – и заслуживает отдельного детального рассмотрения.

Примечания

1 См. А. *Гове.* Внимание, парашютисты! // Сборник «Воздушные десанты Второй мировой войны». Серия «Военно-историческая библиотека». – М., Изд. «АСТ», 2003. С. 126, 190–191.

2 См. *А. Гове.* Внимание, парашютисты! // Сборник «Воздушные десанты Второй мировой войны». С. 193–197.

3 *См. М.В. Зефиров, Д.М. Дегтев, Н.Н. Баженов.* Самолеты-призраки Третьего рейха. Секретные операции люфтваффе. – М.: Изд. «АСТ», 2007. С. 120.

4 Цит. по: Нюрнбергский процесс. Документы и материалы. Т. 2. – М., 1958. С. 564.

5 Цит. по: Сборник документов «Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 гг». – М.: Международный фонд «Демократия», 2008. С. 469–470.

6 Цит. по: «Группировка германской сухопутной армии: сводка Разведывательного Управления Генерального Штаба Красной Армии по событиям на Западе» // Сборник документов «Военная разведка информирует…». С. 462.

7 См. сборник «Воздушные десанты Второй мировой войны». Серия «Военно-историческая библиотека». – М.: Изд. «АСТ», 2003. С. 33, 604.

8 Цит. по: Сборник документов «Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г.». С. 550.

9 Цит. по: Сборник документов «Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г.». С. 635.

10 Цит. по: Сборник документов «Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г.». С. 699.

11 Цит. по: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. Генеральный Штаб. Военно-научное управление. – М.: Воениздат, 1953. Интернетверсия http://makevev.msk.ru/pub/ NeProhodiMimo/sbd 34.htm

12 Цит. по: «Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941». Сборник документов и материалов. – М.: Изд. «Наука», 1976. С. 172–174.

13 Цит. по: «Из журнала записи боевых донесений Главного управления войск НКВД СССР об обстановке на участках гарнизонов 10-й дивизии войск НКВД по охране

железнодорожных сооружений в первый день войны» // Сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Том второй. Книга I. «Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года». – М.: Изд. «Русь», 2000. С. 40.

14 Цит. по: *Л1.Н. Барков.* В дебрях Абвера. Изд. «Ээсти Раамат». – Таллин: 1971. С. 74–75.

15 См. *М.Ю. Литвинов, А.В. Седунов.* Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на северо-западе России. – Псков: «Псковская областная типография», 2005. С. 204.

16 См. *А. Валяев-Зайцев, Р. Ларинцев.* Потери Люфтваффе в первый день войны. Материал выложен на Интернетпортале http://www. airforce.ru/historv/ww2/22june4l/index.htm

17 Цит. по: *А.В. Исаев.* «Антисуворов: десять мифов Второй мировой». – М.: Изд. «Яуза-ЭКСМО», 2004. С. 136137.

18 См. *Дм. Егоров.* «Первые дни войны 5-й танковой дивизии» // Газета «Правда», 22.06.2005.

19 Цит. по *: Д.Б. Хазанов.* «1941. Горькие уроки. Война в воздухе». – М.: Изд. «Яуза-ЭКСМО», 2006. С. 63.

20 Цит. по: *М.С. Солонин.* Бочка и обручи, или Когда началась Великая Отечественная война? – Дрогобыч: Изд. «Выдродження», 2004. С. 173.

21 Цит. по: Сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Том второй. Книга I. «Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года». С. 58.

22 Там же. С. 64–65.

23 См. Сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Том второй. Книга I. С. 77–79.

24 См. *Б.П. Белозеров.* «Фронт без границ. 1941–1945». Историкоправовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада. – СПб.: Изд. «РДК-Принт», 2001. С. 57–58.

25 См. Сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Том второй. Книга II. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. С. 175–176.

26 Цит. по: «Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о последствиях налета германской авиации на Москву. 22 июля 1941 года» // Сборник документов «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946». – М.: Международный фонд «Демократия», 2006. С. 302.

27 Цит. по: Сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Том второй. Книга II. С. 229–231.

28 Цит. по: *К-Ф. Телегин* «Не отдали Москвы!». – М.: Изд.

«Советская Россия», 2-е изд., 1975. С. 96–97.

29 Цит. по: *Н.Н. Воронов.* «На службе военной». – М.: Воениздат, 1963. С. 197–198.

30 Цит. по: *КФ. Телегин* «Не отдали Москвы!». – М.: Изд. «Советская Россия», 2-е изд., 1975. С. 143.

32 Там же. С. 156.

33 Цит. по: *КФ. Телегин.* «Не отдали Москвы!». С. 185.

34 См. *В. Гончаров.* Краткий справочник по десантнотранспортным самолетам Второй мировой войны. // Сборник «Воздушные десанты Второй мировой войны». Серия «Военно-историческая библиотека». – М.: Изд. «АСТ», 2003. С. 631–632.

35 Цит. по: *КК Рокоссовский.* «Солдатский долг». – М.: Воениздат, 1988. С. 26.

36 Там же. С. 29.

Евгений Белаш. Война джона. Факты и мифы

«К острову (70 кв. км) подходят четыре тяжелых авианосца, пять линкоров и трое суток обрабатывают остров. После этого в получившуюся на месте японских укреплений лагуну входят транспорты и высаживают все необходимое для занятия острова, как то: морпехов, пиво, попкорн и передвижной кинотеатр».

ЖЖ-юзер tarkhil, Краткий анализ тактики Второй мировой.

«Из 16 самолетов, которые пересекли берег, чтобы атаковать дамбы, 8 были сбиты, в том числе самолеты обоих командиров звеньев. При этом спаслось только 2 человека, которые попали в плен. Только двое из 56. У экипажа, сбитого на высоте 50 футов, почти нет шансов».

Гай Гибсон, Впереди – вражеский берег.

Вот уже много лет в среде любителей истории не утихают споры об «особом пути» англо-американцев, воюющих «не как все». Пожалуй, отечественный читатель впитывает не меньше мифов о войне союзников, чем западный читатель – о «войне Ивана». Одни утверждают, что американские войска – неженки и трусы, неспособные воевать без ежедневного мороженого, другие – что американцы и англичане в отличие от «кровавых тоталитарных режимов» всегда берегут каждого солдата и не несут напрасных потерь.

Но так ли это было на самом деле? В предлагаемой статье

вкратце анализируются наиболее примечательные эпизоды войн с участием Великобритании и США, преимущественно – Второй мировой.

С шашкой на пулеметы

Знаменитая атака легкой кавалерии под Балаклавой.

Во время Крымской войны русская армия под командованием князя Меншикова попыталась отвлечь англо-франко-турецких союзников от осажденного Севастополя, нанеся удар в районе Балаклавы. В 6 часов утра 13 (25) октября турецкие войска неожиданной атакой были выбиты с четырех редутов, бросив пушки и все то, что находилось на редутах.

Командующий английскими войсками лорд Раглан, еще молодым адъютантом потерявший руку при Ватерлоо, видел, как русские начали стаскивать пушки с захваченных ими редутов, что считалось одним из явных признаков победы. Он быстро продиктовал приказ генералу Эйри, который был передан командующему кавалерией генералу Лукану через капитана Нолана. Приказ гласил:

«Лорд Раглан желает, чтобы кавалерия быстро пошла в наступление на находящегося перед ней противника и не позволила ему увезти назад пушки. Батарея конной артиллерии может сопровождать. Французская кавалерия на вашем левом фланге. Немедленно».

Как считают некоторые историки, генерал Лукан, находясь в низине, мог видеть только батарею в конце узкой подковообразной долины между Федюхинскими горами и взятыми редутами, а не пушки на высотах. Кавалерия была бы вынуждена атаковать видимые ею пушки, с трех сторон обстреливаемая ружейным и артиллерийским огнем. Поэтому Лукан попросил разъяснений, но капитан Нолан мог только подтвердить то, что было в приказе. Тогда Лукан приказал лорду Кардигану, командиру легкой бригады, атаковать. Лорд Кардиган, в свою очередь, указал на ясно видимую абсурдность буквального выполнения такого приказа, но теперь уже Лукан настоял. Ситуация усугублялась натянутыми отношениями между Луканом и Кардиганом, несмотря на то что первый был зятем Кардигана. Вместе с кавалеристами в атаку поскакал и капитан Нолан.

Через двадцать минут легкая бригада как воинское соединение перестала существовать. Ей пришлось проскакать под перекрестным огнем сначала к батарее, потом обратно, преследуемой русскими кавалеристами. Только атака французской кавалерии спасла остатки бригады от полного уничтожения. «Это великолепно, но это не война!» – не сдержался французский генерал Боке, наблюдая за атакой. После сбора и

перегруппировки выживших оказалось, что из всей бригады в седлах остались менее двухсот человек. Сомерсет Кэлторп (Somerset Calthorpe), адъютант Раглана, три дня спустя после битвы в письме другу описал потери англичан в 278 человек – 156 убитых и пропавших без вести, 122 раненых, 335 лошадей были убиты или пристрелены из-за ранений. Более поздние подсчеты дают цифру в 110 убитых, 130 раненых и 58 пленных – почти половину бригады. По русским источникам, потери английской кавалерии составили порядка пятисот человек, что, с учетом потерь тяжелой бригады в тот же день (двое убитых и 57 раненых), близко к английским данным. Поскольку капитан Нолан погиб в ходе атаки, установить точное содержание приказа, а значит, и ответственного за произошедшее, сейчас невозможно. Раглан и Кардиган взаимно обвиняли друг друга, впоследствии относительно успешно оправдавшись.

Английская армия в своей долгой истории несла и более серьезные потери, но на этот раз элитная часть, состоящая из аристократов, потеряла почти половину состава за столь короткое время и без видимого результата, что вызвало немалый шок в Англии. Британские историки традиционно считают эту атаку проявлением воинского духа и героизма, выполнением долга во что бы то ни стало, несмотря на неверно понятый или переданный приказ, отечественные – бессмысленной бойней. В английском языке выражение «атака легкой кавалерии» стало нарицательным, Альфред Теннисон посвятил ей одну из наиболее знаменитых поэм. Любопытно, что его же стихи о гораздо более успешной атаке тяжелой бригады таким успехом не пользовались. Позднее этот сюжет многократно использовался в литературе и кино. Вплоть до Первой мировой войны к захоронению погибших членов легкой бригады приезжали паломники из Англии, и Уинстон Черчилль во время Ялтинской конференции также специально посетил его.

Атака австралийской легкой кавалерии во время Первой мировой войны была, как ни удивительно, куда более удачной. К 1917 г. на полях сражений властвовали шрапнель, пулемет и колючая проволока, массированно применялись танки и отравляющие газы. После самоубийственных атак начала войны, когда целые подразделения за считаные минуты выкашивались огнем скорострельных пушек, пулеметов и магазинных винтовок, кавалерия почти не применялась по прямому назначению. Но…

Английские войска в Палестине уже дважды безуспешно пытались пробиться сквозь укрепленную турецкую линию от Газы на побережье Средиземного моря до Беэр-Шевы в тридцати милях от него. Несмотря на артподготовку, фронтальные атаки пехоты

на равнинной местности быстро захлебывались. В третий раз две пехотные дивизии при поддержке тяжелой артиллерии должны были атаковать укрепления Беэр-Шевы с юго-запада, а две конные (легкая кавалерия и конные стрелки – фактически ездящая пехота) дивизии обошли бы их с юга и востока. Если бы атака не увенчалась успехом в тот же день, англичанам пришлось бы отступить из-за недостатка воды. Для дезинформации противника был придуман сложный план с подбрасыванием ложного плана атаки, якобы утерянного раненым офицером патруля на виду у турок. Однако, как выяснилось после войны, эта дезинформация не удалась – турки достаточно хорошо определили реальные намерения англичан, за исключением точной даты наступления.

Утром 31 октября более ста полевых орудий и гаубиц открыли огонь по турецким позициям, тогда как двадцать тяжелых орудий подавляли артиллерию, обслуживаемую австрийцами. Пехота пошла в атаку и быстро выполнила свою задачу, ожидая соединения с кавалерией. По плану кавалеристы должны были спешиться, но на это не оставалось времени. Для атаки в конном строю была выбрана четвертая австралийская бригада легкой кавалерии. Солдаты атаковали на конях с дистанцией между эскадронами в пятьсот метров, держа штыки в руках, с ружьями на плечо.

Австрийская артиллерия открыла огонь с большого расстояния, но шрапнель была малоэффективна против разреженных боевых порядков – на дворе был уже 1917 год, а не 1914-й. Турецкие пулеметы открыли огонь с левого фланга (что могло бы причинить большие потери атакующим), но их быстро подавила приданная австралийцам конная артиллерия, тогда как стрелки не учли быстроты перемещения мчащейся конницы и не перевели вовремя прицелы на ближнюю дистанцию. Кроме того, пулеметчики и стрелки оказались шокированы неожиданным видом атакующей кавалерии. Перемахнув через линию траншей, австралийцы спешились и с тыла атаковали турок в штыки. Турки в большинстве случаев были уже настолько деморализованы увиденным, что быстро сдавались. В последующем рапорте командующий кавалерией указал, что успешная атака стала возможной благодаря отсутствию у турок колючей проволоки и других заграждений. Австралийцы потеряли 31 человека убитыми и 36 ранеными, взяв 38 офицеров и около 700 солдат пленными, тогда как британский пехотный корпус потерял 116 человек только убитыми – своеобразный мини-реванш за тяжелые потери австралийцев у Галлиполи.

Кавалерийская атака Беэр-Шевы считается последней успешной атакой такого рода в британской армии, хотя 7 ноября

1917 года и 2 октября 1918 года ее кавалерия еще успешно атаковала тех же турков в конном строю.

Матросовы и Гастелло

Десятого декабря 1941 г. в морском бою японцами был сбит бомбардировщик B-17, который пилотировал капитан Колин Келли. Это был первый бомбардировщик такого типа, потерянный в бою, в отличие от B-17, уничтоженных в Перл-Харборе и на Филиппинах. Во время войны считалось, что Келли таранил японский линкор «Харуна». Келли стал известен как первый герой войны, его посмертно наградили Крестом выдающейся службы (Distinguished Service Cross), а также посвятили монумент «Четыре свободы», созданный по инициативе Франклина Рузвельта. Однако же после войны вышли мемуары знаменитого японского аса Сабуро Сакаи, который стал очевидцем первого и последнего боя Келли. Предоставим слово Сакаи:

«Третий день войны я запомню надолго, так как именно в этот день я сбил свой первый B-17. Это также была первая «Летающая крепость», потерянная американцами в бою. После войны я узнал, что этот бомбардировщик пилотировал капитан Колин П. Келли, один из американских героев…

Мы сумели продержаться над транспортами примерно 25 минут, кружа на высоте 18 ООО футов, когда я заметил 3 больших круга на воде рядом с кораблями. Мы находились слишком высоко, чтобы различить водяные столбы от взрывов бомб, но эти 3 круга были красноречивы [именно три бомбы нес B-17 Келли]. Сразу же стало видно, что ни один из кораблей не получил попаданий, хотя в американских отчетах говорится, будто несуществующий линкор получил одно прямое попадание и 2 близких разрыва, после чего окутался дымом и отошел, волоча за собой след нефти.

Мои товарищи и я сам были возмущены тем, что противник атаковал, несмотря на присутствие истребительного прикрытия. Мы даже не заметили бомбардировщики! Я начал вертеться в кабине и через несколько секунд увидел одиночный B-17, который летел на юг в 6000 футов выше нас. Я постарался привлечь внимание остальных пилотов к этому бомбардировщику, и мы принялись искать другие самолеты, которые также наверняка участвовали в атаке. Мы еще ни разу не видели атаку бомбардировщиков без сопровождения, особенно атаку одиночного бомбардировщика в районе, где он наверняка встретится с нашими истребителями. Невероятно, но факт – одиночный B-17 атаковал цель прямо в пасти у наших истребителей. У этого пилота храбрости было в избытке.

* * *

Пулеметы «Крепости» палили непрерывно, и пилот все время чуть доворачивал из стороны в сторону, чтобы дать возможность стрелкам поймать нас на прицел. Но, несмотря на все его усилия, вражеские трассы пролетали мимо. Я выдвинулся чуть впереди своих товарищей и открыл огонь. От правого крыла бомбардировщика начали отлетать куски металла, затем появилась тонкая белая струйка. Скорее всего, это был бензин из пробитого бака, но мог быть и дым. Я продолжал стрелять по поврежденному участку, надеясь перебить снарядами пушки бензопровод или воздушную систему. Внезапно струйка превратилась в фонтан. Пулеметы бомбардировщика прекратили стрелять. Мне показалось, что внутри фюзеляжа B-17 начался пожар. Я не мог продолжать атаку, так как израсходовал боеприпасы.

Я отвернул влево, чтобы державшийся сзади «Зеро» использовал свой шанс. Пилот набросился на хвост B-17, как голодный, всадив в него длинную струю снарядов и пуль. Бомбардировщик получил серьезные повреждения, и до того как подошли остальные истребители, он клюнул носом и начал резко снижаться. Как ни странно, его крылья не отлетели, и он шел совершенно ровно, не потеряв управления. Похоже, его пилот решил совершить аварийную посадку на аэродроме Кларк. Я спикировал следом за поврежденной «Крепостью» и достал свою «Лейку». Мне удалось сделать 3 или 4 снимка. На высоте 7000 футов из бомбардировщика выпрыгнули 3 человека. Раскрылись 3 парашюта, а в следующий момент B-17 нырнул в облако и пропал.

Ни один японский пилот не видел, как разбился B-17, поэтому в то время нам не засчитали победу.

Ночью мы долго разговаривали о смелом пилоте B-17, который в одиночку попытался атаковать нашу эскадру. Раньше мы не слышали ни о чем подобном. Одиночный самолет был практически обречен на гибель, когда сталкивался с таким количеством истребителей противника. Неточности в рапортах уцелевших летчиков ни в коей мере не умаляют их героизма».

Таким образом, Келли не таранил вражеский линкор – в этом районе вообще не было японских линкоров. Более того, Келли и не пытался таранить какой-либо корабль. Бомбардировка его, по японским данным, также была неудачной, что неудивительно с учетом отсутствия у экипажа боевого опыта и ТТХ B-17. Так что же, Келли не был героем? Был. Он обнаружил противника, сообщил об этом командованию, атаковал и до последнего момента пилотировал уже горящий самолет, давая возможность

остальным членам экипажа выпрыгнуть с парашютами. Дело в том, что бой Келли произошел спустя всего лишь три дня после нападения японцев на Перл-Харбор, и для поднятия духа пропаганде США срочно требовались подвиги, а о достоверности деталей речь уже не шла.

Лейтенант Джон Пауэрс (отечественному читателю более известен его однофамилец Гарри), пилот пикирующего бомбардировщика, седьмого мая 1942 г. вместе с другими летчиками нашел и потопил японский авианосец «Сехо». На следующий день он атаковал и поразил другой японский авианосец «Секаку», но был убит близким взрывом собственной бомбы. Посмертно награжден высшей военной наградой США – медалью Почета (medal of Honor).

Франклин Рузвельт 7 сентября 1942 года сказал в радио-обращении к нации:

«Лейтенант Пауэрс сказал им: «Помните, наши там, дома, рассчитывают на нас. Я не промахнусь, чего бы мне это ни стоило. Выложу им бомбу на палубу, как яйцо». Он повел свое звено на цель с высоты 18 тысяч футов сквозь стену разящего огня и тучи вражеских самолетов. Он спикировал к самой палубе авианосца, не сбрасывал бомбы до тех пор, пока не убедился, что обеспечено прямое попадание. В последний раз его видели, когда он пытался выйти из пике на слишком низкой высоте в 200 футов в страшном смерче снарядов, осколков бомбы, дыма и обломков разбитого судна. Его самолет был поражен взрывом собственной бомбы. Но Пауэрс исполнил свое обещание – «выложить им бомбу на палубу».

Также в честь Пауэрса в феврале 1944 года был назван эсминец.

Снова 1942 г., битва при Мидуэе. На этом острове в Тихом океане к началу одного из наиболее крупных морских сражений Второй мировой войны размещалось, не считая срочных пополнений, восемнадцать списанных с авианосцев пикирующих бомбардировщиков «Донтлесс» и шестнадцать уже устаревших пикирующих бомбардировщиков «Виндикейтор». Ограниченные запасы топлива на острове позволили выделить максимум два часа тренировок для группы Норриса на «Виндикейторах» и час – для группы майора Гендерсона на «Донтлессах». Как пишет американский историк Уильям Лорд в «Невероятной победе», семнадцать из двадцати одного пилота присоединились к эскадрилье только за неделю перед боем. Некоторые из них после окончания учебы не успели налетать даже четырех часов. В первый же день учебных полетов было два случая капотирования на посадке. Оборудование самолетов никуда не годилось. Уже в

начале года при попытке пикировать на «Виндикейторах» расползалась обшивка плоскостей, поэтому пикировать на них больше не решались. Полетных карт не было, только четыре планшета на всех. И этим людям предстояла встреча с лучшими палубными пилотами мира.

Для старых самолетов сражение началось четвертого июня. Уже на взлете два «Донтлесса» и один «Виндикей-тор» сломались и вернулись обратно на аэродром. Лофтон Гендерсон, хорошо зная о практически нулевом опыте пилотов и тяжелом состоянии их самолетов, отказался от классической атаки с пикирования и решил бомбить с пологого планирования – у него просто не было другого выхода. Он лично возглавил атаку и был сбит первым, еще не выйдя на боевой курс. Ни один из самолетов этих групп не попал в цель. Восемь из шестнадцати «Донтлессов», принимавших участие в атаке, были сбиты, все оставшиеся имели повреждения, четыре выведены из строя. Были также потеряны четыре из одиннадцати «Виндикейторов» и три тяжело повреждено. На следующий день двенадцать уцелевших бомбардировщиков повторили атаки с тем же результатом. Командир группы капитан Ричард Флеминг, по утверждениям очевидцев, на горящем «Виндикейторе» таранил крейсер «Микума». Однако в посмертном представлении Флеминга к медали Почета нет ни слова о таране… Японцы также не отметили повреждений от попадания самолета. Но при этом за день до собственной гибели Флеминг возглавил группу после гибели командира. Он атаковал корабль на уже горящем самолете, летя на высоте всего лишь пятнадцати метров, добился близкого разрыва бомбы и лишь затем упал в море.

В честь майора Гендерсона будет назван аэродром на Гуадалканале, вокруг которого по совпадению вскоре развернутся ожесточенные бои. Погибшие экипажи дадут другим возможность все-таки прорваться и уничтожить большую и наиболее опытную часть японской палубной авиации. Это будет далеко не окончательная победа, но одна из первых ступеней к ней.

А что же англичане? Оказывается, и у них были свои герои – безногий ас Дуглас Бадер (потерявший ноги задолго до войны в результате авиакатастрофы), а также «разрушители дамб».

617-я эскадрилья, или «эскадрилья самоубийц», первоначально была сформирована в марте 1943 г. для уничтожения трех основных немецких дамб Рура. Это позволило бы оставить без воды и электроэнергии большую часть немецкой военной промышленности, а заодно и уничтожить часть ее потоками воды из разрушенных дамб. Для успешной атаки требовалось «всего лишь» вести ночью тяжелый четырехмоторный

бомбардировщик на высоте восемнадцати метров над рекой, затем чрезвычайно точно сбросить специальную четырехтонную «прыгающую бомбу», погружающуюся в глубь водохранилища и подрывающую плотину. Дамбы были разрушены, но обратно вернулась лишь около половины самолетов. Наводнение распространилось на протяжении восьмидесяти километров. К сожалению, немцы смогли достаточно быстро отремонтировать дамбы, и воздействие на промышленность оказалось кратковременным. Погибло почти две тысячи человек, больше половины из которых были рабами, угнанными в Германию, преимущественно из Советского Союза. Позднее эскадрилья много раз использовалась для выполнения других специальных задач, и с большим успехом, но многие летчики из обычных частей не хотели служить в ней, выбирая обычную службу, где только один летчик из десяти завершал полный тур вылетов. Но и это считалось ими лучшим выбором… Командир эскадрильи после пропагандистского тура по США вернется в часть и в 1944 г. погибнет во время боевого вылета, когда его самолет выработает горючее.

В начале войны англичанам срочно потребовались эффективные средства борьбы с немецкими авиаразведчиками, вне зон действия береговых истребителей наводившими на транспортные конвои авиацию и подводные лодки. До строительства нужного числа эскортных авианосцев выходом стали «катафайтеры» или «харрикэты» – истребители «Харрикейн», запускавшиеся с катапульт на торговых судах. Затем пилот должен был быть подобран из воды специальными судами. Несмотря на возмущение известного беллетриста Валентина Пикуля «варварством» англичан, в большинстве случаев пилоты катапультных «Харрикейнов» успешно отгоняли или сбивали немецкие самолеты и потом благополучно подбирались. Всего с августа 1941 по июль 1943 г. известно семь эпизодов применения катафайтеров (с одним или двумя самолетами), и только один пилот погиб – его парашют не раскрылся.

В пехоте тоже были примеры самопожертвования.

Роджер Янг до войны служил в национальной гвардии США. Он не отличался героическим телосложением, наоборот, был одним из самых маленьких солдат в армии – с ростом в 155 см и весом около 50 килограммов. В результате несчастного случая во время детского баскетбольного матча Янг имел слабое зрение и слух, носил очки с толстыми линзами, но дослужился до сержанта, думая, что не будет призван. Однако их часть призвали. Боясь, что из-за его слуха могут погибнуть подчиненные солдаты, перед отправкой он попросил понизить себя в звании до

рядового. Полковой врач, обследовав Янга, признал его практически здоровым, и тот пошел служить рядовым. 31 июля 1943 г. на Новой Джорджии взвод Янга был прижат к земле огнем японского пулемета. Янг пополз к пулемету, несмотря на неоднократные ранения и приказы остановиться. Уже смертельно раненный, он смог уничтожить вражеский расчет гранатой. Посмертно Роджер Янг был награжден медалью Почета. Поклонники Роберта Хайнлайна наверняка вспомнят космический транспорт «Роджер Янг» и песню со словами «К вящей славе Роджера Янга» из «Звездного десанта». Эта песня, «Баллада о Роджере Янге», была написана именно в честь этого героя. В послевоенное время в форте Беннинг, тренировочном лагере пехоты и воздушно-десантных войск, был введен курс ночной подготовки, также названный в честь Янга. Выпускник должен проползти сто метров по песку, грязи и воде под пулеметным огнем боевыми патронами, ведущимся на уровне груди или в последние годы – на уровне головы стоящего человека.

Позднее похожие случаи самопожертвования отмечались во время войн в Корее и Вьетнаме.

1945 год, Белтон Купер, «Смертельные ловушки»:

«Днем восьмого января при Вербомонте рота Ц получила семнадцать танков для распределения по частям – некоторые машины, подбитые прежде, вернулись из ремонта, некоторые прислал отдел снабжения армии взамен выбывших из строя. В наши задачи входило подготовить машины к бою и найти для них экипажи.

Из 33-го бронетанкового полка нам прислали семнадцать танкистов, имевших ограниченный боевой опыт – они сами лишь несколько дней тому назад прибыли на пополнение потерь. Из кадрового отдела – тридцать пять парней, лишь несколько часов тому назад сошедших в Антверпене с парохода и не получивших никакого инструктажа. Мы спросили, сколько из них прежде имело дело с танками, – оказалось, что никто. Большинство даже не видело танка вблизи. Мы выбрали тридцать четыре человека, и разбили на семнадцать пар. Каждая пара вместе с водителем составляла минимальный экипаж. Для всех провели краткий инструктаж на тему «что такое танк» и показали основные детали машины, пулемет и коробки со снарядами. Танки были уже заправлены, смазаны и готовы тронуться с места. Несколько механиков отогнали машины на край поля и, развернув башни в стороны, зарядили орудия бронебойными снарядами, чтобы не было осколков. Каждому танкисту дали произвести по три выстрела из башенного орудия (базовую подготовку проходили

все новички, так что с пулеметами они уже были знакомы). На дальнейшую подготовку, прежде чем посыльные из 33-го полка развели новичков по подразделениям, времени не оставалось. Было три часа дня. Когда около семи часов я приехал в расположение 33-го бронетанкового, то обнаружил, что из семнадцати машин пополнения – пятнадцать были подбиты на дороге и уничтожены. Узнать, сколько человек уцелело из экипажей и были ли выжившие вообще, я не смог. И подобной трагедии предстояло повторяться еще не раз».

Эта рота наступала по болоту…

Цитата из Дуайта Эйзенхауэра, «Крестовый поход в Европу»: «Перед участком фронта американских войск у Сен-Ло огромный район был подвергнут массированной бомбардировке нашей авиации. К сожалению, часть бомбардировщиков сбросила бомбовый груз на боевые порядки 9-й и 30-й дивизий; в числе убитых оказался генерал Макнейр».

Главнокомандующий сухопутными войсками США и предполагаемый глава 1-й группы армий генерал-лейтенант Лесли Макнейр стал наиболее высокопоставленным офицером армии США, убитым на поле боя. По иронии судьбы, он прибыл на передовую, чтобы не допустить повторения предыдущих случаев «дружественного огня». Утром 24 июля 1944 года в ходе операции «Кобра» 2250 самолетов должны были произвести один из самых массовых налетов в истории войны, буквально перепахав бомбами все на участке два с половиной на шесть километров. По воспоминаниям очевидцев, небо стало черным от самолетов, затмивших солнце. К несчастью, легкий южный ветер снес сигнальные дымы от предполагаемого места бомбардировки точно на изготовившиеся к атаке американские войска. Из-за сложной системы радиосвязи предупредить летчиков вовремя не успели. Спустя двадцать минут после начала бомбардировки она была отменена из-за ухудшившейся видимости, но за это время только в 30-й дивизии было убито 24 человека и ранено 128, атака пехоты сорвалась. Несмотря на все предосторожности, на следующий день ситуация повторилась. Наученные горьким опытом, пехотинцы при приближении бомбардировщиков «на всякий случай» поглубже спрятались в окопах и «лисьих норах». Но и это почти не помогло – не считая потерь 9-й дивизии, погибло 64 человека, 324 были ранены, пропало без вести (преимущественно похоронены заживо) 60 и 164 получили психические травмы. Среди погибших был и Макнейр, но его смерть еще много месяцев скрывалась, чтобы не дать противнику повода для злорадства. Применение стратегической авиации в тактических целях более не приветствовалось.

Спасение рядовых Райанов

5 января 1942 г. пять братьев Салливан из Ватерлоо, штат Айова, поступили на флот и, пройдя обучение, были зачислены на легкий крейсер «Джуно». Уже 13 ноября 1942 г., в первые минуты сражения при острове Саво, «Джуно» был торпедирован японским эсминцем и вышел из боя. В тот же день японская подводная лодка 1-26 выпустила три торпеды по соседнему крейсеру «Сан-Франциско», но промахнулась. Тем не менее одна из них попала в «Джуно» рядом с первой пробоиной. Взрыв боеприпаса разломил крейсер пополам, убив большую часть экипажа. Поскольку в районе действовали японские подводные лодки, а обломки крейсера затонули за считаные секунды, другие корабли не останавливались для поиска и спасения выживших. Такое поведение прямо предписывалось всем флотам после знаменитого потопления «Хога», «Кресси» и «Абукира», когда единственная немецкая подлодка после атаки первого крейсера последовательно торпедировала еще два, остановившихся подобрать плавающих моряков. Крейсер «Елена» отправил разведывательным B-17 радиограмму о координатах потопленного корабля и наличии выживших, но сообщение не достигло цели. Как оказалось впоследствии, примерно сто пятнадцать из семисот членов экипажа «Джуно» пережили взрыв. Через восемь дней спасатели подберут десять выживших. Остальные погибнут от истощения и нападений акул. Спасшиеся с «Джуно» сообщили, что из братьев Салливан Фрэнк, Джозеф и Мэдисон погибли при взрыве, Альберт умер на следующий день, а Джордж жил еще четыре или пять дней. По условиям секретности, о гибели кораблей публично не сообщалось. Только 12 января 1943 г. родители были извещены о смерти всех сыновей.

Братья Салливан стали национальными героями, в 1943 г. в их честь был назван новый эсминец, президент Рузвельт и папа Пий XII направили родителям письма с соболезнованиями.

В том сражении со стороны США погибло около двух тысяч моряков. Но знаменитыми стали только пятеро братьев, благодаря совпадению служившие вместе. После гибели Салливанов был принят закон, по которому, если один член семьи погибал на войне, его братья освобождались от военной службы. Этот закон повлиял на судьбу непосредственных прототипов братьев Райанов – братьев Ниланд (Niland). Их действительно было четверо, все они служили в американской армии и принимали участие в войне. Изначально братья служили

вместе, но после гибели братьев Салливан были распределены по разным подразделениям. Как сложилась их судьба?

1. Сержант Фредерик «Фриц» Ниланд (24 года) – 501-й полк 101-й воздушно-десантной дивизии. Был выброшен 6 июня на полуостров Котантен, приземлившись вдали от других солдат. После ряда приключений он вышел к своим, где капеллан Френсис Сэмпсон (Francis Sampson) сообщил ему о смерти трех (как тогда полагали) его братьев и организовал необходимую переписку по возвращении Ниланда к родным. Ниланд был отправлен обратно в Англию, а затем на родину, в США. Именно он и послужил прототипом рядового Райана. Интересно, что Фредерик Ниланд был близким другом Уоррена Мака (Warren Muck) и Дональда Маларки (Donald Malarkey) из 506-го полка той же дивизии. Их жизнь будет описана все теми же Спилбергом и Хэнксом в телесериале «Братья по оружию/Band of Brothers».

2. Техник-сержант Роберт Ниланд (25 лет) – командир взвода 505-го полка 82-й воздушно-десантной дивизии. Погиб 6 июня в бою у деревни Невиль-о-Плен (Neuville-au-Plain). Вместе с двумя другими добровольцами он вызвался прикрыть отход своего взвода и погиб у пулемета, сдерживая наступающих немцев (два других солдата выжили). Прототип Шона Райана, убитого 6 июня на участке «Омаха».

3. Второй лейтенант Престон Ниланд (29 лет) – служил в 22-м полку 4-й пехотной дивизии, принимал участие в высадке в Нормандии и погиб 7 июня 1944 г. недалеко от участка «Юта». Стал прототипом Питера Райана (убитого при высадке 6 июня на участке «Юта»).

4. Техник-сержант Эдвард Ниланд (31 год) – пилот. Его бомбардировщик B-25 был подбит в небе над Бирмой 16 мая 1944, и в течение долгого времени он считался пропавшим без вести и предположительно погибшим (missed in action and presumed killed). Но он выжил, и одиннадцать с половиной месяцев провел в японском лагере для военнопленных, после чего был освобожден британскими солдатами и вернулся домой. Прототип Дэниела Райана, убитого в Новой Гвинее за неделю до высадки в Нормандии.

В отличие от фильма мать Ниландов не была вдовой, не получала «похоронки» в один день, и самое главное, в жизни не было душещипательной отправки спецгруппы в вражеский тыл для поиска и спасения единственного сына.

«Убивать-насиловать!»

Притчей во языцех стали страшилки, часто со ссылкой на рассказы пострадавших родственников, о чудовищных преступлениях советских солдат, бегающих по захваченному городу с факелами в поисках беззащитных жертв.

Девятнадцатый век, век галантности. Во время кампании Веллингтона в Испании 6 апреля 1812 г. после долгой и очень упорной осады был взят Бадахос, один из ключевых пунктов обороны французов. Разозленные потерями (почти пять тысяч убитых и раненых) британские солдаты три дня грабили и жгли город. Значительная часть из более чем четырех тысяч убитых в Бадахосе была мирными жителями, за освобождение которых и сражались англичане. В наказание многие английские солдаты были выпороты, но никто не был повешен. Справедливости ради стоит отметить, что французская резня 1809 г. в Сарагосе стоила испанцам на порядок больше…

Вы скажете «это же было давно»? Но вот что пишет австралийский военный корреспондент Осмар Уайт о поведении американских войск в конце Второй мировой войны:

«Только после окончания боев, когда грабеж превратился в организованный криминальный рэкет, военное командование вмешалось и установило закон и порядок. До того солдаты брали что хотели, и немцам при этом приходилось несладко. Однако я видел немного случаев преднамеренной и злоумышленной жестокости. Солдаты считали, что они всего лишь восстанавливают справедливость и несут морально обоснованное возмездие той расе, которая угнетала Западную Европу на протяжении пяти лет. Покорность немцев никак не влияла на поведение победителей, а напротив, возбуждала гнев и презрение. Мне довелось видеть, как американские солдаты преднамеренно и планомерно громили немецкий дом в Эрфурте…

После того как боевые действия переместились на немецкую землю, солдатами фронтовых частей и теми, кто следовал непосредственно за ними, было совершено немало изнасилований. Количество их зависело от отношения к этому старших офицеров. В некоторых случаях личности нарушителей были установлены, они были отданы под суд и наказаны. Юристы держались скрытно, но признавали, что за жестокие и извращенные половые акты с немецкими женщинами некоторые солдаты были расстреляны (особенно в тех случаях, когда это были негры). Однако я знал, что многие женщины были

изнасилованы и белыми американцами. Никаких акций против преступников предпринято не было».

Английские власовцы

Одним из первых воинских формирований, сражавшимся на стороне противника, можно считать батальон святого Патрика, первоначально образованный в 1846 г. дезертирами из армии США, ирландцами по происхождению и католиками. Возможно, именно запреты соблюдать католические обряды и послужили причиной дезертирства, хотя точные мотивы остались невыясненными. В батальоне, кроме ирландцев и немцев, служили канадцы, англичане, французы, итальянцы, поляки, шотландцы, мексиканцы и швейцарцы, преимущественно католики. Также в батальоне были сбежавшие с рабовладельческого Юга США негры.

Костяк будущего батальона составил Иностранный легион (Legiyn de Extranjeros), впервые отметившийся при Пало Альто и Ресаса де ла Пальма. В то же время Джон Райли, ирландский артиллерист, во главе сорока восьми ирландцев управлял мексиканской артиллерией при осаде форта Техас. Батальон святого Патрика впервые сражался как отдельная часть (артиллерийская батарея) 21 сентября 1846 г. в битве при Монтеррее. Из-за рыжих волос и загорелых лиц мексиканцы называли солдат батальона «Лос Колорадос», позднее – «Сан Патрисиос». Джон Райли, возглавивший батальон, был опытным солдатом британской армии в Канаде, затем – армии США в Мичигане, незадолго до дезертирства выдвинутым на звание лейтенанта. В битве при Монтеррее батарея показала хорошую стрельбу, что, однако, не помешало мексиканцам капитулировать и оставить позиции. Батальон вырос до более чем семисот человек. Стрельба войск США по жителям, пытавшимся укрыться в католических церквях, способствовала росту дезертирства среди солдат-католиков, кроме того, ряды батальона пополняли католики непосредственно из Европы.

В битве при Буэна Виста «Сан Патрисиос» штыковой атакой перебили расчеты неприятельской батареи и захватили орудия. Захария Тейлор, командующий армией США, приказал эскадрону драгун «взять эту проклятую батарею», но эскадрон понес большие потери и был вынужден отступить. Позднее батальон святого Патрика прикрывал огнем отступление мексиканцев, выдержав дуэль с несколькими батареями. Многие ирландцы за их поведение в бою были награждены мексиканским правительством Военным крестом, другие получили земельные участки.

В битве при Чурубуско 20 августа 1847 г. войскам США

представилась возможность свести старые счеты – у мексиканцев уже не хватало боеприпасов. В то время как закаленные «Сан Патрисиос» упорно обороняли укрепления, в отличие от них мексиканские войска были всего лишь милицией, т. е. ополчением. Согласно рапорту мексиканского генерала Анайи, 35 «Сан Патрисиос» были убиты, 85 взяты в плен и еще около 85 смогли отступить с мексиканскими войсками, позднее к ним присоединились новые дезертиры. Уцелевшие солдаты были уволены с военной службы в 1848 г..

Пленные солдаты батальона были осуждены как дезертиры и предатели, к тому же виновники наибольших потерь, которые до сих пор несла армия США. Сорок восемь солдат были приговорены к повешению в нарушение тогдашних законов войны – вешать могли только шпионов и проявивших зверство к мирному населению (в чем солдат батальона святого Патрика обвинить не могли), дезертиров и перебежчиков к врагу полагалось расстреливать. Тридцать солдат, включая одного с ампутированными накануне ногами, были публично повешены перед строем во время битвы при Чапультепеке, 10 сентября 1947 г.

В США солдаты батальона святого Патрика традиционно считаются предателями, в Мексике – героями.

В двадцатом году получил известность Легион святого Георга, или Корпус свободных британцев, созданный Джоном Эмери.

Джон Эмери происходил из приличной английской семьи. Его отец Леопольд Стеннет Эмери был госсекретарем Индии и членом кабинета министров при консерваторах, а брат Джулиан – также министром. Закончив, как и отец, престижную лондонскую школу Хэрроу, Эмери-младший попытался выйти из-под родительской опеки и быстро завести собственное дело, но в 1936 г. обанкротился и уехал во Францию. Убежденный антикоммунист, он примкнул к национал-социалистам. Вместе с лидером французских фашистов Жаком Дорио Эмери посетил Австрию, Чехословакию, Италию и Германию, чтобы лично убедиться в воздействии фашизма на эти страны. Своей семье Эмери сообщил, что в 1936 г. поступил добровольцем к итальянским войскам, сражающимся в Испании на стороне Франко, и якобы получил медаль как офицер разведки. Хотя в действительности он впервые прибыл в Испанию только в 1939 г., когда война уже закончилась, и то всего лишь на несколько недель, слухи быстро разошлись и нужное Эмери впечатление было создано.

Эмери оставался во Франции до ее разгрома в 1940 г.

и создания правительства Виши. С вишистами он поссорился и безуспешно пытался уехать из страны. В сентябре 1942 г. капитан Вернер Плак наконец предоставил Эмери желанную возможность, и в октябре того же года они выехали в Берлин, где Эмери принял предложение создать британский антибольшевистский легион. Гитлер разрешил Эмери остаться в Германии как гостю рейха. В качестве ответной любезности Эмери выступил по радио с рядом пронемецких пропагандистских передач для английской аудитории.

В январе 1943 г. Эмери снова посетил Францию, где встретился с Дорио, членом Легиона французских добровольцев (Tegion des Volontaires Framais. LVF), вместе с немцами сражающихся на Восточном фронте. Эмери снова загорелся идеей создания британского аналога, который он первоначально назвал легионом Святого Георгия. Однако попытка набрать добровольцев в лагере военнопленных в Сен-Дени провалилась – из сорока или пятидесяти опрошенных согласились только четверо: Логио, Морис Таннер, Освальд Джоб и Кеннет Берри (юнга, попавший в плен в 1940 г. в возрасте всего 14 лет). Логио отказали по возрасту, Джоб был завербован немецкой разведкой, обучен, схвачен при попытке проникнуть в Англию и повешен в марте 1944 г. Из двух оставшихся только Берри на деле вступил в легион. Позднее к «ядру» легиона присоединились Томас Купер, Рой Курландер, Френсис МакЛарди, Эдвард Мартин, Алфред Минчин и Джон Уилсон.

Куперу, немцу по матери, в свое время по этой причине отказали в приеме в т. ч. британские ВВС и ВМФ. Купер вступил в Британский союз фашистов (БСФ) и оставался в нем до своего отъезда летом 1939 г. в Германию. Застигнутый началом войны, Купер вступил в войска СС и служил в различных подразделениях дивизии «Тотенкопф» («Мертвая голова»). В 1941 году, во время нападения Германии на СССР, он находился в Кракове и позднее хвастался перед сослуживцами по корпусу, что принимал участие в расстрелах поляков, советских военнопленных и евреев. Позднее он служил водителем грузовика в составе полицейской дивизии СС, сменившей испанскую «Голубую дивизию» на ленинградском фронте, в феврале 1943 г. был ранен в ноги, став единственным британцем, награжденным немецкой боевой наградой.

Рой «Per» Курландер, сын литовского еврея и англичанки, родился в Лондоне, служил в новозеландской армии и попал в плен в Греции в 1941 г. Курландер отличался крайними антирусскими взглядами и до вступления в КСБ принимал участие в нацистском радиовещании на Великобританию.

МакЛарди, бывший фармацевт и член БСФ из Ливерпуля, попал в плен в Бельгии в 1940 г.

Эдвард Бернард Мартин, рядовой канадской армии, попал в плен после разгрома Дьеппского десанта в 1942 г.

Алфред Вивиан Минчин был моряком торгового флота на судне «Empire Range», когда его потопили немецкие бомбардировщики на пути в Мурманск.

Рядовой (назвавшийся сержантом) Джон Уилсон, по всей вероятности, был принужден к вступлению в КСБ насильно.

Сотрудничество Эмери с корпусом закончилось в декабре 1943 г, когда в СС решили, что услуги Эмери им больше не нужны. Командиром легиона был назначен гауптштурмфюрер СС Ханс Вернер Ропке, выбранный за хорошее знание английского языка и административные навыки. Название «Легион Святого Георга» выглядело для него слишком религиозно, и Ропке заменил его на Корпус Свободных Британцев (British Free Corps, КСБ), т. к. Британским легионом уже называлась группа британских ветеранов Первой мировой войны. Официально корпус был создан 1 января 1944 г.

Всего через корпус в разное время прошло 39 человек. Некоторых из них шантажировали, других, как Эрика Плезантса и Джона Лейстера, привлекли доступом к лучшей, чем в плену, еде, выпивке и женщинам. Иногда, как у рядового Томаса Фримена, единственной целью вступить в корпус было саботировать его деятельность и попытаться сбежать. Несмотря на крохотный размер подразделения, СС продолжали работу с ним до апреля 1944 г, пытаясь довести численность корпуса хотя бы до тридцати человек, присоединить их к дивизии СС «Викинг» и отправить в бой. Фримен, стараясь предотвратить участие англичан в боях, послал письмо, подписанное еще четырнадцатью членами корпуса, преимущественно новичками, с просьбой отправить их обратно в лагеря военнопленных. Фримена и еще одного пленного 20 июня отправили в лагерь для штрафников в Норвегии, откуда в сентябре того же года Фримен бежал, перешел линию фронта с советскими войсками и был репатриирован на родину в марте 1945 года. Дисциплина в КСБ постоянно падала. Немцы долго и безуспешно пытались пристроить корпус к делу, но фактически им это так и не удалось вплоть до конца войны.

Эмери продолжил выступать по радио, пока в конце 1944 г. не был отправлен в Северную Италию для моральной поддержки республики Сало Муссолини. Там Эмери и был схвачен партизанами в конце войны и выдан англичанам. Эмери был обвинен в измене, хотя настаивал, что не сражался против британцев и был антикоммунистом, но не нацистом. Такой способ

защиты не удался, Эмери 28 ноября 1945 г. был приговорен к смерти и 19 декабря того же года повешен. Существуют конспирологические теории, что Эмери был казнен в назидание семье и другому высшему обществу, чтобы предотвратить повторение предательства в будущем.

2 мая Купер вместе с остатками корпуса сдался в плен американцам в районе Шверина. В конечном итоге британцами были арестованы 27 человек, в разное время служившие в КСБ или имевшие связи с ним. Эрик Плезанте оказался в советской оккупационной зоне, был арестован в начале 1946 г. по подозрению в шпионаже и провел семь лет в лагере в районе Воркуты. Купер и МакЛарди получили пожизненное заключение, но первый, умолчав о своем участии в карательных акциях, был освобожден уже в 1953 г. и жил на Дальнем Востоке, а срок МакЛарди был позднее сокращен до 15 лет. Курландер отсидел семь лет из 15. Фримен был успешно оправдан. Еще четверо участников КСБ получили от 10 до 25 лет тюрьмы, Берри как самый молодой – 9 месяцев.

Если Корпус свободных британцев был скорее курьезом (если не считать происхождения его организатора), то в Индийской национальной армии (ИНА) служило более сорока тысяч выходцев из Индии, взятых в плен и согласившихся воевать против англичан. Формальным лидером сначала был Мохан Сингх, потом Субхас Чандра Бос, видные индийские националисты. Только после падения Сингапура из сорока тысяч пленных индийцев тридцать тысяч вошли в состав ИНА. В 1943 году разведывательно-диверсионные отряды ИНА использовались для дестабилизации индийских частей в британской армии и пропаганды среди населения. В 1944 году части ИНА сражались при Манипуре, Импале и Кохиме, затем в Бирме, понеся тяжелые потери при превосходстве британцев в артиллерии и авиации. После войны многие участники ИНА были репатриированы в Индию, где частью осуждались за предательство, частью влились в движение за независимость.

Наиболее экзотической частью был Индийский легион из добровольцев-студентов, живших в то время в Германии, и пленных, захваченных в Северной Африке. Они по большей части использовались Вермахтом в небоевых операциях в Нидерландах и Франции по укреплению Атлантического вала, но некоторые были заброшены в восточный Иран для саботажа и подготовки восстания в Индии, другие, в основном офицеры, были переправлены в Бирму к ИНА.

Сравнительно небольшой, но популярной группой были пропагандисты, из которых наиболее знамениты «лорд Хау-Хау» и

«Токийская роза».

Как ни удивительно, первоначально «лорд Хау-Хау» было прозвищем лорда Кардигана, того самого, который возглавил вышеописанную атаку легкой бригады под Балаклавой. Во время Второй мировой войны радиокритик Джон Баррингтон из «Дэйли экспресс», комментируя выступление немецкого пропагандиста, сказал: «Он говорит на английском хау-хау». Кто именно был этим пропагандистом, осталось неизвестным.

Им мог быть Вольф Миттлер, немец, получивший британское образование и пародировавший произношение аристократов. Слушатели описывали его похожим на Берти Вустера. Ирония судьбы – именно автор «Дживса и Вустера» Пэлем Вудхаус во время войны из-за серии ради одиалогов, написанных в тюрьме и после его освобождения транслировавшихся на нейтральные в то время США, подозревался в сотрудничестве с нацистами и даже измене, часть библиотек отказались от его книг. Причем одним из наиболее яростных критиков Вудхауса был Алан Милн, автор «Винни-Пуха», а защищал его Джордж Оруэлл. Послевоенное расследование показало, что Вудхаус был наивным, но не предателем. Популярность передач Миттлера достигала более шести миллионов слушателей в Британии и Ирландии. Он пережил войну и работал на немецком телевидении.

Норман Бэйли-Стюарт был бывшим офицером, уволенным с лишением всех званий за продажу военных секретов Германии. Некоторое время в 1939 г. он работал на немецком радио и после войны отсидел пять лет в тюрьме, чудом избежав смертной казни. Бэйли-Стюарт действительно имел нужный акцент и заявлял, что был «лордом Хау-Хау», но позднее пришел к выводу, что Баррингтон скорее всего мог слышать голос Миттлера. После освобождения он жил в Ирландии под псевдонимом Джеймс Скотт.

Возможный, но наименее вероятный кандидат – Эдуард Дитце, ведущий англо-немецко-венгерского происхождения.

Миттлера сменил Уильям Джойс. Он родился в США и вырос в Ирландии. В молодости он доносил на членов ИРА британским войскам, хотя и был католиком. Позже он стал почетным членом Британского союза фашистов и в августе 1939 г. покинул Англию, узнав о своем предполагаемом интернировании. Он был основным немецким пропагандистом большую часть войны и принял немецкое гражданство. Джойс обладал специфическим акцентом, вероятно, из-за сломанного носа. После войны он был осужден за предательство и повешен 3 января 1946 года. Защита утверждала, что гражданин США и Германии не может предать Великобританию, но обвинение указало, что Джойс солгал о

своей национальности для получения британского паспорта и права голоса и, таким образом, присягнул королю.

В паре с Миттлером для австралийских и новозеландских войск в Северной Африке работала Милдред Гилларс, «Axis Sally» («Салли стран Оси»), уроженка США. Наиболее знаменитой ее передачей стала речь 11 мая 1944 г., накануне ожидавшейся высадки в Нормандии, где Гилларс имитировала беспокойство солдатской матери, представляющей ужасную гибель своего сына в Ла-Манше. В 1949 г. Гилларс получила от десяти до тридцати лет тюрьмы, в 1959-м получила право на досрочное освобождение, но вышла из тюрьмы только в 1961 г. При этом приговор для Гилларс, только читавшей чужие тексты, был еще сравнительно мягким по сравнению с другими пропагандистами, которые сами сочиняли их.

Генри Бест, американский репортер, с началом войны между США и Германией был арестован немцами, но позже нанят вместе с двумя дюжинами других американцев для ведения пропаганды. 26 июля 1943 г. Большое жюри заочно осудило его и других видных американских коллаборационистов (Джейн Андерсон, Дугласа Чандлера, Эдварда Делейни, Эзру Паунда) за предательство. В 1946 г. Бест был арестован в Австрии, в 1948 году приговорен к пожизненному заключению. В 1951-м Бест получил кровоизлияние в мозг и в следующем году умер в тюремном госпитале.

Дуглас Чандлер, американский журналист, переехал в Германию в 1931 г., во время войны также занимался пропагандой под именем «Пауль Ревере» и был осужден пожизненно.

«Токийской розой» союзники называли всех женщин-дикторов японского радио, говоривших на английском. Наиболее часто это прозвище ассоциировалось с Ивой Тогури д’Акуино, японо-американкой, родившейся в Лос-Анджелесе. Она долго отказывалась вести пропаганду и с риском для себя доставляла еду пленным, также намекая в передачах на сленге, что является другом американцев. После капитуляции Японии репортеры предложили две тысячи долларов за открытие личности «Токийской розы». Нуждаясь в деньгах, Тогури пришла и была арестована. Год спустя ее отпустили на свободу за отсутствием состава преступления. Ее брак распался, и малолетний сын умер. В 1948 г. ее снова арестовали «за поддержку японского правительства во время войны». В 1949 г. Тогури признали виновной по единственному из пунктов обвинения – «зачитывание списка потерянных кораблей», приговорили к штрафу в десять тысяч долларов и десяти годам тюрьмы. В

1956 г. она была освобождена досрочно. Двадцать лет спустя журналисты обнаружили, что ключевые свидетели обвинения были запуганы ФБР и оккупационной полицией, надлежащим образом проинструктированы и солгали под присягой. В январе 1977 г. президент Форд принес Тогури официальные извинения и восстановил ее гражданство. В 2006 г. комитет ветеранов Второй мировой наградил Тогури за «ее дух, любовь к стране и пример храбрости, который она давала своим друзьям американцам».

Также «Токийской розой» называли американку Рут Хаякаву, подменявшую Тогури по выходным, канадку Джун Суяму, «Соловья Нанкина» и Мертл Липтон, выступавшую по радио Манилы.

Выводы

Подвиг и пропаганда, рассказывающая о подвиге, – не всегда одно и то же.

Часто до сих пор невозможно установить точные обстоятельства того или иного события – как с атакой легкой кавалерии. Фанаты клича «Акела промахнулся!» могут годами спорить, точно ли Гастелло совершил огненный таран, был ли другой выходу «Варяга», что думал Матросов или сколько самолетов сбил в последнем бою Горовец, но никакие последующие наслоения уже не отменят их подвига. Как и в случае с Келли, Флемингом или братьями Салливан. А в ряде случаев вообще невозможно понять, чего было больше – подвига или предательства.

Критические обстоятельства требуют критических мер.

Любители трагическим тоном вещать о винтовке на троих и страшных заградотрядах – что вы скажете о пилотах Гендерсона и Роджере Янге?

У каждой страны есть свои герои и предатели.

Рая на земле пока не создано, чрезмерное увлечение положительными или негативными чертами какой-либо одной страны без сравнения с действиями других стран в то же время и в тех же обстоятельствах неизбежно приводит к созданию фантома вместо реальности. Гораздо проще и приятнее тешить себя сладкими или мрачными фантазиями по выбору, но рано или поздно суровая действительность проявит себя уже в настоящем. Наши предки своими жертвами обеспечили лучшее будущее нам, а что сможем оставить в наследство мы?

Использованная литература:

http://www.historyhome.co.uk/forpol/crimea/people/ cardigan.htm *Брикхилл.* Затопить Германию!

Гибсон. Впереди – вражеский берег.

Тарле. Крымская война.

Уайт. Глазами военного корреспондента. http:// www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html *Франклин Рузвельт.* Беседы у камина. Издательство: ИТРК, 2003 г.

http://www.history.navy.mil/faqs/faq72-2.htm. http:// tarkhil.liveiournal.com/4638.html “Saving Private Ryan” a real-life drama
http://www.buffalo.edu/ubreporter/archives/vol30/vol30n2/n3.html
http://www.ancestry.com/learn/library/ article.aspx?article= 1366
http://www.buffalo.edu/ubreporter/archives/vol30/ vol30n2/n3.html
http://www.ancestry.com/learn/library/ article.aspx?article= 1366

Примечания

1

Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 3 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. – М., 2004. С. 89.

2

Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 8 сентября 1939 г. // Там же. С. 94.

3

Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 5 сентября 1939 г. // Там же. С. 90.

4

Дневник генерального секретаря ИККИ Г.М. Димитрова // Материалы сайта http://bdsa.ru.

5

Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. – М., 1999. С. 193.

6

Зефиров М.В. Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе: Эстония. Латвия. Финляндия. – М., 2003. С. 162.

7

Барышников В.Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны» // Материалы сайта http://www. history. pu.ru.

8

Барышников В.Н. К вопросу о германской военно – политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны» // Материалы сайта http://www. history. pu.ru.

9

Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 10 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР– Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 95–96.

10

Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Там же. С. 101.

11

Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 16 сентября 1939 г. // Там же. С. 103.

12

Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 14 сентября 1939 г. // Там же. С. 98

13

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М., 2001. С. 251.

14

Там же.

15

ПрибылоеВ.И. «Захват» или «воссоединение». Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г. // Материалы сайта http:// katynbooks. narod. ru.

16

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 251.

17

Там же.

18

Там же. С. 252.

19

Котельников В. Авиация в советско– польском конфликте // Материалы сайта http://www.airwiki.or.

20

Побережец С. Германо-польская война 1939 г. // Материалы сайта http:/ /wartime.narod.ru.

21

Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 266.

22

Там же. С. 261.

23

Прибылое В.И. Указ. соч.

24

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 291.

25

Гальдер Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939–1941. – М., 2007. С. 55.

26

Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 100–101.

27

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 325–328.

28

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. – М., 1991. С. 204.

29

Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 года послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР// Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 107.

30

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 354.

31

Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002. С. 152.

32

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 355.

33

Там же. С. 356.

34

Приказ № 005 Военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября // Катынь. Пленники необъявленной войны (материалы сайта http://katynbooks.narod.ru).

35

Директива № 16633 наркома обороны К.Е. Ворошилова и начальника генштаба РККА Б.М. Шапошникова Военному совету Белорусского особого военного округа о начале наступления против Польши // Там же.

36

Свищев В.Н. Начало Великой Отечественной войны. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. 2003. С. 194.

37

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 372–380.

38

Прибылое В.И. Указ. соч.

39

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. Документы, факты, суждения. – М., 2008. С. 96.

40

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 363.

41

Борьба против польской оккупации на Западной Украине 1921–1939 гг. // Материалы сайта http://www.hrono.ru; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 307.

42

Доклад заместителя народного комиссара обороны СССР командарма 1 – го ранга Г.И. Кулика о боевых действиях частей и соединений Красной Армии на территории Западной Украины и политическом и экономическом положении в этом регионе // Катынь. Пленники необъявленной войны.

43

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 367.

44

Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о результатах операции по выселению осадников и лесной стражи из западных областей Украины и Белоруссии // Лубянка. Сталин и НКДЦ-НКГБГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2006. С. 142.

45

Доклад дрогобычской областной тройки НКВД УССР наркому УССР И.А. Серову об итогах операции по выселению членов семей осадников и лесников //Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005. С. 126.

46

Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 17 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР– Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 104.

47

Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. – М., 2001. С. 107.

48

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 320–321.

49

Гальдер Ф. Указ. соч. С. 58.

50

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 329–331.

51

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 337.

52

Там же. С. 338.

53

Там же. С. 340.

54

Там же. С. 360.

55

Докладная записка сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В.Н. Павлова народному комиссару иностранных дел СССР

В.М. Молотову // Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы (материалы сайта http://katynbooks.narod.ru).

56

Секретный дополнительный протокол к германо – советскому договору о дружбе и границе между СССР и Германией // Катынь. Пленники необъявленной войны.

57

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 336.

58

Гудериан Г. Воспоминания солдата. – М., 2004. С. 113.

59

Вишлев О.В. Указ. соч. С. 109.

60

Подборку фото и видеоматериалов о событиях в Бресте см. на http:// gezesh.livejournal.com/25630.html.

61

9 мая 2006 г. экипаж эсминца ВМФ США «Джон Маккейн» участвовал в Параде Победы во Владивостоке вместе с российскими моряками.

62

«Политическое образование». 1988, № 9. С. 74–75.

63

Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС 24–25 февраля 1956 г. *(ХрущевН.С.* О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // «Известия ЦК КПСС», 1989 г., № 3)

64

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ПИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

65

Медведев Р. Был ли кризис в руководстве страной в июне 1941

года? // «Государственная служба», 3 (35), май – июнь 2005.

66

Соколов А.К., Тяжельников В.С. Курс советской истории, 1941–1991. Учебное пособие. – М.: Высш. шк., 1999. 415 с.

67

Медведев Р. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны// Новая и новейшая история, № 2, 2002; Был ли кризис в руководстве страной в июне 1941 года? // «Государственная служба», 3 (35), май – июнь 2005; *Пыхалов И.* Великая Оболганная война. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 284–303; *Куртуков И.* Бегство Сталина на дачу в июне 1941 г.

68

Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М., 2002. С. 222–469 (АПРФ.Ф. 45. On. 1.В. 412. Л. 153–190, Л. 1—76; Д. 414. Л. 5—12; л. 12–85 об.; Д. 415. Л. 1—83 об.; Л. 84–96 об.; Д. 116. Л. 12 — 104; Д. 417. Л. 1–2 об.).

69

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

70

Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

71

Ibid.

72

Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. – М.: Олма-Пресс, 2000.

73

Горьков ЮЛ. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М., 2002. С. 222–469 (АПРФ.Ф. 45. On. 1. В. 412. Л. 153–190. Л. 1—76; Д. 414. Л. 5 —12; Л. 12–85 об.; Д. 415. Л. 1—83 об.; л. 84–96 об.; Д. 116. Л. 12 —104; Д. 417. л. 1–2 об.).

74

Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

75

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2002. С. 287.

76

1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

77

Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

78

Ibid.

79

1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

80

Речь идет о 29 июня, так как обсуждается роман Чаковского, в котором описан этот визит.

81

Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2000.

С. 60–61.

82

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

83

Куртуков И. Бегство Сталина на дачу в июне 1941 г…

84

Ibid.

85

Ibid.

86

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. – М.: МФ «Демократия», 1999. С. 76 (АП РФ.Ф. 3. Оп. 24. Д. 463, Л. 164–172. Автограф. Опубликовано: «Источник», 1994, № 4).

87

1941 год. т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

88

СтаднюкИ.Ф. Исповедь сталиниста. – М., 1993. С. 364.

89

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.

90

Ibid.

91

Раньше (в 1937 г., например) в пятерку входили Каганович с Микояном, но к началу войны их заменили Маленков с Берией.

92

1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

93

Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

94

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

95

1941 год. т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

96

Ермолов И.Е. Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто Брянский лес». – Орел, 1999; *Ермолов И. F., Дробязко С.И.* Анти-партизанская республика. – М., 2001; *Веревкин С.* Вторая мировая война: Вырванные страницы. – М., 2004; *Ерибков И.В.* Хозяин брянских лесов: Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. – М., 2008.

97

Армстронг Дж. Партизанская война: Стратегия и тактика, 1941–1943 / Пер. с англ. О.А. Федяева. – М., 2007. С. 87.

98

РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

99

Там же.

100

Армстронг Дж. Партизанская война. С. 87.

101

Чу ев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. – СПб., 2003. Кн. 2. С. 33–34; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. – М., 2002. С. 261–262.

102

Альтман ИЛ. Жертвы ненависти. С. 262–263.

103

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 221; Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 2. On. 1. Д. 7. Л. 205.

104

Там же. С. 412–413; Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 1. On. 1. Д. 30. Л. 345об.

105

Там же. С. 221; Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 2. On. 1. Д. 7. Л. 205.

106

Армстронг Дж. Партизанская война. С. 146.

107

РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

108

Армстронг Дж. Партизанская война. С. 87.

109

Dallin A. The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection // Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B. I. Nikolaevsky – Bloomington: Indiana University Press, 1972. P. 244.

110

Чу ев С.Г. Проклятые солдаты: Предатели на стороне III рейха. – М., 2004. С. 109.

111

Ермолов И. Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика. – М., 2001. (Здесь и далее цитируется по электронной версии, размещенной на сайте rona.org.ru).

112

Там же.

113

Там же.

114

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 247–248. О должности А. Босси-Федриготти см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов (далее – ОГБ). – М., 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 544, 547.

115

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта: Миф о «Локотской альтернативе» // Родина. 2006. № 10. С. 91; ЦАФСБ.Д. Н-18757.

116

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 248.

117

Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. Варшава; Москва, 2007. С. 1204; ЦА ФСБ.Д. Н-18757. Д. 6. Л. 198–217.

118

Фотография листовки опубликована в книге И. Грибкова «Хозяин брянских лесов».

119

РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

120

Русский архив: Великая Отечественная (Далее – РАВО). – М., 1999. Т. 20 (9). С. 109; ЦАМО.Ф. 32. Оп. 11309. Д. 137. Л. 425–433.

121

РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 2–4; Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М., 2003. С. 311.

122

См., напр.: *Грибков И.В.* Хозяин брянских лесов. С. 21.

123

Сабуров А.Н. Отвоеванная весна. – М., 1968. Кн. 2. С. 15.

124

Ляпунов Н.И. В ночь под Рождество // Партизаны Брянщины: Сборник рассказов бывших партизан. – Брянск, 1959. Т. 1. С. 419–421.

125

ОГБ.Т. 2. Кн. 2. С. 222.

126

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 89; ЦАФСБ.Д. Н-18757.

127

Там же. С. 92.

128

Там же.

129

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 249–250.

130

Грибков И. В. Хозяин брянских лесов. С. 33.

131

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 255.

132

Ibid. P. 250.

133

Тонька-пулеметчица (http://www. renascentia.ru/tonka. htm).

134

ОГБ.Т. 3. Кн. 1.С. 139.

135

Там же. С. 139–140.

136

ОГБ.Т. 3. Кн. 1. С. 266.

137

Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. – М., 2001. С. 127.

138

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 251.

139

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 89; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.

140

Фотография листовки опубликована в книге И. Грибкова «Хозяин брянских лесов».

141
ОГБ.Т. 3. Кн. 1.С. 285.
142
Армстронг Дж. Партизанская война. С. 133.
143
Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 92; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.
144
Партизаны Брянщины. – Брянск, 196. С. 41–42; *Грибков КВ.* Хозяин брянских лесов. С. 36–37.
145
Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 90; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.
146
Там же. С. 91.
147
Там же.
148
ГАРФ.Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 423. Л. 561—561об.
149
Там же. Л. 567.
150
ГАРФ.Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 423. Л. 543—543об.
151
Там же. Л. 564.
152
Там же. Л. 488—488об.
153
Там же. Л. 517.
154
Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 93; ЦАФСБ.Д. Н-18757.
155
Чуев С.Г. Проклятые солдаты. С. 127.
156
Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 250–251.
157
Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 252.
158
Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 89; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.
159
Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 250–251.
160

Дунаев Ф. Не марайте подвиг: Открытое письмо «диссертанту» (http:// www.admin.debryansk.ru/region/histoiy/ guerilla/ pril3_collaboration. php).

161

Варшавское восстание 1944. С. 1196; ЦА ФСБ.Д. Н-18757. Д. 6. Л. 198–217.

162

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 90; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.

163

Там же. С. 93.

164

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 92–93; ЦАФСБ.Д. Н-18757.

165

Тонька-пулеметчица (http://www.renascentia.ru/tonka.htm).

166

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 259.

167

Ермолов И. Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика. – М., 2001.

168

Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. С. 234; РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1.Д. 909. Л. 140–148.

169

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 254.

170

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 91; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.

171

«Огненная дуга». С. 244; ЦА ФСБ.Ф. 3. Оп. 30. Д. 16. Л. 94—104.

172

Ермолов И. Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика. – М., 2001.

173

Ермолов И. Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика.

174

Там же.

175

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 255.

176

Ibid.

177

Чуев СТ. Проклятые солдаты. С. 122.

178

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 255–256.

179

Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, 1941–1944 гг. – М., 1968. С. 246–247.

180

Там же. С. 254–259.

181

Ермолов И. Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика.

182

Ермолов И. Г., Дробязко С.И. Антипартизанская республика.

183

Там же.

184

«Огненная дуга». С. 245; ЦА ФСБ.Ф. 3. Оп. 30. Д. 16. Л. 94—104.

185

Партизанское движение. С. 207.

186

Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 387.

187

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 94; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.

188

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 94; ЦАФСБ.Д.Н-18757.

189

Матчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. – Смоленск: Русич, 1998. С. 332.

190

Бруно Винцер. Солдат трех армий. – М.: Прогресс, 1973. С. 75–76.

191

Подробнее о взаимодействии нацистской партии с другими политическими силами Веймарской республики см.: *Галкин А.* Германский фашизм. 2-е изд. – М.: Наука, 1989.

192

Галкин А. Германский фашизм. 2-е изд. – М.: Наука, 1989. С. 125–126.

193

Здесь и далее цитаты из «Утерянных побед» идут без указания на источник.

194

Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М.: Вече, 2001. С. 269, 320–323.

195

Подробнее об этом эпизоде см.: *Салкелд Одри.* Триумф и воля. – М.: Эксмо, 2003. С. 330–331.

196

Проэктор Д. Война в Европе. 1939–1941 гг. – М.: Воениздат, 1963. С. 186–187.

197

Проэктор Д. Война в Европе. 1939–1941 гг. С. 214–215. Со ссылкой на: *Fall Gelb.* Der Kampf um den deutschen Operationsplan zur Westoffensive 1940. Von Hans-AdolfJakobsen. Wiesbaden, 1957. S. 26, 40, 275.

198

Проэктор Д. Война в Европе. 1939–1941 гг. С. 218.

199

Там же.

200

Erich von Manstein. Soldat im 20. Jahrhundet. Militärisch-politische Nachlese. Herausgegeben von Rudiger von Manstein und Theodor Fuchs. Bernard & Graefe Verlag, Bonn, 1997. S. 140.

201

Erich von Manstein. Указ. соч. С. 187, со ссылкой на Г.-А. Якобсена.

202

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. – М.: Воениздат, 1958. С. 51.

203

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. – М.: АСТ, 2005. С. 503.

Следует отметить, что в докладе об этом бое указано гораздо более скромное число пленных – 37 человек; позднее Лелюшенко докладывал, что всего за месяц боев корпусом было взято 53 пленных.

204

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005. С. 503.

205

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. – М.: Воениздат, 1957. С. 32.

206

Кринов Ю.С. Лужский рубеж, год 1941-й. – Л.: Лениздат, 1987.

207

Во всяком случае, первые потери этой дивизии после перерыва (29 убитых и пропавших без вести и 59 раненых) в документах корпуса датируются именно 15 июля.

208

Автор приносит огромную благодарность Р.И. Ларинцеву, предоставившему данные о потерях 56-го моторизованного корпуса в июле 1941 г. по немецким документам.

209

БатовП.И. Перекоп, 1941. – Симферополь: «Крым», 1970. С. 31.

210

Морозов М. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 65.

211

Героическая оборона Севастополя. 1941–1942. – М.: Воениздат, 1969. С. 61. Всего в оборонявших Севастополь войсках на этот момент насчитывалось 55 тысяч человек, из них 23 тысячи в боевом составе и 4 тысячи – в артиллерийских частях. Часто приводимая цифра 18–19 тысяч имеет в виду лишь боевой состав отошедших в Севастополь частей Приморской армии. См. также: *Ванеев Г.И.* Севастополь, 1941–1942. Хроника героической обороны. Книга 1. – Киев: Украина, 1995. С. 75–76.

212

Русский перевод: «Восточный фронт. Война на море, 1941–1945».

213

Бок Ф. фон. Дневники. 1939–1945. – Смоленск: Русич, 2006. С. 450.

214

Бок Ф. фон. Указ. соч. С. 466.

215

Бок Ф. фон. Указ. соч. С. 472–473.

216

Там же. С. 473.

217

Thomas L. Jentz. Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Forses. 1933–1942. Shiffer Military History, Atglen PA, 1996. P. 224–228.

218

28, 50, 132, 170, 46, 4-я горная немецкие, 19-я и 1-я горная румынские.

219

Абрамов В. Керченская катастрофа. 1942. – М.: Яуза, Эксмо,

2006. С. 81–83.

220

Из акта Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи (документ СССР-63). Публикуется по изданию: Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. Том 5. – М.: Юридическая литература, 1991.

221

Гольденберг М. К вопросу о числе жертв среди мирного населения Крыма в период нацистской оккупации 1941–1944 гг. // Холокост и современность, 2002, № 3 (9). С. 4–5.

222

Erich von Manstein. Soldat im 20. Jahrhundert. S. 196–197.

223

Ibid. S. 197.

224

ГААРК, ф. П-156 (Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны). Оп. 1. Д. 24. Л. 1. Документ опубликован симферопольским историком М. Тяглым.

225

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Том I. – М.: Гос. изд-во юридической литературы. С. 668–688.

226

Гольденберг М. К вопросу о числе жертв среди мирного населения Крыма в период нацистской оккупации 1941–1944 гг. // Холокост и современность, 2002, № 3 (9). С. 4.

227

Маношин И.С. Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя 29 июня – 12 июля 1942 г. Симферополь: Таврида, 2001. С. 189–193. Приведенные здесь и далее фрагменты воспоминаний взяты из фондов севастопольского музея Черноморского флота.

228

Erich von Manstein. Soldat im 20. Jahrhundert. S. 293.

229

Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал, 1992, № 4.

230

«Леве» (быв. норвежский «Гиллер») спущен на воду в июле 1938 г. В апреле 1940 г. захвачен при оккупации страны немцами и включен в состав кригсмарине. С декабря 1940 г. до начала 1945 г. выполнял роль торпедолова в 27-й (учебной) флотилии подводных лодок (Готенхафен).

ТТЭ: Водоизмещение стандартное – 597 т; скорость – 30 узлов; вооружение: 3 – 102-мм, 1 – 40-мм, два 2-трубных

торпедных аппарата (к моменту описываемых событий несколько отличалось, так, например, была снята 102-мм пушка на баке).

231

Крейсер, серьезно поврежденный в «новогоднем бою» 31. 12. 1942 г., находился на консервации в Кенигсберге вплоть до осени 1944 г. В связи с острой необходимостью в крупных артиллерийских кораблях для поддержки приморского фланга сухопутных войск на Балтике в конце 1944 г. было принято решение о проведении полного ремонта старых повреждений в Готенхафене. Не успел корабль сдать на берег боеприпасы и легкое зенитное вооружение, как приближение фронта вынудило руководство кригсмарине отдать приказ о переводе «Хиппера» в Киль. Крейсер, имевший на борту 1500 беженцев, вышел из порта во второй половине 30 января и должен был двигаться все тем же фарватером № 58. Как знать, если бы Маринеско упустил «Густлоф», спустя час ему могло посчастливиться торпедировать «Хиппер»?

232

Кроме обычной, верхней прогулочной палубы «Густлоф» обладал еще и нижней закрытой (застекленной), которая представляла собой коридор, тянувшийся вдоль обоих бортов от уровня мостика до кормы.

233

В качестве основного зарубежного источника для написания статьи использована книга спасшегося пассажирского помощника капитана лайнера Гейнца Шена (в 1945 г. ему было неполных 19 лет) «Die «Gustloff» Katastrophe», вышедшая в 1995 г. Несмотря на обилие фактического материала и обширные приложения, книга, к сожалению, содержит в себе определенные неточности и взаимоисключающие моменты, которые в настоящей статье исправлены без комментариев на основании других источников, а также собственных расчетов автора.

234

Всеми девятью принимавшими участие в спасательной операции кораблями поднято из воды 1252 человека, из которых осталось в живых 1216.

235

Последние исследования свидетельствуют, что «Густлоф» может претендовать лишь на третье место в этом скорбном списке. Вся «тройка призеров» досталась на долю Германии. Первую позицию занимает бывший норвежский теплоход «Гойя» (5230 брт), потопленный 16.04.1945 г. советской ПЛ «Л-3» (капитан 3-го ранга В.К. Коновалов) и унесший с собой на дно 7000 (плюс-минус 100) беженцев, вторую – лайнер «Кап Аркона»

(27. 571 брт), расстрелянный в Кильской бухте 3.05.1945 г. ракетами британских истребителей-бомбардировщиков «Тайфун». Потери на его борту составили 5594 человека, в подавляющем большинстве узников концлагерей. Четвертым, по всей вероятности, идет советский теплоход «Армения», затонувший 7.11.1941 г. южнее Ялты после попадания торпеды с германского самолета. Судно, продержавшееся на воде четыре минуты, стало последним приютом примерно для 5000 раненых и беженцев. Спасено было всего восемь человек.

236

В 1944 г., по данным управления вооружений Вермахта, 127 дрезденских предприятий поставляли продукцию для военных нужд.

237

Historical Analysis of the 14–15 Feb. 1945 Bombing of Dresden. Prepared by: USAF Historical Division, Research Studies Institute, Air University.

238

Op. cit.

239

Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война.

240

Имеются в виду фарфоровые фигурки, которыми славилась мануфактура во Фрайтале близ Дрездена.

241

ЦАМО РФ, Ф. 201.0п. 392. Д. 7. Л. 225.